

КИР БУЛЫЧЕВ

•
ЗЕРКАЛО ЗЛА

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1996

КИР
БУЛЫЧЕВ

ЗЕРКАЛО ЗЛА

+

РОМАН

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
Б90

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

Художник А.М. Еремин

© К. Булычев, 1996

Художественное оформление серии

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1996

ISBN 5-218-00063-9

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

ЗЕРКАЛО ЗЛА

РОМАН

Глава 1

ТАЛИСМАНЫ ИМПЕРИИ

Так как визит второго министра империи Эпидавр и сопровождающего его Лица был совершен втайне, средства массовой информации о прибытии на Землю высоких гостей не сообщали, встреча с ними для Кора была полной неожиданностью.

В тот момент Кора как раз свалилась с доски, на которой неслась, балансируя на сверкающем под утренним солнцем откосе океанского вала, накатывавшегося на австралийский пляж неподалеку от города Дарвин. Чуть-чуть качнувшись, Кора потеряла равновесие, доска ушла вбок, волна догнала ее пенистым гребнем, подмяла, закрутила, понесла в смеси соленой воды и мелкого песка, и в этот момент в ухе прозвучал голос ее шефа, комиссара Милодара:

— Третий, немедленно на связь!

Будучи агентом дисциплинированным и исполнительным, Кора тут же ответила.

— Слушаюсь, шеф!

Но вместо ответа комиссар услышал лишь бульканье, шум воды, вливающейся в легкие Кора и страшно смутился, потому что в тот момент второй министр и сопровождающее его инкогнито, именуемое Лицом, внимательно слушали, как комиссар вышел на связь с агентом, и могли подумать то, что подумал Милодар: Кора Орват проводит время в веселой, легкомысленной компании и вместо ответа вливает в себя кружку пива или даже бутылку вина.

А Кора, естественно, захлебнулась и даже чуть было не потеряла сознание.

Волна продолжала крутить безвольное тело, а вода вливалась в горло девушки. Ошеломленные посланцы Эпидавра замерли с приоткрытыми ртами, потому что не подозревали, что могут существовать гуманоиды, способные столько выпить за один раз.

— Уволю! — закричал Милодар, забыв, что должен оберегать честь своей фирмы. Но и его терпению мог наступить предел. — Этим все они кончают!

— Простите? — спросило Лицо.

— Все они спиваются, становятся наркоманами — нервы, нервишки! Всех заменю роботами!

И как бы в ответ на эту вспышку гнева, звуки поглощения влаги прервались.

— Ну вот и слава Богу, — сказал тогда Милодар с отращением, — напилась.

— Вы нам отыщете другого агента? — спросил деловой второй министр.

— Разумеется. И куда лучше, чем эта Кора Орват!

Милодар был расстроен. Всегда наступает момент разочарования. Он давно ждал этого момента: разочарования в агенте Коре Орват, лучшем полевом сотруднике ИнтерГпола. Не может так быть — несколько лет сплошных достижений! Тут кто угодно с катушек слетит... Но может быть, я суров к ней?

С этой мыслью Милодар включил картотеку. Веселые, холодные, грустные, мягкие, жестокие лица агентов мелькали на экране, и комиссар одними губами повторял:

— Не пойдет, не пойдет... не пойдет. — Это были славные разведчики, проходимцы, игроки, убийцы, идеалисты, грабители приютов — кто только не попадает в Галактическую полицию, призванную негласно поддерживать порядок на протяжении сотен парсеков! Но второй Коры среди них не было.

Комиссар заметно загрустил.

Его можно было понять. Он и сам переживал нелегкий период в жизни, потому что разводился с Джульеттой. Зачем она так сделала... Зачем?

Милодар незаметно для себя углубился в печальные семейные проблемы и, глядя на экран, на лица своих сотрудников, вместо них видел лицо Джульетты.

Посланцы Эпидавра хранили гордое и обиженное молчание. Прием, оказанный столь высоким лицам,

оказался ниже всяческих ожиданий, и, если бы не крайняя нужда, они бы в прямом смысле хлопнули дверью.

Разумеется, никто в том кабинете уже не думал о судьбе Кору, чуть не погибшей из-за несвоевременного вызова.

Кора осталась жива, потому что у самой кромки воды, там, куда достигали изможденные от борьбы с берегом языки волн, сидел кот Колокольчик, верный друг и любимое животное Кору Орват. От прочих котов Колокольчик отличался не только верностью хозяйке и чрезвычайным умом, но и несвойственной котам безрассудной храбростью.

Колокольчик не выносил, когда Кора каталась на волнах, поминутно рискуя жизнью, но еще более не выносил ситуаций, когда не мог ей толком помочь. Даже кот ростом с ньюфаундленда не может плавать так, как ему бы хотелось — лапы кота приспособлены для сухопутной жизни.

И тем не менее, судорожно зевнув, что выдавало крайнее волнение, Колокольчик издал боевой вопль, который заставил встрепетаться всех купальщиков и катальщиков на досках и даже разбудил спасателя Джека Макдональда. Издав вопль, котик кинулся к воде и в мгновение ока был ею поглощен.

Тут надо отдать должное спасателю Джеку Макдональду, который, отбросив сон, как фантик от конфетки, в два прыжка оказался у океана. Увидев же движение спасателя и сообразив, что утонула самая популярная среди мужского населения этого пляжа девушка Кора, еще сорок мужчин кинулись в громадные волны...

Через три минуты громадный вал вынес на песок бездыханную Кору, бездыханного котика, оглушенного спасателя и большинство молодых людей. Начался громкий спор, откачивать ли Кору здесь или отвезти в больницу в Дарвин, но, к счастью, поблизости оказалась медсестра Таня Найтингейл — далекая родственница и наследница той самой Найтингейл. Таня умело сделала искусственное дыхание сначала Коре, потом коту и наконец Джеку Макдональду.

Пока она занималась этим, уговаривая остальных спасателей не толпиться и не перекрывать воздух, она услышала, как вживленный в ухо Кору динамик раз-

мером в маковую росинку попискивает человеческим голосом.

— Ты уволена за моральное разложение! Ты слышишь или даже слушать не желаешь?

Таня Найтингейл убедилась, что ее пациентка будет жить, наклонилась к ее уху и прошептала:

— Какой идиот мешает мне работать?

Эти слова прозвучали в кабинете Милодара как гром.

— Что? — спросил Милодар.

Ответа не последовало, потому что Таня уже откачивала котика. Но голос Найтингейл помог Милодару сделать вывод:

— Это не она. Это другая.

— А что это означает? — спросило Лицо.

— А это означает, что ей откусили ухо, — ответил Милодар, не вдаваясь в подробности. — Так перепились, что откусили ухо. Теперь ждите.

— Чего ждать? — спросил второй министр империи.

— Все, кому не лень, будут в это ухо говорить, — пояснил Милодар и стал ждать.

Хотя в глубине души он надеялся, что вся эта история найдет разумное объяснение. И уши Кору — на месте.

К счастью, в ту минуту Милодару и гостям принесли поднос с чайником и бутербродами с красной и черной икрой. А так как нигде во Вселенной красной и черной икры нет, то гости на время забыли о скандале, которому были свидетелями.

Гости ели по третьему бутерброду, Милодар печалился, что они уничтожили всю месячную норму гостевых продуктов, когда раздался звонок из Австралии.

На экране появилось лицо Кору.

— Я вас слушаю, комиссар, — произнесла она слабым голосом, стараясь не смотреть на обеденный стол, потому что ее мутило от вида пищи.

Кора была бледна, щеки ввалились, волосы еще не успели высохнуть.

— Песок со щеки стряхни, — сказал комиссар.

— Вы меня вызывали? — спросила Кора и, качнувшись, ушла из кадра.

Гости из Эпидавра согласно кивнули головами, усмотрев в этом алкогольную интоксикацию организма

молодой женщины, но опытный взгляд Милодара увидел совсем иное: с Корой что-то случилось.

Об этом и спросил.

Вернувшись на экран, Кора почему-то покраснела, но так как существует правило: агент обязан говорить начальнику правду и только правду, Кора ответила:

— Я утонула.

— Этого еще не хватало! — с облегчением вздохнул Милодар: ему не придется увольнять Кору за моральное разложение. — Почему тебя потянуло тонуть?

— Я на ваш вызов ответила, но в тот момент была...

— Под водой, — догадался Милодар. — Но тебя спасли.

— Спасли.

— А Колокольчик не утонул?

Колокольчика Милодар недолюбливал и все надеялся, что тот попадет под машину или погибнет в драке с большим псом. Но Колокольчик себя берег.

— Его тоже откачали, — сказала Кора.

— Отлично, — сказал Милодар. — Теперь слушай меня внимательно. Ты в Австралии?

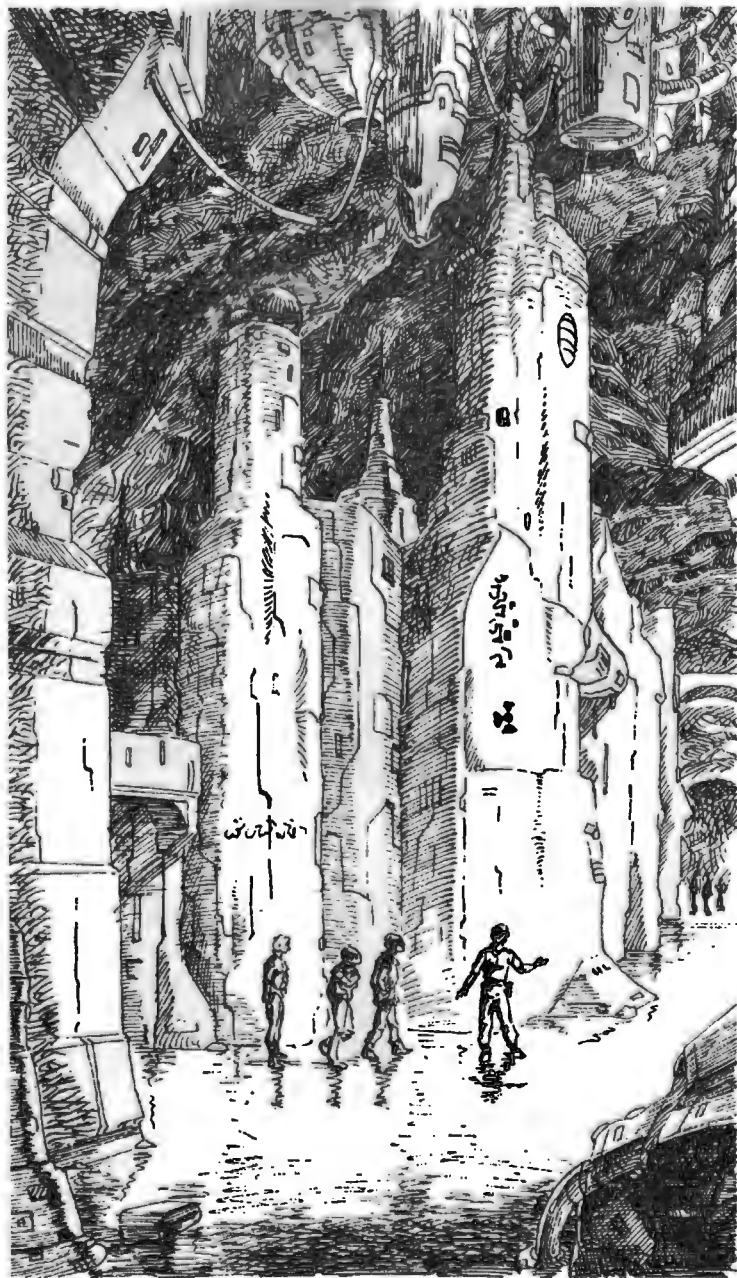
— Так точно.

— А я на центральном посту, под ледяным щитом Антарктиды. На хорошем флаере до меня минут двадцать лету. Так что одна нога там, другая — тут.

Когда Кора, приведя себя по пути в порядок, вошла в подледный кабинет шефа Земной службы ИнтерГлоба, она увидела, что Милодар в кабинете не один.

Вместе с ним находились инопланетяне из Эпидавра, которых Кора узнала по изображениям, хотя не подозревала, что Землю посетили столь высокие гости.

Второй министр Эпидавра был седовласым джентльменом семи с половиной футов ростом, узкоплечим и сутулым. Широкий плащ сиреневого цвета был призван защищать министра от любого вредного действия земных организмов и излучений, с той же целью он, разумеется, никогда не снимал защитного полупрозрачного шлема, который делал его похожим на космонавта двадцатого века, который только что спустился на Луну и

сперь, совершая первые шаги по лунной пыли, позирует для потомства.

Несколько отличалось от второго министра Лицо, которое прибыло на Землю инкогнито, так как всегда и всюду пребывало в таком качестве. Секретность, которой было окружено Лицо на своей планете и во время исполнения особых заданий Совета империи, была столь велика, что Лицо не снимало маски даже дома, перед женой, и рассказывают, что когда позапрошрое Лицо скончалось, то на похоронах его дети отказывались оплакивать отца, а вдова громко сказала: «Если бы я раньше знала».

За исключением лица, скрытого не только шлемом, но и замотанного черной материей, инкогнито был во всем схож со вторым министром, правда, уступал ему несколько ростом, но превосходил шириной плеч. Как сотрудник тайной полиции, Кора знала также и тщательно оберегаемый секрет Эпидавры: второй министр империи на самом деле был ее первым министром, премьером, пожизненным и сменяемым только путем кровавых заговоров. Инкогнито же ведал безопасностью империи и отвечал за раскрытие и разоблачение заговоров. То есть Кора сразу поняла, что причина, приведшая руководителей империи под ледяной щит Антарктиды была столь серьезной, что они впервые за последние шестнадцать лет оставили империю без присмотра, поручив управление императору и старенькой регентше.

— Это она? — спросило Лицо после формальных приветствий.

— Это она, — подтвердил Милодар.

Инопланетные гости разглядывали Кору так, словно в жизни им не приходилось встречать обыкновенную земную девушку двадцати с небольшим (двадцать семь, но это не так важно) лет от роду, красивую, ладно скроенную, хоть и узковатую в бедрах (с точки зрения европейского вкуса), ростом всего в сто восемьдесят пять сантиметров, что не позволило ей в свое время сделать карьеру в баскетболе. У этой молодой женщины были светло-русые, почти пшеничные волосы, коротко остриженные, ибо еще не успели отрасти после сложного задания, в ходе которого ей пришлось изображать лысого мужчину, серые, в голубизну, пожалуй, излишне

светлые глаза и выпуклые губы, мешавшие лицу сохранять постоянную строгость и непреклонность.

— Вы любите пить, находясь под водой? — спросил второй министр Эпидавра.

— Да, но только соленую воду, — подтвердила Кора.

Посланцы Эпидавра задумались, Милодар не вмешивался. Наконец Лицо сообщило:

— Смешно.

— Я бы не сказал, что очень смешно, — возразил второй министр. — Однако налицо попытка развеселить нас, пользуясь тем, что мы с вами туповаты и не знаем, что соленая морская вода отличается отвратительным вкусом.

— Видишь, Кора, — сказал тогда Милодар, — а ты старалась.

— Я больше не буду, — дала обещание Кора.

— Тогда садись и выслушай, в чем наша проблема, — сказал Милодар.

Он так и не представил гостей Коре, потому что они были столь важными персонами, что не могли при всем желании снизойти до знакомства с простым агентом, а Кора, разумеется, этого знакомства не навязывала.

Она понимала, что проблема достаточно серьезна, если Милодар из-за нее чуть не утопил своего лучшего агента, к тому же он знал, насколько Коре противно, если ее вызывают на задание в выходной день. Служба есть служба... Но с недавних пор Милодар женщин побаивался.

— Наши друзья прибыли к нам издалека, — сообщил Милодар. Гости согласно наклонили головы. У министра сквозь темную муть шлема угадывались пышные бакенбарды, у Лица не угадывалось ничего. — Наши друзья ищут потерянную на Земле вещь... так сказать, предмет государственного значения. Мы с тобой им обязаны помочь. Это личная просьба Ксении Михайловны. Она просила задействовать именно тебя.

Ксения Михайловна Романова, безвредная на вид бабушка, была шефом Службы безопасности Земли. Коре она давно симпатизировала.

По тону Милодара Кора поняла, что ее шеф лжет. Ксения Михайловна если и говорила о визите с Эпидав-ра, никогда не стала бы давать комиссару советы. Она

была разведчицей старой школы. Но комиссару сейчас было выгодно изобразить себя передаточной инстанцией и притом набить цену Коре. Вернее всего других агентов он берег для своих дел. А Корой всегда можно пожертвовать. И если он сейчас будет меня излишне расхваливать, подумала Кора, считай, что я влипла.

— Несмотря на молодость, — произнес Милодар, постаравшись без успеха пригладить копну завитых, тугих, как проволока, волос. — Несмотря на видимость...

Какая у меня видимость? — подумала Кора. Это хорошо, что у меня есть видимость?

— Кора Орват — один из лучших полевых агентов.

Гости из Эпидавра согласились, дружно кивнули, а затем второй министр вежливо спросил:

— Не все ли равно в настоящей ситуации, хороший она агент или посредственный?

— Нет! — отрезал Милодар. — Посредственный агент загубит операцию.

Кора молчала. Она понимала, что независимо от ее желаний или слов ей все равно придется работать. Разумеется, она предпочла бы узнать обо всем как можно скорее и предпочла бы работать в Швейцарии или на Кипре, но, в конце концов, и в Эпидавр можно слетать.

— Продолжайте, комиссар, — сказал второй министр. — Объясните вашему хорошему агенту, который неумеренно пьет соленую воду, в чем суть нашей проблемы.

Я ему совсем не понравилась, подумала Кора. В сущности, он мне тоже не нравится, но любой женщине неприятно это сознавать.

— Империя Эпидавр, — начал Милодар, — расположенная на Южном полушарии планеты Цукех...

— Это означает «Прекрасная» на нашем языке, — добавило Лицо. Странно было слышать голос, исходивший из абсолютно черного сверкающего шара размером с крупный арбуз.

— Империя Эпидавр существует уже несколько столетий, — сказал Милодар.

— Девятьсот сорок восемь лет назад, — добавил второй министр, — князь Совпарий Шестой сокрушил могущество четырех племен и вышел к Тростниковому морю.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Но я хотел бы, не обижая вас, заметить, что со спецификой жизни в Эпидавре агент Орват может ознакомиться на досуге...

— Досуга у нее, надеюсь, не будет, — все же обиделся второй министр.

Лицо махнуло длинной рукой, повелевая продолжать.

— Триста лет назад в пределах империи произошла революция, — подчинился комиссар.

— Точнее — мятеж! — не выдержал министр. — Обыкновенный мятеж, не более того.

— И мятежники взяли верх.

— Временно! — сказал второй министр.

— Простите, может быть, вы сами расскажете? — спросил Милодар.

И тогда Лицо обрушилось на своего спутника на непонятном языке. Хотя и непонятно, но явно обрушилось. Широкая лингвистическая подготовка Кору, которая уже в приюте выучила восемь языков и еще сорок освоила за годы работы в ИнтерГполе, позволила ей определить, что примерно половина слов Лица имеют бранный характер. Милодар это тоже понял и получал удовольствие, слушая, как собачатся эти надутые вельможи.

Наконец выговор завершился, второй министр устоял в пол между своих коленок, высунувшихся из-под плаща, а удовлетворенное Лицо замерло, очевидно обратив взор к Милодару.

Сделав многозначительную паузу, Милодар продолжал:

— Мятежники захватили дворец императора и продержались там несколько дней, пока к императорским войскам не подошло подкрепление. Но за это время они успели нанести ощутимый вред. Во-первых, они зарезали императора и его ближайших родственников...

Второй министр заерзал в кресле, намереваясь ринуться в бой, но Лицо шумно втянуло воздух сквозь ноздри и второй министр осекся. Кора запомнила, что втягивание воздуха в Эпидавре считается угрозой. Может, когда-нибудь пригодится.

— Во-вторых, — продолжал Милодар, будто ничего вокруг не происходило, — они ограбили дворец и похитили три сокровища. Три символа императорской власти, без которых император — не император, а так, пфью... ничто!

— Ну уж тут позвольте! — не выдержало Лицо. — Пожалуй, вы перегибаете палку. Я позволило вам пересказать ситуацию исполнителю не для того, чтобы вы оскорбляли священную особу.

— Но ведь нет теперь особы!

— Временно.

— Триста лет, как их империей правят регентши. — Милодар обращался только к Коре. — Потому что они даже не могут провести коронации.

— Три сокровища... — произнесла Кора. — Где-то я об этом читала.

— Ты читала об этом в истории Японии, — ответил Милодар. — Но я могу привести тебе еще несколько примеров из истории Земли. По преданию эти предметы были вручены первому правителю Эпидавра богиней... простите, как звали богиню?

— Богиней света и страха Юог, — ответило Лицо. Второй министр все еще хранил обиженное молчание.

— Вот именно, — сказал Милодар, будто всю жизнь помнил о богине, а только сейчас запечатовал. — Богиня Юог при драматических обстоятельствах вручила первому императору Зеркало, Алмаз и Венец.

— Неточно, — поморщилось Лицо. — Необходимо уточнение.

— Пожалуйста.

— Она передала императору, который был всего-навсего пастухом единорогов, Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

— Чудесно, — сказал Милодар. — Какой оптимистический набор.

— И необходимый, — не уловил сарказма второй министр.

— И с тех пор вы их не нашли? — спросила Кора, потому что ей показалось, что от нее ждут умного вопроса.

— Разумеется. Иначе бы трагедия не застлала столь долго небо нашей империи.

— И заменить нельзя?

— Не говорите глупостей! — воскликнул второй министр, а Лицо, снова втянув воздух через ноздри, поправило спутника:

— Заменить святыни, к сожалению, нельзя. Иначе они бы не были божественными святынями.

Все замолчали. Кора поняла, что подошла пора Милодару закончить рассказ.

— Недавно на мертвом астероиде, лежащем в стороне от коммерческих трасс, были найдены следы последнего лагеря мятежников.

— Они улетели от вас? Разве тогда уже были космические путешествия?

— У нас очень древняя цивилизация, — пояснило Лицо. — Вам не понять.

— Нам не понять, — покорным эхом отозвался Милодар. И Кора перехватила его невысказанную мысль: «Но за помощью вы прибежали к нам».

— Говорите, — попросило Лицо.

— В лагере, или на базе этих самых мятежников были найдены документы, которые свидетельствовали о долгих путешествиях мятежников по Галактике, о расколе в их рядах, о их постепенной гибели. Там в ходе раскопок удалось узнать о приблизительном местонахождении имперских сокровищ. И стало ясно, что Зеркало Зла утеряно на Земле во время раздора между мятежниками. Судьба остальных сокровищ неизвестна.

Опять наступила пауза, и Кора не нашла ничего лучше, как спросить:

— А это зеркало большое?

Лицо подало знак второму министру и тот поспешил раскрыть плоский чемоданчик, который, как оказалось, был прикреплен к его кисти длинной золотой цепочкой. Краем глаза Кора заглянула в чемодан, который был приоткрыт и тут же захлопнут: в чемодане лежали бумаги, фотографии, а также две зубные щетки в прозрачных футлярах, расчески, паста и полотенце. Гости не надеялись на своих земных хозяев.

Второй министр положил перед Милодаром на стол цветную фотографию — на ней было изображено зеркало. С такими зеркалами в сказках изображаются девицы. Изобретены они были, видно, в древнем Китае или в не менее древней Греции и более всего, с точки зрения Кору, были схожи с пинг-понговой ракеткой, лишь уступали ей размером. Овальное зеркало было вставлено в позолоченную рамку, судя по потертостям, достаточно старую, а оборот зеркала и ручка были богато,

хоть и грубовато, украшены объемными изображениями танцующих девушек среди виноградных лоз.

— Это вид с лицевой стороны, натуральный размер, — произнес второй министр. — Вот оно же, вид сзади. А это приблизительное положение его в руке владельца.

На этот раз на стол легла старинная раскрашенная гравюра, изображавшая молодого человека в тонком темном венце, в который были вставлены крупные разноцветные камни. Держа в руке зеркало, молодой человек смотрел в него, и на его лице отражался ужас. По крайней мере, так получилось у художника.

— Теперь вам ясно, что искать? — спросило Лицо.

Министр собрал фотографии и рисунок, приоткрыл чемодан и спрятал все среди бумаг под полотенце.

— Вы нам это не оставите? — спросил Милодар.

— Нет, — ответил второй министр. — Изображения государственных талисманов являются объектами повышенной секретности.

— Вы усложняете нам задачу, — сказал Милодар, но настаивать не стал, потому что, как Коре было известно, на потолке над столом находилась видеокамера, которая давно уже сделала копии фотографий и гравюры.

— И вы за ним прилетели? — спросила Кора.

— Вот именно.

— А зачем я вам понадобилась?

— Чтобы это зеркало найти, — сказал Милодар. — Наши гости лишь приблизительно представляют себе, где могло потеряться зеркало.

— Пошлите туда группу, пускай отыщет с приборами, — сказала Кора.

— Прошло триста лет! Место известно лишь условно... — Милодар подошел к большому глобусу. Глобус был старинный, прошлого века и, говорят, принадлежал кому-то из латиноамериканских диктаторов. Шар доставал Милодару до носа и потому, чтобы разглядеть Северный полюс, комиссару приходилось запрокидывать голову. Вертелся глобус со скрипом.

Милодар чуть шевельнул глобус, чтобы Коре было удобнее смотреть, и шлепнул ладонью по северной части Индийского океана.

— Оно на дне? — спросила Кора.

— Нет, на суше, в горах. В северной Бирме.

— И найти нельзя?

— Надо обыскать площадь в шесть тысяч квадратных километров гор и лесов. И найти кончик иголки в стогу сена.

— А что вы предлагаете?

— Я предлагаю тебе поехать в Бирму и найти зеркало.

— Ну что ж, — легкомысленно ответила Кора. — Я в Бирме не была. Когда лететь?

— Ты не совсем правильно поняла, — сказал Милодар. — Ты должна отправиться в Бирму не сегодня, а триста лет назад, в тот момент, когда там воевали мятежники. Ты их отыщешь по шуму боя и крикам населения.

— Чепуха, — сказала Кора. — Такой машины времени еще не изобрели. Можно отправить человека на десяток лет в прошлое, но не дальше.

— На двенадцать лет, это пока рекорд, — согласился Милодар. — Но у меня есть другая идея. Она еще не испытывалась на людях, но когда-то надо начинать.

— Опасная? — спросила Кора.

— Еще какая опасная, — сказал Милодар. — Как раз по тебе.

— Нет, спасибо, — сказала Кора.

— У тебя нет семьи.

— У меня есть кот Колокольчик и бабушка Настя. Я их не оставлю.

— Но есть шанс, что ты вернешься.

— Лучше я и слушать не буду. Вы же меня обязательно загубите!

— Девушка, послушайте нас, — сказала Лицо из Эпидавра. — Уже три столетия наше государство живет не в полную мощь. У нас нет коронованных императоров и страной правят регентши, одна другой глупее. Сейчас же подрос интеллигентный, умный, добросовестный наследник престола. Если мы достанем хотя бы зеркало, мы попытаемся его короновать и миллионы людей вздохнут свободно.

Кора сочувствовала горю вельмож, хотя не понимала, будучи демократкой, почему появление на троне императора должно облегчить жизнь миллионов людей.

— Нет, — сказала она.

— Вы обязаны нам помочь, — сказала Лицо.

— Поможет, — сказал Милодар. — Обязательно поможет. У меня дисциплинированные агенты. Я разрешаю им побунтовать и поворчать в разумных пределах, а потом приказываю замолчать. Кора, молчать!

— Слушаюсь, — вздохнула Кора.

Разговор продолжался в Институте Номер Шесть, крайне засекреченном учреждении, которое занимается генетическими опытами и достигло таких сенсационных результатов, что, по слухам, всем его сотрудникам отрезали языки и приковали их цепями к рабочим местам в лабораториях. Все это, разумеется, чепуха и сплетни, а институт охраняется столь тщательно только в опасении чайников, сумасшедших и авантюристов, а также людей с манией величия, которые могут проникнуть в Институт Номер Шесть и воспользоваться его установками и особенно установкой «Дельта».

Так как, несмотря на глубокую секретность, установка «Дельта» многократно описывалась, только не совсем верно, в популярных изданиях, то лучше довериться рассказу о ней, прозвучавшем в Институте Номер Шесть.

Вот что рассказала, пользуясь притом иллюстрациями, стремительная худенькая девица с мягким утиным носом, по сторонам которого размещались сверкающие желтые глазки, с волосами, покрашенными в красный цвет и покрытыми блестками.

— Я сегодня собралась на дискотеку, — сообщила девица. — Так что давайте сократим лекцию до минимума.

Возмущенный Милодар потребовал было сменить лектора, но более ответственные лица находились в то время на заключительном заседании международного симпозиума и пришлось удовлетвориться девицей.

Девица взяла светящуюся указку, велела гостям садиться на неудобные табуретки, а сама поднялась на небольшую эстраду, фоном которой служила зеленая доска, исписанная формулами, оставшимися от вчерашних научных споров.

— Помимо памяти индивидуальной, — сообщила девица, — существует память вида. Вы знаете, что такое вид?

— Вопросы задавать будем мы, — резко ответил Милодар, все еще недовольный тем, что ему приходится выслушивать лекцию лаборантки.

Заявление Милодара лаборантку не смутило.

— Вы мало читаете, — сообщила она Милодару. — Иначе бы вы знали, что в любом фантастическом романе приходит великий ученый или его ассистент и рассказывает дуракам, которые собрались в лаборатории, в чем суть изобретения. Дураки хлопают глазами, а читатель умирает от скуки на десятой странице.

Кора даже ахнула от такой наглости лаборантки, но Милодар ничего не ответил, он лишь приоткрыл рот и смотрел на лаборантку, словно только сейчас сообразил, что под этим камуфляжем скрывается юное существо с отличной фигурой. Зато посланцы Эпидавры были сражены таким хамством, потому что положение женщины в той империи своеобразно и ограничено таким числом запретов и правил, что большинство женщин кончают с собой не достигнув зрелости. Зато те, что выживают, превращаются в существа высшего типа, в частности именно из них формируется корпус регентш.

— Продолжайте, — произнес Милодар, скользя взглядом от пяток до бровей лаборантки. — И сообщите нам свое имя.

— Зовут меня Пегги, — сообщила девица. — Мне двадцать два года, но я отлично сохранилась и мне редко дают больше семнадцати, я давно уже не девушка, учусь в аспирантуре, где считаюсь любимой ученицей профессора Гродно.

— Спасибо, — сказал Милодар. — Умоляю, продолжайте.

Когда-нибудь я тоже начну тебе хамить, старый бабник, подумала Кора. Тогда ты у меня запляшешь.

— Существует память вида, — продолжала Пегги. — Обычно поддерживается она прямым обучением, когда знания передаются от родителей к детям. Приходилось ли вам видеть, как кошка учит котят ловить мышку?

В голосе девушки прозвучал металл. Кто-то из учеников должен был поднять руку и ответить на вопрос.

Никто не решился.

— Это поучительное зрелище, — сообщила Пегги. — Точно так же кошку учила ее мать.

Лаборантка тронула себя за ухо и по красным космам пробежали золотые огоньки.

— Кошка как примитивное существо учит детей жить в меняющемся мире, передавая им свой опыт. Причем не только генетический, но и благоприобретенный. Ведь червяк не учит — ему достаточно того, что заложено в генах. А кошка учит. Поняли?

Она будет профессором, подумала Кора. Перебесится и профессором станет.

— Котенок, — строго продолжала лаборантка, ритмично помахивая светящейся указкой, — получает от матери часть памяти данного семейства кошек, а так как сама мама-кошка была обучена ее собственной матерью, то мы по возможности можем проследить, что знали и умели кошки этого семейства, а то и популяции нашей страны, и как эти знания накапливались... или терялись. Да! — Вдруг девицу охватил пафос. — Кое-что теряется! И безвозвратно. Например, с приходом медицины люди забыли о травах. Это касается и кошек!

— Ну уж и кошек! — недоверчиво воскликнул Милодар.

— Пустите современного котенка, а то и взрослого кота, в лес. Чем это кончится? Он сожрет какую-нибудь гадость и отравится. Ведь он жил в городе, и даже если его мама-кошка знала, какую траву можно есть, а какую нет, она же не может найти в комнате образца нужной травы и показать ребенку.

Слушатели замолчали, переваривая информацию.

Кора была согласна — кошке неоткуда взять травку, чтобы предупредить детей об опасности.

— То же самое происходит и с человеком. На то есть учителя и родители, на то изобрели книги, видео и компьютеры, чтобы не утратить информацию, добытую предками. Но информация — это еще не память!

Пегги подняла к потолку указку и вытянула луч на максимальную длину. Луч коснулся потолка и образовал на нем темную точку, настолько ему переданся накал души преподавательницы. Из ее красных волос сыпались редкие искры. Падая на ковер, они тихонько шипели.

— Вам не казалось обидным, — спросила она, — что вот ваш дедушка, генерал, завоевавший четыре страны,

погиб в бою на безымянной высоте, названной впоследствии его именем, но не успел ничего вам рассказать? — Этот вопрос Пегги обратила к Лицу.

— Вы откуда знаете? — глухо и подозрительно спросило Лицо.

Пегги только пожала плечами, а Милодар, может и незаслуженно, воспользовался обстановкой и заметил:

— Мы многое знаем.

Пегги подождала, пока он замолчит, и продолжала:

— А как интересно было бы заглянуть в его память, в его душу...

Пегги вздохнула. Лицо не удержалось и тоже вздохнуло.

— А ваш прадедушка? — спросила Пегги у Лица. — Ведь его только называли разбойником с большой дороги. На самом же деле он был куда сложнее, чем тот простой злодей, которого рисовали ваши недруги.

— И заплатились, — заметило Лицо.

— Это уже другой разговор, — сказала Пегги.

Кора смотрела на лаборантку совсем другими глазами. Та, оказывается, успела подготовиться к визиту и неплохо выучила урок. А все разговоры о дискотеке и красные космы — это на публику.

Пегги сделала паузу. Теперь уже никто не смел ее прервать.

— Наш институт, во главе с профессором Ахметом Гродно, решил эту задачу. Но мы пока держим наше открытие в тайне. Нельзя нарушать естественный ход событий.

— Что вы открыли? — спросило Лицо.

— Мы нашли способ проникать в прошлое. Но не грубым физическим способом, не с помощью машины времени, что не дает достойных результатов. Ну прыгнете вы на двадцать лет в прошлое. Ну посмотрите еще раз на собственную маму в молодости. А дальше что? Менять течение событий на Земле? Загонять себя и собственную планету в параллельный мир? Нет, дайте нам пожить у себя дома!

— Так что же вы открыли?

— Мы открыли возможность... мы нашли ключик к тому, что заключено в каждом человеке — ключик к его наследственной памяти. Другими словами, мы дали воз-

возможность маме-кошке вспомнить, какие травки можно предлагать котенку, а какие нельзя. Но помнила об этом прабабушка нашей кошки, а не мама-кошка. Мы нашли способ отыскать в вас, уважаемый Долиал, глава безопасности империи Эпидавра, прибывший к нам инкогнито, те следы генетического прошлого, которые несут в себе и берегут память вашего дедушки-генерала и даже вашего прадедушки, так называемого разбойника с большой дороги.

— Об этом не будем, — предупредил второй министр, оберегая честь Лица. Но Лицо лишь вяло отмахнулось, признавая превосходство нахальной девицы.

— Мы полагаем, — сказал тогда Милодар, — что это — величайшее открытие двадцать первого века, но вопрос о присуждении Нобелевской премии профессору Ахмету Гродно временно отложен, так как не решена степень секретности открытия.

— Но при чем здесь секретность? — не сообразил второй министр.

— Неужели, — ответил Милодар, — любой человек в Галактике не пожелает заглянуть в память своего деда, своего далекого предка, прочесть его мысли и овладеть его знаниями, которые, как все полагают, сгнили в могиле вместе с ним?

— Да, — согласилось Лицо, — соблазн очень велик и можно страшно разбогатеть на этом.

— Ах, что нам в богатстве! Но вы не поняли еще, какую власть мы сможем обрести над миром! — воскликнула Пегги, спрыгнув с эстрады и чуть не проткнув министра острым желтым взглядом. — Разве вы забыли, сколько гениев умерло, не успев поделиться с человечеством своими мыслями, сколько великих изобретателей погибло при катастрофах, в концлагерях или войнах! Вы должны знать, что на каждое изобретение, на каждое открытие, на каждую гениальную идею в мире была тысяча идей, открытий, мыслей, которые по той или иной причине не были высказаны. Неужели вы не понимаете, что, собрав и осуществив эти мысли, мы совершим такой скачок вперед...

Пегги закашлялась, а Милодар закончил за нее:

— И это может плохо кончиться для человечества. Кто знает, сколько нужно нам гениальных изобретений

и мыслей, а сколько окажутся лишними? А что, если Природа бережет нас от перегрева? А что, если цивилизация лопнет от излишнего знания?

И Милодар произнес эти слова с такой искренней горечью, что остальные не посмели ничего сказать — все молчали.

— К тому же, — нарушила наконец молчание Пегги, — операция эта длительная, сложная и опасная, о которых говорит комиссар Милодар, находятся в отдаленном будущем. А Нобелевскую премию нам не дают из-за жалких интриг, которым не чужд и ИнтерПол.

Все посмотрели на Милодара. Он отмахнулся от обвинения как от мухи и миролюбиво попросил Пегги:

— Расскажите нашим гостям, как происходит активизация памяти предков. И какая от этого может быть польза в их поисках.

— Вот именно, — сказала Лицо. — Именно этот вопрос я хотела задать.

— Наш профессионализм заключается в том, — подытожил Милодар, — что мы знаем, какой вопрос когда и кому задать.

— Тогда объясните и нам, — попросил второй министр, — зачем нас сюда пригласили?

— И в частности, зачем было меня топить, — добавила Кора.

Пегги поглядела на Милодара. Комиссар кивнул и девушка повела их в соседнее помещение.

Соседнее помещение оказалось громадным, но низким залом, в котором располагалась аппаратура, в основном скрытая под кожухами и за экранами. Так что снаружи оставались ящики, дисплеи и некоторое число кнопок, не считая солидного прозрачного гроба для спящей красавицы, к которому Пегги и подвела гостей.

— Все происходит просто, — сообщила она. — Гененавт всего-навсего ложится в саркофаг.

— Разве нельзя было подобрать нейтральное слово? — спросила Кора, которая заподозрила, что в саркофаг будут класть именно ее, а она не терпела, когда ее клали в саркофаг, даже если при этом обзывали гененавтом.

— Не бойтесь, — съязвила Пегги, — принцы не будут приставать к вам с поцелуями.

— Слава Богу!

— Девочки, девочки! — остановил их Милодар. — Мы присутствуем при эпохальном эксперименте.

— Это вы присутствуете, а я лежу в саркофаге! — огрызнулась Кора.

— Продолжайте, — произнес второй министр голосом и тоном Милодара.

— Саркофаг наполняется особым газом...

— Еще чего не хватало! — вырвалось у Кору.

— Если ты будешь шуметь, мы подберем другого агента, — сказал Милодар. — Ты отказываешься от самого счастливого шанса в жизни. Через час ты можешь встретиться со своей бабушкой.

— Больше того! — поддержала Милодара краснокудрая лаборантка. — Вы станете своей бабушкой — ваш мозг сольется с ее мозгом. В этом и есть смысл нашей установки! Следуя в прошлое, вы будете становиться как бы паразитом мозга ваших предков. Ведь они в самом деле живы в вас! Каждый бит информации, который находился в мозгу вашего дедушки, живет и в вашем мозгу. Мы научились будить эту информацию.

— Но почему я тогда не могу без приборов помнить о том, что знал мой дед?

— Да потому что ваш мозг мгновенно лопнет, не в силах вместить всю ожившую информацию! Неужели вы не понимаете? — Пегги была возмущена.

— Теперь поняла.

— Ваш мозг защищен от безумия именно забывчивостью. То есть ничто в природе не пропадает, но все забывается, чтобы живые не сходили с ума от памяти и страданий мертвецов.

Оба эпидаврийца захлопали в ладоши — так им понравилась краткая речь Пегги. Пегги зарделась, и щеки ее уподобились ее космам.

— Зайдите после эксперимента ко мне, — сказал Милодар. — Мы подыщем вам место в ИнтерГполе.

— Я не хочу работать в ИнтерГполе и стать полицейской ищейкой, — мягко возразила девица, чем повергла Милодара в шок. — Лучше я получу скромный процент от Нобелевской премии.

Милодар молчал и этим дал возможность Пегги закончить объяснение.

— Мы погружаем генавта в физиологический раствор, чтобы полностью отрезать от мира, чтобы ни одно постороннее возмущение к вам не проникло. Это слишком опасно. В полной тишине, в полной оторванности от мира вы сначала войдете в мозг своей матери...

— Или отца?

— Это сложнее, — призналась Пегги. — Как правило, генетическая память женщин передается по женской линии, мужчин — по мужской.

— А если линия обрывается?

— Пока мы не можем помочь... но в будущем добьемся восстановления через боковые линии родственников.

— Не отвлекайтесь, — попросило Лицо.

— Пока вы будете пребывать в саркофаге, — продолжала Пегги, — и частицы памяти вашей матери будут пробуждаться в вас, мы сможем контролировать этот процесс приборами.

— Вы тоже увидите мою маму?

— Нет, но мы будем знать, когда вы с ней находитесь в контакте.

Кора подняла ладонь, как бы прося слова.

— Кажется, я вас поймала на ошибке.

— Нас нельзя поймать. Эта система испробована и абсолютно безопасна для испытуемого. Для спящей красавицы, как мы называем... вас.

— Но я же не могу пролежать в саркофаге восемьдесят лет, если столько лет было моей прабабушке, когда она умерла.

Пегги снисходительно улыбнулась.

— Мы уже слышали это возражение, — сказала она... — И вот что я вам отвечу: представьте себе самый обычный древний магнитофон.

— Представили, — ответил за Кору второй министр.

— Вы можете воспроизводить на нем музыку. А можете быстро перематывать пленку.

— Все понятно, — сказала Кора. — Вы начинаете воспроизведение в нужный вам момент.

— Не совсем понятен механизм действия, — сказал Лицо, — но приходится согласиться с тем, что нам сообщено.

Они стояли полукругом вокруг саркофага. И молчали. Теперь, когда Пегги все объяснила, а остальные почти все поняли, оставался пустяк. Поверить в слова Пегги.

Молчание прервало Лицо.

— Можно ли наблюдать за жизнью и действиями предка кого-то из нас?

— За ним наблюдает гененавт. А мы — за гененавтом. — Пегги показала на саркофаг.

— Я не верю, — сказала Лицо.

— Мы не верим! — поддержал его второй министр.

— Есть выход, — ответил Милодар, и глаза у него сделались хитрыми, как у кота, который играет с мышонком.

— Какой именно?

— Вы можете занять место в саркофаге, а мы запишем то, что вы увидите и почувствуете, — предложил комиссар. — И вместе подведем итоги.

— Хорошая идея, — сказала Лицо. — Славная идея. Прошу!

Последнее слово относилось ко второму министру.

— Почему я? — удивился министр.

— Потому что, если они будут подсовывать мне воспоминания дедушки комиссара Милодара, я никогда не смогу проверить, это правда или инсценировка. А вот кем был ваш дедушка, я знаю. И кем были ваши предки, тоже известно.

— Мой отец — генерал, а мой дедушка — полковник и герой, — воскликнул министр, словно не был в том уверен.

— Вот мы и посмотрим.

— О нет! Это опасно для жизни! — возразил второй министр. Мы не можем рисковать. Народ этого не поймет.

— У нас даже младшие научные, даже аспиранты уже испробовали, — сказала Пегги.

— У вас другие организмы, грубые и выносливые, как у кошек.

— У кого как, — ответил Милодар. Он любил наблюдать конфликты со стороны, когда ему это ничем не угрожало.

— Нет! — крикнул министр.

— Да! — ответило Лицо. — Или вы останетесь здесь. Но не живым.

И тогда второй министр сдался.

— Раздеваться надо? — спросил он, снимая полумаску.

— Желательно побрить голову, — ответила Пегги. — Но так как путешествие будет небольшим, помехи нам не так страшны?

— Не страшны, — согласилось Лицо.

— Только ботинки пускай снимет, — предупредила Пегги, — а то за каждым не настираешься.

Второй министр покорно улегся в саркофаг. Ему велели закрыть глаза. Лежа он как-то уменьшился ростом, и Кора увидела, какие у него загнанные перепуганные глаза. Она испытала нечто вроде злорадства: не мне одной предстоит такое унижение... Впрочем, полезно посмотреть со стороны на испытание, которому тебя намерены подвергнуть, хотя, честно признаться, Кора так и не поняла, как она, полежав в этом саркофаге, сможет отыскать и вернуть в Эпидавр железное Зеркало Зла.

— Эй-хохо! Кто здесь проводит опасные эксперименты в мое отсутствие? — послышался громовой голос. Все замерли, как застигнутые за воровством яблок сорванцы.

— Это я, — пискнула Пегги, — но ведь это только демонстрация.

— Я взял на себя ответственность, — сказал Миллард маленькому, даже ему лишь по пояс, профессору в белом халате, из-под которого выглядывали сапожки на высоких каблуках. Профессор был к тому же почти лыс и зачесывал последние волосинки поперек головы. Нос у него был похож на картофелину с глазками.

— Профессор Ахмет Гродно, — представился он и тут же ласково обернулся к лаборантке-аспирантке.

— Тебе можно, крошка, тебе можно! — Профессор подбежал к аспирантке и, встав на цыпочки, поцеловал ее в высокую грудь. Остальные смутились и сделали вид, что не заметили откровенного жеста профессора.

— Так что мы демонстрируем? — спросил профессор.

В лаборатории уже появились несколько его коллег. Они громко обсуждали проблемы только что закончившегося симпозиума.

— Не мешайте! — прикрикнул на них профессор. Он встал на цыпочки, чтобы получше заглянуть в саркофаг и спросил: — Из Эпидавра? Типичное вырождение!

— Из Эпидавра, — сказал Милодар. — После окончания я с вами уединюсь и все объясню.

— Я предпочитаю, чтобы мне все объяснила Пегги, — возразил профессор. — Я ее больше люблю, чем тебя, старый козел Милодар.

Профессор засмеялся и постучал пальчиком по стеклу саркофага.

— Как ты там, сорванец! — спросил он.

Второй министр не услышал, но робко улыбнулся.

— Пускай газ! — приказал профессор Пегги, и саркофаг стал заполняться серым полупрозрачным газом.

— В какой момент? — спросил профессор Гродно у Лица.

— Ровно сто лет назад, — ответило то, словно заготовило ответ заранее. — Там пускай сам разбирается.

— Даем сто лет назад! — Профессор Гродно провел ладонью поперек головы, прижимая волосы.

— Мой ласковый, — любовно прошептала ему Пегги.

Профессор погладил бедро Пегги, и та прижалась им к локтю гения.

Профессор не спускал глаз с приборов.

— Как там дела? — спросил он у одного из техников.

— Клиент прошел сквозь папу и вторгается в сознание бабушки.

— Вот и славно, — сказал профессор. — А теперь нам всем пора пообедать. Обед накрыт в институтской столовой, он будет скромным, без икры, с освежительными напитками.

— И долго нашему другу находиться в этой... в этой гробнице? — спросил Милодар.

— Я думаю, что часа на общение с предком ему будет достаточно. Если судить по приборам, то избран момент столетней давности: молодость бабушки.

Когда они уже сидели за большим столом, покрытым рыжей клетчатой скатертью, вкушая изяшные, ди-

этические блюда и запивая их белым вином, Милодар спросил у Лица:

— А почему ваш коллега заинтересовался молодостью своего дедушки?

— Ах, это так просто, — ответил черный шлем. — Его дедушка был национальным героем Эпидавра. Он отстоял батарею горной артиллерии в бою на перевале Дукс, где ему и установлен памятник. Простительно, что господин второй министр захотел воочию полюбоваться подвигом дедушки. А зря...

— Вы так думаете? — спросил Милодар.

— Я этого опасаясь, — ответило Лицо. — Не стоит ворошить историю. В шкафу может оказаться скелет.

Профессор Гродно хохотнул басом:

— Славно сказано, — произнес он, — славно сказано. Угощайтесь, не ограничивайте себя. Мы поставим этот обед в счет ИнтерГполу.

После десерта и кофе все возвратились в Зал испытаний.

Постояли вокруг саркофага, глядя, как в нем покачивается подвешенный в густом облаке газа второй министр.

— Будем возвращать, — сказал Гродно.

Кора смотрела в саркофаг с отвращением. Она уже понимала, что следующей жертвой окажется она. И одним часом ей не отделаться. Милодар найдет способ заткнуть ее в прошлое на неделю.

О, как она заблуждалась!

Наконец, газ из саркофага весь вышел, второй министр опустился на надувной матрас, затем крышка саркофага отъехала в сторону, и министр открыл глаза.

Он обвел склонившихся к саркофагу зрителей тусклым взглядом человека, незаслуженно испытавшего удивительное потрясение.

Все молчали.

Второй министр надел свою полумаску, потом уселся на краю саркофага, чтобы зашнуровать ботинки.

Лицо дождалось, пока второй министр окончательно оделся, и лишь тогда спросило:

— Ну и что же вам удалось увидеть, коллега?

Второй министр выпрямился и скорчил грозную гримасу.

— Это шарлатанство! — воскликнул он. — Это жульничество, направленное на дискредитацию нашей родной армии. С типично демократическим коварством эти псевдоученые, — последовал широкий обвиняющий жест, — задались целью оторвать нас от героической истории.

— Пожалуйста, говорите понятнее, коллега, — взмолилось Лицо. — Мы же должны принять решение на основе вашего приключения.

— Это была клевета!

— Конкретнее, коллега!

— Можно и конкретнее. Я увидел моего отца... в отдельных эпизодах. Он становился все моложе, от встречи к встрече. Но на самом деле я стремился к знаменитому эпизоду на перевале Дукс, где так героически себя вел мой дедушка, лейтенант батареи горной артиллерии, один защитивший перевал от двух дивизий злобных врагов!

— И что же вы увидели? — с искренним сочувствием спросило Лицо.

— Да, там был перевал, там была горная батарея, но там не оказалось моего дедушки!

— Неужели он погиб? — всполошился профессор Гродно.

— На вашей клеветнической пленке, — второй министр указал гневным перстом на профессора, — на вашей пленке моего дедушки не оказалось. Я его нашел не на перевале, а далеко от него, в яме, где он таился, пережидая бой. Это мой-то дедушка, это наш-то национальный герой!

— Ой, какой ужас! — расстроился профессор Гродно.

— Я желаю немедленно покинуть эту лавочку! — обратился второй министр к своему спутнику. — Чтобы моей ноги здесь больше не было!

— Вы совершенно правы, — согласился спутник. — Мы сейчас же уедем отсюда. Но разрешите мне высказать мое скромное мнение?

— Валяйте!

— С этого момента я считаю себя искренним поклонником творчества профессора Гродно и его очаровательной аспирантки. Наши закрытые даже от вас, Ваше превосходительство, архивы утверждают, что на-

циональный герой, ваш дедушка, в самом деле просидел весь бой в безопасности, а потом заявился на батарею, увидел, что никто на нее не претендует и заявил пришедшему подкреплению, что он был здесь неотлучно.

— Это клевета!

— Разумеется! — согласилось Лицо. — Но правдивая клевета, которая никогда не выйдет за пределы архива Безопасности и этой комнаты. И она убедила меня, что открытие профессора и на самом деле достойно так называемой Нобелевской премии.

Второй министр в отчаянии убежал из лаборатории в туалет, а комиссар Милодар обратился к Лицу:

— Не будете ли вы так любезны уточнить, когда же по земному летосчислению ваши мятежники посетили нашу Азию и сколько они у нас пробыли.

— Мы это проверили по вашим хронологическим таблицам и представим вам завтра все расчеты, — сказал Лицо, поблескивая черным шаром головы. — Но уже сегодня мы можем сообщить, что корабль прибыл на Землю в 1794 году. Мятежники провели в горах две недели, после чего между ними начались бои с применением тактического ядерного оружия. Остатки мятежников покинули Землю 2 июня 1794 года.

— Отлично. — Милодар обернулся к Коре. — Значит, нам всего-навсего следует отыскать твоего предка женского рода, который жил в конце восемнадцатого века, а затем сделать так, чтобы этот предок отправился в Бирму.

— Всего-навсего? — спросила Кора. — А я что буду делать?

— Неужели ты не поняла? — удивился Милодар. — Ты будешь осуществлять связь между лабораторией с восемнадцатым веком. Твой разум будем мостиком, по которому мы сможем отыскивать твоего предка, где бы он ни находился, — как бы опускаясь в прошлое по лучу, соединяющему его мозг с твоей генетической памятью. Возможно, если ты наладишь связь с предком, мы сможем даже передавать ему некоторые просьбы или подсказывать линию поведения с твоей бессознательной помощью...

— Значит, я буду в этом саркофаге?

— И без обуви, — заметила желтоглазая Пегги, которой Кора не очень понравилась.

— Вы будете совершенно обнажены, — поправил Пегги профессор Гродно, — ведь вы проспите, как спящая красавица, не час и не день, а как минимум несколько недель.

— Несколько недель?!

— Но помилуйте, — попытался воззвать к разуму Кору профессор. — Пользуясь вашей генетической памятью, мы должны отыскать в гигантской черной яме прошлого вашего предка, познакомиться с ним, вернее с ней, найти способ отправить ее в Бирму, проследить за ней во время этой экспедиции, отыскать сокровища и вернуть их сюда... или где-то спрятать. И поймите, что мы идем на невиданный еще эксперимент. Для нас это тоже большое, новое и рискованное дело. Ведь не исключено, что ваш разум не выдержит страшного испытания и мы вас потеряем.

— Я ухожу, — заявила Кора.

— Ты на службе, — возразил Милодар.

— Вы обязаны выполнить свой долг, — сказала Лицо.

Второй министр в разговоре не участвовал. Он сидел в углу на вертящемся табурете и всхлипывал — он тяжело переживал крушение романтической веры в дедушку.

— Вы счастливейшая из смертных! — воскликнул басом профессор Гродно. — Вы будете существовать в мире, созданном зрением и слухом вашей прабабушки. Вы — путешественник в сон, в сказку, которая основывается на истинном опыте вашего предка. О, чудо науки! О, высокое приключение! Нам будет дозволено лишь изредка, одним глазком заглядывать к вам...

— Послушайте, комиссар, — в отчаянии воскликнула Кора. — Я уверена, что ваша идея подходит кому-то из бравых молодцов, которые умеют владеть шпагой и пистолетом. Я же — слабая женщина!

Милодар поглядел на слабую женщину, запрокинув голову. Его примеру последовал профессор Гродно.

— Нет, — сказал профессор, — не настолько слаба, как хочет казаться.

— А мне нужна женщина, — сказал Милодар. — Как ни парадоксально, но я рассчитываю больше на твой

женский ум, на твою хитрость, твое женское умение выходить из воды если не сухой, то лишь с подмоченной репутацией.

— Спасибо, шеф, — сказала Кора. — Вы всегда были со мной любезны.

— Дай Бог, — сказала Пегги, которая нагло присутствовала при всех этих событиях, — чтобы в 1799 году вашей милой прабабушке было меньше восьмидесяти. Хотя клюка вам, конечно, к лицу.

— Если ей будет больше восьмидесяти, — мягко возразил Милодар, — мы обратимся к ее внучке. У нас большой выбор предков.

Пегги разочарованно замолчала. И тогда Кора решилась на небольшую месть.

— Если можно, — сказала она, — я попросила бы профессора Гродно не подпускать к саркофагу аспирантку Пегги.

— Это еще почему? — воскликнула Пегги. — Кто ставит под сомнение мою профессиональную подготовку?

— Вопрос не в подготовке, а в натуре, — откликнулась Кора. — Бывали случаи, что некоторые женщины срывали важные эксперименты из ревности.

— Я? Из ревности? К кому же, простите?

— К вашему шефу, — ответила Кора и с дьявольской улыбкой убрала руку профессора Гродно со своего бедра.

Профессор отпрыгнул на несколько метров, разбил что-то ценное и поклялся, что несет личную ответственность за безопасность первой жертвы гененавтики — так отныне будет называться научная дисциплина, первой жертвой которой станет Кора Орват.

Пегги пошла рыдать в соседнюю комнату, а Лицо из империи Эпидавр сообщило, что оно будет готовиться к отлету, ибо неотложные дела ждут его в империи.

С этими словами он церемонно поклонился и пошел прочь из зала, а второй министр бежал за ним, лавируя среди приборов и крича:

— Вы только посмейте меня здесь оставить! Я вас сожру с потрохами!

— Вы и без этого достаточно скомпрометированы, коллега, — заметило Лицо, не оборачиваясь. — Даже на генетическом уровне.

Они скрылись в дверях, а Милодар с профессором Гродно отпустил Кору до завтрашнего утра в деревню к бабушке Насте перевезти туда Колокольчика и переночевать на сеновале. За это время архивы и компьютеры нашей планеты должны по возможности проследить предков Кору по женской линии до конца XVIII века, благо, такая работа, правда, без генетического обеспечения, проводилась уже десять лет назад, когда комиссар Милодар в благодарность за помощь шестнадцатилетней Кору, воспитанницы приюта для галактических найденышей, обещал отыскать ее родителей. В чем почти преуспел.

Впрочем, все будет проверено и перепроверено завтра, во время путешествия Кору по подвалам ее генетической памяти.

Затем аппаратура профессора Гродно возродит к воображаемой жизни отдаленную прабабушку Кору и сознание нынешней Кору дотронется до давно угасшего сознания предка. То есть отыщет память о ней в себе самой. Наконец, Милодар получит разрешение отправить на час в прошлое Кору свою голограмму...

И Кора отправилась домой закрывать квартиру, объясняться с Колокольчиком, эвакуировать его в деревню и молить Бога, чтобы в 1799 году ее прямые предки жили не в Хивинском ханстве или в Лапландии, а как можно ближе к Индийскому океану.

Глава 2

ПРОИСШЕСТВИЯ НА ПИКАДИЛЛИ

Миссис Мэри Энн Форест жила в бедности. Муж ее, некогда боцман на корабле его величества «Энтерпрайз», потерял ногу во время боя с французами возле Кале, но так навострился ходить на деревяшке, что последние три года жизни был лесником в королевском лесу графства Кент. Там и встретил смерть от руки браконьера.

Родина не была щедра к нему, но нельзя сказать, что забыла верного служаку. Небольшую пенсию вдове платило Адмиралтейство, а шесть шиллингов в месяц Энн получала от Управления королевских лесов. К тому же миссис Форест принадлежал маленький дом, стоявший

в террасе домов на Грингроуз-стрит, выходящей к Темзе недалеко от улицы Воксхолл, то есть смыкавшейся стенами с соседними, точно такими же, двухэтажными, в два окна по фасаду, домиками. Обе комнаты на первом этаже занимала семья Форест — то есть сама Мэри Энн и двое ее детей — семнадцатилетняя Дороти и одиннадцатилетний Майкл. А две комнаты на втором этаже миссис Форест сдавала мистеру Гордону Смигу, бывшему служащему Ост-Индской компании, тихому пьянице, который хоть и нерегулярно, но платил вдове и к тому же бесплатно — а где ты найдешь в наши дни такое? — учил ее детей грамоте и арифметике. Дети были в мать, смелливые, быстрые умом, и умели читать и писать не хуже иного джентльмена. Гордон даже говорил, что Дороти могла бы поступить в Оксфордский университет, а потом когда-нибудь надеть судейскую мантию. Это была его обычная шутка и все дома весело смеялись ей. И в пабе «Золотой лев», то есть пивной на углу, он рассказывал о способных детях миссис Форест, и конечно никто не принимал его всерьез, хотя надо сказать, что в большинстве своем улица неплохо относилась к вдове и ее детям, хотя могло бы случиться и обратное. Грингроуз-стрит полагала, что вдова с достоинством и скромностью несет свой тяжкий крест, дети и дом ее всегда в порядке, а бедность чиста и неназойлива. К тому же миссис Форест работала не покладая рук и приспособила к работе детей — она делала шляпы для госпожи Блюмквист, веселой разбитной шведки, которая держала шляпную мастерскую на Кинг-стрит возле Ковент-Гарден.

Был у миссис Форест один явный недостаток, и, наверное, он осложнил бы ее жизнь в квартале классом повыше. Но на такой бедной улице, как Грингроуз, цвет лица или разрез глаз не играли решающей роли.

Британская империя была необъятна и к концу XVIII века над ней уже никогда не заходило солнце — так что жен, сожительниц, детей нижние чины привозили нередко, офицеры — куда реже. Вот и боцман Форест привез свою Энн из далеких земель, названия которых помнила лишь сама миссис Форест, и, наверное, в ее памяти они остались иными, чем на картах Адмиралтейства. К счастью для ее детей, Мэри Энн

была светлокожей, хоть и черноволосой и черноглазой женщиной. Дети унаследовали от нее четко очерченные полные губы, упрямые круглые подбородки, высокие широкие скулы, черные ресницы — но глаза они взяли от отца — светлые, что придавало детям особую прелесть и необычность. Если к тому же добавить, что и Майкл, и Дороти пошли в мать открытым, веселым, даже порой легкомысленным характером, общительностью, ловкостью и склонностью к незлым шалостям, то, к счастью, получилось так, что и среди сверстников они пользовались популярностью и на бедной улице были как дома...

Обе комнаты первого этажа, которые занимало осиротевшее шесть лет назад семейство Форест, были чистыми, аккуратными, но отличались от комнат соседских домов — впрочем, и комнат мистера Гордона Смита, заваленных книгами, барахлом и бумагами, ибо этот господин уже раз тридцать начинал писать воспоминания, но далее пяти страниц не продвигался, а потом через год, намереваясь продолжить их, не мог найти первых страниц и все начиналось снова. Комнаты миссис Форест были пустыми. Так ей нравилось. Одна картина — раскрашенная гравюра в рамке, изображающая «Энтерпрайз», огибающий с грузом пряностей мыс Доброй Надежды, в буфете под стеклом трубка мистера Фореста и его медаль за защиту Гибралтара от французов и испанцев, врученная боцману лично генералом Элиотом, именно так, оловянная кружка, из которой мистер Форест пил пиво, а также шесть стеклянных бокалов, купленных Форестом уже здесь, по приезде на родину.

Английскому духу претит жизнь в пустом помещении, с голыми стенами и без небольших и желательно тесно стоящих предметов. Но у Мэри Энн лишних предметов не было и стены были голыми. Дети к этому привыкли, а соседи заходили редко и полагали отсутствие предметов следствием бедности вдовы.

Вот, пожалуй, и все, что можно сейчас рассказать о семье миссис Форест, ее детях и ее доме.

Тот апрельский день 1799 года выдался солнечным и теплым. Хотя в ветре, скользившем по Темзе и быстро подгонявшем по ее широкой глади небольшие парусни-

ки, сопровождаемые крикливыми чайками, еще таилась весенняя прохлада. Близкое лето давало о себе знать более всего в жаре солнечных лучей.

Шляпа, заказанная для одной знатной дамы, была готова, уложена Мэри Энн в круглую коробку и перевязана бечевкой.

— Все! — сказала Мэри Энн. — Только не спеши, не бегай, ты взрослая девушка.

— Разумеется, мама, — ответила Дороти, которая одной ногой уже была на улице, на солнце, на свободе.

— Когда мисс Блюмквист заплатит тебе, расплатишься с мистером Стоуном (это был бакалейщик) и сразу домой!

— Да, мама!

Обе знали, что согласие, полученное матерью от Дороти — вырвано под пыткой и не будет выполнено. Всем было очевидно, что, отдав шляпу, Дороти помчится на Оксфорд-стрит фланировать по тротуару как настоящая леди, глаза на витрины и рассматривая экипажи и всадников, разъезжающих по улице.

— Ну, беги!

Мэри Энн подошла к окну, перед которым росли два пышных розовых куста, на которых уже начали наливать бутоны. Она смотрела вслед Дороти и любовалась ею. Конечно, девочка могла бы быть и поменьше ростом, а то уж очень кажется худой, но Дороти грациозна, легка, взор ее привлекает доверчивостью и добротой, хотя может стать холодным и тогда жди взрыва — это у нее от восточной маминой крови. А от отца она унаследовала аккуратность и упрямство британского моряка.

Почувствовав взгляд матери, Дороти обернулась и помахала ей. Они были так близки с матерью, что Дороти угадала ее мысли: «Если все будет хорошо, Дороти сможет устроиться в хороший дом горничной и там встретит достойного человека...»

Ах, мама, какая ты наивная! Не нужен Дороти достойный человек, садовник или дворецкий. Мечта Дороти — попасть в море, оказаться на палубе такого корабля, что летит по стене передней комнаты их дома. Какое горе, что она не родилась мальчиком! Вот Майк-

лу все это открыто, а он любит шить шляпы. Вы не поперсите — он шьет лучше всех в их доме!

Мастерская мисс Блюмквист под красивой вывеской с изображением дамы в легком, облегающем тело платье, какие, говорят, завели сначала в мятежной Франции, и в широкополой шляпе, располагалась на узкой Кинг-стрит неподалеку от Ковент-Гарден.

Дороти добралась до мастерской без особых приключений — путь от Воксхолл-стрит, от Темзы, узкими тихими улицами, где жила публика солидная, но небогатая, занял не более получаса. Так что вскоре Дороти уже крикнула снизу, увидев в открытом окне второго этажа мастерской наполовину скрытую вывеской веселую, но не очень щедрую госпожу Блюмквист:

— Вам не холодно, мисс Блюмквист?

— У нас в Швеции все лето такое, — ответила белокурая госпожа Блюмквист. Она говорила с некоторым выдуманном ею акцентом, чтобы скрыть настоящий, эдинбургский, откуда она была на самом деле родом.

Весна пришла дружная, многие кусты и деревья уже распустились, а на зеленых склонах к Темзе, там где не было грязных причалов и складов, зеленела такая свежая трава, что можно было позавидовать козам, щипавшим эту траву.

— Ты сама не замерзни — а то несешься в одном платье, вспотеешь! — откликнулась мисс Блюмквист.

Тук-тук-тук! — взлетела Дороти на второй этаж по скрипучей лестнице. Аккуратная госпожа Блюмквист уже сложила в длинный бумажный конверт предназначенные миссис Форест деньги. Дороти быстро поздоровалась с тремя мастерицами, что сидели вместе с госпожой Блюмквист, и помчалась на улицу. Столько еще надо было сделать до возвращения домой, а ведь мама уже поглядывает на ходики, которые отбивают не часы, а склянки — память о корабле «Энтерпрайз». То есть они бьют раз в полчаса. В половине первого — раз, в три часа — шесть ударов, в четыре — восемь склянок. И все начинается снова — так три раза в сутки. Отцу было приятно думать, что какой-то кусочек корабельной жизни сохраняется в его доме. А Майкл с Дороти долгое время были уверены, что в жизни нет часов, а

есть склянки, что приводило иногда к смешным и печальным недоразумениям.

От Ковент-Гарден до Оксфорд-стрит не так уж далеко — девичьи башмаки простучали эти кварталы за несколько минут...

В тот день молодой человек по имени Алекс Фредро, служивший штурманом на компанейском корабле «Глория», названном так в честь покойной супруги сэра Уиттли, вице-президента Совета директоров и бывшего министра, проснулся поздно. И причиной тому была не дуэль и даже не романтическое приключение, а встреча с епископом Яблонским, отыскавшим его во время негласного визита в Англию и взявшим у него некоторые важные бумаги. Епископ знал о скором отплытии Алекса в Британскую Индию, из-за чего тот не мог быть более «почтовым ящиком». Епископ был старым другом господина Николаса Фредро, отца Алекса и именно его негласному, но немаловажному влиянию Алекс был обязан своим образованием и тому, что ему не пришлось начинать службу на кораблях компании юнгой. Он сразу стал мидшименом, или мичманом, то есть будущим офицером, а к двадцати восьми годам дорос до достаточно опытного штурмана, иначе бы ему не служить на «Глории».

Алекс не любил Лондона, он всегда чувствовал себя в нем чужим и потерянным. Лондон был для него слишком шумным, тесным и неудобным местом. Здесь даже стволы деревьев, если найдешь одно на заднем дворе, обрастают лишайниками и какой-то мокрой зеленью.

На этот раз Алексу не пришлось долго околачивать в порту — его «Кент» отправился в сухой док, а сэр Уиттли, который всегда внимательно следил за судьбой подчиненных ему людей, сам предложил Алексу перейти штурманом на «Глорию», корабль новый, один из лучших в компании, который спешно снаряжался в Мадрас и Рангун, для исполнения секретных планов, из-за чего и груз на «Глории» был иным, нежели обычно на кораблях компании, которые должны были поставлять ткани, посуду, оружие, товары британского производства, нужные в обмен на пряности, тик или

иные произведения тропических стран, с большей или меньшей мерой охоты склонявшихся к признанию власти короля Великобритании.

Алекса разбудили громкие крики грузчиков, которые утопили в грязи сундук какого-то джентльмена, стаскивая его с экипажа. Он еще лежал некоторое время не отрывая глаз и слушая, как разгорается под окнами скандал, как в него вплетаются все новые голоса — возницы, пострадавшего джентльмена и тех зевак, которых хлебом не корми, но дай подсказать что-нибудь бесполезное.

Наконец, когда не осталось сил притворяться, что ты все еще спишь, Алекс вспомнил, что обещал быть днем у своего старого приятеля по штурманской школе, недавно выгодно женившегося и решившего оставить ненадежное и опасное морское поприще. Но визит, до которого надо было наведаться на «Глорию», где будут устанавливать новый компас, требовал посещения парикмахерской и покупки новых башмаков: гардероб Алекса был скромен, но не от его жадности или крайней бедности, хоть и приходилось посылать деньги оставшимся дома племянникам и сестре, но пока у Алекса не было своего угла в Англии, то большой гардероб был не нужен, а основное добро молодого моряка умещалось в сундуке, стоявшем сейчас в углу номера.

Тут Алекс открыл глаза и решил вставать.

Гостиница была чистой, для джентльменов служащих и офицеров Ост-Индской компании, потому в ней не было ни клопов, ни крыс, несмотря на то, что она стояла неподалеку от реки, куда вошла перед отплытием «Глория». Ночную посуду слуги мыли каждый вечер, в тазу была налита прозрачная вода, и полотенце было выстиранным, как в лучших домах.

Умываясь, молодой человек поглядел в овальное зеркало, прикрепленное к стене, и остался собой недоволен. Хоть он, следуя моде, отрезал косичку и стригся коротко, что было удобно в морской жизни, он так и не решился завиться, и потому его волосы, прямые, каштановые и не очень густые, никак не украшали его обыкновенного, ничем — ни горбатым носом, ни высоким лбом, ни орлиным взором — не примечательного лица. Скорее черты его лица были излишне мягкими, и даже подбородок недостаточно крут, хотя на самом деле

внешность Алекса Фредро была обманчивой — он был чрезвычайно упорен, настойчив и терпелив — и, главное, умел, хоть и не любил, отчаянно драться, что спасало его в мичманском кубрике. Вспомнив на мгновение те годы, Алекс замер, но зеркало тут же разоблачило его — у отражения остекленел взгляд и опустились уголки губ... Своим сложением Алекс также не был доволен, потому что его широкие плечи и развитые сильные руки выдавали в нем простолюдина, каковым он на самом деле не был — фамилия Фредро прослеживала свои дворянские корни по крайней мере лет на двести в прошлое... О, как мечтал он раньше быть таким же изящным, узкоплечим, гладкобедрым и изысканным, как настоящие кавалеры!.. Даже понимая, что подобные качества на корабле не приносят пользы, а к элите компании в Мадрасе или в Калькутте он не относился, изжить в себе зависть он не мог. Алекс Фредро был карьеристом. Он хотел стать капитаном настоящего корабля. Надеяться на это у него были все основания, если учесть, что его козырем было упорство и морское ремесло. Правда, не более того.

Приведя себя в порядок и позавтракав внизу, где хозяйка гостиницы, благоволившая к скромному штурману, оставила ему горячий кофейник и яичницу с беконом, Алекс вышел на улицу, где грузчики все еще возились с сундуком, который чуть ли не наполовину ушел в грязь. Он обошел драматическую сцену, прижимаясь к стене дома, где было посуше, и направился к центру Лондона, в известную ему парикмахерскую. Он все же решил немного завить волосы и, не исключено, посоветоваться с цирюльником, не отпустить ли ему бакенбарды, небольшие, как у капитана Фицпатрика, командира «Глории».

Дойдя до угла, Алекс достал из жилетного кармана часы-луковицу, щелкнул, открывая крышку. Часы сыграли простую мелодию, вряд ли кому известную в Лондоне и сообщили, что времени оставалось немного, ведь визит к парикмахеру наверняка отнимет более часа. Так, может, сначала все-таки заглянуть на «Глорию» и потом с легким сердцем...

Решить эту проблему следовало немедленно, но так как она была не столь уж важна, то Алекс решил от-

даться в руки судьбы. Он достал крупную монету в полпенни и сказал вслух:

— Голова, — имея в виду голову короля Георга III, изображенную на лицевой стороне монеты.

— И тогда пойдете в парикмахерскую? — спросил невысокого роста пожилой курчавый с проседью человек, одетый в черное, но без шляпы.

Настроение у Алекса было достаточно миролюбивым, чтобы не обижаться на столь необычное вмешательство в чужие дела.

— Тогда в парикмахерскую. — Он улыбнулся и подумал, что образовавшаяся у него от вахтенного одиночества привычка беседовать с самим собой, может сослужить в Лондоне дурную службу.

Он подкинул монету. Случайный прохожий внимательно и напряженно смотрел на него. Поймав монету, Алекс раскрыл ладонь. Кверху лежала Британия, держащая в одной руке копье, в другой — овальный щит.

— Значит, на корабль, — сообщил Алекс курчавому джентльмену.

— Почему же так? — удивился тот, утыкая палец в тыльную сторону кисти — монета вылетела и упала на мостовую. — Я же собственными глазами видел, что была голова монарха.

Джентльмен громко засмеялся, но тут же нагнулся, поднял монету, протянул ее Алексу и тот убедился, что смотрит на голову Георга.

— Я не слепой, — сказал Алекс. — Была Британия.

— А кто настаивает на этом?

— Но я видел...

— Вы видели короля, мой милый, — сказал курчавый джентльмен и буквально потащил Алекса к углу, к Оксфорд-стрит, к парикмахерской и притом почему-то приговаривал: — Да скорее же! Разве вы не понимаете?

— Что вы делаете, черт побери! — воскликнул штурман.

Вырвав рукав из цепких пальцев джентльмена он хотел было объяснить тому по-мужски, что так цивилизованные люди себя не ведут, но джентльмена и след простыл — днем на шумной Оксфорд-стрит нетрудно затеряться в толпе. Тем более что никто здесь не знал в лицо комиссара Милодара.

Сэр Джордж Уиттли, вице-президент Британской Ост-Индской компании, в отличие от штурмана Фредро побывал на «Глории» уже с раннего утра и проверил, должным ли образом идет погрузка корабля. С кораблем у господина Уиттли были связаны настолько важные и далеко идущие планы, что даже не все директора компании были в них посвящены, и всей правды не знал никто кроме сэра Джорджа.

Пока все шло как предполагалось. Но ясно было, что успех зависел от множества причин и случайностей — Атлантический океан, Индийский океан, Индия... — куда больше шансов потерять, чем найти. Но если найдем, то вся жизнь обретет особый смысл.

Сэр Джордж ехал домой по Оксфорд-стрит в открытом экипаже, наслаждаясь солнечным апрельским днем и не опасаясь простуды — этот краснолицый, рано поседевший крепкий мужчина, казавшийся толстым, вовсе не был толстым, а скорее туго-мясистым здоровяком. И если ему и грозила смерть, то только от излишнего накопления жизни — от этого порой происходят апоплексические удары.

Протянув вперед трость, сэр Джордж дотронулся до спины Мэттью и произнес, перекрывая шум улицы:

— Поторопись, Мэтт, у нас сегодня гости к ленчу.

— Вы же видите, какое здесь движение, сэр! — откликнулся кучер. — Я не удивлюсь, что через несколько лет Лондон погибнет.

— Отчего? — искренне удивился сэр Джордж.

— От конского навоза. Он наполнит улицы до вторых этажей!

— Это необычное, но не лишнее здорового смысла соображение, — сказал сэр Джордж, который привык всерьез рассматривать любую теорию или гипотезу, если видел в ней гран здорового смысла.

И в этот момент на подножку экипажа вспрыгнул небольшого роста курчавый джентльмен без шляпы. У него было лицо цыгана либо индийского жулика — подобные лица неоднократно встречались сэру Джорджу в Ост-Индии, которую он не выносил, вместе с ее сладкими красотами, претенциозными руинами, подобострастными раджами и посредниками, коварством отравленного воздуха и тухлыми, острыми запахами тесных городов.

Рука сэра Уиттли потянулась к внутренней, обшитой кожей стенке экипажа, где был глубокий карман для пистолета, но тут же он вспомнил, что собственноручно вытащил пистолет оттуда, ибо пэру империи неловко разрезать по столице с заряженными пистолетами. Могут узнать газетчики и тогда поднимется смех на всю страну: «Перед кем трепещет этот милорд?»

— Я не зарезу вас, — негромко сказал курчавый человек, и, к удивлению своему, сэр Уиттли обнаружил, что он немолод и не похож на индийца, а скорее принадлежит какому-нибудь балканскому народу — что не исключало его цыганского происхождения. — Не бойтесь.

И раскрыв в ухмылке рот, курчавый разбойник показал такие ровные и белые зубы, какие могли быть сделаны из фарфора, но не из костей, как то положено.

— Что вам надо? — спросил сэр Уиттли, избегая обращения к этому бродяге, который явно бродягой не был, но, возможно, состоял в греческих заговорщиках.

Мэттью обернулся, но коней не придерживал, потому что в этой толчее они и без того шли шагом.

— Для вашего блага, — произнес курчавый мужчина, глядя в глаза сэру Уиттли с настойчивостью гипнотизера. — Прошу вас свернуть на Пикадилли, ибо на ближайшем углу вас могут ждать неприятности.

— Что такое? Что за бред, в конце концов! — возмутился сэр Джордж.

Но курчавый поднял палец, как бы подчеркивая этим серьезность своего предупреждения.

— Помните ли вы о том, как по вашему приказу для проведения дороги к форту был снесен храм сикхов? Говорит ли вам что-либо имя Раджагатан Сингх? Сверните на Пикадилли! Сейчас же!

И с этими словами курчавый прыгнул с подножки и пропал. Мгновение — его голова мелькнула среди прочих... Нет, наверное, в нем есть негритянская кровь! Да, именно такая странная, чепуховая мысль промелькнула в голове сэра Джорджа. И он услышал:

— Я поверну, чем черт не шутит?

Он не ответил, хоть голос Мэттью и проник сквозь грохот улицы. Он вспомнил шоколадные, ненавидящие глаза старого сикха, изрыгающего проклятия на испол-

нительного, холодного и уверенного в своей правоте британского чиновника. Этот старый, фактически пустующий сикхский храм перекрывал низину между двумя холмами, создавая стратегическую ловушку для любого отряда, следующего из форта Св. Георгия на север. Это была точка зрения майора Куинси. И ее, разумеется, разделял старший фактор Уиттли, несший перед компанией и короной ответственность за безопасность британских подданных и британского имущества в этой стране, которую так не полюбил и жизнь в которой лишь терпел — почти двадцать лет терпения... Он увидел, что экипаж поворачивает на Пикадилли, и понял, что Мэттью принял угрозу курчавого пророка, видно, из соперничающей компании бандитов всерьез и решил не рисковать жизнью патрона. Теперь придется объезжать целый квартал, прежде чем вернуться на основную дорогу. Впрочем, с этими сикхами надо быть осторожным — они истинные убийцы и, что самое опасное, у них долгая память. Ведь добрались же они до Горди Ричардсона? В его имени, в Сассексе! По крайней мере, на том настаивает молва.

Экипаж чуть накренился, поворачивая, Мэттью стегнул коня, тот дернул вперед и надо же так случиться...

— Стой! Куда ты! Назад!

— Стой! Куда ты! Назад! — Дороти услышала этот крик, но не поняла, что он относится именно к ней.

Перед тем она долго рассматривала витрину часового магазина, в которой за стеклом возвышались мраморные и позолоченные каминные часы, изображающие двух обнаженных богинь, опершихся о мраморный грот, вместо входа в который находился золотой циферблат. Но не позолота и не фигурки богинь столь зачаровали Дороти, а живой, в прожилках, зеленый нефрит, из которого была сделана горка. И в этом нефрите жила какая-то ценная и близкая для Дороти тайна, некое воспоминание, которого и быть не могло. Но порой это просыпалось в ней — и именно с камнями, дикими, порой некрасивыми, в которых Дороти видела то, что было неподвластно взору других людей. Дороти могла идти по улице и вдруг присесть возле булыжника на

мостовой, потому что, пронзая мысленным взором грязь и потертость камня, она понимала, какая красота откроется в нем при разломе или распиле... Порой, еще девочкой, она притаскивала домой камни и хранила их в мешочке, в своем углу. Отец смеялся, хотел выкинуть, но конечно же не выкидывал, а мать сама имела к камням собственное тайное отношение, хотя не столь выраженное, как у Дороти. Но и она могла долго вертеть в руках непрозрачный осколок гранита, как бы впитывая пальцами его тепло и скрытую красоту.

Нефритовые каминные часы произвели такое впечатление на девушку, что она с трудом оторвалась от витрины, все еще мысленно трогая камень... и не замечая ничего вокруг, вышла на мостовую — точно под поворачивавший на Пикадилли экипаж сэра Джорджа. И ни остановить его, ни удержать коней, которые при неожиданном повороте также потеряли на секунду способность ориентироваться, было невозможно.

Сэр Джордж успел лишь приподняться над сиденьем и зажать рот рукой, ибо предчувствие страшного конца этой сцены больно сжало его сердце.

Но в этот момент случилось нечто непредвиденное.

Молодой человек в скромном синем сюртуке, волею судьбы увидавший неминуемую беду за секунду до того, как кони растоптали девушку, проявив нечеловеческую ловкость, прыгнул к девушке так, как кидаются на бордаж через трехъярдовую пропасть, разделяющую корабли, и рванул Дороти к себе, упав на невысокую тележку, груженную арбузами. Арбузы посыпались на мостовую.

Через несколько секунд, когда прекратился треск, грохот и многоголосый крик, все увидели, что экипаж врезался облучком и передним колесом в фонарный столб, отчего Мэттью свалился на землю, а над всем этим крошечным людей, арбузов, поломанного дерева, как статуя возвышался неподвижный от растерянности сэр Джордж.

Первым поднялся молодой человек в синем камзоле и надел свою шляпу — он принадлежал к тем воспитанным джентльменам, которые без шляпы чувствуют себя обнаженными. Затем он помог подняться спасенной им девушке, которая также забыла о боли и разорванном

платье, потому что испугалась, не потеряла ли она пустую шляпную коробку, за что будет наказана.

И лишь поднявшись, девушка вскрикнула от боли — и все увидели (а толпа окружила сцену быстро и тесно), что разорванная юбка не может скрыть разрезанного бедра, из которого течет кровь, и разбитой в кровь щеки. Молодой человек также был в крови, хотя, как потом оказалось, это была кровь Дороти. К тому же одежда обоих участников происшествия пришла в ужасное состояние — Алексу было достаточно одного взгляда на свой сюртук, чтобы понять: с мыслью об обеде у приятеля придется проститься. Но, правда, смотрел он больше не на себя, а на девушку. Девушка была совсем молоденькой, почти девочкой, хотя длинноногой и стройной и ростом она почти не уступала штурману Фредро. Лицо ее, возможно не лишенное очарования, сейчас вряд ли можно было бы назвать таковым — кровоподтек и синяк захватывали правую сторону лица, волосы растрепались, косынка или шляпка была утеряна. К тому же девушка была бледна и вот-вот готова лишиться сознания.

Штурман помог девушке подняться на ноги, и она стояла, пошатываясь, опираясь всей тяжестью на руки штурмана, и не соображала, где находится и что с ней случилось.

И в этот момент, перекрывая уличный шум, гул толпы и вопли пришедшего в себя владельца тележки с арбузами, послышался низкий голос человека, привыкшего управлять людьми:

— Мистер Фредро, вы ли это?

— Вот именно, милорд, — ответил штурман, только теперь сообразивший, что весь инцидент произошел с экипажем, в котором находился сам сэр Джордж Уиттли, вице-президент Ост-Индской компании, более того, фактически владелец «Глории» и организатор ее плавания в южные моря, то есть живой бог для молодого штурмана.

— Это я, — повторил штурман виновато, словно сам толкнул или подсунул девушку сэру Джорджу.

Сэр Джордж не успел ответить, как из глубины толпы, где обычно собираются борцы за правду, предпочитающие вести борьбу анонимно, раздался громкий голос:

— Для таких господ жизнь человека и пенса не стоит!

Ответом был глухой ропот и иные возгласы, также неприятные сэру Джорджу, который почувствовал себя обнаженным и беззащитным, словно король Франции Людовик на эшафоте на Гревской площади.

И надо сказать, что, хотя уже прошло шесть лет со дня казни монарха, а затем и завершения страшного террора, сэр Уиттли относился к тем вельможам, которые на всю жизнь после этого сохранили в себе недоверие к толпе, к ее темным инстинктам, ее грубости и внутренней ненависти к тем, кто дает работу, хлеб, кров, кто правит страной по возможности мудро и справедливо. Возможно, к этому примешивалась и память предков сэра Уиттли, которым пришлось бежать и скрываться от круглоголовых Кромвеля или от бедняков Уота Тайлера... В любом случае страх перед чернью глубоко сидел в сэре Джордже. Он медленно опустил трость и сжался на сиденье, готовый закричать Мэттью: «Гони», но понимал, что именно этого делать нельзя и, пока толпа не выпустит его, никуда он не денется.

Девушка закрыла глаза и потеряла сознание — это было видно сэру Джорджу и тогда он, ничуть, правда, не тронутый видом пострадавшей дурочки, которая по свойственной простолюдинам беззаботной тупости сама сунулась ему под колеса, понял, что пора действовать.

В любом ином случае сэр Уиттли, будучи человеком в принципе бессердечным, если дело не касалось его близких, приказал бы Мэттью ехать дальше, кинув побирушке шиллинг, но в окружении такого числа свидетелей он был вынужден вести себя иначе. Тем более что, пока он рассуждал, сжимаясь под растущим зловещим ворчанием толпы, в первые ряды пролез вездесущий репортер — газетчик: ловкая bestия, а сегодня сэру Уиттли менее всего хотелось оказаться на виду у газетчиков вигов.

— Чего вы стоите, Фредро? — крикнул он штурману. — Кладите девушку сюда. — Он посторонился на широком сиденье, освобождая место для пострадавшей, словно иной мысли ему и в голову не могло прийти.

Несколько рук поднялись вслед за девушкой — всем хотелось помочь, и уже утихала злость черни, потому что господин вел себя иначе, чем от него ожидали.

Алекс встал на подножку и поддерживал все еще бесчувственную девушку, чтобы она не коснулась сэра Уиттли и, не дай Бог, измарала его кровью. Сэр Джордж осознал это желание штурмана и отдал ему должное, а сам отодвинулся как можно дальше от бесчувственной девушки, потому что его плащ и сюртук были сшиты у такого дорогого портного, что этой девице за век не заработать на такую одежду.

— Трогай! — приказал сэр Джордж, полагаясь, что толпа теперь пропустит его экипаж, тем более что сзади дудели рожки карет, раздавались крики задержанных возчиков и кучеров.

Проверяя, убрался ли газетчик, сэр Джордж увидел у стены, на некотором отдалении от начавшей рассасываться толпы, немолодого уже человека с курчавыми, в седину волосами, остроносым крепким лицом, — конечно же это не грек и не цыган — это типичный сатир! Мраморную голову такого он видел в доме графа Мальборо — тот купил ее в каком-то из портов во время Средиземноморской кампании.

Курчавый человек, столь неожиданно появившийся на его пути с предупреждением о сиксах и в результате заставивший его влипнуть в неприятную историю, поднял руку, как родственник, остающийся на берегу и посылающий последний привет кораблю.

Сэр Джордж резко отвернулся от него.

Экипаж медленно поехал боковыми улицами, избегая толкотни, чтобы спокойнее и незаметней добраться до дома. На этих улицах и улочках немислимо трясло. Молодой штурман достал свой платок и попытался закрыть им рану. Разрез на ноге был неглубок, но в длину достигал фута и потому обильно кровоточил.

Сэр Джордж пожертвовал штурману свой платок — платки пропитывались кровью и создавали в экипаже ощущение полевого госпиталя. Ноздри сэра Джорджа давно не впитывали запаха свежей человеческой крови — у нее особый, дикий, тревожный запах... Сэр Джордж пытался угадать, какова собой жертва столкновения, но не мог — к нему была обращена распухшая синеющая грязная щека и спутанные волосы...

Экипаж свернул с улицы к металлической ограде, ворота в которой, выкованные более ста лет назад и быв-

шие произведением железного кружевного мастерства, медленно раскрылись, как бы примеряясь к скорости, с которой хозяин дома въезжал в свою резиденцию.

Открыв створки ворот, слуги в голубых ливреях замерли, вытянувшись и ничем не показывая своего удивления, но необычный вид экипажа встревожил дворецкого и двух лакеев, которые вышли из дверей наверху широкой лестницы, чтобы встретить сэра Уиттли. Они побежали навстречу ему, не дожидаясь, пока лошади остановятся, и сильные руки лакеев сразу подхватили девушку, помогая штурману вытащить ее из экипажа.

Дворецкий, остановившись в двух шагах поодаль, спросил сэра Джорджа:

— Куда прикажете?

В этом вопросе было все. И понимание того, что девушка не принадлежит к кругу персон, равных лорду, а то и самому дворецкому, и попытка осознать степень ответственности, какую сэр Джордж вознамерился взять на себя в связи с каким-то непонятным событием. Что это — благотворительность, доброта, столь несвойственная лорду, либо стечение обстоятельств, из которых сэру Джорджу придется выпутываться?

А сэр Джордж, которому дворецкий служил еще со времен Мадраса более двадцати лет, одной фразой все поставил на место:

— В комнату для гостей... на первом этаже. И вызвать мистера Симкина.

Комнаты на первом этаже предназначались не для гостей лорда, а для слуг гостей. Штурману этого знать не следовало, а Мартин все понял.

Уиттли кинул взгляд на штурмана. Тот стоял, прикрывая измаранную кровью кружевную сорочку под распахнутым сюртуком. Шляпу он потерял во время происшествия.

— Это чудо, мистер Фредерик, — произнес сэр Джордж, к сожалению перепутав непривычно звучащую фамилию своего штурмана. И почувствовав себя неуверенно, сразу нашелся: — Вы позволите называть вас просто...

— Александр... Алекс.

— Чудесно, чудесно. Сам Бог послал тебя, Алекс, чтобы спасти эту несчастную дурочку. Нет, вы только

подумайте! Во всем Лондоне на помощь бросается именно мой человек! — И сэр Джордж облегченно и искренне рассмеялся. — Я вам обязан, да, да, не отнекивайтесь. И не подумайте покидать мой дом в таком виде! Сейчас Мартин... — Сэр Джордж обернулся в поисках дворецкого — тот был рядом, но уже успел отдать нужные указания. — Ах, вот ты где, Мартин. Мартин, голубчик, отведи Алекса в комнату Джулиана. Открой его гардероб и помоги штурману моего корабля, славному морскому волку и будущему капитану отыскать себе одежду по вкусу. Надеюсь... размером она ему подойдет.

— Разумеется, сэр, — слегка поклонился дворецкий, — однако я должен напомнить, что, так как сэр Джулиан уже давно не был дома, его костюмы несколько вышли из моды.

— Алекс не модник, нет, Алекс не модник. — И тут же, будто усомнившись в комплименте, сэр Джордж обернулся к штурману. — Ты не модник, мой друг?

Алекс улыбнулся. Ответа не требовалось. Сэр Джордж тоже улыбнулся и так было достигнуто взаимопонимание.

— Когда же вы приведете себя в порядок и покажетесь доктору Симкину на случай царапин и ссадин... не спорьте, мой друг, надеюсь, вы присоединитесь ко мне в библиотеке и мы выкурим по трубке. Мне давно хотелось поговорить с вами о будущем плавании «Глории», но все не было времени, а теперь судьба распорядилась за нас, разве это не чудесно?

Алексу ничего не оставалось, как согласиться, что такая перспектива чудесна.

— А затем вы останетесь на ленч и я представлю вас моей невестке. Вам не приходилось еще встречать жену моего Джулиана?

— Не имел чести.

— Вот и отлично, вам же вместе плыть в Рангун!

И тут, словно вновь увидев, в каком жалком виде стоит перед ним штурман, да и вообще сообразив, что парадная лестница — не лучшее место для разговоров, сэр Джордж передал молодого человека в руки усатого Мартина, а сам проследовал к себе, недовольный тем, что вдруг обнаружил на рукаве плаща пятнышко крови.

Миссис Джулиан Уиттли, она же младшая хозяйка дома, Регина, жена единственного сына и наследника сэра Джорджа, пребывала с утра в отвратительном настроении. Она осталась без горничной.

Все уже было давно решено. Регина прибавила Салли жалованье, обещала, что сама позаботится в Ост-Индии о достойном женихе и выбросила эту заботу из головы. У Регины была особенность — она привязывалась к людям и вещам. То есть для нее и люди и вещи были понятием одной категории — ее окружением. Она до сих пор повсюду таскала с собой куклу, которую подарила ей тетя Джейн, она не позволяла выкидывать старые платья и даже туфли, для них за гардеробной была особая комната, которую в доме все открыто звали лавкой старьевщика. Она долго сопротивлялась замужеству, потому что мысль о том, чтобы покинуть родной дом, была невыносима. Для нее была трагедией поездка в Индию через год после свадьбы. Она прожила с мужем в Мадрасе три года, привыкла постепенно к новой жизни, но когда муж был переведен фактором на новое место — в Рангун — взбунтовалась и под предлогом лечения дизентерии и малокровия, возвратилась в Лондон и осталась тут надолго. Некоторые досужие языки даже утверждали, что она намерена расстаться с Джулианом, а отец ее, лорд Грейди, добьется развода для дочери, чтобы не губить ее в джунглях этой проклятой Индии. Потом, когда прошло три года и старший сэр Уиттли стал настаивать на ее возвращении к Джулиану, который уже обосновался на собственной фактории в Рангуне, соблазняя молодую женщину возможностями, открывавшимися перед ее сыном и ею самой, Регина, проснувшись как-то утром, вдруг поняла, что муж — это нечто привычное, подобно старой кукле и к нему пора возвращаться.

Разумеется, такая мысль не пришла бы в голову Регине, если бы в Лондоне не было так скучно, если бы муж не присылал так скупое деньги, вкладывая их, как утверждал, в индийские фрахты, если бы не прижимистость старого сэра Джорджа, если бы не ощущение того, что жизнь проходит в тоскливой роли соломенной вдовушки, хотя ей куда более подходит роль владычицы далекой империи. Когда же обнаружилось, что в Рангун

пойдет не пропахший гнилью и рыбой торговый тихоход, а удобная, вместительная, комфортабельная «Глория», путешествие на которой может обернуться приятным приключением, Регина неожиданно для старого лорда легко согласилась возвратиться к мужу. Правда, сэр Уиттли был вынужден хорошо заплатить за столь легкое согласие. Но и он не остался внакладе, потому что платил невестке не золотом, а акциями компании.

И вот, когда все было решено, когда «Глория» уже грузилась чуть ниже Тауэра по течению Темзы, вдруг без объяснения, без предупреждения эта недостойная Салли потребовала расчет. И даже не удосужилась объяснить почему. «Боюсь и все тут. Не хочу в Индию, а хочу в Лондон!»

Регина готова была бросить ее в подвал и заковать в колодки, но в доме сэра Уиттли подвал был полон капустой, копчеными окороками и прочими продуктами, да и колодок не нашлось. Регина хотела было пойти на крайнюю меру: глядя на наглое, круглое, мучнистое лицо желтоволосой горничной, она чуть было не позвала лакеев, чтобы Салли арестовали за попытку украсть... нет, разбить... нет, избить... пока она искала предлог, время было потеряно. Вошел дворецкий Мартин и при нем ничего не оставалось, как красивым и широким жестом указать Салли на дверь, даже не спросив ее: а что же случилось на самом деле?

Конечно, дело было не в климате. Дело заключалось в письме, которое пришло из Брайтона, где у Салли жила тетка. Вроде бы и жила, но о ней Салли не помнила. А теперь эта тетка вознамерилась оставить ей в наследство небольшой домик у моря и триста фунтов. Именно это говорилось в письме, которое принес и даже прочитал вслух странный джентльмен, весь в черном, курчавый, с проседью, похожий не то на грека, не то на цыгана и оказавшийся стряпчим. Отцу Салли он вручил подарок от сестры его покойной супруги — табакерку из чистого серебра, а Салли аванс — сорок фунтов чеком на Лондонский банк. Вот такая невероятная история случилась утром.

Конечно, пока курчавый джентльмен не передал письмо, подарки и чек, в доме Салли его приняли с подозрением. Потом же он стал лучшим другом и советчи-

ком. А совет его заключался в том, чтобы без нужды не рассказывать соседям и знакомым о свалившемся с неба счастье. Отец согласился, и Салли согласилась. Потому и мямлила хозяйке, робея и краснея, о плохом климате в Индии и страхе перед морским путешествием.

Рассвирепевшая Регина потеряла контроль над собой, которым так гордилась. Салли была старой привычной вещью, которая вдруг проявила склонность к предательству. Все равно как если бы кукла ушла в лес.

А где возьмешь горничную за неделю до отплытия? Конечно, можно отыскать воровку или шлюху... порядочная девушка не отправится так вот, с бухты-баракхты, через половину мира в страшную Индию.

Регина отвернулась, чтобы не прощаться с Салли и не видеть больше этой круглой тупой рожи, но слышала, как шаги Салли и Мартина удаляются по коридору. Сама же она уставилась в зеркало, не видя себя, потому что ее взор был обращен вовнутрь.

Все еще преисполненная холодного бешенства и жалеющая о том, что она живет в этой проклятой Англии, а не в Индии, где она быстро бы отправила непокорную служанку к палачу или хотя бы выпороть на конюшню... Говорят, что в России до сих пор у дворян сохранилось такое благородное право и плебеи там знают свое место. Ах, почему она не родилась в могучей и справедливой России!

Услышав за приоткрытым окном взволнованные голоса, Регина подошла к окну и увидела экипаж ее свекра, въехавший в ворота дома. С первого взгляда Регине показалось, что под влиянием разговора с горничной она сошла с ума — сэр Уиттли сидел рядом с молодой девушкой, а на подножке экипажа стоял молодой человек без шляпы в разорванном синем сюртуке.

Это кошмарное явление приближалось к дому, и, взглянув вниз, Регина увидела, как Мартин, сопровождаемый лакеями, кинулся вниз по лестнице, чтобы освободить экипаж от бесчувственного женского тела.

Что это? Какой-то несчастный случай? Но представить себе, что Уиттли остановится и подберет на улице пострадавшую, если она не герцогиня Кентская, было невозможно. А что, если это в самом деле знатная дама? Но, задавая себе этот риторический вопрос, Регина уже

знала, что это не так — ее острому взгляду и на таком расстоянии было видно, что женщина с окровавленным распухшим лицом относится к низшим слоям общества.

Регина не спешила спуститься вниз, но пока ее свекор беседовал на ступеньках лестницы с молодым человеком, помогавшим доставить в дом женщину, она его внимательно разглядывала. На первый взгляд молодой человек не был ничем примечателен, хотя был высок и ладно сложен. Регине понравилось его открытое простодушное лицо и даже веснушки на переносице, столь легкомысленно красовавшиеся на лице джентльмена, который, правда, и не пытался от их избавиться пудрой или белилами, как сделал бы щеголь из окружения Регины Уиттли. Да и вообще лицо молодого человека было обветренным и загорелым, что выдавало в нем военного или моряка, либо по крайней мере человека, проводящего свою жизнь на открытом воздухе. Таких людей в доме Уиттли принимали лишь по делу — они прибывали на кораблях из Ост-Индии или Вест-Индии. Такие люди служили компании и дому. Мало кто из них поднимался высоко и становился гостем. Еще не наступила пора, когда крупные состояния делались в колониях. Пока что деньги ковались на бирже и на складах метрополии — служащие факторий и фортов чаще гибли от лихорадки или дизентерии, не успев разбогатеть, либо теряли все добро, когда очередной пират или корсар нападал на компанейский корабль, не спеша плывущий в Англию по Индийскому океану. Жизнь была игрой, и игроки на поле боя не выигрывали.

Наконец сэр Уиттли и молодой человек в сорочке, измазанной кровью, словно после дуэли на шпагах, проследовали в дом, что Регину удивило. Движимая любопытством, она вышла на лестничную площадку второго этажа и услышала, как Мартин с молодым человеком поднимаются по лестнице. После секундного раздумья Регина отправилась по лестнице вниз, рассчитывая встретиться с молодым человеком на половине лестницы. Лестница закруглялась, прижимаясь к белой стене, на которой были развешаны головы охотничьих трофеев времен буйной молодости сэра Уиттли: со стен скалились медведь, вепрь, бенгальский тигр и белый носорог — чудовище невероятно редкое и почти неуловимое.

— Ах! — воскликнула Регина. — Что случилось? Кто вы? Что с вами?

— Простите, мэм, — ответил за молодого человека, скромно склонившего голову, дворецкий Мартин. — Но молодой господин по приглашению сэра Джорджа переодеется в комнате вашего супруга. В таком виде он не может появиться на улице.

— В комнате... моего мужа? — размеренность возмущенных слов была рассчитана на молодого человека и Мартина. Они должны были понять, что лишь она, жена Джулиана Уиттли может разрешить или не разрешить войти кому-то в гардеробную молодого господина.

Но сцены не получилось, потому что снизу, из холла, послышался голос сэра Уиттли, который обладал дьявольской способностью слышать чужие разговоры, даже если они велись тихим шепотом, и вмешиваться в них к собственной выгоде.

— Дорогая, — прогудел он, взбежав по лестнице, — я позволил себе отправить Алекса к Джулиану в спальню — я не могу выпустить моего спасителя на улицу в таком растерзанном виде. Надеюсь, ты не возражаешь?

Регина молчала, переваривая слова свекра. Он назвал молодого человека Алексом — это означает, что тот либо достаточно близок к лорду, либо стоит на очень низкой ступеньке общественной лестницы — рядом с Мартином или кучером Мэттью. Но одежда... одежда молодого человека скромна...

— Я рада быть вам полезной, — сказала Регина горловым голосом, воркующим, словно он доносился из голубиноного клюва.

Алекс так и назвал ее про себя голубкой. И в последующие недели она для него голубкой и останется.

Алекс не знал, что муж Регины Джулиан, впервые увидев Регину на лужайке для крикета в Райтлейне — имени эссекских Ланкастеров, представил ее именно голубкой, быстро, но притом сохраняя голубиную неспешность, выклевывающей невидимые зернышки в ярко-зеленой траве.

Регина всегда, с детства, была не толста, но по-голубиному округла, головка ее была мала по отношению к плотному, хоть и не лишенному талии телу, и Регина имела птичью манеру часто и быстро поворачивать

клюв — острый небольшой носик, который легко краснел на холоде или на ветру. Лицо ее было миловидно, но в нем всегда присутствовала настороженность птички. Даже передвигалась она по птичьей — мелко перебирая маленькими, но широкими в бедрах ножками, словно собираясь взлететь, но так никогда и не взлетевши.

Внешность Регины пленила молодого Уиттли и заставляла кружить возле нее поклонников — ибо у Регины были пышные и упругие груди и соответствующие им размерами и пышностью иные соблазнительные части тела. Ее грудям всегда было тесно — и под лифом, и под широким халатом. Даже если их удавалось надежно спрятать от алчущих взглядов, стоило Регине глубоко вздохнуть, а она умела и любила глубоко вздохнуть, — как груди ее вздымались, требуя узды — желательно в виде мужской решительной руки. И в какую бы одежду она ни облачалась, окружающим виделось, что она обнажена.

Но это вовсе не означает, что Регина была рабыней своих бедер и своего бюста. Природа не наградила ее страстной натурой, и она долгое время не умела и не хотела пользоваться своей властью над мужчинами. В результате в шестнадцать лет она стала жертвой насилия дворецкого в доме ее отца, сэра Грейди. Нельзя сказать, что ласки этого грубого пожилого человека не доставляли ей удовольствия. Но она отлично могла без них обойтись, как обходилась, например, зимой без клубники. И когда, осерчав на дворецкого, она во всем призналась маме и дворецкого немедленно и тайно выгнали из дома, она не испытала большой печали от этой разлуки с ним. Позже, когда Регина начала выезжать, у нее появились поклонники, большей частью движимые похотью, но не имевшие серьезных намерений, потому что семейство Грейди было давно и основательно разорено, а Регина и три ее младшие сестры оставались последней ставкой в жизненной борьбе. Джулиан же, увидев Регину, сразу понял, что именно эта голубка станет его супругой, и несмотря на отчаянное сопротивление сэра Джорджа, который понимал, что женитьба на девице Грейди — удар по его финансовым планам, добился своего. Он ведь умел все делать тихой сапой —

такой вот послушный мальчик, а всегда добивается своего.

Но сейчас он далеко, в Рангуне, это где-то на краю Ост-Индии в Авском королевстве, а голубка Регина смотрит на окровавленного штурмана Алекса и вид его, и даже не выветрившийся еще запах крови вдруг заставляют ее ноздри раздуться, она глубоко вздыхает, и шнуровка корсета лопается, позволив нежно-розовым грудям молодой госпожи показаться штурману...

Разумеется, громко ахнув, Регина бежит к себе, дворецкий Мартин, который знает о жизни дома Уиттли куда больше, чем полагают его хозяева, позволяет себе улыбнуться и, легко подтолкнув в плечо штурмана и как бы низводя до своего уровня, ведет его к гардеробной Джулиана Уиттли.

Глава 3

КАК ОПАСНО БЫТЬ ГОРНИЧНОЙ

Доктор Симкин давно собирался на покой и для того сокращал число своих пациентов. Чем более он их сокращал, тем большим спросом пользовались его услуги. Доктор, который отказывается лечить, ограничиваясь лишь узким кругом избранных, сразу становится нужен тем, кто в этот круг не попал.

Но сам-то доктор знал, что последним пациентом, от которого от откажется, будет сэр Уиттли. Доктор появился в этом доме безусым выпускником медицинской школы в качестве ассистента покойного Филиппа Нокса, и с тех пор уже сорок лет врачевал растущих, взрослеющих, стареющих и умирающих, совершенно независимо от усилий медицины, обитателей дома. Примирившись с тем, что природа сильнее врачебных потуг, доктор принял девиз: «Не навреди!» и всегда следовал ему. И потому наиболее удачно лечил отдыхом, постельным режимом и прогулками по парку. Милая девчушка, попавшая под колеса экипажа сэра Уиттли была для Симкина, из-за свисающих седых усов похожего на старого викинга, лишь еще одним примером того, насколько вреден сэр Джордж для окружающего человечества. Он был как бы антиподом Мидаса — все, чего он касался, превращалось

в прах и гниль... за исключением собственности сэра Уиттли, которая этому закону не подчинялась и росла, как сказочная гора сокровищ. Этим, кстати, объяснялось упорство, с которым сэр Уиттли выпихивал в Ост-Индию свою невестку. Ему требовалось, чтобы она как можно скорее понесла от его сына и тогда накопление сокровищ и власти семейства Уиттли найдет достойное оправдание. В том же, что Регина не родила за первые два года жизни в Мадрасе, он видел ее злонамеренную лень и нежелание помочь сэру Джорджу.

Зная семейство подобно тому, как знал его дворецкий Мартин, Симкин испытывал к нему привязанность, но не любовь, подобно тому как не знала любви Регина. В этом они были схожи. Но Симкин при своем равнодушии к окружающим был человеком добрым и даже отзывчивым. Скорее по привычке, чем от душевных движений, он покорно поднимался среди ночи и мог провести сутки у постели больного, стараясь притом облегчить его страдания. Этого нельзя было сказать о Регине. Она все еще была ребенком, для которого не обозначалась разница между людьми и игрушками.

Осмотрев пострадавшую девушку и приказав служанкам осторожно промыть раны, царапины и ссадины Дороти, потому что в них попала уличная грязь, он затем ее перевязал. Девушка пришла в себя и из слов доктора поняла, что она не дома и не в больнице, а в доме доброго милорда, который привез ее к себе из чувства сострадания. Это так напугало Дороти, что она попыталась подняться и уйти домой, но рана в ноге была настолько серьезной и болезненной, что даже дойти до ночной поединки без помощи сиделки она не могла.

Седой, с проплешиной доктор, у которого была смешная манера доить свои длинные седые усы, спокойно наблюдал за попытками девушки, а затем сказал, что в любом случае ей следует три дня пролежать в кровати, именно в этой кровати, питаться бульоном и вареной курицей, а он, доктор Фредерик Симкин, будет навещать ее каждый день.

Он был добр, но строг, и тогда Дороти спросила, нельзя ли как-то сообщить о случившемся ее матери. Доктор взял на себя эту обязанность и, дав перед уходом снотворное, покинул девушку.

Сэра Джорджа и штурмана, переодетого в дорогой, но скромный сюртук и брюки Джулиана, доктор застал в библиотеке за аперитивом. Они оживленно беседовали о возможностях «Глории» и сути муссонов, ибо оба были людьми профессиональными и знали, что мореплавание и торговля в Ост-Индии — дело сложное и опасное, а легкомысленные щеголи или ленивые тупицы там в лучшем случае не уживаются. В Индии полезнее было быть мерзавцем, чем порядочным человеком, но выгоднее умником, чем дураком. Впрочем, эти правила куда в меньшей степени относились к морякам и офицерам компании, если они не были одержимы жадной обогащения.

Сэр Джордж предложил доктору рюмку портвейна и спросил, как себя чувствует девушка.

— Ей требуется покой, — сообщил доктор, зная, что вызывает этими словами неудовольствие лорда, но ему порой нравилось говорить лорду неприятные вещи, хотя бы потому, что сам лорд обожал говорить гадости окружающим.

— Пускай отдохнет до завтра, — усмехнулся Уиттли.

— Я полагаю, что ей следует три или четыре дня пробыть в постели. Рана на ноге, нанесенная вашей каретой, милорд, значительна и может опасно загноиться.

— Разве у нее нет своего дома?

— А у вас не хватает комнат? Или жалко миску куриного бульона?

— Доктор, доктор... — вздохнул Уиттли, — я хотел только одного — вернуть эту крошку родителям, успокоить их...

— Ничего себе — спокойствие — получить искалеченного ребенка!

— Ну уж искалеченного! — Сэру Уиттли совсем не нравилось вести этот спор в присутствии молодого штурмана, но отступить было поздно.

— Рискните, — предложил доктор. — Пускай сюда явится ее отец с полицейским, а за ним пятьдесят репортеров.

Доктор отлично знал о нелюбви Уиттли к этой категории человечества и был уверен, что таким простым и тихим ходом он выиграл шахматную партию.

— Но через три дня вы гарантируете...

— Я не гарантирую, но обещаю постараться. Сейчас несчастная крошка заснула.

— Несчастливая крошка... — Уиттли с подозрением взглянул на доктора — не издевается ли тот. Доктор был совершенно серьезен.

— Я возьму на себя труд предупредить ее мать и успокоить ее, — смиловившись Симкин. — Но вы должны распорядиться, чтобы маму Дороти пустили сюда беспрепятственно.

Уиттли, уже сдавшийся и смирившийся с тремя днями возможных неудобств, обратил взор к камину, возле которого мог бы стоять Мартин, но тот ответил от двери в буфетную:

— Я все слышал, сэр.

Если бы супруга сэра Уиттли, столь безвременно почившая, была жива, она бы нашла, как всех поставить на место. Но, увы, Уиттли был одинок.

Вокруг были одни предатели, филантропы и пацифисты, но в окружении врагов Уиттли всегда предпочитал почетный плен благородной гибели. Поэтому, ничем не выразив недовольства, он повернулся к штурману и продолжил разговор:

— Мы посылаем два корабля, — сказал он. — Наибольшие надежды я возлагаю на «Глорию». Так как я сторонник прогресса. Я убежден, что любое тяжелое орудие важнее роты солдат. И вообще машины... Еще рюмку кларета?.. Машины со временем заменят человека. Я еще доживу до того времени, когда машины Уатта поставят на фрегаты и те независимо от погоды или противных ветров и штилей будут добираться до Индии менее чем за месяц.

— Но и вонь от них будет, — позволил себе улыбнуться штурман — горячий патриот парусного флота.

Сэр Уиттли не согласился с молодым собеседником.

— Сегодня, — сказал он, — мой кучер Мэттью попытался заглянуть в будущее и предположил, что через несколько лет Лондон погибнет, потому что до крыш будет завален конским навозом. Он представляет себе прогресс как накопление того, что имеется. Для меня же прогресс — это появление нового. И я боюсь, да, боюсь гибели Лондона! Но не от конского навоза, а от угольной сажи, так как не только печки города, но и

все экипажи, все машины в нем будут работать силой пара и, соответственно, будут нещадно дымить.

Штурман поежился от такой страшной перспективы. Он не любил заглядывать в будущее.

Но последнюю фразу сэра Уиттли услышала вошедшая в библиотеку Регина, появление которой должно было считаться совершенно случайным...

— Ой, простите, я не знала, что вы заняты, сэр!

Уиттли предпочел бы, чтобы его называли отцом или еще как-либо нежно — только не сэром, словно чужого. Но невестка его не любила. И ничего не могла с собой поделать. Она была вежлива, ласкова, улыбчива, а сэр Уиттли порой просыпался ночью от кошмара — будто голубушка, голубица, горлица выклеывает ему глаза. И так странно это делает: раздвигает веки пальчиками, унизанными кольцами, а потом прицеливается аккуратненьким, твердым как сталь носиком. И — удар!

— Заходи, Реджи. — Лорд назвал ее нелюбимым именем. — Познакомься — твой спутник в многодневном пути Александр...

— Фредро.

— Алекс Фредро. Штурман «Глории». И не смотри, что он так молод.

Иностранец, поняла Регина. Слишком много иностранцев развелось в Англии в последнее время. Скоро не останется чистокровных англичан и страна превратится в индийскую помойку. Она сказала это вслух, конечно же не в отношении штурмана, а как бы отвечая на последнее рассуждение свекра о золе и дыме, которые погубят Лондон.

— Мы скорее помрем от тех болезней и миазмов, которые сами ввозим в Англию, — сказала она. — Кому нужны доходы, если они влекут за собой вырождение и заразу?

Штурману показалось, что он видит перед собой птицу, покрытую перьями, округлую, которую хочется взять в обе ладони и почувствовать, как под перьями в тугом теле бьется быстрое сердце. Фарфоровые глаза голубки остановились на лице штурмана, но избегали его зрачков. Он не мог оторвать взора, хотя не должен был смотреть на нее — при виде этой птицы в мужчине

сразу просыпался охотник, но не с луком — такую добычу надо было ловить руками, только руками...

-- Присаживайся с нами, Реджи, — сказал сэр Джордж. — У нас от тебя нет секретов.

— И на том спасибо, — откликнулась звонко Регина, и тут штурман почувствовал напряжение в отношениях родственников.

Беседа о предстоящем путешествии оборвалась — хоть Регина и была в курсе его целей и задач.

В ожидании, пока Мартин пригласит господ к ленчу, заговорили об утреннем происшествии.

— Кстати, — вспомнил сэр Джордж, — я бы миновал то место без приключений, если бы ко мне в экипаж не забрался неизвестный проходимец и не уговорил меня повернуть на Пикадилли, ибо меня якобы подстерегают сикхи, чтобы совершить покушение.

— Но кто он был? — удивился штурман.

— Какой-то грек. А может, и тамиль — мало ли их... маленький, курчавый. Штурман тоже вспомнил о том, как пожилой джентльмен как бы направил его в ту точку, где оказался экипаж сэра Джорджа, но конечно же им не могло прийти в голову, что это мог быть один и тот же человек.

— Интересно, кто она, эта девица? — спросила Регина, наконец-то встретив взгляд штурмана и смутив его еще более.

За ленчем разговор продолжался и сэр Джордж заявил, что по его сведениям в столице есть профессиональные проходимцы, которые нарочно кидаются под кареты, чтобы получить компенсацию. По завершении этой филиппики Мартин, бывший в столовой, позволил себе сообщить обществу, что только что прибежала мать девушки, которая еще находится у нее. Мартин счел своим долгом вкратце поговорить с ней и узнал, что она — вдова, воспитывающая двоих детей, потому что ее муж, бывший боцман флота его величества и бывший лесник королевских лесов был убит браконьерами. Миссис Форест живет тем, что изготавливает шляпы и считается отменной мастерицей, в чем ей помогает и Дороти. В этих нескольких фразах Мартин, как и многие простые люди, очарованный скромной гордостью миссис Форест, попытался вызвать в госпо-

дах сочувствие к судьбе несчастного семейства, однако ему и не надо было этого делать. Штурман Фредро провел молодость в лишениях и сиротстве и сразу почувствовал симпатию к пострадавшей девушке, а сэр Уиттли, узнав, что ее покойный отец был боцманом на флоте, вычеркнул девушку из числа проходимок и попросил, а услышав, что тот был убит браконьером, проникся к Дороти отцовскими чувствами, хотя бы потому, что недавно браконьеры совершили нападение на лес, принадлежавший сэру Джорджу (как раз перед охотой, на которую он пригласил знатных знакомых), и истребили всех косуль, которые были предназначены в жертву.

— Где он был лесником?

— В графстве Кент, — ответил Мартин, который этого не знал, но полагал, что лучше ответить сразу, чем задуматься и вызвать недовольство хозяина.

— Так я и думал! — воскликнул Уиттли.

Разумеется, лес Уиттли располагался именно в графстве Кент

— Я попрошу, — сказал Уиттли Мартину, — чтобы девушку перед отъездом из дома привели ко мне. Я намерен сделать ей подарок. А также подготовьте десять фунтов для передачи ее матери. Вы говорите, что она женщина примерного поведения?

— Безусловно, милорд.

— Двадцать фунтов. Мы должны делиться с теми, кто страдает ради нас и из-за нас.

Ничего невероятного в этом не было, так как сэр Джордж при всех своих отрицательных качествах до пожилых лет сохранил сентиментальность и в сегодняшнем событии усмотрел перст судьбы, указующий ему на необходимость более думать о Боге, нежели о суете земной.

Довольный, Мартин склонил голову, а голубка спросила:

— Сколько ей лет?

— Если не ошибаюсь, семнадцать, мэм.

— Значит... она из приличной семьи?

Вот именно.

— Умеет ли она шить?

— Без сомнения.

— Я навешу ее, — сказала Регина. — Как только ей станет получше. Я полагаю, что смогу дать ей подработать — мне перед отъездом надо привести в порядок гардероб.

Как разумная и не склонная к расточительности женщина, Регина не намеревалась удивлять Рангун или Калькутту модными лондонскими туалетами. И если нужно, она сможет заказать себе новое платье и в Индии, где для этого есть все возможности. Но привести в порядок то, что намерена везти из Лондона, не мешало. Возможно, скромная и неизбалованная девушка окажется полезной.

Более за ленчем о девушке не вспоминали, потому что заговорили о предстоящем путешествии. Алекс был напряжен, он робел перед лордом и притом боялся, что миссис Уиттли глубоко вздохнет и тогда корсет разлетится в клочья и розовые шары ее бюста покажутся на свет.

Он боялся этого и надеялся на это...

Ему предстояло провести с этой женщиной на борту «Глории» несколько недель. И, как известно, каюты офицеров корабля расположены на корме, под каютами капитана и мадам Уиттли — может быть, отказаться от плавания, сославшись на болезнь? И тут же штурман отогнал эту мысль и попытался посмеяться над таким мальчишеством. И случилось чудо: как только Регина покинула их и оставила докуривать трубки, он сразу вырвался из-под ее влияния. Осталось лишь чувство тревоги.

Еще через полчаса штурман с некоторым облегчением откланялся, но получил приглашение на обед в будущий четверг, на котором будет капитан Фишпатрик и несколько посвященных в планы Уиттли членов Совета директоров. Это означало высокую степень доверия к Алексу, и тот был польщен.

Утром следующего дня Дороти навестила молодая хозяйка дома. Она была любезна, хотя сначала испугалась, увидев, как вспухла и посинела правая сторона ее лица, а глаз заплыл. Правда, Мэри Энн, которая приходила рано, чтобы самой покормить дочку, причесала Дороти, умыла ее. Регина смогла преодолеть первона-

чальное чувство отвращения, которое испытывала к старости, уродству, боли, крови, а когда Дороти заговорила, стараясь оборачивать к госпоже левую, здоровую половину лица, Регина отметила для себя, что речь девушки была вполне приличной для ее круга, без этого дикого простонародного умения сжевать половину букв, к тому же в ней Регина угадала не только миловидность, но и умение держать себя, что происходит обычно от строгого воспитания. Госпожа Уиттли присела на стул у кровати Дороти, благо, у нее не было настроения с утра заниматься хозяйственными делами, и устроила Дороти мягкий, конечно, допрос и разузнала о ней все — о романе боцмана с «Энтерпрайза» и азиатской девушки, которую он, можно сказать, обольстил, правда, с ее согласия, когда болел лихорадкой в городе Амарапуре, куда был направлен сопровождать посольство майора Саймса. В этой истории было много неясного, даже для самой Дороти, потому что получилось, что Мэри Энн была как бы сиделкой при отце, а потом благодарный майор Саймс, проводивший со своим посольством много месяцев при дворе в Амарапуре, благословил брак боцмана с местной девушкой, а король Авы дал на то согласие, также проявляя этим добрую волю.

Возможно, дама с иным воспитанием и жизненным опытом, нежели госпожа Уиттли, восприняла бы рассказ девушки как чистой воды вымысел и с гневом разоблачила бы рассказчицу. Но ничего подобного не произошло — Регина поверила всему, потому что прожила достаточно в Ост-Индии, чтобы понять, что наиболее маловероятным в этой истории было то, что боцман Форест обвенчался с ост-индской девушкой, а не то, что привез ее на военном корабле домой. Корабль принадлежал Ост-Индской компании, дальнейшее зависело от благорасположения капитана. Регину судьба ставила в Калькутте с майором Саймсом, и она знала, насколько этот образованный и бесстрашный джентльмен добр, внимателен и даже деликатен, когда дело касается окружающих. Любой большой корабль нес на своем борту не только команду, но и пассажиров, а также зачастую семьи офицеров, не говоря уж о всевозможной живности — от кур до коров, дабы обеспечить команду свежим мясом, слуг и челядь джентльменов и

даже оркестр, если капитан был меломаном. Так что ясно: от одной лишней женщины мир не перевернется.

Разумеется, Регину несколько огорчило, что такая воспитанная девушка оказалась полукровкой, как бы беспородной собачкой, но под Божьим небом все имеют право на жизнь. Значительно большее впечатление на молодую госпожу произвело то, что Дороти умела читать и писать — сама она делала это с трудом, хотя восемь лет провела в школе для благородных девиц — но так получилось, что для собственного удовольствия госпожа Уиттли не прочла ни одной книжки.

Вечером с кратким визитом в комнату к Дороти прибыл сам сэр Джордж, который, оказывается, не только был близко знаком с сэром Майклом Саймсом, но и посещал его в доме на Уелбек-стрит, где тот как раз завершал большой иллюстрированный труд «Посольство в Аве», выхода которого с нетерпением ждут все любители путешествий и дальних стран, а также специалисты, размышляющие о дальнейших судьбах Британской империи.

При этих словах сэр Джордж снисходительно и устало усмехнулся, и Дороти поняла, что именно он относится к таким персонам и посещал Саймса с политическими, может быть, тайными целями.

На следующее утро прачка принесла одежду Дороти и та, отказавшись от услуг матери да и соскучившись уже лежать в постели, попросила иголку и ниток и принялась сама зашивать и приводить в порядок свое порванное платье и белье, а когда Регина пришла со следующим визитом, она смогла оценить быстроту и ловкость пальчиков Дороти. Та же, плененная голубыми глазами и глубиной воркующего голоса миледи, уже старалась произвести на Регину хорошее впечатление. В результате разговор кончился тем, что, еще не поднявшись с кровати, Дороти получила от госпожи ее голубую широкополую шляпу, поврежденную сильным порывом ветра в прошлое воскресенье. Вскоре пришла с гостинцами мать и привела Майкла, робевшего в громадном доме. Она хотела отнять у дочери шляпу, чтобы самой кончить работу, опасаясь, как бы та не испортила такое высокое произведение шляпного искусства.

В момент спора дочери с матерью вновь заглянула Регина, планы которой относительно Дороти все ширились, и быстро утихомирила спор, принеся еще две своих шляпы — так что теперь все семейство Форестов было при деле. И когда сэр Уиттли вновь посетил свой госпиталь, то он обнаружил комнату полной народу — оттуда доносился женский смех, щебет, и, остановившись в дверях, сэр Уиттли не мог не залюбоваться этой мирной, будто сошедшей с полотна голландского художника, сценой — три красивые женщины: Регина, Дороти и Мэри Энн столь естественно и непринужденно занимались своими делами, что Уиттли вдруг загрустил оттого, что он уже так немолод, что может лишь купить, но не получить в подарок любовь одной из таких женщин. Кстати, за двадцатилетнюю жизнь с леди Уиттли, скончавшейся от дизентерии в Мадрасе, он не разу не услышал, чтобы она позволила себе беззаботно рассмеяться. А, оказывается, невестка может!

— Я не буду мешать, не буду, — отступая из комнаты, произнес Уиттли, ибо в комнате воцарилась тишина.

Он столкнулся глазами со взором Мэри Энн и вдруг, словно потеряв на минуту сознание, окунулся в такую давнюю, пряную и влажную ночь, где звезды раскачивались на небе, а Ма Лин глядела на него именно так, и свет свечей вспыхивал искорками авантюрина в ее шоколадных глазах. Почему она всегда молчала? Она же любила его, но всегда молчала...

— Простите. — Уиттли пришел в себя и вышел, закрыв за собой дверь так резко, словно женщины, жившие в комнате, были в чем-то виноваты.

Через два дня доктор Симкин разрешил перевезти Дороти домой, Мартин в отсутствие хозяина дома распорядился отослать девушку домой на разъездной карете, полагая, что никто его за это не укорит.

Когда Дороти собиралась в дорогу и доктор Симкин осторожно перебинтовал ей бедро, Регина без стука вошла в комнату, остановилась, опершись о косяк двери, и внимательно глядела, как трудится доктор. Она впервые увидела девушку обнаженной, худенькой, почти костлявой, но обещающей расцвести в ближайшие годы.

— Так бы и уехала, не попрощавшись, — сказала она укоризненно.

— Я бы обязательно зашла к вам, — без робости ответила Дороти.

— Надеюсь. — Фарфоровые глаза светили холодно и обиженно. — Но сомневаюсь.

— Поднимайтесь, поднимайтесь, — приказал доктор. — Не давит? Можете ходить?

— Конечно, доктор! Большое спасибо, доктор.

— И не больно?

— Нет, доктор.

Чуть прихрамывая, Дороти сделала три шага и пошла поближе к Регине. Щека ее почти зажила, остались лишь струпья от ссадин. Регина любовалась девочкой.

— Ты уверяла меня, что мечтаешь о путешествиях? — спросила она.

— Вы же знаете, миледи, что это именно так, — ответила Дороти.

Со стороны разговор не нес в себе особого смысла, но для собеседниц он был подведением итогов тех нескольких дней, что они провели в одном доме.

— Значит, ты согласна?

— Спасибо, мэм, — ответила Дороти.

— Не испугаешься и не сбежишь?

— Вы же знаете, мэм.

— «Глория» отплывает через восемь дней.

— Я знаю.

— Я надеюсь, что ты будешь мне хорошо служить.

— Да, мэм.

— Тогда собирайся, я скажу об этом сэру Джорджу и надеюсь, что он одобрит мой выбор. А детали... жалованье, подарок...

— Я рассчитываю на вашу щедрость, мэм.

— Ты права, Дороти.

Когда вечером, перед обедом с директорами компании, Регина сказала свекру, что Дороти согласилась отплыть с ней в Рангун в качестве ее горничной, старый Уиттли пригладил офицерские пышные усы и сказал:

— Мы не можем заглянуть в будущее, Реджи. Но я надеюсь, что ты сделала хороший выбор.

Конечно, не дело столь высоких персон обсуждать кандидатуру горничной для невестки, но здесь был особый случай.

— Вот штурман Алекс удивится, — сказала Регина и засмеялась — словно зазвенела серебряным, надтреснутым колокольчиком.

И сэр Уиттли тоже засмеялся.

На обеде, приглашения на который удостоился и молодой штурман Фредро, пользовавшийся расположением сэра Уиттли, присутствовал капитан «Глории» Фицпатрик, сухой и невыразительный служака, накопивший за многолетнюю службу компании средства, рассчитывавший, выйдя в отставку, претендовать на место в Совете директоров. Остальных Алекс не знал, хотя когда-то встречал, например, он видел издали, но не был представлен ему, капитана «Дредноута», линейного корабля, списанного из королевского флота, еще крепкого и, главное, вместительного 72-пушечного гиганта. К сожалению, Адмиралтейство в тот момент не могло помочь компании, потому что каждое судно было на счету — разгром французского флота у мыса Сан-Викент и Нильская победа Нельсона еще не означали конца войны. Испанцы и французы собирали силы для новых ударов, а мираж завоевания Наполеоном всей Османской империи, от Каира до Стамбула, оставался страшным жупелом для Великобритании.

— «Дредноут» вместителен, — говорил похожий на рождественского Санта-Клауса лорд Вудкастл, генерал, воевавший еще с Клайдом против французского адмирала Дюпле, — и нужен нам скорее как транспортное судно. В Портсмуте мы грузим на него роту шотландских стрелков, а полк сипаев заберем в Мадрасе. Пушки сгружаем в Рангуне. Вместе с той артиллерией и запасом пороха, который будет на «Глории», операция должна пройти просто и быстро.

— Но он будет ползти по океану года три, — возразил капитан Фицпатрик.

— Не думаю, что мы отстанем от «Глории» — обиделся капитан «Дредноута».

— Чем обладает ваш сын? — спросил Чарльз Дункан, вице-президент компании, обращаясь к Уиттли.

Все присутствующие отдавали должное сэру Джорджу, понимая, что идея захвата Нижней Бирмы принад-

лежала именно ему. Конечно, очень не вовремя началась война с Францией, но сейчас, когда стоял вопрос о защите своих факторий и индийских владений от осмелевших французов и голландцев, Уиттли все же убедил короля Георга на проведение секретной операции в Бенгальском заливе.

— Король Авы Бодопая выжил из ума, — говорил он у короля и повторил сейчас. — Не сегодня-завтра его царство развалится, потому что моны из южных городов, присоединенных к Авскому королевству столь недавно, кипят мезтью и мечтают восстать. Они готовы на союз с дьяволом, то есть с нами. Бодопая собрался в идиотский, обреченный на провал поход против Сиам. Мы не имеем права не подобрать яблоко, которое падает к нам в руки. И если мы не сделаем этого...

— Это сделают французы, — с доброй улыбкой произнес рождественский дедушка Вудкастл. Говорят, даже через сто лет после его смерти индийские матери рисовали на земле похожие на сабли усы, если дети их не слушались — такова была мрачная память, оставленная дедушкой в Бенгалии и Хайдерабаде.

— Поэтому, несмотря на сложность международной обстановки...

— Не надо нас учить, Джордж, — сказал Чарльз Дункан. — Лучше обсудим детали путешествия со специалистами.

И он обернулся к приглашенным на разговор морякам.

Молодой штурман пошел на нарушение собственных принципов и завидел перед визитом к сэру Уиттли, надеясь, что к ужину выйдет и сама знатная пассажирка «Глории». Так и случилось. Она вежливо поздоровалась со штурманом, ни голубиным взглядом, ни прикосновением не выделив его из числа прочих гостей. И сразу после ужина извинилась, сославшись на усталость.

За столом она, правда, уставшей не казалась и оживленно вспомнила со старым дамским угодником Фицпатриком какие-то калькуттские истории, потом, по просьбе Вудкастла, велела принести письмо от Джулиана, которое прочел вслух ее отец. Разумеется, в письме жене фактор в Рангуне не мог делиться компанейскими секретами, но некоторые детали тамошней жизни и

соперничества с укоренившимися в Рангуне армянскими купцами присутствующих позабавили.

Вернувшись домой, расстроенный штурман тщательно вымыл голову и искусственные завитки исчезли. Так-то лучше.

Мэри Энн не хотела отпускать дочь, хоть в этом желании была обреченность.

— Мама, ты знаешь, что я уеду, — сказала Дороти тихо в первый же вечер по возвращении домой.

— Я бы тоже поехал, — сказал Майкл.

— Помолчи! — Мать сорвала на нем раздражение. Она была бессильна, хотя бы потому, что сама мечтала забрать детей и вернуться домой, за океан. Кто возьмет ее? Откуда у нее могут быть такие деньги? А помнят ли ее там? Кому нужна презираемая беглянка, изменившая вере отцов и языку матери? Пока был жив муж, он мог заполнить собой ее жизнь настолько, что и вера отцов, и память о солнце, о повозке, запряженной буйволом, о доме на невысоких сваях, о голубых горах, откуда ночью доносится рык тигра, — все это было не главным. Она была женой английского боцмана и английского лесника, она родила ему лучших в мире детей, она хотела прожить с ним долгую-долгую бесконечную жизнь.

А теперь? Теперь она жила ради детей, а то бы добровольно ушла в мир бесконечных перерождений, чтобы возникнуть вновь на этом свете жалким червяком, недостойным того, чтобы видеть солнце... У нее оставалась вера в сказку — вот придет какой-то человек... она даже не представляла, кто он. Даже не знала, на каком языке заговорит он с ней, и скажет: «Волей добрых натов я возвращаю тебя на землю отцов...»

Она мечтала о том, что хотя бы Дороти, в которой она видела продолжение себя самой, вырвется из этой чужой и холодной страны и увидит свою бабушку... жива ли она еще?

Так почему же она сейчас так набросилась на дочь?

Ни Дороти, ни Майкл не понимали, конечно, что это — черная зависть к той, кому досталось высшее счастье, а она неспособна его оценить. За последние дни Мэри Энн не раз была на грани того, чтобы ки-

нуться в ноги госпоже Уиттли и вымолить у нее согласие, чтобы она взяла горничной не Дороти, а ее саму. И понимала она, насколько жестоко и бессмысленно бросить детей в Лондоне, если никого из родных у них не осталось. И знала она, что Регина не возьмет с собой женщину, с ее точки зрения немолодую, но как она завидовала Дороти.

Потом Мэри Энн стала плакать и, выплакавшись, просила у дочки прощения, а рассудительный Майкл, который хотел их помирить, сказал:

— Ты должна понимать, Дора, каково нам с мамой без тебя. А если ты утонешь или попадешь в плен к пиратам?

— Я вернусь, — сказала Дороти, садясь рядом с мамой на продавленный диван и обнимая ее. — Вы же знаете, что я обязательно к вам вернусь, потому что вы самые родные для меня люди на свете. Но я же не могу отказаться от шанса, который дает мне Господь. Я вижу в этом указание свыше.

Мэри Энн согласилась с дочерью — разумеется, стечение обстоятельств было странным и навевало мысль об управляющей событиями карме.

Между тем госпожа Уиттли не оставляла Дороти в покое: приближалось время отплытия. А так как при ревизии гардероба, при покупке и пригонке новых одежд Регине постоянно требовалась помощница, Дороти целыми днями пропадала в доме Уиттли. И уже на третий-четвертый день Регина поняла, что привыкает к Дороти, все хорошевшей, по мере того как заживали ее раны и ссадины. Первые дни она ходила с палочкой, а потом оставила ее дома. Разок она встретила сэра Джорджа в охотничьем костюме и тирольской шляпе, и тот ей обрадовался, словно она была его Галатеей — словно он ее создал и спас от увечий. Ведь если все кончается хорошо, то ты уже не сердишься на того, кого так обидел. Разумеется, с точки зрения сэра Джорджа, девушка далеко уступала матери привлекательностью — Уиттли всегда влекло к особам экзотическим, страстным, в движениях которых ощущалась грация пантеры — такой ему и казалась мирная и погруженная в заботы Мэри Энн. Уиттли догадывался, что ее скромность и застенчивость лишь внешний слой природы — под ним кипят страсти.

И если бы ему повезло оказаться в доме Форестов в тот момент, когда мать закатывала дочери сцены ревности из-за отплытия той на «Глории», Уиттли потер бы широкие ладони и сказал: «А о чем я предупреждал вас, господа?»

— Как себя чувствуешь, птичка? — спросил сэр Джордж, любуясь чуть прихрамывающей ланью.

— Спасибо, сэр, хорошо.

— Как здоровье твоей матери?

— Она здорова, сэр.

— Разумеется, здорова, — недовольно проворчал сэр Джордж, как будто хотел спросить нечто совсем иное и получить иной ответ. — Ну иди, иди, — произнес сэр Уиттли.

Самого же хозяина дома ожидал в библиотеке неприятный ему, но нужный отставной полковник Блэкберри, человек столь незаметного вида и незначительных умственных способностей, что все остальное в нем было загадкой: как он стал полковником, не имея ни протекции, ни талантов? Но, рассуждая так, Уиттли понимал, что полковник Блэкберри силен именно своей незаметностью. Говорили, что его умение перевоплощаться было невероятным и основывалось только на одном — этот маленький человек с узким серьезным лицом, светлыми глазами в белых ресницах и серой кожей мог потеряться в любой толпе, мог, чуть подкрасив брови и ресницы и не трогая даже темно-серых волос, сойти за кого угодно — от китайца до эскимоса и именно в такой роли был особенно полезен его величеству. Сейчас же он был приглашен правлением компании для того, чтобы сопровождать секретные грузы на «Глории», и, главное, как он сам сказал, вежливо сидя на краешке кресла:

— Главное — что никто в Рангуне не должен знать о содержимом трюмов «Глории» и «Дредноута». Даже служащие компании.

— Почему вы говорите это мне, полковник? — удивился сэр Джордж.

— Мы проверяем всех, даже слуг.

— Так и проверяйте. В вашем распоряжении двести матросов и более сотни солдат.

— Ни один из них не был связан с Ост-Индией.

— Ах, не говорите мне о том, какие бывают связи, — отмахнулся Уиттли.

— Мне приходилось встречать предателей в самой что ни на есть respectable оболочке.

Директор службы безопасности компании вздохнул устало и понимающе: если бы не он и не подобные ему тихие незаметные люди, сколько битв было бы проиграно, сколько лишних жертв было бы принесено на алтарь Отечества?

— Ни один солдат, ни один матрос не знает, куда и зачем отправляется эскадра. И если они не знают, то не могут проговориться — их нельзя подкупить или запугать.

— Тогда подозревайте меня, полковник.

— Скорее я заподозрю вас, — осторожно заметил полковник.

— Действительно?

— Разумеется, вы знаете о наших планах, вас можно купить.

— Вы серьезно?

— Если бы я думал серьезно, я бы не согласился сотрудничать с вами. Но вы инициатор плавания и экспедиции. Думаю, вам нет смысла ставить ее под угрозу.

— Кто бы мне заплатил такие деньги? — криво усмехнулся Уиттли, который не любил сомнительных шуток.

— Вы знаете, какая вас может ждать добыча. Но пока она в чужих руках. А значит, что владелец копей богаче вас и может кого-то купить.

— Но кого? И как он сюда доберется?

— Уважаемый милорд, — устало и тихо, голосом сотрудников безопасности всех времен и народов, произнес полковник Блэкберри, — современный нам мир в отличие от того наивного и первобытного мира двухсотлетней давности связан воедино узами мировой цивилизации. По моим сведениям сейчас завершается строительство собора Святого Фомы на острове Тернате, завтра будет бал в форте Святого Георгия в Мадрасе по случаю дня рождения генерала Бриттена, а чуть позже из Макао отходит каррак в Панаму, который будут поджидать на пути по крайней мере шесть пиратов и корсаров, Соединенные Штаты Северной Америки объединяют свои силы с французами в Квебеке, а русский

адмирал Ушаков, обогнав Нельсона, который никак не вылезет из кровати леди Гамильтон, послал отряд для взятия Рима...

— Прекратите! — рявкнул покрасневший Уиттли.

Он сам не знал, что его разозлило более всего — не тактичное упоминание в устах полковника имени леди Гамильтон либо его тихий поучительный тон.

Полковник склонил голову и молча разглядывал свои обгрызенные ногти.

— Почему вы пришли именно ко мне? — спросил сэр Джордж.

— Ваша невестка...

— Надеюсь, вы ее не подозреваете?

— Господин Уиттли, я имею цель охранять интересы компании и ваши лично. Когда я говорил о том, что события в нашем мире связаны войной и торговлей, я имел в виду, что подданные его величества несут нелегкую службу по всему земному шару. Но это не значит, что наши враги не имеют таких же возможностей.

— Я не держу дома французских или индийских шпионов.

— Я могу назвать, по крайней мере, две кандидатуры, которые вызывают во мне подозрения.

— Давайте, полковник. Послушаем вас.

— Во-первых, я попросил бы снять с рейса штурмана Александра Фредро.

— Не говорите глупостей. Я полностью доверяю ему.

— Доверяете, потому что не проверяли. А мы проверяли.

— И что же выкопали ваши ищейки?

— Александр Фредро — поляк.

— Всемогущий Господь! Он же никогда не скрывал этого! Но его мать была шотландкой.

— Мало того, что его отец участвовал во всех войнах Польши против нашего союзника — России начиная с семьдесят третьего года, но он погиб во время последней из войн — пять лет назад. А ваш Фредро в тот момент...

— В тот момент Александр командовал небольшой британской шхуной, на которой удалось вывезти из Данцига несколько десятков повстанцев, и этот поступок мы ставим ему в заслугу. Детство же и молодость он провел в Британии и служил на Британском флоте.

— Как не перекрашивай волка, ягненка не получится, — возразил полковник, разочарованный тем, что не смог даже удивить Уиттли.

— И учтите, — продолжил сэр Джордж, — лучше штурмана, чем Алекс, у меня нет. Он штурман — милостью Божьей. В двадцать восемь лет я доверил ему «Глорию» и ни один из старых капитанов не вспомнил, что Алекс — паршивый иностранец.

Полковник Блэкберри скромно и настойчиво посмотрел на сэра Джорджа, и тот в его взгляде прочитал ответ.

Конечно, полковник не учитывал глубокого внутреннего презрения, которое питают сильные мира сего к собственным же слугам, выполняющим грязную работу, но делают это с энтузиазмом, выпячивая свою роль и показывая всем своим видом, что и могильщики, и палачи на нашем свете необходимы. И чем больше говорил полковник, тем больше в глазах сэра Джорджа библиотека наполнялась серой тоскливой пылью, сквозь которую он все хуже видел своего собеседника, и каждое его слово вызывало у Уиттли унылое раздражение.

— Мой долг — предупредить вас, — продолжал полковник. — Поляки сейчас ищут союза с Францией, заигрывают с их тираном Бонапартом, надеясь, что это — единственная держава, желающая вернуть им независимость и способная на это. Есть ли у вас гарантия, что штурман Фредро не посадит ваш корабль на камни возле острова Бурбон?

— Режюньон, — поправил разведчика Уиттли, — он переименован во Французскую республику.

— Вот видите! — Полковник произнес это так, словно наконец-то уличил Алекса в измене.

— О штурмане мы разговор закончили.

— Но я буду следить за ним!

— Ваша воля.

— И я бы на вашем месте оставил его дома. Для менее важного плавания.

— Сколько раз вам повторять, что мне нужны хорошие капитаны и штурманы, а не угодные вам болванчики!

— Хорошо, — сдался полковник. Но уступка носила чисто формальный характер. Уиттли подумал: он похож

на славшего шпагу противника, который тут же победит в каземат, чтобы вытащить из-под соломы новую шпагу. — Но штурман Алекс — не единственный подозреваемый, — сказал полковник.

Уиттли только собрался попрощаться с визитером, но был вынужден выслушивать новые подозрения и доносы:

— Ваша невестка взяла на работу новую горничную и собирается тащить ее в Ост-Индию.

— Ну и слава Богу. Эта несносная женщина пропилила мне всю лысину, пока не смогла отыскать хорошей горничной. Вы не представляете, насколько эта проблема важна для женщины. Я и сам, когда служил в Индии, порой шагу не мог ступить без Мартина, он у меня теперь — дворецкий.

— Эта девица родом из Ост-Индии.

— Ничего подобного, — уверенно возразил Уиттли. — Ее мать была привезена боцманом Форестом много лет назад и всю жизнь провела в Лондоне. Будучи несчастной вдовой, она не вышла больше замуж, а посвятила всю жизнь воспитанию детей. Как только у вас поворачивается язык облить грязью такую достойную женщину! Не говоря уж о ее дочери — дочери слуги короля, отдавшего за него свою жизнь!

Тут сэр Джордж вскочил и замер над креслом, в котором сидел полковник, как бы предлагая тому приподняться, чтобы удобнее схватить его за лацканы сюртука и выбросить из дома.

— Так называемая Мэри Энн Форест, — тихо произнес полковник, — была захвачена Форестом в Аве, когда он входил в экспедицию майора Саймса в Рангуне. Понимаете — в Рангуне!

— Плохо работают ваши люди, полковник, — вдруг рассмеялся Уиттли. — Даже я, не копаясь в прошлом, знаю, что боцман Форест был в составе миссии майора Саймса, а Мэри Энн ухаживала за ним, принадлежа к одному из лучших семейств и будучи подготовленной сестрой милосердия. Так что позвольте оставить ваши вымыслы без внимания.

На этом ему удалось вытолкать из дома полковника Блэкберри. Уиттли налил себе полный бокал портвейна, хотя доктор запретил ему перегружать себя тяжелы-

ми винами, и выпил его. Он был выведен из себя этим полковником. И не потому что сам был противником осторожности, а потому что в этом допросе сквозило недоверие к нему самому, сэру Уиттли!

Когда полковник докладывал о неутешительных результатах переговоров с сэром Уиттли сэру Чарльзу Дункану, первому вице-президенту компании, тот сказал:

— Я полностью доверяю мнению сэра Уиттли. В конце концов, это его идея, его деньги и его сын.

Полковник поклонился, но не сдался.

Он был похож на тонкую березку, выросшую у подножия круглой массивной скалы, каковой и казался сэр Дункан.

— Меня не оставляет беспокойство, сэр, — произнес он упрямым шепотом, — потому что сэр Уиттли — лишь часть компании, такая же часть, как я и вы. Интересы ее каждый из нас должен ставить выше интересов семейных.

— Пожалуй, вы неправы, полковник, — возразил Дункан. Он был так грузен, что каждое слово давалось ему лишь после дополнительного вздоха. — Каждый из нас обязан знать свое место. Ваше место ниже, нежели место сэра Уиттли.

— Разумеется, — согласился полковник.

— Однако именно вы отплываете на «Глории» и у вас будут все возможности наблюдать за персонами, вызывающими у вас подозрения.

— Может быть поздно, — упрямылся полковник.

— Что же делать? Я не намерен спорить с Уиттли по пустякам.

— Я все понял, — сказал полковник.

И Чарльз Дункан догадался, что с самого начала полковник пришел к нему со своим планом, который готов был изложить, найдя в Дункане союзника. Не найдя, он отказался от желания делиться планами, но не от самих планов.

Вернувшись к себе в номер в пятницу после целого дня работы на «Глории» и намереваясь сообщить хозяйке, что завтра переседет в свою каюту на корабле, чтобы не платить более за номер, Алекс был удивлен, когда

хозяйка сказала ему, что днем к нему приходили какие-то два джентльмена строгого вида, которые сказали, что принесли штурману письмо от капитана корабля и должны передать письмо ему в руки. Потому она проводила их наверх, в комнату, и они там просидели часа полтора, но, не дождавшись, ушли очень сердитые.

— Как же можно? А если это были жулики? — удивился штурман.

— Нет, — твердо заявила мадам Брунулески, почесывая усики, — это не могли быть жулики, потому что это были солидные люди. Я узнаю жуликов с первого взгляда.

Штурман махнул рукой и взбежал по лестнице в свой номер.

Даже если бы хозяйка гостиницы не сказала ему, что у него были посетители, он бы быстро определил это сам. Ожидая его, джентльмены строгого вида не теряли времени даром, они тщательно обыскали комнату, раскрыли сундук штурмана, проверили всю одежду, в некоторых местах даже подпороли подкладку, а в сундуке искали двойное дно — фанерная обшивка была отодрана и кое-где лопнула. Обыскивая комнату, джентльмены не очень старались замести следы, но сделали в этом направлении некие условные потуги. На дне сундука лежал плоский кожаный портфель штурмана, в котором хранились некоторые нужные, а то и дорогие сердцу бумаги — нет, не деньги, а завещание отца, письма матери, диплом штурманской школы с висячей свинцовой печатью и записки от одной особы, имя которой не имеет отношения к нашей повести. Были там и еще какие-то бумаги, но штурман сам не помнил — то ли счета, то ли деловые записки, впрочем — ничего крайне важного. Так вот, портфель исчез. Некоторое время стоя посреди комнаты, Алекс тупо пытался вспомнить, были ли в портфеле деньги — нет, их не было и быть не могло, потому что сбережения штурмана хранились в банке Ост-Индской компании, да и деньги это были малые. Большую часть отсылал домой, в Польшу, сестрам.

Чего же искали эти джентльмены?

После некоторых размышлений Алекс пришел к выводу, что в его номере побывали русские агенты, кото-

рые искали, нет ли в сундуке или где-то в номере документов, связанных с деятельностью епископа Яблонского, или переписки с людьми Костюшки — Алексу было известно, что агенты русского царя, как и агенты австрийского императора, вольготно чувствовали себя в Англии, которая была их союзником в войнах с Наполеоном, и могли позволить больше, чем в стране нейтральной. В любом случае грабителями те джентльмены не были — хозяйка гостиницы не могла бы этого не почуять.

Грустно было потерять портфель с такими ценными сердцу бумагами и потому Алекс, мрачный как туча, спустился вниз и заявил, что намерен идти в городскую полицию и заявить о краже.

— Не может быть! — Хозяйка была в ужасе, она почти забыла английский язык. — В моей гостинице... вас ограбили и я их допустила сама! Нет, не ходите, я возьму вам любой ущерб! Сколько у вас украли?

— К сожалению, украли важные и дорогие для меня документы. Ценность их не мерится деньгами.

Впрочем, стоит ли объяснять это трясушейся женщине, она и так от страха потеряла способность сообщать.

— Как они приехали?

— В карете, в черной карете без герба.

— Разумеется. И карета ждала их?

— Они на ней уехали.

— И вы не разговаривали с кучером?

— Зачем мне это, сеньор? Я сразу поняла, что это плохие люди.

Может, она ничего не поняла и спокойно провела время на кухне, а может быть, и на самом деле чутьем эмигрантки ощутила, что пришла опасность и лучше не высовывать своего массивного носа на лестницу и не слушать, как там идет обыск в комнате постояльца.

— И никто их не видел?

— Нет.

За каким чертом им портфель? Совершенно ничего для них там нет.

Забегая вперед, можно сказать, что портфель найдется, но только через несколько дней после отплытия «Глории». Его подкинут в правление компании и вскоре

он ляжет на стол Уиттли. К тому времени сэр Джордж уже будет знать об обыске в комнате штурмана и сделает нужные для себя выводы. И ничего не станет предпринимать.

История с Дороти закончилась куда драматичнее и неприятнее, чем простой обыск.

Вечером того дня, когда штурман Фредро узнал об обыске, она поздно возвращалась домой. До отплытия «Глории» оставалось всего два дня, и Регина находилась в состоянии постоянного возбуждения и даже обиды на окружающих, которые не могли понять, насколько ей плохо и трудно в такие минуты, как она не может собрать все, что нужно, а окружающие только мешают. Регина Уиттли не кричала на служанок и плотников, которые сколачивали ящики, на грузчиков и сапожников — она не позволяла себе опуститься до крика, но ненависть ее была столь велика, что при взгляде на нее очередной жертве становилось понятно: ее вот-вот закроют. Фарфоровые глаза лишь отражали холодный свет смутного дня, клюв, нацеленный на сердце, хищно приоткрывался, а пальцы с длинными ухоженными ноготками казались смертельными когтями.

— Долой! — шипела она. — Долой с моих глаз!

Жертва неслась прочь, но через некоторое время Мартин, который отвечал перед господином, чтобы Регина все уже успела погрузить на «Глорию» и не натворила глупостей, возвращал раскаявшуюся, уничтоженную жертву и снова кидал ее в водоворот сборов.

Конечно, Дороти приходилось хуже многих, потому что она была неплохой шляпницей, но имела мало опыта в прочих портняжных делах и потому, чтобы не попасть впросак, была вынуждена обращаться за помощью и советом к другим служанкам, которые далеко не всегда ее жаловали — некоторые из них хотели бы занять ее место на корабле, хотя и не имели к тому никаких оснований и способностей. Так что Мартину несколько раз приходилось спасать девушку как от гнева хозяйки, так и от зависти товарок.

Домой Дороти возвращалась уже в темноте, хотя в апреле темнеет поздно, а надо понимать, что путь от

Вест-Энда до Воксхолла, а оттуда к Темзе не короток. Дороти брела с трудом, тем более что от долгой ходьбы разболелась еще не зажившая толком нога. И Дороти находилась в том, свойственном любому уставшему до смерти человеку, настроении, когда ты глубоко раскаиваешься в том, что ввязался в какую-то историю, не несущую ничего, кроме подобных же бед в будущем.

Народу на больших улицах было еще немало, фонарщики лишь зажигали фонари, но когда Дороти свернула в узкий переулок, ведущий вниз к реке, то сразу стало темно от тесно сошедшихся старых домов, и свет в окнах, тусклый и лишь нарисованный на фасадах, не освещая улицу, а только подчеркивал ее темноту.

Идти приходилось осторожно, чтобы не угодить в грязную воду или помои, которые выливали в окно, не опасаясь штрафа.

Ближе к реке, когда уже можно было ощутить запах медленно текущей и нечистой воды — ведь Темза была сточной канавой гигантского города, — Дороти пошла быстрее: здесь ей был знаком каждый камень.

Улица была совсем пуста, и поэтому когда она услышала шаги сзади, то сначала даже обрадовалась — по крайней мере, она не одна в этом ущелье между рядами домов.

Но через несколько секунд ее радость испарилась — и трудно было бы сказать, что насторожило девушку — то ли старание человека сзади ступать тихо, то ли спешка и шумное дыхание, слышное в промежутках между ударами подошв о камни, то ли угроза, повисшая в воздухе.

Прихрамывая, Дороти поспешила вперед — только бы добежать до узкого поворота в ее переулок, до поворота, уже видного отсюда, потому что там за тремя вязами, уже распустившими маленькие длинные листочки, стоит пивная, паб, который сейчас открыт и многолюден, а каждый второй в нем знает Дороти и не даст ее в обиду.

Но добежать до угла она не успела, потому что неожиданно увидела, что у ствола вяза стоит человек — силуэт его был виден четко на фоне Темзы, к которой отсюда шел крутой склон. Вода отражала свет звезд и, главное, еще непогасший свет заката. Так что непо-

движный человек в цилиндре и длинном сюртуке, с тростью в руке был виден как фигурка в кукольном театре теней. Четко и словно вырезан из картона.

Но Дороти отлично понимала, что это не кукла — что человек сзади гонит ее к человеку в цилиндре так же, как загонщики гонят лису на цепь стрелков — об этом рассказывал отец.

И все же Дороти ничего не оставалось, как идти вперед, вернее, бежать в руки охотнику, потому что тот, кто сзади, был невидим, он был лишь тяжелым дыханием и тяжелыми шагами, он был страшнее. Ей показалось, что она сможет ускользнуть от человека в цилиндре или как-то закричать оттуда, от угла, в надежде на то, что ее крик донесется до паба или до маминых ушей, таинственным образом слышавших порой голос дочери за несколько миль.

Когда отец умер, видно вскрикнув перед смертью, мать зарыдала, забилась и потеряла сознание, хотя конечно не могла услышать его предсмертного крика — он погиб в кентском лесу, а Мэри Энн уже тогда жила в этом доме. Между ними было миль пятьдесят, не меньше.

Дороти бежала к человеку в цилиндре и не могла закричать, как во сне — ты тонешь, надо позвать на помощь — мама рядом, только открой рот, но слова не получаются, звуки не рождаются в глотке...

— Стой! — прохрипел преследователь. — Стой, куда ты!

Человек в цилиндре, взглядывавшийся в темноту перелука, сделал шаг вперед и раскинул руки, чтобы не упустить Дороти.

И тогда Дороти — все равно уже не было времени думать и соображать — помчалась, набирая скорость, на человека в цилиндре, словно намереваясь сбить его с ног, и шаги сзади сразу стихли.

Он врезалась в человека с тростью — цилиндр в сторону. Он не ожидал, что жертва сама нападет на него — это было нарушением правил! Девице положено с тихим визгом нестись обратно, прямо в лапы преследователя.

Растерянность была мгновенной, но она позволила Дороти, движения которой были безнадежно скованы длинными, до земли, юбками, рвануться за ствол вяза —

словно она играла с преследователем в пятнашки. Он направо — она направо, он налево... а где же второй?

И его волосатая толстая рука вылетела из темноты — навстречу. Дороти кинулась назад, оттолкнувшись обеими руками от ствола — у нее было лишь одно преимущество: молодость и гибкость. Они были сильнее — и могли догнать ее в чистом поле... но, как мышонок, ускользающий между рук на дне сундука, Дороти металась у поворота и даже умудрилась вырваться — на несколько секунд. Тогда она кинулась к огням паба, фонарю, освещающему медные буквы «Золотой лев».

Но преследователь догнал, вцепился в рукав платья, рванул на себя, к счастью, материя затрещала по шву, рукав остался в пальцах преследователя, но от рывка Дороти развернуло и она увидела на мгновение второго врага, того, кто тяжело топал за ней по переулку... и ей показалось, что к ним присоединился и третий, маленького роста, скрытый раньше в тени домов...

Больше Дороти не глядела назад. Она бежала к фонарю, но, как назло, никто не выходил из паба и не входил в него, и Дороти знала, какой густой шум и табачный дым царят там, внутри, за толстыми стенами: на улице может произойти сражение, но никто изнутри его не услышит.

Снова сзади вцепилась в нее рука.

— Да стой ты! — проскрипел задыхающийся голос... И Дороти попыталась упасть, чтобы таким образом вырваться — впрочем, делала она это неосознанно — не думала ни о чем, только бы убежать!

— Ах! — вскрикнул человек сзади.

Хватка ослабла, будто он споткнулся и вынужден был ради того, чтобы удержать равновесие, выпустить добычу.

И это дало возможность Дороти домчаться, подобрав юбки выше пояса, до паба, но не до двери — некогда было. Она замолотила в маленькое, забранное косой решеткой окно так, что чуть не разбила его.

Она не слышала, что происходит сзади, и не смела обернуться. Ударив несколько раз кулаком в окно, она кинулась к двери.

Тут дверь как раз открылась, но сначала вышел совсем пьяный зеленщик Робертс, а за ним плелся его хро-

мой сын Пол. И вот за ними, почуяв неладное, услышав стук, вылетел известный всей улице и всей набережной Сэмми Грант, мулат из Вест-Индии, отставной сержант с черной повязкой через черное лицо — знаменитый канонир времен войны с янки. Делать Гранту было нечего, он весь день проводил в пабе или других подобных местах и у него был сказочный нюх на драки, потасовки и всевозможные приключения.

А человек, посвятивший себя дракам и так и не ставший взрослым к пятидесяти годам, умеет мгновенно разобратся в ситуации и понять, на чьей стороне драться выгодно или почетно.

— Дороти! — взревел он. — Кто тебя обижает!

И в этот момент Дороти умудрилась спрятаться за зеленщика и захлебывающимся голосом прохрипеть:

— Там! Вон там!

В этот момент один из преследователей ворвался в круг света, нарисованный фонарем на мостовой у входа в паб. Он был в черном сюртуке, цилиндр потерялся, а прямые черные волосы прижались к голове. Он увидел Дороти и закричал:

— Держите ее! Это преступница!

И тогда наступил светлый момент для Сэмми.

— Дороти? — вежливо спросил он. — Преступница?

— С дороги, черномазый! — зарычал преследователь.

А вот этого говорить совсем не следовало.

Сэмми сказал друзьям, уже высыпавшим на шум из паба:

— Только не вмешиваться. Я вас умоляю всеми святыми!

— Понимаем, Сэмми, — сказал зеленщик. — Как не понять. Считай, что он твой!

И тогда Сэмми врезал преследователю в подбородок кулаком размером с арбуз.

Противник оказался крепче, чем многие подозревали, и вытащил из-за пояса пистолет.

Это взбесило законопослушного Сэмми. Он не выносил, если кто-то вытаскивал пистолет.

В следующее мгновение пистолет улетел куда-то далеко, к Темзе, звякнув о камень, а затем плеснув водой. И еще один удар послал этого человека в нокаут, как говорят боксеры.

— Дороти, пошли отсюда, — попросил одноглазый фокусник Фан. Насколько Дороти видела, он из паба не выходил, а прибежал откуда-то со стороны. — Я тебя провожу домой, — сказал он.

— Фан прав, — сказал кто-то из толпы соседей. — Нечего тебе здесь делать.

Фан потянул Дороти за руку прочь от драки, он говорил что-то, но у Дороти звенело в ушах и она не разбирала слов.

— А где второй? — спросила Дороти.

— Кто они? — Рука у Фана жесткая и большая, вообще руки словно достались ему от другого, куда более крупного человека. Когда он шел, пальцы почти касались земли. — Они больше тебя не тронут, — сказал фокусник. — Я точно знаю. Они ненавидят, когда их раскрывают.

— Ну хоть объясни что-нибудь, Фан!

— Вот дойдем до дому и расскажу.

Фокусника хорошо знали на набережной. Он выступал на перекрестках и ребятам не надоедало выпрашивать у матерей пенсы, чтобы кидать их ловкому Фану. И он нравился именно ребятам, потому что был так мал ростом, словно не вырос из мальчиков. И даже узкая, жидкая, из нескольких волосков, длинная черная борода не переубеждала — она была маской. Дети понимали, что Фан притворяется, и только когда каждый подрастал, а Фан оставался таким же, как был, все начинали сомневаться, зачем он здесь, почему он такой и почему не хочет стареть? В общем, он был глуп — никто в том не сомневался, и к тому же азиат, чуть ли не китаец.

Фан потащил Дороти за руку по улице прочь от толпы, окружившей человека в черном и тут их неожидан-но догнал далекий крик:

— Эй, сюда, здесь еще один лежит!

— Человека убили! — откликнулся второй голос.

— Ты слышал? — спросила, задыхаясь, Дороти.

— Не останавливайся, тебе надо скорее домой.

— Что там за человек?

— Ты его убила?

— Я никого не убивала. Они на меня напали, а я убежала. Почему они на меня напали?

— Наверное, насильники, — сказал Фан. — Или воры.

Он поднялся на две ступеньки, ведущие к узкому дому миссис Форест и начал колотить молотком по медному щитку. Издалека сзади доносились голоса. Фан нервничал, торопился, и, когда миссис Форест открыла дверь, он, так и не отпустив руки Дороти, втащил девушку в прихожую. Мэри Энн встретила их с керосиновой лампой в руке — вечером прихожую не освещали.

— Фан? Что с тобой? — Она конечно же знала Фана, он нередко приходил к Форестам.

И тут Мэри Энн увидела дочь. По ее растерзанному виду она поняла, что с дочкой опять приключилась беда и потащила ее в гостиную, где Майкл, который готовил уроки, радостно приветствовал старшую сестру:

— Опять подралась, да?

И Дороти стало смешно. Она прижала к себе черно-волосую голову брата и сказала:

— Я дралась с двумя драконами сразу, но спас меня Фан.

— Да скажите мне в конце концов, — закричала Мэри Энн, — что произошло? Почему?

— Теперь слушай меня внимательно, — сказал Фан. Он говорил по-английски смешно, с акцентом, и Дороти знала, что он мог бы говорить с матерью по-бирмански или по-лигонски, но предпочитал английский, полагая почему-то, что в Англии никто не должен знать, откуда он родом. Это было наивно, потому что в Англии наверняка были люди, знавшие, что Фана привез лет пять назад один из компанейских дельцов именно как удивительного фокусника, полагая, что сможет неплохо зарабатывать, показывая его по ярмаркам. Но из этого ничего не вышло, и Фан то ли сбежал, то ли откупился от своего хозяина. Но вернуться домой Фан не смог и остался в Лондоне. Жил он бедно, не очень утруждал себя работой, доставал откуда-то и курил опиум, все думали, что он китаец, а он был из Лигона, вассального княжества Авы. По крайней мере, так говорила Дороти мать.

— Слушай меня, — сказал он Мэри Энн, — я у тебя давно сижу, чай пьем.

— Ты только что пришел.

— Глупая женщина, я давно сижу, целый час сижу!

Дороти поняла:

— Когда я сейчас пришла, мне дверь Фан открыл.

— Как же так? — Мэри Энн не сдавалась. — Полицейские спросят у паба и там скажут, что Фан тебя встречал, что я его посылала тебя встретить.

— Когда полицейские сюда придут, — ответил Фан, — то они ни одного свидетеля не найдут. В этом я уверен. Все уже по домам пошли, сегодня паб раньше закрылся, а его хозяин Артур вообще носа на улицу не высывывал. Очень простуженный.

— Простуженный? — удивилась Мэри Энн. — Ты откуда знаешь?

— Потому что у него с утра зуб болит.

— Какой еще зуб?

— В коленке, — сказал сообразительный Майкл. — Ты что, не знаешь разве, как у нас здесь полицию любят. — Сообразительный мальчик закрыл тетрадь. — А что на самом деле было?

— На самом деле ничего не было. Так что собирай, Мэри Энн, на стол.

Они сидели за столом, пили чай, когда пришли два полицейских. Одного из них Дороти знала, он всегда ходил в этих местах, знал всех, и его все знали.

Этот полицейский по фамилии Браун, медлительный, низколобый, одетый похоже на тех, кто преследовал Дороти, но все же не так — у полицейских была единая одежда и особого рода высокие шляпы, спросил от двери, отклоняя голову от лампы, которую держала Мэри Энн.

— Это на вашу дочку, миссис Форест, напали?

— Да, а вы откуда об этом знаете?

— В таких случаях послушный горожанин должен обращаться в полицию, а не прятаться дома и не пить чай.

— Хотите чаю, сержант Браун?

— Не говорите глупостей, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

— Так, может, ваш спутник разделит с нами трапезу?

— Где твоя Дороти?

— В комнате.

— Мне надо поговорить с ней.

Браун вошел в комнату, там сразу стало тесно. Садиться он не стал. Его спутник выглядывал через его плечо.

— Значит, на вашу девочку напали? — спросил Браун.

— Да, — сказала Дороти, опередив остальных. — На меня напали. Хорошо, что я успела до паба добраться. Там меня мужчины встретили.

— Какие мужчины? — спросил полицейский из-за спины Брауна. Браун наморщил низкий лоб — он был недоволен, он-то знал, что ответа на этот вопрос быть не может. Мало ли кто были джентльмены, которые встретили Дороти.

— А кто на тебя напал? — спросил Браун.

— Там было темно, — сказала девушка, — а я так перепуталась. Поставьте себя на мое место, сэр.

— Мне трудно это сделать, — сказал второй полицейский. — Но, наверное, ты кого-то узнала у дверей паба.

— Не узнала она никого, — отмахнулся Браун. — Откуда ей. А ты, Фан, давно пришел?

— Моя давно пришла. Давно-давно, — быстро ответил фокусник. Сижу, чай пью, тут Дороти прибежала, вся рваная, какая бедная девочка, все ее бьют! Ах, как нехорошо. — Акцент у него был вдесятеро сильнее, чем обычно.

— Давно он пришел? — спросил Браун у Мэри Энн.

— Наверное, час назад. Или больше.

— Больше, мама, — с невинной рожицей вмешался в разговор юный Майкл. — Еще светло было, как мистер Фан к нам пришел.

— Правильно, — сказал Фан. — Еще совсем светло было. Фонари не зажигали.

— А кто эти люди были? — спросила Дороти. — Вы их поймали?

— А там был не один? — искренне удивился Браун. Оказывается, ему в пабе совсем мало рассказали. О том, кто бежал вторым, забыли сказать.

— Их было двое, по крайней мере, — сказала Дороти. — Один за мной бежал и гнал на второго. А тот, в цилиндре, стоял у большого вяза и ждал меня.

— И что же было дальше?

— Я так быстро бежала, что успела добежать до паба.
— Не лги! Он бы придушил тебя на пороге.
— Когда я добежала до паба, оттуда вышло несколько человек. Они были пьяные, они пели песни.
— И ты позвала на помощь?
— И я позвала на помощь, — с готовностью согласилась на подсказку Дороти.
— А тот, который бежал за тобой, испугался.
— Не знаю, — сказала Дороти. — Он исчез. Больше я его не видела.

Браун и его напарник потоптались еще в дверях, потом ушли. Так и не сказав, кто был тот человек или люди... и что с ними случилось. На прощание Браун велел Форестам, всему семейству, быть осторожными и, если можно, вообще уехать из Лондона. Он не шутил. А Фану сказал, что подозрение с него не снимается. Фан стал спрашивать: подозрение в чем? Но Браун не ответил и сказал, что, если одноглазый фокусник понадобится полиции, его вызовут в участок.

Обо всем остальном они узнали вскоре после того, как ушла полиция. Через несколько минут постучал сын зеленщика и рассказал, что тот, которого уложил на землю Сэмми, сам поднялся и смотался еще до появления полиции. Своего напарника он не звал и не искал, и никто не сказал ему, что напарник лежит зарезанный ярдах в пятидесяти от него, в нише между двумя домиками. Его-то и нашла полиция — ее вызвали, как только нашли тело. Никто не знает, кто зарезал того, тяжелого, с одышкой. Никто из тех, кто был в пабе, этого не сделал. И не мог сделать — все были на виду друг у друга.

Дороти трясло. Так бывает — перепугаешься, а страх приходит позже.

Мать велела ей идти спать, но Фан сказал, что ему нужно с Дороти поговорить. Ведь она послезавтра отплывает.

Мэри Энн сказала, что после этого приключения, вернее всего Дороти не возьмут в Ост-Индию. А заберут в полицию.

— Нет, — уверенно ответил Фан, — никто не подумает, что Дороти могла зарезать здорового и вооруженного мужчину. И кому нужна наша Дороти?

— Вот это меня и пугает. — Мэри Энн посмотрела на него со значением, Дороти перехватила взгляд, но не поняла.

— Будем надеяться на лучшее. Нам ведь очень нужно, чтобы Дороти все же отплыла на «Глории».

Тут Мэри Энн стала отправлять Майкла спать, а тот сопротивлялся, ему было интересно, о чем будут разговаривать взрослые. К тому же рядом с их домом произошло убийство.. Мать дала слово Майклу, что его возьмут на проводы Дороти и даже сама Мэри Энн попросит взять его на борт и посмотреть, в какой каюте будет плыть Дороти.

Наконец Майкл подчинился.

— Осталось еще одно дело. Из-за него я к вам сегодня и пришел, — сказал Фан.

— Вы шли к нам по делу? — В голосе Дороти прозвучало разочарование.

— Ты хотела бы, чтобы все было иначе?

— Разумеется. Я хотела бы, чтобы вы меня защищали, дядя Фан, — сказала Дороти. — А оказывается, что все произошло случайно.

— Давай тогда встретимся на полдороге, — ответил фокусник. — Считаю, что я шел по делу, но заодно решил встретиться с тобой и проводить незаметно, потому что боялся за тебя.

— Вы подозревали?

— Да.

— Значит, вы могли знать, кто они такие?

— Я мог подозревать, — сказал Фан.

— А мне можно знать?

— Нет. Потому что...

— Никаких потому что! — вмешалась Мэри Энн. — Фан боится, что некто в Ост-Индской компании не хочет, чтобы ты была на «Глории».

— Я? Я кому-то могу помешать?

— Если им есть что скрывать на борту «Глории», то они замышляют недоброе против Рангуна, против королевства Ава.

— Но я-то при чем?

— В твоих жилах течет кровь благородных лигонцев, поданных королевства Авского. И, как говорится, чем черт не шутит...

— Конечно, это маловероятно, — вмешался Фан. — Это только мое подозрение. Я хотел передать с тобой письмо одному человеку в Рангуне. Просто передать. Моему родственнику. Но теперь я боюсь.

— Нет, вы не бойтесь, дядя Фан, — сказала Дороти. — Вы мне не доверяете?

— У меня нет выхода, — спокойно ответил Фан. Он не стал спорить с девушкой. — И если чужой прочтет письмо, он ничего не поймет.

— Где письмо? — спросила Дороти.

— Тебе его не надо видеть, — ответил фокусник. — Чем ты меньше знаешь, тем меньше сможешь рассказать. Мать зашьет его в твою нижнюю юбку.

— В полосатую, — добавила Мэри Энн.

— Мать сказала это, чтобы ты пореже надевала ее и не вздумала ее стирать, — сказал одноглазый.

Все засмеялись.

Дороти спросила:

— А на чем будет написано письмо?

— На тряпочке, конечно же на тряпочке. И если будешь тонуть...

— Не смей! — Мэри Энн кинулась на Фана с кулаками. — Ты что, взглянуть хочешь?

Фокусник отскочил в угол.

Мэри Энн принесла юбку, нитку, иголку и принялась вшивать в край тонкую тряпочку с несколькими короткими словами.

— А кому я ее отдам? — спросила Дороти.

— Это тебе придется запомнить. Сейчас мы с тобой выучим, а перед отплытием мать повторит. Хорошо?

— Говорите.

— Запомни: пагода Шведагон. Шве-да-гон. В Рангуне. На восточном склоне холма, на котором выстроена пагода, есть монастырь Священного зуба Будды. В монастыре найдешь настоятеля, его зовут У Дхаммапада. Ему ты передашь письмо и ответишь на все его вопросы.

— Я должна это сделать, мама? — спросила Дороти.

Мэри Энн кивнула не сразу. Она поняла Дороти. Та росла англичанкой в английской семье. Хоть мать и выучила ее лигонскому и бирманскому языкам. Передать письмо какому-то монаху в каком-то иноземном монастыре? Она же английская девушка...

— Прости, так надо, — ответила наконец Мэри Энн. — Это важное письмо и полезное для хороших людей.

Перед тем как уйти, фокусник некоторое время стоял возле окна, выходящего на улицу.

Потом все же не решился выйти через переднюю дверь и мать проводила его через кухню. Дороти догнала его и спросила:

— А может так быть, что за мной гнались из-за этого письма?

— О письме они, к счастью, не знают, — ответил Фан. — Иначе бы...

— Значит, это — твои враги, дядя Фан?

— Они враги твои и мои, и всех добрых людей, — ответил старый фокусник и исчез за дверью. Дороти хотела узнать больше у матери, но та отмалчивалась, а потом принялась плакать. И Дороти начала плакать, они обнялись и, наплакавшись, заснули на диване в передней комнате.

У сэра Джорджа Уиттли были свои источники информации.

Утро следующего дня, когда он был в конторе компании в порту, принесло ему ряд неожиданных новостей.

Сначала штурман Алекс Фредро нанес сэру Джорджу деловой визит и рассказал о том, что его номер был обыскан и ограблен. Это могло быть случайностью, но в свете вчерашнего разговора с полковником Блэкберри, скорее всего случайностью не было. Сэр Уиттли приказал штурману немедленно переходить на корабль и оставлять его как можно реже. Затем он вызвал к себе старого друга, капитана Фишпатрика, и при обсуждении различных проблем завтрашнего отплытия, в частности, напомнил ему, что на борту будет находиться полковник Блэкберри, который, являясь креатурой Чарльза Дункана, ненавидящего сэра Уиттли шотландской холодной ненавистью, склонен быть более старательным и исполнительным, чем того требуют интересы дела. В лице капитана он встретил полное понимание, и тот согласился, чтобы к штурману в качестве вестового слуги был приставлен Эрик Боу, хитрый быстрый и коварный кокни, обязанный капитану жизнью.

Куда более расстроило сэра Уиттли появление в конторе могучего одноглазого негра по имени Сэмми, ветерана американских войн, который, оказывается, был вчера свидетелем нападения на Дороти. Он принес письмо, в котором Мэри Энн опасалась за судьбу дочери и просил помощи у Уиттли. Не успел Уиттли должным образом выругаться после того, как расспросил немногословного негра и ничего не понял из его разъяснений, как ему сообщили, что вчера вечером один из сотрудников службы охраны компании убит в районе Воксхолла, а второй избит. Достаточно было сложить два и два, чтобы понять: полковник Блэкберри в случае со штурманом ограничился обыском с целью отыскать компрометирующие бумаги и заставить Уиттли снять Фредро с борта. Видно, не удалось. Но с девушкой, с горничной, к тому же полукровкой, можно было без особых опасений разделаться иначе и этим застраховаться от риска. И потому Дороти решили убрать. Ей чудом удалось уцелеть, а ее друзья — любители пива даже прирезали одного из агентов Блэкберри, в чем конечно никогда не признаются.

Уиттли отправил с Сэмми записку Мэри Энн, грамотность и изящный почерк которой его растрогали, в записке велел не выходить из дома, пока он не распорядится. Сам же, предупредив о событиях Регину, с которой привык обсуждать те дела, которые обсуждать с ней было выгодно, и спокойно переждав вспышку ее гнева, послал карету к дому Мэри Энн, чтобы в ней переправить на «Глорию» горничную своей невестки.

Мэри Энн и Майкл поехали провожать Дороти в настоящей карете.

Вахтенный офицер, предупрежденный об их приезде, проводил их в кормовую каюту миледи, которая располагалась прямо под каютой капитана и не уступала ей размером и удобствами. Майклу каюта, в которой будет жить его сестра, показалась дворцом. Впрочем, каюта эта была тридцати футов шириной — от борта до борта, и не меньше в длину — от двери до ряда квадратных окон, глядящих назад. Каюта была покрыта коврами, там были все удобства для дамы, включая широкую под балдахином кровать с бортиками вокруг, чтобы не свалиться в шторм. С другой стороны каюты, за занавеской, стояла койка горничной — его сестры.

Пока Майкл носился по палубе, изображая из себя морского волка, Мэри Энн сказала:

— Конечно, я приду завтра тебя провожать, но может так случиться, что мы не сможем уединиться...

— Я помню, — сказала Дороти. Монах У Дхаммапада, я найду его у пагоды Шведагон, в монастыре Священного зуба Будды.

Мэри Энн сняла с пальца тонкое серебряное колечко, с круглым, стертým от старости, меньше горошины размером, розовым камешком. Как-то его подарил фокусник Фан на память о горной стране Лигон. Колечко было таким дешевым, что Дороти никогда бы не надела его по своей воле.

— Возьми его, — мать надела колечко на безымянный палец девушки. — Пусть оно хранит тебя, как хранило меня, пускай оно напоминает тебе о твоих родных горах.

— Мои родные горы в Лондоне, — возразила Дороти. Она не любила напоминаний о том, что родилась не чистой, не истинной англичанкой. Тем более не хотелось выслушивать это от матери.

— Не выбрасывай колечка, не стесняйся его. — Мать словно не услышала ответа Дороти. — У него есть странное свойство — если тебе угрожает опасность, камешек темнеет.

— Смешно, — сказала Дороти.

— Чего же в том смешного?

— Несколько лет оно было у тебя на пальце, и ты ничего не рассказала мне об этой выдумке.

— Я дала слово Фану, — ответила мать. — Не сердись, доченька, Фан — мужчина из страны Лигон, я же — беглянка из моей страны. Я его слушаюсь...

Мать несмело коснулась пальцами руки Дороти.

Тут Дороти разревелась и Мэри Энн тоже стала плакать.

Глава 4

ПИРАТЫ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

На шестой день после того, как корабли Ост-Индской компании «Дредноут» и «Глория» вышли из устья Темзы и, пользуясь добрым попутным ветром, взяли

курс к югу, к берегам Африки, шеф земной службы ИнтерГалактической полиции комиссар Милодар, невысокого роста, немолодой, жилистый человек с копной седеющих волос, приехал к профессору Гродно в состоянии бешенства. Профессор Гродно, который руководит лабораторией генетической памяти, и его хорошенькая ассистентка Пегги не смогли скрыть своего удивления, на что Милодар ответил:

— А чего удивляться? Эти бюрократы доведут до клинической смерти даже железного робота, вот так!

— Что же случилось? — спросил малюсенький и потому честолобивый профессор Гродно.

— А то, что за два полета в Лондон 1799 года я получил выговор! А то, что нам запретили без особой надобности включать мониторинг Кору, то есть Дороти Форест!

— Как так?! — воскликнул профессор. — Это же опасно.

— И рискованно для эксперимента в целом, — добавил комиссар.

Пегги ничего не сказала. Она лишь улыбнулась уголками губ. Она недолюбливала самоуверенную Кору, потому что сама была самоуверенной и надеялась связать свою судьбу и ложе с профессором Гродно. В Коре же она чувствовала соперницу. Как, пожалуй, и в каждой второй молодой женщине.

— Но почему? — спросил профессор.

Он с тревогой поглядел на прекрасное обнаженное тело Кору Орват, неподвижно зависшее в плотном, почти прозрачном крайне инертном газе саргоне. Тело было опутано проводками и обклеено датчиками, что не могло скрыть его соблазнительности. Это и выводило Пегги из себя.

— А потому что Центрэнерго выставил ИнтерГполу такие счета за наши экскурсии и мониторинги, словно мы проглотили половину энергии всей планеты! — заявил Милодар. — Всего два моих визита в восемнадцатый век для внедрения агента и элементарный мониторинг. Они оценили в два годовых бюджета моей конторы!

— Я ждал этого, — вздохнул профессор Гродно. — Я тихо молил небо, чтобы эта кара обрушилась на нас попозже, но она была неизбежна.

— Что вы хотите этим сказать?

— В Центрэнерго имеют все основания сердиться на нас. Мы и вправду ограбили Землю.

— Всего один человек...

— Вы забываете, что путешествие во времени на такое расстояние невозможно! Значит, мы отправляли только вашу голограмму. Так вот: стабилизация голограммы на расстоянии в триста лет вообще непредсказуема по расходу энергии. Вам, полицейским, все равно. Отдал приказ — выполняйте. На меня же работал математический институт и три физических лаборатории — все в один голос утверждали, что голограмма до восемнадцатого века не доберется. Я же сделал так, чтобы добралась, причем в одном куске.

— Спасибо, — сказал комиссар. — Вы выполнили свой долг, я выполнил свой долг. Значит, энергетики должны выполнить свой долг. Почему они этого не делают?

— Потому что тогда погаснет свет в школах, закроются космические порты, а в подводные города хлынет вода!

— Не драматизируйте, профессор.

— Это от меня не зависит. А вы, оказывается, не любите правду.

— Кто ее любит, — отмахнулся комиссар. — Особенно не хочется выслушивать ее от союзников. Ничего кроме неприятностей такая манера не приносит. Ну ладно, мы обойдемся без командировок моей голограммы в Индийский океан. Хотя этим мы лишаемся возможности контролировать случайности. А что, если на наших друзей нападут какие-нибудь пираты?

— Надеюсь, они отобьются, — сказал профессор Гродно. — Два корабля линейного класса превосходят мощью целую эскадру пиратов.

— Дай Бог, — ответил Милодар. — Но лучше было бы пугнуть приближающегося пирата, переодевшись в скелет...

— С фосфорным черепом, — хихикнула Пегги.

— Не важно, с каким черепом! Но мы должны хоть иногда заглядывать туда, где плывет наша девочка...

Милодар обратил взор к Коре. Лицо ее сквозь дымку было спокойным, чересчур спокойным. Тонкие, но

сильные кисти рук были сложены на груди, так что пальцы уместились в нежном углублении между персей агента № 3.

— Какие перси! — прошептал Милодар.

— Персы? — не понял профессор Гродно, который, как и любой средний по образованности человек двадцать первого века, не знал, что означает слово «перси». Милодар и сам не мог бы похвастаться широкой эрудицией, но он встречался со многими людьми и обладал цепкой памятью. А всего месяц назад он вел дело о краже археологических ценностей из нетронутого скифского кургана. Организатором банды был столетний профессор, археолог, поп-расстрига, который изъяснялся длинно и красиво. От него Милодар и узнал слово «перси», а также слова «ошуюю», «одесную» и «акриды».

Милодар не ответил профессору. Он думал о том, что у него опять нелады в семейной жизни, последний брак развалился, а душа требовала ласки и нежности. А почему бы и нет? — подумал комиссар. Уже десять лет мы работаем вместе. Может, и больше. А что, если удастся уговорить Кору уменьшиться раза в два? Говорят, такие косметические операции уже делают в Бразилии. Они станут с Корой одного размера...

— Да, — вздохнула над его ухом Пегги, — долгое пребывание в гробу Коре не к лицу. Она подурнела, ох как подурнела!

— Вы так думаете? — Милодар все еще находился в царстве мечты.

— Я с вами не согласен. Женщина как женщина, — возразил профессор. — Чего вы хотите от сотрудника, который уже две недели лежит в газовой камере и сколько еще пролежит, одному Богу известно.

— Вот именно! — Милодар выкинул мысли о новой женитьбе. Возможный объект был отделен от него непрошибаемой стенкой. И сколько бы ты ни целовал этот гроб, спящая красавица не проснется.

— Какие нам оставлены возможности контроля? — спросил профессор Гродно.

— Только в случае явной и серьезной угрозы жизни агента и появления красного сигнала... — Милодар показал на черный кружок над пультом, — мы можем пре-

кратить работу и тащить Кору обратно. Возможно, я смогу вымолить, пробить еще один или два сеанса мониторинга, чтобы хотя бы знать, добралась она до Индии или утонула у берегов Австралии...

— Нет, — сказал профессор. — Дороти Форест не могла утонуть у берегов Австралии, потому что она должна родить ребенка.

— Зачем? — не сразу сообразил Милодар.

— Иначе кому она передала генетическую память?

— Ну да, конечно, — согласился Милодар.

Он прошел к рабочему столу профессора и включил экран записей мониторинга. На экране, хотя неясно, с перебоями, мелькали уже известные нам сцены из жизни Дороти...

— Что-то заказчик не появляется, — заметил профессор.

— Вы имеете в виду министра из Эпидавра?

— Его же оставили, чтобы нам помогать.

— Он вернется через неделю. Неотложные дела дома... — Милодар усмехнулся. Заказчики его уже не интересовали. Это было его дело, его задача, которую решал только он и лишние помощники ему не требовались. — Когда он вернется, покажите ему те пленки, которые считаете нужными.

— Я подумаю, — сказал профессор. Они с Милодаром, оба маленькие и честолюбивые, симпатизировали друг другу.

Затем Милодар попрощался с Пегги. Он поцеловал ей руку, а потом, когда Пегги склонилась, и щеку.

— Если бы я не улетаю сегодня в командировку, — сказал он, — то пригласил бы вас в китайский ресторан.

— В четвертый раз приглашаете, — ответила девушка без обиды.

— Много командировок, — ответил не смущаясь Милодар.

Он остановился на минуту у саркофага, вглядываясь в спокойные черты бледного лица Кору Орват. Душа ее была сейчас так далеко...

— И все же она подурнела. И в этом нет ничего удивительного, — сказала вслед уходившему Милодару ассистентка Пегги.

«Глория» и «Дредноут» следовали в пределах видимости. Старый «Дредноут» и под стать ему немолодой капитан берегли себя, и, пожалуй, ни разу до самого Кейптауна «Дредноут» не ставил все паруса, ссылаясь на ветхость корпуса, что было, по мнению капитана Фицпатрика, явным преувеличением.

На стоянке в Кейптауне неспешно заправлялись водой и грузили на борт продовольствие, отчего оружейные палубы превратились в помесь хлеба с сеновалом — живые консервы мычали, топтались, а коровы умудрялись даже давать молоко. Среди команд нашлись фермерские сыновья, которые могли этих коров доить, так что офицеры и в первую очередь миссис Уиттли пользовались свежим молоком, что помогало сохранить здоровье. Еще со времен капитана Кука и китобоев, уверявших, что от цинги есть одно средство — свежие продукты, корабли Ост-Индской компании брали в дальние плавания яблоки, лук, чеснок, да и свежее мясо скрашивало диету моряков.

В Кейптауне простояли дольше, чем полагалось, потому что осень Южного полушария принесла затяжную холодную непогоду и Фицпатрик не стал рисковать, прорываясь в зону пассата через опасные воды сороковой широты. Тем более что Фицпатрик, разумеется, рассчитывал воспользоваться экваториальным противотечением, подхватив его у Мадагаскара, чтобы с началом муссона выйти ближе к Суматре, пользуясь на этот раз восточным муссонным течением, которое наберет силу к концу мая.

Там же, в Кейптауне, капитаны кораблей договорились о точках рандеву и о том, что в случае, если эти громадные корабли — на самом же деле лишь маковые росинки в просторах Индийского океана — не смогут отыскать друг друга, разлученные ветром и волнами, ждать в Калькутте, где «Дредноуту» следовало взять на борт сипаев и изготовиться к последнему броску через Бенгальский залив...

От Лондона до Кейптауна миновали недели пути, вовсе не тоскливого, как опасалась Дороти. Каждый день приносил столько разнообразных наслаждений, столько маленьких и больших приключений, столько переживаний, что дни пролетали мгновенно и жалко

было укладываться спать, — а впрочем, порой они с Региной шептались чуть ли не до утра, потому что Дороти уже через неделю стала любимой вещью миссис Уиттли, куда лучше всех предшествовавших горничных и служанок.

— Я тебя буду называть компаньонкой, — заявила она как-то, радуясь новой прическе, придуманной ею совместно с Дороти.

— А какая в том разница для меня? — спросила Дороти.

— Как горничная ты можешь выйти замуж за матроса и в лучшем случае за боцмана, как твоя мать. А компаньонка леди Уиттли может претендовать на лейтенанта королевского флота, не меньше! К тому же в Ост-Индии так не хватает хорошеньких женщин приличного британского происхождения!

Конечно, следовало из этого, твое происхождение составляет желать лучшего, но мы тебя в беде не оставим.

А Дороти не обижалась. Ей в жизни не приходилось жить в такой роскоши, в такой громадной комнате, видеть такое ослепительное солнце, бьющее в решетчатые окна, или видеть, как по ним колотит ливень — здесь все звучало иначе — масштаб событий и стихий был иным, чем в Лондоне. Регина утверждала, что в фактории жизнь будет куда шикарнее, хотя бы потому, что миссис Уиттли сможет взять себе в услужение сколько угодно туземок, а в обязанности Дороти будет входить лишь руководство этими женщинами и самые интимные обязанности подруги и наперсницы.

Ночью большая дамская каюта становилась куда теснее, чем днем — Регина опускала альков над своей кроватью, а Дороти протягивала занавеску перед своей. Но утром, разбуженная шумом ветра, солнцем, покачиванием судна, Дороти пробуждалась сразу, весело и бодро, на свежайшем воздухе, который вливал здоровье и силу в лишенное изъязнов и болезней семнадцатилетнее тело Дороти Форест.

Завтракали дамы вместе за одним столом в своей каюте, а вот обедать капитан Фишпатрик приглашал миссис Уиттли наверх в свою каюту, ибо обед — священнодействие, традиция, ритуал. Он имеет место на корабле рано, куда раньше, чем на суше — впрочем, на

корабле иной распорядок, диктуемый склянками, а не часами. И для Дороти было удивительно приятным открытием то, что с того момента, как она взошла на «Глорию» и услышала склянки, она понимала их, даже не задумываясь и не отгибая пальцы, как то приходилось делать ее хозяйке.

На обед у капитана собрались офицеры корабля, а также полковник Блэкберри и два важных коммерсанта, которых Дороти не замечала, потому что и они сами никого не замечали, прячась куда-нибудь за шлюпку, чтобы бесконечно обсуждать курсы акций и стоимость гвоздики в прошлом году на амстердамской бирже.

Полковник Блэкберри не считал нужным скрывать, что Дороти он не доверяет и вообще предпочел бы, чтобы она находилась на морском дне. Однако, как джентльмен, он ничем не выказывал своих чувств, зато с его поведением был связан эпизод, который произошел в один из сумрачных, но для Дороти прекрасных дней, когда «Глория», обогнув западную оконечность Африканского материка, взяла курс на юго-восток, к Кейптауну, уже не опасаясь, что встретит здесь французские корабли.

Ветер был северным, прохладным и влажным, он гнал перед собой рваные сизые облака, сквозь которые порой выглядывало на несколько минут солнце, освещая белоснежные барашки и отражаясь в темных скалах гигантских валов. Дороти стояла у борта, в том месте, где из тела корабля выросал рог единорога — бушприт, несший косые паруса. Тупой нос «Глории» разрезал волны, вздымая пену и рождая мощный звук водопада, который перекрывался ударами волн о борт корабля и неожиданным выстрелом — хлопком гигантского паруса где-то в невероятной высоте. За день до того в хорошую погоду Дороти, под смех матросов и птичий лепет хозяйки, взобралась следом за одним из ее поклонников, марсовым Чарли, по туго натянутым вантам на марс — небольшую и даже уютную бочку, прикрепленную высоко к мачте. Ей не было страшно, болельщики гоготали с палубы, госпожа Уиттли потом корила ее за то, что девушка надела матросские штаны и этим якобы опозорила не только свою честь, но и честь всего рода Уиттли. На самом деле Регина

страшно завидовала Дороти за то, что той не страшно подняться по вантам на мачту, когда корабль несется вперед и раскачивается на ходу так, что лишь отчаянные уговоры Дороти заставляют Регину сползти с широкой постели и чего-нибудь откусать. Регина сердилась на горничную и за то, что та не страдает вовсе морской болезнью, это также унижало ее как благородную даму. Впрочем, здесь ей на помощь пришел полковник, еще более посеревший от качки, который за обедом в капитанской каюте убедительно рассуждал о том, что невосприимчивость к морской болезни есть следствие низкого происхождения. Недаром матросы и черномазая служанка бегают по кораблю как по суше, тогда как благородные джентльмены вынуждены страдать. Капитан Фицпатрик, не испытывавший от качки неудобства, был вынужден согласно кивать, а штурман Фредро задумался, насколько предки полковника Блэкберри знатнее его польских пращуров. Ведь он также не испытывал проблем с морской стихией. Более того, столь рассердившая Регину сцена восхождения ее горничной по вантам на марс вызвала в нем острое желание и самому последовать наверх — участь управлять кораблем, он не один месяц поднимал и привязывал тяжелые рулоны парусины, бегал по стеньгам, гудевшим от ударов ветра, и спускался по вантам на палубу, словно обезьяна в лесу. Он любил тот таинственный, даже в самый солнечный день погруженный в прозрачную тень, мир парусов, несущийся между морем и небом.

А когда Дороти спустилась с мачты и ловко, как будто привыкла за несколько минут к матросской жизни, натягивая ступнями выбенки — веревочные ступеньки, соединявшие ванты, — стала уверенно на фальшборт и прыгнула на мокрые от брызг доски палубы, штурман протянул ей руку, чтобы помочь. Но девушка руку отвела, как бы утверждая этим самостоятельность, и сообщила штурману:

— Этот Чарли там, наверху, хотел меня поцеловать, и если у него будет синяк под глазом, то виноватых не ищите.

Группа моряков, ожидавшая возвращения путешественницы на палубе, не успела сообразить, что все это

означает, как следом за Дороти на палубу прыгнул злой Чарли с растущим на глазах синяком. Тогда все стали смеяться. Смеялся и штурман. И Дороти, которая, как призналась потом, боялась, что ей влетит за избиение господина матроса, тоже стала смеяться. Но тут ее смеющийся взор встретился с глазами штурмана и она сразу стала серьезной, смутилась и убежала, оставив зрителей осыпать невежливыми шутками пострадавшего Чарли.

Регина привыкла делиться с горничной своими неглубокими мыслями, и Дороти уже к середине путешествия знала, что Джулиан Уиттли как мужчина ровным счетом ничего из себя не представляет, что, впрочем, устраивает его жену, потому что она найдет себе куда более интересного возлюбленного. Джулиан же ей нужен как человек, который обязательно сделает большую карьеру в компании, тем более, что все члены президентского совета, как правило, пожилые джентльмены, имели счастье некогда качать его на коленях. Джулиан уже давно был как бы наследным принцем и потому, хоть и проходил, как положено принцу, все ступеньки служебной лестницы, делал это быстрее и легче прочих. Теперь, в тридцать лет, он получил пост директора фактории в Рангуне — это был немалый порт на пути из Индии в Китай, и к тому же, как нам известно, отец Уиттли планировал именно там расширить владения компании. И потому, несмотря на нелюбовь к мужу, разумная птица Регина ехала к нему через полмира, чтобы жить в жаре и в окружении дикарей и родить ребеночка, будущего лорда Уиттли.

Нельзя отпускать мужа полностью на волю, объясняла она Дороти, потому что он может взбрыкнуть, как застоявшийся жеребец — уже были случаи, что застрявшие в Лондоне соломенные вдовушки теряли своих мужей. Конечно, рассуждала Регина, на этом тоскливом корабле можно завести от скуки интригу, но слишком опасно — перегородки здесь тонкие. Да еще этот паршивый полковник Ягода — так она сокращала фамилию Блэкберри — вынюхивает измену и, возможно, готов сообщить любую гадость, только чтобы насолить старому Уиттли и самой Регине за то, что они отстояли Дороти, которую он намеревался убить. Так что ты тоже,

моя душечка, гляди в оба. Такие, как полковник, подобны удавчикам — пока не задушат мышку, никогда не успокоятся.

— А еще он не любит штурмана Фредро, — заметила Дороти.

— Знаю. Единственный приятный джентльмен на борту, — ответила Регина и так вздохнула при этом, что Дороти вдруг почувствовала раздражение. Вот именно — раздражение. Хотя какое ей дело до какого-то там штурмана? — Если бы мы были не на «Глории», а жили в Лондоне, я нашла бы возможность... дать ему понять, что равнодушна к такому типу мужчин. Нет, ты меня знаешь, я никогда бы ничего себе не позволила...

Затем последовала пауза, как будто Регина вспомнила о тех несчастных случаях, когда она все же себе что-то позволила. Ты спишь?

Дороти не ответила. Пускай думает, что сплю.

— Ну ладно, ты еще совсем ребенок и многого не понимаешь, — сказала тогда Регина и принялась скрипеть кроватью, устраниваясь поудобнее.

А Дороти вспомнила, как сегодня штурман протянул ей руку и они стояли лицом к лицу, а больше она ничего не помнит. Вроде бы несла какие-то глупости. Вот не думала, что будет так стесняться... Какая между ними пропасть! Офицер, штурман и горничная. Ей суждено отыскать себе матроса Чарли, и тогда уж Чарли будет ставить ей синяки под глазами, а не наоборот...

Как зарождается любовь?

С первого взгляда ее не бывает, потому что первый взгляд всегда ложный. Любовь возникает после нескольких взглядов, но потом, когда ты вспоминаешь об этой истории, то кажется, будто взгляды сливаются в один, долгий, которым все было сказано. Во время первой встречи Дороти показалась штурману Фредро уродливой из-за ран и синяков, впрочем, и он сам, хоть и спас ее героически из-под копыт, был измазан, исцарапан и никак не отвечал представлению Дороти о герое. В Лондоне они встречались редко, мельком и не было оснований и возможности разглядеть друг друга внимательнее.

Но потом, на малом пространстве корабля, где встречаться приходилось неизбежно, даже не перекидываясь словами, штурман незаметно для себя стал замечать мелочи, не придавая им значения: поворот шеи, локон, выбившийся из-под косынки, которой были покрыты буйные волнистые волосы горничной, шиколотки и икры ног, когда налетевший бриз всколыхнул юбку — все вместе и являло собой грацию прелестного существа, которая открывалась для штурмана постепенно, день за днем... пока не случился этот эпизод с мачтой. Ей-богу, подумал штурман, ни одна горничная — да при чем тут горничная! — ни одна девица в Лондоне не решилась бы залезть по вантам на марс.

Растущего же внимания к себе со стороны Регины Уиттли Алекс пытался не замечать, хотя не замечать не мог, потому что леди Уиттли была куда более опытной соблазнительницей, чем наивная Дороти, и от вынужденного безделья желание свести с ума штурмана тем более овладевало Региной, чем упорнее он сопротивлялся искушению. Хотя Регина не была особой охотницей до мужчин, все же здоровой молодой женщине так трудно остаться совершенно равнодушной, находясь с полутора сотнями молодых людей в деревянной скорлупке плывущего по морю ореха под названием «Глория».

В ту ночь, после эпизода с мачтой, об этом догадалась и Дороти. Догадалась потому, что раньше ей и дела не было до мыслей и чувств Регины, а оказалось, что она ошибалась — штурман уже сумел тихой сапой забраться в сердце Регины и свить там незаметное пока, но реальное гнездышко.

Следующий эпизод, как бы повысивший температуру отношений на борту «Глории», произошел уже в Кейптауне, во время долгой стоянки в ожидании погоды. Как-то в теплый апрельский день Регина по договоренности с женой тамошнего представителя компании, в дом которого Регина переместилась вместе с Дороти, чтобы не болтаться в корабле, стоящем на якоре на рейде Кейптауна, взяла открытый экипаж, куда помимо леди миссис Уиттли поместились Дороти и младшая сестра хозяйки дома, легко краснеющая веснушчатая и донельзя наивная мисс Вулвортс. На козлах

сидел кучер и слуга с ружьем — хоть места возле Кейптауна были безопасны, но ходили слухи, что какая-то негритянская банда с севера нападает на путников.

Ехали вдоль моря, берег был песчаным, светлым, океанские валы, пришедшие, наверное, с Южного полюса, из неведомых краев, откуда, как говорила мисс Вулвортс, иногда приплывали ледяные горы, величаво разбивались о землю ярдах в ста от песка и неслись потом, рассыпаясь в пенную муть, по песчаному мелководью. На горизонте осталась Столовая гора и строения богатого города, воздух был влажным, теплым и душистым.

— Словно нюхательные соли, — заметила Регина, которая также ощутила особый запах здешнего моря.

— Водоросли гниют, — сообщила мисс Вулвортс и испортила остальным романтическое настроение.

Потом они приехали в место, где стояла небольшая пляжная хижина, возле нее стол и скамейки, врытые в песок. Охранял этот домик для пикников слишком вежливый негр, который все желал поговорить, но понять его оказалось невозможно. Он лепетал на языке местных голландцев — буров.

Старый негр поставил на каменный очаг чайник, а Дороти пошла гулять по берегу. Ноги проваливались в песок. Скоро она отыскала красивую раковину. Ей захотелось искупаться. Тем более что ярдах в ста от пикниковой хижины росла куща невысоких и изогнутых ветрами деревьев и за ними можно было раздеться. Дамы сидели на лавочке, ждали, пока приготовят чай, беседовали, а кучер и охранник осматривали ногу одной из лошадей.

Дороти быстро разделась донага — купальщицы в длинных нижних рубашках обречены были стоять по пояс в воде, прикрыв грудь руками крест-накрест, и дрожать от ветра. А если ступишь глубже, тебя тут же стреножит и утопит собственная одежда.

Кинув последний взгляд на остальных, Дороти быстро сбежала к воде и на несколько секунд остановилась, лишь ступив в пену, пробуя ногой, не холодна ли вода.

Именно в этот момент ее увидел и сердцем понял, что стоящая вдали женская фигурка — Дороти, штурман Алекс.

Это зрелище его встревожило.

В те годы очень мало кто умел плавать. Даже на английском флоте матросы не были обучены плаванию и, попав в воду, быстро тонули. Умеющая плавать женщина была сенсацией и даже чем-то неестественным.

— Смотрите, туземка! — крикнул Алексу его спутник, судовой лекарь с удивительно неудачной фамилией Стренгл, что означает душитель. Стренгл говорил, что пошел в плавание именно потому, что не смог за двадцать лет создать достойной практики, так как имя его отпугивало пациентов.

— Нет, — сказал Алекс. — Это Дороти.

Они с доктором взяли в городе напрокат верховых лошадей и отправились на прогулку, чтобы поразмяться. По воле случая они избрали именно ту дорогу, по которой поехали на пикник дамы.

— Какая Дороти? Наша Дороти?

Доктор относился к поклонникам Дороти, как, впрочем, и большая часть команды, правда, поклонялся он ей платонически, ведь Дороти вела себя так, что матросы и офицеры видели в ней скорее младшую сестренку, нежели женщину.

И тут они увидели, как девушка, уверенная, что никто за ней не наблюдает, спокойно пошла вглубь. Зашла по пояс и потом как бы прыгнула вперед, вылетев из воды и погрузившись в нее через полдюжины ярдов — таков был прыжок! Мужчины искренне любовались ее грацией и силой, неожиданно увидев в Дороти новую, необычную и манящую черту.

Они придержали коней и медленным шагом приближались к месту купания Дороти.

Тут они заметили дам у домика и приветствовали их.

К тому времени Дороти отплыла далеко от берега, дамы ее не видели, и для них было неожиданностью, когда доктор Стренгл вдруг спросил у негра:

— А тут нет акулы?

— Акула? — спросил негр, явно не имея представления, что значит это слово. — Много акула.

— Очень большие акула, масса, — подтвердил охранник.

— Я этого и боялся.

Доктор сложил руки трубкой и принялся отчаянно кричать:

— Дороти, назад! Дороти! Здесь опасно!

Дамы никак не могли понять, куда и почему он кричит — надо было присмотреться к волнам, угадать среди них черную горошинку — голову Дороти.

— Ей угрожает опасность — заявил штурман, передавая повод от лошади охраннику и устремляясь к берегу.

И только тут Регина и мисс Вулвортс закудахтали, от волнения у Регины лопнула шнуровка корсета, и все окружающие смогли впервые лицезреть замечательные розовые дыни ее бюста.

Регина разрывалась между страхом потерять такую замечательную и нужную горничную и еще большим страхом, что из-за нее утонет штурман Алекс. И она не придумала ничего лучше, как побежать к берегу, увлекая всех за собой и крича охраннику:

— Так чего же вы! Акулы, акулы... Возьмите какую-нибудь лодку и плывите!

— Боюсь, что на десять миль вокруг вы не найдете ни одной лодки, Регина, — сказал доктор Стренгл. — Правда, я видел одну на горизонте, но докричатся до нее можно только с помощью пушки.

— Тогда найдите какое-нибудь бревно! — вконец рассердилась миссис Уиттли. — Скажите этим людям!

Охранник, в рукав которого она вцепилась, видно намереваясь оторвать его вместе с рукой, попытался вырваться, охваченный страхом, и пролепетал:

— Но я же не плаваю, мэм!

— Где здесь мужчина? — закричала Регина, видя, как голова Дороти пропадает среди волн. — Немедленно дайте мне мужчину!

Молодой штурман уже подбегал к воде. Пловцом он был посредственным, хоть и не беспомощным, но воды не боялся, потому что имя дяди стояло на берегу Вислы и детство он провел у реки.

Все остальные последовали за ним, но на некотором расстоянии, треугольником, словно стая перелетных птиц. Первым бежал Алекс, за ним в некотором отдалении бежали, проваливаясь в песок, Регина и мисс Вулвортс, затем доктор, охранник, кучер и негр.

У воды Алекс начал раздеваться. Сбросил камзол, но в тот момент, когда принялся расстегивать гульфик у панталон, он замер, потому что как раз тогда его настигли остальные спасатели.

— Простите, мэм, — произнес, покраснев, штурман.

И тут до Регины, а уж тем более до мисс Вулвортс дошел весь ужас их положения. Штурман начал раздеваться так, словно находился с ними в спальне, но вокруг сияло солнце, дул ветер, шумел океан и было много свидетелей.

Закрыв глаза руками, женщины резко отвернулись от штурмана и отбежали вверх по склону.

— Что вы делаете! Как вы смеете! — кричала на бегу Регина. — Сейчас же оденьтесь!

— Но тогда я не смогу плыть по океану, — возразил штурман, поддерживая панталоны.

— Это меня не касается. Спасайте ее как желаете, и, если вы при этом утонете, это ваше личное дело!

Но тут же, увидев, что штурман продолжает раздеваться, она замолчала, отвернувшись, но искоса поглядывая на него. Убедившись в том, что он в безопасности, штурман, обнажившись до пояса и оставив на себе лишь нижние панталоны, вошел в океан.

Им овладела робость, но он понимал, что несколько пар глаз смотрят на него и уже поздно возвращаться обратно, сославшись на то, что вода холодна и слишком соленая для подвига. Поэтому, подождав, пока очередной вал достиг берега и закрыл его по пояс, потянув обратно к берегу, штурман упал животом вперед и, бешено заработав руками и ногами, помог отбегающей от берега волне подхватить себя и вынести в открытое море.

Алекс и не заметил, как оказался за пределами той ступени, от которой начиналось мелководье и о которую, ударяясь, разбивались волны: вокруг было неровное, покрытое пологими волнами пространство. Вдруг штурман сообразил, что он потерял ориентацию и не знает, куда ему плыть дальше. Так как вода надежно держала его, куда лучше, чем в речке, штурман стал крутить головой, удерживая себя на плаву круговыми широкими движениями рук — и сразу увидел берег, голубые горы вдаль и даже различил ставшие маленьки-

ми фигурки на берегу, которые собрались в кучку и пытались разглядеть, что же происходит в океане.

Значит, девушка находится в другой стороне. Но как отыщешь ее в волнах?

Не давая страху овладеть собой и воображению представить, как его уносит беспощадными валами в океан, штурман попытался представить себе, где же может быть Дороти и сообразил, что Дороти находится напротив Регины и ее свиты.

Туда он и поплыл. А судьба благоприятствовала ему потому, что, утомившись, Дороти не спеша поплыла к берегу.

Она первой увидела штурмана, очень этому удивилась и даже испугалась, потому что не ожидала увидеть купальщика-мужчину, особенно если учесть, что она была совершенно обнажена.

Тогда ее увидел и штурман и закричал:

— Что вы делаете! Здесь опасно! Здесь акулы!

— Что? — откликнулась Дороти. — Какие акулы?

Только тут она узнала штурмана. Ее страх и смущение усилились, потому что иной человек, допустим доктор Стренгл, был бы просто мужчиной, а штурман был мужчиной особенным.

— Здесь опасно. Разрешите плыть с вами?

Они уже сблизились настолько, что можно было разговаривать, почти не повышая голоса.

— Я не разрешаю, — заявила Дороти. — Плывите один.

— Почему?

— Потому что вам отлично известно, что мужчины и женщины в приличном обществе вместе не купаются.

И тогда штурман понял, что девушка совершенно раздета. Совершенно!

— Но если приплывет акула?

— У вас с собой пистолет? — спросила Дороти. — Или сабля?

— Нет, зачем же?

— Ясно, вы разорвете ей пасть, как разорвал пасть льву Геракл, — сообщила девушка.

Штурман впервые увидел ее руки обнаженными... и плечи, и то место, где плечи переходят в грудь...

— Да плывите вы вперед! А то потом я всю жизнь от сплетен не избавлюсь!

Штурман понял, что девушка права, но горе было в том, что он уже устал и с каждой секундой его тело, непривычное к плаванию среди волн, все более требовало покоя. Он подавил в себе волну страха и сказал:

— Вы правы, я поплыву чуть впереди, но дайте мне слово, что будете плыть следом.

— А я уже плыву следом, — сказала Дороти.

Она вовсе не сердилась на штурмана. Ведь ради простой горничной кинулся в океан, понимая, если он не последний идиот, что убить акулу он не сможет, но все же был готов рисковать собой.

Ею овладело непонятное веселье, даже озорство — и мысль о том, что молодой человек знает, что она обнажена, и взволнован этим, ей была сладка и щекотна.

Дороти широко разводила руки и, заводя их за спину, совершала как бы прыжок вперед, почти по поясу выныривая из воды, и ей хотелось бы, чтобы штурман обернулся, но он не оборачивался.

Зато, сложив вместе руки впереди, Дороти увидела, как сверкнул камешек в ее колечке. И она поняла, что он значительно потемнел. Сначала она даже решила, что изменение цвета связано с тем, что камешек мокрый, но камень все темнел и темнел, из розового превратившись в черный.

Где-то близко была опасность! И она приближается.

Дороти оглянулась. Океан был пуст. Лишь далеко, у горизонта, виднелись косые паруса рыбацких лодок.

Дороти хотела окликнуть штурмана, но не решилась — ей казалось, что он плывет из последних сил и лучше его не сбивать.

А штурман и на самом деле боялся сбиться с дыхания, а сердце билось слишком часто: вот-вот выскочит из груди. Он уговаривал себя, что береговая линия приближается, хотя вовсе не был в том уверен.

Как Алекс думал потом, скорее всего он бы утонул в тот день, если бы не польский гонор, гордыня, не позволившая ему пойти ко дну берега Южной Африки.

Он плыл по-мальчишески, далеко выбрасывая вперед руки и поднимая больше брызг, чем следовало, от-

чего все более уставал. Дороти же держалась чуть сзади, она плыла, разводя руки в стороны подобно лягушке, и могла так проплыть много миль, почти не утомившись. А так как воду и море она любила, вода была ее другом, и если в самом деле усталость вдруг овладевала ею, то Дороти переворачивалась на спину и отдавалась воле волн.

Она видела, что Алекс плывет энергично, резко машет руками, так что вначале она за него не беспокоилась, даже позавидовала мощи и резкости мужских движений. Но чем ближе они подплывали к берегу, тем резче и как-то судорожней становились гребки Алекса, и вдруг Дороти, к ужасу, поняла, что он плывет уже из последних сил. И испугалась, что не сможет вытащить его на берег, если что-то случится.

И в тот момент, когда Дороти испугалась за штурмана, сердце ее перевернулось и в нем поселилось чувство любви к молодому человеку.

...Впереди, уже в ста ярдах, волны разбивались о стену берега и дальше крутыми белыми валами неслись, уменьшаясь, по песку мелководья. Именно там и было труднее всего плыть.

Неизвестно, чем бы завершилось это купание, если бы в дело не вмешалась третья сила — совсем недалеко Дороти вдруг увидела черный треугольник, словно вырезанный из чугуна. Треугольник поравнялся с пловцами, обогнал их и начал делать круг, как бы отрезая их от полосы прибоя.

Дороти не сразу догадалась, что это такое.

— Смотри! — крикнула она Алексу.

Тот понял, что их все же настигла акула — безжалостное чудовище океана и надежд добраться до столь близкого уже берега почти не осталось.

— Скорее! — крикнул он. — Скорее, я тебя закрою. Это акула!

Треугольник высотой в два фута, неся по кругу, разрезая воду и не оставляя за собой белой полосы — настолько он был приспособлен природой к этой цели. Теперь он уже мчался обратно, навстречу им, будто намеревался разрезать их так же, как разрезал волны.

Перепугавшись, Дороти поплыла быстрее и стала настигать штурмана, что тому и требовалось, потому что

ему хотелось только одного — чтобы девушка успела добраться до белых бурунов, судивших спасение.

Акула на этот раз прошла совсем рядом с людьми, но треугольник плавника был виден и это успокоило Алекса, который знал, что акуле, чтобы схватить добычу, приходится переворачиваться на спину, ибо ее пасть расположена в нижней части головы. И до тех пор, пока плавник виден, остаются надежды.

Откуда только силы берутся у человека!

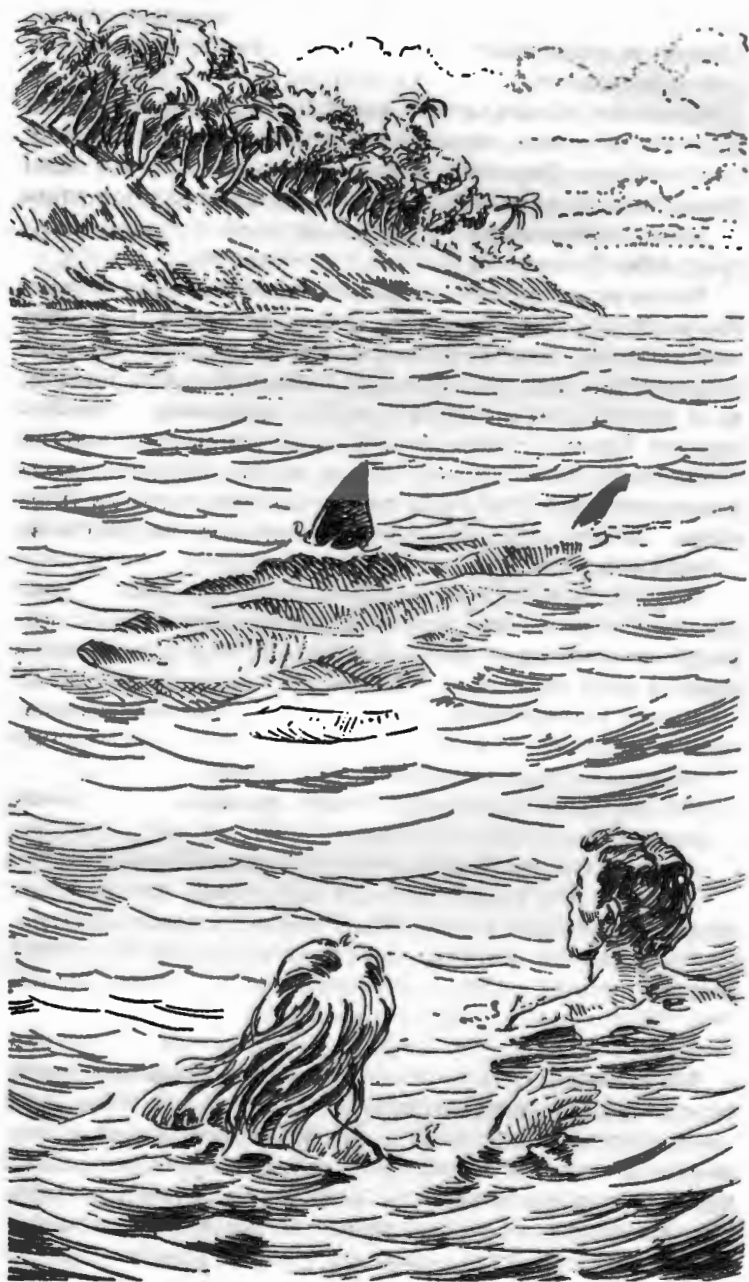
Когда акула наконец решилась на нападение и начала настигать их сзади, когда плавник вдруг исчез, что означало, что акула уже перевернулась и готова схватить жертвы, штурман настиг перепугавшуюся Дороти, которая изменила своему стилю плавания и отчаянно лупила руками по воде, почти не продвигаясь вперед. Штурман обхватил одной рукой плечи Дороти и потянул ее за собой, сам подгребая только одной рукой, — силы не только вернулись к нему, но и удесятились.

И в тот момент, когда акула уже готова была схватить Дороти (хотя не исключено, что акула просто развлекалась и кушать ей не хотелось), вал, несший молодых людей, ударился о склон берега, закрутил их и потащил вперед, словно муравьишек.

Акула развернулась, и ее плавник, вновь показавшийся над волнами, стал медленно удаляться в сторону открытого моря, тогда как героев нашей повести волны выкинули на берег захлебнувшихся, избитых и почти потерявших сознание.

Мужчинам, которые вбежали в воду, чтобы вытащить Дороти и Алекса, пришлось под руководством доктора делать пловцам искусственное дыхание, в чем, правда, не было нужды, ибо через минуту-две оба пришли в себя и принялись кашлять, корчиться на песке, выплевывая соленую воду. Прошло еще минут пять, прежде чем Дороти услышала, а главное осознала, что ее хозяйка страшно сердится на нее за то, что она полезла в море, чуть не утонула и не попала на зуб акуле, а главное, что она чуть не утопила такого славного джентльмена и дворянина, как мистер Фредро.

Регина была настолько сердита, что даже не сообщила, что ее горничная лежит на песке обнаженная, словно русалка или наяда, но доктор Стренгл снял с

себя сюртук и прикрыл наготу девицы, прежде чем она придет в себя настолько, чтобы одеться и привести себя в приличный вид.

Что и случилось, как только Дороти пришла в себя.

А вот штурман Алекс, который уже сидел на песке, смог увидеть Дороти в виде наяды, насладиться этим прелестным зрелищем и был благодарен судьбе не только за то, что она спасла их, но и за зрелище, которое предстало его глазам.

Когда вечером они возвратились в Кейптаун — доктор и штурман на борт «Глории», а женщины в компанейский дом, Дороти была слаба и попросила у Регины разрешения лечь. Та разрешила. Гнев ее уже миновал, да и происходил он не от нелюбви к Дороти, а, наоборот, от страха ее потерять. К тому же миссис Уиттли гордилась собой за проявленное хладнокровие и предусмотрительность и была уверена в том, что, не прикажи она мужчинам спасти ее горничную, никто бы не успел ей на помощь.

Дороти заснула еще засветло, спала она долго, просыпалась в поту, вставала, пила воду и ложилась вновь. Госпоже пришлось самой раздеться и лечь спать, впрочем, та не сердилась.

Когда Регина заснула, ей снился полуобнаженный штурман Алекс, лежащий на песке.

Штурману снилась Дороти в образе наяды и он вновь обнимал Дороти за плечи, спасая ее от опасности.

А Дороти снился треугольник акульского плавника.

Если бы под рукой оказался настоящий психоаналитик, он бы сделал вывод, что в образе плавника выступают опасности, которые окружили Дороти и ее подстерегают.

На следующий день госпожа разговаривала с Дороти сквозь зубы и велела отдыхать.

Дороти не обижалась — она была сама во всем виновата и понимала, что, не поплыви к ней штурман, вряд ли она лежала бы на войлочном матрасе в этой уютной голландской комнатке. Ее постелью было бы дно океана.

Воспользовавшись свободой, Дороти занялась штопкой и переделкой своих вещей, а после сытного обеда на кухне со слугами, половина из которых были черными, она решилась все же спросить у Регины разрешения сходить в город — благо, торговая улица была недалеко — и купить кое-что из необходимых для путешествия вещей: на судне, из-за того что стирать приходилось соленой водой, вещи быстро приходили в негодность.

Дороти понимала, что после вчерашнего Регина могла запретить ей выход в город, поэтому перед гостиной, выделенной для Регины хозяевами, остановилась, не решаясь постучать в дверь — как бы не побеспокоить хозяйку, если та не одна.

Так и оказалось.

Регина разговаривала с каким-то мужчиной, и голоса неясно проникали сквозь закрытую дверь. Все же Дороти могла разобрать, о чем шла речь и любопытство заставило ее прислушаться.

— Но не лучше ли им было ехать по берегу? — спросила Регина.

— Вы не совсем понимаете, — ответил хриловатый мужской голос, — бухта Бичхэд отстоит от Кейптауна на девяносто миль. Добираться туда по узкой и плохой дороге... да вы же сами испытали на себе одну из местных дорог.

— У нас есть и похуже, — ответила Регина.

— Скакать четыре часа по такой дороге, да какие четыре — все шесть! — и обратно. Это нелегко и порой опасно. Там встречаются шайки беглых негритянских рабов.

— Но почему они не выбрали место поближе к городу?

— Потому что это слишком опасно. Места ближе к Кейптауну населены и посланца могли заметить. У них все продумано, мэм. Это дьявольски хитрые паписты и революционеры!

Дороти подумала, что собеседник ее госпожи имеет в виду французов, потому что к революционерам можно было отнести американцев, но к тому же в папизме обвинить можно было лишь французов и это было забавно, потому что даже Дороти знала, что во Франции отрубили голову королю, а монахов и священников каз-

нят почему зря. Но раз французы наши враги, понимала Дороти, то в глазах патриота они должны быть и папистами, и антипапистами.

— Говорите, — произнесла Регина. И Дороти, уже знавшая госпожу, поняла, что человек, с которым она беседует, ей неприятен.

— Когда корсар или французский фрегат проходит мимо Капеской земли, он не может зайти в Кейптаун, ибо мы его контролируем! Но в ста милях к востоку они подходят к берегу в бухте Бичхэд, высаживают людей, те берут послание о том, какие английские корабли и когда прошли мимо мыса Доброй Надежды. Разбойники получают возможность настичь беспомощное судно и предательски потопить его.

— Значит, они посылают лодку из Кейптауна...

— Да, у них свои люди! И лишь вчера двое из них были арестованы у выхода из порта и на борту их бота было найдено сообщение. Теперь вы понимаете, насколько важен мой визит?

— Я не совсем понимаю связь между событиями, — ответила Регина.

— Что может быть проще! — слышно было, как мужчина отодвинул стул, поднялся и, стуча каблуками по каменному полу, прошел к двери.

Дороти чутьем поняла, что он сейчас откроет дверь, и кинулась прочь.

Но она не успела спрятаться за угол, как в спину ей прозвучал сухой властный голос полковника Блэкберри:

— Остановитесь, бесстыжая! Я подозревал вас в том, что вы подслушиваете секретные разговоры, но теперь в этом убедился. А ну, идите сюда!

Дороти, как загипнотизированный мышонок, пошла к полковнику.

Из открытой двери на шум выглянула Регина.

— Дороти? — искренне удивилась она. Ты что здесь делаешь? Ты подслушивала?

— Клянусь, нет, мэм, — искренне ответила Дороти. — Я хотела только попросить вашего разрешения выйти в город, но когда подошла к двери, то услышала, что вы не одна. И пошла прочь. И тут дверь открылась, и господин Блэкберри закричал на меня.

— Лжет! — закричал полковник, и его серое лицо внезапно побледнело от непонятной ненависти к Дороти. — Всегда врет!

Ненависть заставила вздрогнуть Регину, но когда дело касалось ее хороших вещей, в Регине просыпалась рачительная хозяйка, а полковник об этом не знал, потому что не умел заглядывать в души к людям и в этом была его слабость, которая его в конце концов погубила.

— Я верю тебе, Дороти, — царственным голосом произнесла миссис Уиттли и жестом приказала Дороти войти в гостиную. — Очень хорошо, что ты к нам присоединилась. Господин полковник рассказывает очень интересные истории, которые касаются и тебя. И лучше, чтобы ты присутствовала при этом.

— Я не намерен говорить в присутствии прислуги! — взъярился полковник.

— Тогда вы не будете говорить совсем, — ответила Регина. — И весь ваш пыл пропадет даром. И не советую бежать жаловаться к капитану Фицпатрику. Уверю вас, что он получил указания моего отца и компании в целом подчиняться моим приказаниям, как последней инстанции. Вы можете это проверить.

— Вы не являетесь...

— Являюсь, мой дорогой, являюсь. И не тратьте времени даром. Ваш покровитель сэръ Чарльз далеко и вряд ли на борту найдется больше чем два-три ваших человека. Я смогу вас всех здесь оставить!

Полковник проглотил слюну. Он был все так же бел и гневен, но заставил себя смириться, чем вызвал у Дороти еще больший страх. Потому что стал подобен змее, которая отползает от занесенного над ней каблук, чтобы завтра ужалить босую ногу.

После длительной паузы, за время которой, подчиняясь жесту Регины, Дороти отошла к камину и стояла теперь лицом к полковнику и хозяйке, Регина произнесла:

— Говорите, полковник. С самого начала. Чтобы Дороти поняла, о чем речь.

— Она и без этого понимает.

— Не уверена. Так что потратьте несколько лишних фраз.

— Хорошо. Я повторю. Но повторю для вас, миссис Уиттли. Чтобы вы осознали всю серьезность положения.

Полковник говорил, не спуская глаз с Дороти, будто ожидая, что она не выдержит, падет на колени и закричит:

— Виновата я!

Но этого не случилось, потому что Дороти, наконец-то поняв, о чем шла речь, пока она подслушивала под дверь, сознаться не могла, будучи ни в чем не повинной.

— Сегодня в порту задержаны два французских шпиона, — сообщил полковник. — Под видом рыбаков они выходили в море, в бухте под названием Бичхэд. Туда они еженедельно отправлялись на скоростном боте, в условленном месте они оставляли сведения для французских корсаров, какие английские корабли следуют мимо мыса Доброй Надежды. Эти сведения помогали корсарам отслеживать наши корабли, грабить их и топить.

Регина кивала, словно повторяла выученный урок, а Дороти старалась не встречаться взглядом с инквизиторским взглядом полковника.

— Что же мы видим в свете этой опасной обстановки, когда наш рейс должен проходить в полной тайне, а Индийский океан буквально кишит французами? — спросил полковник.

— Что? — невольно спросила Дороти.

— Мы видим одну девушку, горничную миссис Уиттли, которая в отличие от всех нормальных девушек Великобритании обучена бесстыже обнажаться...

— Полковник, полковник... — подняла узкую ладонь Регина, — успокойтесь, вы не на суде.

— Простите, но я возмущен и с трудом владею своими чувствами! Факты — упрямая вещь! Эта предательница кидается в океан, чего не сделала бы на ее месте ни одна порядочная девушка... Причина заключается в том, что в море ей надо встретиться с ботом французских шпионов, чтобы сообщить им о плавании «Глории».

— Что-что? — не поняла Дороти.

— Там были видны паруса.

— Где?

— В океане были видны паруса. Я снял на этот счет показания охранника и кучера. Были паруса! И уплывающая

в океан, ваша горничная спешила сообщить шпионам, что «Глория» и «Дредноут» уже в порту. К счастью, акуле удалось остановить ее продвижение.

— Простите, — вдруг перебила полковника Регина, которой нельзя было отказать в своеобразном чувстве юмора, — это вы послали акулу навстречу Дороти? — Около минуты полковник переваривал смысл вопроса, а когда понял, то неожиданно густо покраснел и отрезал:

— Здесь не место для шуток!

— Простите, сэр, — не выдержала Дороти. — Но что я могла сообщить, плывя по океану и даже, честно говоря, не видя никаких парусов...

— Я тоже не помню парусов, — согласилась с ней Регина.

— Вы могли сообщить им, что наши корабли стоят в порту.

— Так же как любой житель Кейптауна, — заметила Регина.

— Но ваша горничная могла сообщить о грузе корабля, о числе матросов, о морской пехоте, о том, что... шпионы всегда найдут, о чем сообщить.

Наступила тишина. Дороти понимала, что любые ее попытки оправдаться будут ложно истолкованы. Она молчала, и молчание прервала Регина.

— Простите, но мы с Дороти сегодня ездили к западу от города, тогда как упоминаемая вами бухта находится к востоку.

— Значит, есть другая бухта.

— Но этих самых французских шпионов поймали в порту! Когда же они успели совершить такое путешествие?

— А почему вы решили, что речь идет о тех же самых шпионах? Может, их здесь сто.

Регина пожала плечами, сдаваясь.

— Дороти, — спросила она. — Ты действительно бросилась в океан и поплыла к какой-то лодке, чтобы сообщить им, сколько пушек у «Глории»?

Тон и подбор слов выказывал сторону, на которой стоит в этом споре госпожа Уиттли.

— Нет, госпожа, — ответила ей в тон Дороти. — К сожалению, я никогда бы не сообразила подсчитать, сколько пушек у «Глории».

— В чем-то мы с тобой похожи, — вздохнула Регина. — Но теперь ты видишь, к чему может привести легкомыслие. Не полезла бы ты в воду, не пришлось бы штурману спасать тебя...

— Кстати, а почему там же оказался штурман Фредро и почему он тоже поплыл по направлению к шпионской лодке? — спросил полковник.

— Я думаю, что он спасал меня от акулы, — сказала Дороти.

— Знаешь, порой я жалею, что акула тебя не сожрала, — сказала всерьез Регина. — Хотя мне и трудно пришлось бы без хорошей горничной, зато не было бы этих допросов.

— Вы бы нашли здесь другую. Здесь есть очень хорошие горничные, — обиженно ответила Дороти.

— Ну ладно, ладно...

— И единственным приятным воспоминанием, — упрямо продолжала Дороти, — был сам миг спасения. Господин Фредро был настоящим рыцарем.

— Прочь! — закричала Регина. — Ты мне надоела со своими вечными намеками!

Склонив голову, Дороти пошла прочь из комнаты, забыв спросить разрешения выйти в город, и уж решила, что ей это никогда не удастся.

Закрыв за собой дверь, она все же задержалась у нее еще на несколько секунд.

— В последний раз я официально предупреждаю вас, — был слышен голос полковника. — Вы должны оставить свою горничную в Кейптауне. Слишком рискованно брать ее с собой далее.

— Как только она снова бросится в море, я вам сообщу, полковник. Вы что-то еще хотели сказать?

— Я хотел сказать, что доложил обо всем капитану Фицпатрику как старшему офицеру эскадры, а также направляю письмо в компанию с подробным докладом о случившемся.

— Вернее, о ваших фантазиях, полковник.

— Называйте их как хотите.

— Мне также помнится, — сказала Регина, — что мой отец уже просил вас в Лондоне несколько умерить полицейский пыл.

— Я защищаю интересы компании.

— Мы все их защищаем.
— Разрешите идти?
— До свидания, полковник. Я была счастлива провести с вами эти полчаса... — Голос Регины стал сладким. Дороти поспешила прочь.

А через пять минут Регина сама пришла к ней в комнату.

— Я знаю, что он нес чепуху, — сказала она, вхоля и садясь на единственный стул у кровати. Дороти вскочила и стояла рядом. — Если бы ты хотела шпионить, ты бы нашла в десять раз больше возможностей поговорить с французами в городе, чем прыгать для этого в океан. Тем более что время и место прогулки выбирали без твоего участия. Но я не стала говорить об этом знаменитому сыщику. Пускай резвится — а вдруг найдет чего-нибудь полезное? Цепные псы неприятны, но нужны каждому суверену. Кстати, зачем я к тебе пришла?

— Вы пришли спросить, почему я подслушивала у вашей двери.

— Но ведь такого раньше за тобой не замечалось?

— Я шла к вам спросить, нельзя мне выйти в город? Мне надо купить сукно и немного ситца — я хочу сшить...

— Великолепная идея! Я составлю тебе компанию. Мы с тобой славно пробежим по магазинам, может быть, в последний раз за много-много месяцев вперед. Беги, вели заложить экипаж, а я пока оденусь.

— Как хорошо! — Дороти не могла сдержать радости — и не только потому что сбылось ее желание, но и потому что хозяйка более не сердилась на нее.

Улыбаясь, Регина пошла к двери, но в дверях остановилась и направила на Дороти похолодевший взгляд:

— Тебе понравилось, что он обнимал тебя в воде? Совершенно голую?

— Он не обнимал, госпожа, он только спасал меня, таянул к берегу.

— Он прижал тебя... Впрочем, это меня не касается. Но если ты позволишь штурману что-нибудь подобное на корабле или на суше, я тебя сдам на руки полковнику с личной запиской, что видела, как ты продаешь секреты нашей «Глории» французским шпионам. Тебе все ясно, моя милая?

— Мне ясно, — согласилась Дороти. Гнев Регины был столь велик, что грудь ее судорожно поднялась и шнуровка корсета с треском разлетелась. — Мне ясно, — покорно повторила Дороти, стараясь не улыбнуться.

— И не смейся! — приказала миссис Уиттли. — У меня самая красивая грудь в Лондоне! Ты об этом, может, и не слышала...

— В нашем квартале об этом не рассказывали, мэм, — робко ответила Дороти.

— Да я тебе... — Тут чувство юмора возобладало над спесью миссис Уиттли и она расхохоталась. — Представляю... представляю, как у вас в квартале обсуждают мой бюст!

И, продолжая смеяться, она покинула комнату Дороти.

Небольшие французские порты Дюнкерк и Сен-Мало были родиной многих французских пиратов. Самым знаменитым из них стал Робер Сюркуф, который считался не пиратом, а благородным корсаром. Для читателя, который незнаком с пиратской вольницей, надо объяснить, что пиратом назывался вольный хищник морей — все, что он хватал, отнимал или крал, принадлежало только ему и его команде. И относились к пирату как к обыкновенному разбойнику. Если попался, чаще всего его отправляли на виселицу. Корсары появились позже, это были государственные служащие, постольку поскольку они служили государству. Правда, служба эта была довольно условной — корсар сам снаряжал корабль, затем подписывал договор с властями о том, что он будет преследовать, грабить, топить или захватывать торговые корабли, принадлежащие враждебным государствам, а за это будет получать долю в награбленном, а также пользоваться всеми правами гражданина своей страны, ее портами, а если нужно и военной помощью своих фрегатов. Больше всего корсаров развелось в Атлантическом океане, где они подстерегали испанские и португальские корабли, что везли из колоний серебро, золото и всяческое добро в Европу. Порой из корсаров получались знаменитые путешественники и открыватели новых земель. Таким был, на-

пример, английский национальный герой Фрэнсис Дрейк, обошедший на «Золотой лани» вокруг света, но по пути потопивший и ограбивший немалое число испанских кораблей.

После революции 1789 года Франция принялась воевать со всей остальной Европой. Можно точнее сказать: вся Европа набросилась на революционную Францию. Шла эта война и в колониях, шла она в Индии, где были английские и французские порты и фактории. К тому же в войну вмешалась и Голландия, оккупированная французами, а голландцы владели крепостями в нынешней Индонезии и на островах Пряностей. Все воевали со всеми, и Индийский океан стал опаснейшим местом для мореплавания. Даже невероятные размеры этой чаши, наполненной водой, не спасали мореходов — ведь пути по океану, как дороги через лес, были сравнительно узкими — их диктовали ветры и течения. В любом случае надо было на пути из Европы обогнуть южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды, затем взять курс к северо-востоку, миновать остров Мадагаскар и держать путь к Калькутте или Мадрасу, если ты англичанин, к острову Реюньон или Пондишери, если ты француз, к Батавии, если ты голландец. А по пути тебя подстерегали хищники — будь ты беспомощный жирный барашек или даже могучий, снабженный рогами и копытами, но травоядный зверь...

Родители Сюркуфа были состоятельными буржуа, но богатство было нажито не в лавке, а в военных походах, плаваниях и путешествиях — это была морская семья. А дедушка его даже пиратствовал у берегов Перу.

Мальчику хотели дать солидное образование, чтобы он стал адвокатом или судьей, но он был непоседлив и в пятнадцать лет упросил отца отпустить его юнгой на «Авроре», торговом корабле, который занимался, как оказалось, самым грязным из торговых дел — перевозил из Африки на остров Бурбон в Индийском океане черных рабов.

Погрузив на борт шестьсот рабов, купленных у одного из нигерийских царьков, «Аврора» обогнула Африку и попала в шторм неподалеку от острова Мадагаскар. После двух дней борьбы со штормом корабль сел на камни. Шлюпки были только для команды. Чтобы рабы

не суетились и не прыгали с тонущего корабля в воду, их заперли понадежнее в трюме и отплыли к берегу. Когда шторм кончился, капитан и несколько матросов вернулись к кораблю, который, оказывается, так и не затонул. Взобравшись на борт, они открыли люки и в лицо ударило страшным смрадом — все рабы задохнулись. Так началась морская школа Робера Сюркуфа.

Еще два года он проплавал на невольничьих судах, постиг все тонкости перевозки негров и понял, что ему пришла пора выходить в самостоятельное плавание. В семнадцать лет Сюркуф вернулся домой и уговорил родственников помочь ему купить небольшой бриг «Креол», снабдить его командой и провиантом и отправить к берегу Африки. И семнадцатилетний капитан тут же закупил столько рабов, сколько могли вместить трюмы «Креола».

Все было бы хорошо, но шел уже 1792 год и Конвент Франции, борясь за свободу и равенство, запретил рабство и работорговлю на французских территориях. Запретить-то запретил, но не рассказал французским плантаторам на Бурбоне, который вскоре станет Реюньоном, ибо первое название отдавало монархизмом, как им обойтись без рабов. В результате работорговля продолжала процветать, только цены на рабов поднялись. Но тут в дело вмешались англичане. Не потому, что они были сторонниками равенства и братства, больше чем французские революционеры, а потому что они воевали с Францией и показаться борцами за свободу было весьма выгодно. Так что английские фрегаты начали охоту на французских работорговцев возле Африки и в Индийском океане. Несколько французских кораблей было остановлено и рабы отвезены к берегам Африки и отпущены там на волю. Правда, никто не стал спрашивать у рабов, в какой части Африки они жили раньше. И складывалась дикая ситуация, как если бы невольника, захваченного в Крыму, высаживали в Италии. А дальше что? А дальше незнакомые жители незнакомой страны в лучшем случае получали новых рабов и начинали ими торговать, а в худшем, может, и съедали.

Положение на Реюньоне изменилось в 1794 году. Новый губернатор, вернее комиссар, присланный туда

из Парижа, был идеалистом и противником работорговли. Он вызвал к себе капитанов всех стоявших в порту судов и приказал им менять профессию. Некоторые подчинились и занялись перевозкой пряностей, другие решили уйти в корсары или сменить место своих походов, а Сюркуф спокойно приказал своим головорезам поднимать паруса и совершил еще один рейд к тропической Африке.

Правда, он не был дураком и когда возвращался к Реюньону, то лег в дрейф в условленном месте, не доходя до порта и по договоренности с благодарными плантаторами, у которых на плантациях негры мерли как мухи, ссадил живой товар в шлюпки. Потом спокойно направился в порт.

Было раннее утро, капитан лег поспать, но тут на корабль нагрянул сам губернатор с преданными ему соратниками. Они тут же полезли в трюмы и не надо было быть о двух головах, чтобы догадаться, что корабль только что освобожден от рабов — на нарах остались кандалы, которыми крепился товар, а в проходе стояли котлы для риса — единственной пищи рабов. Комиссар революционной Франции торжествовал — наконец-то он поймал самого упорного из работорговцев.

Сюркуф предложил комиссару и его спутникам позавтракать вместе, но комиссар был непреклонен. Он был намерен составить акт о конфискации корабля.

Сюркуф пожал плечами.

Он провел их к себе в каюту, туда принесли бумагу и чернила, и началась долгая процедура, в которой капитан отстаивал каждый пункт так, словно ему важнее было протянуть время, чем добиться победы в споре. Наконец через час акт был готов и Сюркуф покорно подписал его.

— Теперь вы сядете в мою шлюпку, — сообщил комиссар, — и проследуете в тюрьму.

Без единого слова Сюркуф поднялся на палубу.

Корабль был в открытом море...

За время, пока составлялся акт, матросы успели поднять паруса и вывести корабль за пределы действия береговых батарей.

Когда комиссар потребовал объяснений, двадцатилетний работорговец ответил, что «Креол» держит курс

к Африке, где он намерен высадить комиссара, чтобы он пожил среди черномазых, которых столь рьяно защищает. Но если комиссар не хочет такой судьбы для себя, то он должен взять обратно все обвинения против Сюркуфа, да еще собственноручно разорвать акт, обвиняющий Сюркуфа в работорговле.

Комиссар сопротивлялся несколько часов, надеясь, что его хватятся и Сюркуфа догонит военный фрегат. Но надежды были пустыми и таяли с каждой секундой — отыщи корабль в просторе океана, если неизвестно куда на самом деле держит путь «Креол». Наконец комиссар капитулировал, Сюркуф возвратил его на Реюньон и дело было закрыто.

Но Сюркуф понимал, что его выгодная карьера работорговца завершается. Ему может еще раз повезти и он привезет еще триста рабов. Но комиссар уже будет ждать его на фрегате и сделает все, чтоб Сюркуф не вышел живым из тюрьмы.

Но что делать?

Становиться корсаром. Пиратом на службе республики.

Сюркуф понимал, что если он обратится к комиссару за патентом, разрешающим от имени республики охоту за английскими торговцами, тот никогда ему такого патента не даст. Как лицу, доверия не достойному.

Сюркуф сделал иначе.

Он продал вместительный тихоходный «Креол» и вместо него купил небольшую стремительную «Скромницу», вооруженную четырьмя шестифунтовыми пушками. Команда «Скромницы» едва насчитывала тридцать человек, но молодцов Сюркуф отобрал из проверенных и преданных ему матросов. Сюркуф объявил, что идет на Сейшельские острова за грузом черепаших панцирей, а сам пошел к северо-востоку, надеясь перехватить какого-нибудь богатого англичанина.

Только через месяц удалось настичь и захватить небольшое английское судно «Пингвин», которое везло груз ценного тикового дерева из Бирмы в Индию. Сюркуф захватил «Пингвина», загнал команду в трюм, а на борт перевел призовую команду, чтобы она доставила трофей на Реюньон. После этого ему попался голлан-

лец, груженный рисом, а у Калькутты Сюркуф захватил лоцманский бриг, крепкое быстроходное судно, на который он и перешел со своей командой, переименовав его в «Картье» в честь французского мореплавателя.

В порт Реюньона Сюркуф пришел следом за высланными вперед трофеями и сопровождая еще два захваченных корабля. Но в тот же день ему был объявлен приказ комиссара — так как он действовал без патента, вся его добыча конфискуется, включая и корабль, на котором он прибыл. В случае выражения недовольства гражданином Сюркуфом он будет арестован и казнен как простой пират.

Сюркуф не жаловался. Он тихо дождался первого же попутного корабля, на котором отплыл во Францию, пока комиссар и чиновники делили выручку от продажи добычи Сюркуфа.

К счастью для Сюркуфа, правившая Францией Директория нуждалась в отважных корсарах, сведения о подвигах Сюркуфа обогнали его, а комиссара было пора менять — время революционеров и идеалистов кончилось. Так что Сюркуф получил во Франции колоссальную сумму — 27 тысяч ливров как его долю за стоимость товара на захваченных им кораблях. А пока шло разбирательство, Сюркуф жил дома, влюбился в местную красавицу Мари Блез, обручился с ней и, рассчитавшись полностью с казной, снарядил замечательную «Клариссу». «Кларисса» была специально построена для Сюркуфа — она была невелика, но могла обогнать любой иной корабль в Индийском океане, вооружена четырнадцатью двенадцатифунтовыми пушками — то есть могла сразиться и с военным фрегатом, а в кубриках — в тесноте, да не в обиде разместилось сто сорок опытных моряков из Сен-Мало.

В 1799 году, когда «Кларисса» взяла курс в Индийский океан, Сюркуф уже не был самым юным работорговцем морей, ему исполнилось двадцать пять лет, из которых десять провел в море. Он казался старше своего возраста. Это был плотный, ниже среднего роста человек, говорят немного похожий на генерала Бонапарта, волосы были коротко пострижены, лицо было тяжелым, круглым, нос короткий, а веки глаз всегда чуть опущены, отчего казалось, что Робер человек равно-

душный ко всему и даже сонный — но это была лишь маска. С одинаковым выражением лица он мог отправить на рею непокорного раба или прийти на свидание к Мари. Говорят, что он никогда не улыбался, хотя любил танцевать на вечеринках и был неплохим наездником, для чего держал в Сен-Мало лошадей.

Вот таким был капитан «Клариссы», которая обошла мыс Доброй Надежды за две или три недели до появления там «Глории» и «Дредноута». У бухты Бичхэд Сюркуф спустил шлюпку, чтобы взять в условном месте письмо от шпионов в Кейптауне, но в письме ничего интересного не сообщалось. Тогда он взял курс на остров Реюньон, что лежит в самом центре Индийского океана, но не спешил. Ему не хотелось появляться на Реюньоне на новом корабле без добычи. Поэтому он задержался у Мадагаскара в надежде, что узнает о прохождении английских кораблей. Если ничего не попадет, он возьмет восточнее, чтобы подежурить на самой оживленной дороге между Кейптауном и Индией. Он не спешил. Он был терпеливым рыбаком.

Так что вышедшие на две недели позже из Кейптауна «Глория» и «Дредноут», продвигаясь к северо-востоку, с каждым днем все более сближались с корсаром. Точнее, сближалась «Глория», так как долгий шторм со снегом и дождем южнее Мадагаскара разогнал корабли и когда погода установилась, никаких следов «Дредноута» и «Глории» найти не смогли. Капитан Фишпатрик был готов к такому повороту событий, рандеву было согласовано так, что никто не придавал значения этой разлуке. Тем более что «Глория» была достаточно хорошо вооружена и имела достаточно сильную команду, чтобы отогнать любого пирата.

— Я не думаю, что полковник Блэкберри намерен тебя убить, — сказала как-то Регина, когда они с Дороти, словно две подружки, пили чай в каюте. И все же я бы не подходила к фальшборту не оглянувшись, чтобы посмотреть, кто стоит у тебя за кормой.

Регина выучила несколько морских слов и теперь щеголяла ими перед горничной. Той было неприятно слышать этот самый «фальшборт», потому что Дороти

была уверена, что научил хозяйку морским словам именно Алекс, который стремился к миссис Уиттли. По крайней мере, Регина этого не скрывала.

Дороти была несправедлива к штурману, он, как мог, сопротивлялся встречам с миссис Уиттли и обучению ее морской навигации. И не потому, что старался сохранить верность Дороти — честно говоря, это еще не приходило в голову штурману, но потому, что боялся, что не сможет устоять перед абордажем, на который его брала миссис Уиттли. Он старался не поддаваться, но не мог не поддаться холодной страсти ее светло-серых глаз и, главное, движениям двух вулканов, расположенных у нее над талией. И, наверное, устремления Регины давно бы увенчались успехом, если бы не кажущееся Алексу ее сходство с птицей и подозрение, что во время любви Регина больно клюется носиком.

Впрочем, и это не было главной сдерживающей причиной. Главное заключалось в том, что штурман Фредро по натуре своей был разумным человеком, желавшим стать капитаном компанейского корабля, а любой роман на корабле, находящемся в открытом море, неизбежно становится известен всем на борту, а значит, как только «Глория» бросит якорь в Калькутте или Рангуне, этот секрет Полишинеля станет очевиден всем, включая мистера Уиттли-младшего и прочих влиятельных лиц. А с сомнительной национальностью Алекса этого достаточно, чтобы поставить крест на карьере на английском торговом или военном флоте.

Дороти об этих мыслях штурмана не догадывалась, потому преувеличивала близость штурмана и миссис Уиттли, а, следовательно, ею все больше овладевала ревность, которая, в свою очередь, подталкивала чувство любви. Пока мы ревнуем — любим. Уход ревности — верный признак того, что любовь собирает вещи.

После отплытия из Кейптауна, полковник Блэкберри ни разу не подошел к Дороти, но порой она ловила холодный глаз кобры, изготовившейся к прыжку, а ее колечко поспешно темнело, даже чернело, если полковник оказывался случайно поблизости. Тогда Дороти прикрывала ладонью правой руки колечко, словно боялась, что полковник увидит, как камень меняет цвет, тревожно предупреждая девушку.

Поэтому, приближаясь к фальшборту, Дороти оглядывалась, но прежде она глядела на камешек — тот никогда не уставал подсказывать ей, есть ли рядом кто-то из врагов. А их было трое: сам полковник и два его подручных, которые были включены в состав команды. Один — помощник плотника, второй числился каноником. Но это было лишь видимостью, любой на «Глории» знал, что в самом деле это служки безопасности компании, шакалы полковника, но трогать их не смели, да и сами служки на корабле вели себя тише воды.

— Он пришел ко мне вчера, представляешь, какая наглость! — продолжала Регина, отхлебывая чай точно, как это делают голубки, погружая в него вытянутые губки и замирая — чай поднимался из чашки по каналу в глотку, потом, наглотавшись, Регина резко закидывала голову вверх, помогая чаю перетечь в желудок. — Он не может изжить ненависти к тебе. Он сказал, что если он увидит на горизонте вражеский парус, то первым делом выкинет тебя за борт.

— Но почему? Почему?

— Он все еще думает или хочет думать, что ты передала сведения о «Глории» французам. Ты знаешь, что Сюркуфа видели возле Мадагаскара?

— А почему он такой знаменитый? — спросила Дороти.

— Во-первых, он молод и красавец, настоящий джентльмен, — ответила Регина. — Во-вторых, он захватил столько наших кораблей, что даже большие суда с сотнями матросов на борту боятся пересекать океан в одиночку.

— А мы?

— Мы не должны бояться, — ответила Регина. — По вооружению мы равны фрегату, а матросов и солдат у нас на борту больше, чем у трех Сюркуфов.

Последние слова миссис Уиттли произнесла громче, чем требовалось, будто рассчитывала, что они донесутся до ушей Сюркуфа и испугают его. Это был вид первобытного колдовства, борьба со злым наваждением. Так этот крик Дороти и восприняла.

Корабль шел к северу, с каждым днем становилось все теплее, ливни чередовались с днями ясной погоды, летучие рыбы залетали на сухую палубу и прыгали по

ней, оставляя мокрые, быстро сохнувшие лужицы. Чайки, охотясь за рыбками, смело подхватывали их с палубы, а другие неслись беспорядочной стаей за «Глорией», потому что в волнах, поднятых кораблем, крутилась рыбешка, да порой кок выкидывал за борт съестное.

В вереницу окон, протянувшихся во всю ширину кормы и поделенных на мелкие квадраты, попадало солнце и в лучах играли, медленно опускаясь, пылинки.

— Завтра, — сказала Регина, — я решила устроить небольшой чай для узкого круга. Мы пригласим капитана, первого помощника и двух штурманов. Ты возьмешься приготовить чай? — Вопрос был чистой формальностью, но Регина избегала приказывать, если в том не было необходимости. Люди и без того знали, что она — хозяйка на корабле.

— Полковник будет?

— Мне не хотелось его приглашать, но его положение таково, что обойти его неприлично. Зато будет твой любимый Алекс.

Регина смотрела на Дороти, не отрываясь, будто ждала, что горничная чем-то выдаст себя.

На следующий день в пять часов пополудни гости собрались к миссис Уиттли. Некоторая манерность жизни на корабле при желании сохранить отношения приличных людей помогало всем видеть в «Глории» естественную часть Лондона, компании, общества, где наносят визиты и приглашают на чай, несмотря на то, что день выдался жарким, большей частью безветренным. Неожиданными порывами бриз подталкивал «Глорию», но затем покидал паруса и прятался где-то у темных облаков, которые поднимались горной цепью на западе, поджидая опускающееся к ним солнце. Барометр упал, но шторма пока не предвиделось, зато в воздухе от безветрия господствовала влажная жара, пока еще непривычная для Дороти и тех матросов, которые впервые попали в тропики.

В каюте Регины, несмотря на ее размеры, было душно и даже открытые окна мало помогали — ветер не хотел заглядывать внутрь. Впрочем, Регина не раз признавалась Дороти, что не выносит лондонский холод и

ветры, а будь ее воля — прожила бы всю жизнь в Индии. Тут госпожа Уиттли несколько лицемерила, потому что для того, чтобы она осталась в Индии, ей потребовался бы соответствующий дворец и, главное, иной супруг — она не была уверена, что сделает Джулиана Уиттли генерал-губернатором.

Гости вместе с хозяйкой сидели вокруг тяжелого обеденного стола, Дороти и вестовой капитана Фицпатрика подавали на стол. Чай на «Глории» был куда обильнее, чем принято в Лондоне, потому что скука морского путешествия вызывает аппетит и стремление разнообразить меню. И если матросы довольствовались пищей простой и грубой, для обитателей верхних кают в Кейптауне были загружены овощи, птица, экзотические фрукты — до Индии оставалось еще несколько дней пути и как-то следовало их красить.

Несмотря на жару, господам были поданы крепкие напитки, причем, раз уж тут некого было стесняться, Регина пила джин, лишь чуть разбавляя его охлажденной водой, мужчины же довольствовались портвейном, но не ограничивали себя и потому их речи становились все громче.

С разрешения Регины верхние пуговицы мундиров были расстегнуты и взгляды, которые кидал на Дороти штурман, были столь откровенно восторженными, что Регина, перехватившая один из них, сухо произнесла:

— Ты можешь погулять, Дороти, пойди на палубу. Мы позовем тебя, когда ты понадобишься.

Дороти рада была выйти на палубу, где было куда прохладнее. Ей было странно, что восторженные взгляды Алекса совсем не оскорбили ее, впрочем, она нашла бы оправдание любому его промаху или небрежности — она была уже влюблена в него, просто не могла дать себе в том отчета. Она же не задумывалась о том, что, постирав свое и хозяйкино белье, выносит развешивать его на корму, где были протянуты для этой цели леера именно в те часы, когда стоял вахту Фредро. Порой она невинно, но умело подстраивала случайные встречи с ним. Она сама искренне удивлялась этим встречам, краснела и, потупив взор, спешила проскользнуть мимо.

Солнце уже клонилась к закату, воздух был почти неподвижен, и паруса порой хлопали так громко, слов-

но раздавался выстрел из пушки, это ветер набирал силу, как бы пробовал, что можно сделать с парусами. От этих порывов «Глория» двигалась медленно и неравномерно, то почти замирая и лишь медленно покачиваясь на пологих ленивых валах океана, то вдруг начинала набирать скорость.

И тут Дороти увидела чужой корабль.

Он дрейфовал далеко, почти у горизонта, и в это жаркое предвечернее время его никто не замечал, потому что он медленно сближался с «Глорией» со стороны Солнца и был плохо виден.

Но Дороти вглядывалась именно в Солнце, размышляя о том, что если на Солнце живут маленькие люди, то их можно разглядеть, если закоптить стекло.

Дороти оглянулась в поисках кого-то, кому можно сообщить такую интересную новость, но увидела лишь одного из служек полковника, который словно дремал, опершись спиной о грот-мачту.

— Эй! — сказала она ему. — Поглядите! Настоящий корабль! Может, это «Дредноут»?

Служка, помощник плотника, чуть прихрамывающий худой человек с нежными руками, которым никогда не приходилось сжимать плотницкого инструмента, оторвался от мачты и быстро подошел к фальшборту, вглядываясь в даль.

— Нет, — сказал он. — Это не «Дредноут». Знать надо — у «Дредноута» три мачты, а у этого — две.

— Надо дать ему сигнал, — сказала Дороти, а то они могут нас не заметить.

Дороти подняла руку, чтобы помахать далекому кораблю, не задумываясь о тщете сигнала на таком расстоянии. И в этот момент из каюты миссис Уиттли вышел, желая подышать свежим воздухом, а может, и увидеть Дороти, штурман Фредро. Дороти почувствовала, что он появился на палубе, хотела было сообщить и ему интересную новость, но в этот момент служка с неожиданной для Дороти злобой приказал ей:

— Опустит руку! Опустит руку, я тебе говорю, шпионка проклятая!

И в следующий момент он схватил ее за шею и с такой силой стал нагибать ее голову за борт, что Дороти не успела ахнуть, как центр тяжести оказался по ту сто-

рону фальшборта и она, неловко ударившись о борт, полетела в море с высоты в двадцать футов. И только ее умение плавать спасло Дороти от гибели, потому что она хлебнула воды, прежде чем смогла выбраться на поверхность.

Плывя, она увидела собственную руку с почерневшим камешком и поняла, что опасность еще не миновала.

Она подняла голову и увидела, что служка полковника целится в нее из пистолета.

И если ему удалось сбросить ее с борта, пользуясь полной неподготовленностью девушки к такому нападению, то на этот раз она была готова к опасности, хотя, конечно, не могла понять, чем вызвано это желание погубить ее.

Дороти нырнула, продолжая под водой плыть к кораблю — все же оставаться в море было страшнее, чем погибнуть от выстрела.

Находясь под водой, Дороти не могла видеть того, что происходило на борту...

Служка, который рассчитывал, что в такой жаркий предвечерний час никого на палубе не будет и его действия останутся незамеченными, не успел остановиться, когда понял, что свидетель все же есть — это младший штурман Фредро, который вышел из каюты. И хоть штурман стоял далеко от служки и не успел на помощь Дороти, он закричал:

— Стой! Что ты делаешь! Я убью тебя!

Крик его разнесся по всему кораблю, проникнув в каюту.

Служка кинул взгляд на Фредро и, видно, сообразил, что у него еще осталось в запасе несколько секунд. Он направил пистолет вниз, намереваясь застрелить Дороти, как только она вынырнет у борта.

Штурман был безоружен и двигался медленнее, чем следовало. Хоть он и был человеком решительным и верным, но не отличался быстротой и живостью ума. Он побежал к служке, но вдруг прямо над его ухом раздался выстрел, оглушивший штурмана. Он увидел, как служка выронил пистолет и схватился за руку. Между пальцев показалась кровь. Служка завыл от боли и страха.

Фредро обернулся.

В дверях каюты, держа в руке пистолет, стояла прекрасная голубка миссис Уиттли. Полные щеки ее пылали, глаза светились светлым холодным огнем Артемиды-охотницы.

— Что вы наделали? — Полковник, выбежавший следом из каюты, пытался вырвать из ее руки уже неопасный пистолет.

Регина неожиданно резко развернулась, перехватив пистолет за ствол, ударила полковника по щеке рукоятью тяжелого оружия. Тот охнул и отшатнулся к стене.

— Ловко вы его! — воскликнул капитан Фицпатрик. И без перерыва, словно продолжая фразу, громовым голосом, поднявшим всех членов команды, произнес: — Шлюпку на воду! Спустить паруса! Отдать плавучий якорь! Доктора Стренгла на палубу!

Помощник капитана побежал на мостик, чтобы проследить, как выполняются приказания, а все поспешили к борту посмотреть, не утонула ли Дороти. Но Дороти уже держалась за конец, сброшенный с борта прибежавшим раньше всех штурманом, и, судя по всему, была невредима.

Служка стонал, доктор Стренгл промыл и перевязал ему рану. Следя за тем, как шлюпка подходит к Дороти, миссис Уиттли спросила его голосом богини возмездия:

— Кто тебе приказал убить ее?

— Я должен был принять меры, если она начнет подавать сигналы вражескому кораблю.

— И кому же она подавала сигналы?

— Она подавала сигналы пирату.

— Где же он?

— Там... на горизонте.

Чужой корабль вырисовывался на горизонте черным силуэтом размером с ладонь.

— Так чем же она подавала сигналы? — спросила Регина.

— Она подняла руку, — сказал штурман. — Я видел. Она сначала позвала этого мерзавца, а потом помахала рукой.

— Сам Господь Бог не увидел бы этого на таком расстоянии, — сказала Регина. — Но теперь я понимаю:

вы, полковник Блэкберри, отдали ему приказ: воспользоваться любым оправданием для убийства. Так ли? Признавайтесь!

— Мне не в чем признаваться. Кроме того, что мой человек и служащий компании выполнял свой долг и на него было совершено покушение.

— Я защищала жизнь моей горничной, — вспыхнула Регина. — И я предупреждала вас, чтобы вы остерегались прибегать к убийствам или иным преступлениям.

— Я доложу правлению компании.

— Ваша воля, полковник, — ответила Регина.

Тем временем матросы помогли Дороти взобраться на борт. Она была оглушена, испугана, но невредима. Умение плавать вторично спасло ей жизнь.

Регина провела ее в каюту, доктор Стренгл осмотрел девушку и сказал, что опасности для жизни — никакой. Впрочем, служба тоже будет жить.

— Слава Богу, — ответила Регина. — Я не хотела бы брать на душу такой грех. Хотя он это заслужил.

— Пожалуй, да, — рассудительно согласился доктор. — Нельзя бросать девушек за борт, а затем расстреливать их. Это жестоко.

Регина сама принесла Дороти рюмку джина и заставила выпить, чтобы укрепить силы. Потом велела спать.

— Спасибо, миссис Уиттли, — сказала Дороти.

— Я не уверена, что поступила правильно, — ответила миссис Уиттли. — Но ты умная девушка и знаешь, что в моем пистолете есть еще пули. Для той дуры, которая попытается соблазнить штурмана Фредро. И я не промахнусь, потому что училась стрелять в Ост-Индии в настоящих боях. Поняла?

— Поняла, — ответила Дороти. Глаза ее слипались. Ей еще в жизни не приходилось выпить столько джину сразу.

Заглянул штурман, он сказал, что хотел справиться о здоровье Дороти, но Регина, взяв его под локоть, повела к двери, утверждая, что Дороти надо отдохнуть. Дороти подумала, что Регина совсем не шутила. Она вообще-то шутит только тогда, когда смеется над кем-то другим. Интересно, чей это корабль?.. — с этой мыслью Дороти заснула.

А это был бриг «Кларисса» корсара Робера Сюркуфа.

Глава 5

В ПЛЕНУ У СЮРКУФА

Морской бой начался только рано утром. Но, правда, ночью мало кто спал. Многие молились, чтобы Господь послал ветер или призвал на подмогу «Дредноут». Солдаты и матросы чистили ружья, проверяли, сух ли порох, хорошо ли сложены ядра и пакеты с картечью. На палубе в большом корыте матросы стирали рубахи — они верили в то, что в Рай следует идти чисто одетыми. На палубе устанавливали бочки с водой, чтобы заливать ею, если начнется пожар, и убирали все, что могло ему способствовать. Парусные суда такого рода, как «Глория», вспыхивали быстро — все, из чего они были сделаны, могло гореть и горело, а как известно — самый жуткий пожар, это пожар на воде, потому что от него нельзя убежать.

Капитан Фицпатрик пришел к миссис Уиттли посреди ночи, чтобы убедить ее спрятаться с Доротой на время боя внизу, в трюме, утверждая, что там безопаснее, чем в столь высоко расположенной каюте, но Регина вдруг взбеленилась, накричала на капитана, убежденная, что, когда «Глория» будет тонуть, о ней все забудут и она утонет вместе с кораблем. Фицпатрик пытался воззвать к ее разуму, утверждая, что пиратам вовсе не хочется топить «Глорию», она им нужна целой и невредимой, так что опасаться приходится не столь обстрела, как абордажа. Но так как в рукопашном бою один англичанин стоит трех французов, а стрелки у нас на борту лучше французских, то опасаться нечего — скорее мы их захватим и привезем в Калькутту как приз.

Капитан задремезжал джентльменским смехом, но смех получился неубедительным.

— Так кто же тогда будет в нас стрелять? — пропела птичка Регина.

— Ну, сначала, для порядка, будет морской бой, — ответил Фицпатрик. — Они же должны попытаться нас захватить. И только после провала этой попытки начнется неудачная попытка абордажа.

— Когда я слушаю вас, то понимаю, насколько глупой я выгляжу в ваших глазах, — ответила Регина. —

Мы остаемся в каюте до тех пор, пока ваши развлечения не закончатся.

Более того, заложив с помощью Дороти задние окна подушками и корзинами с постельным бельем — у Регины был опыт обороны форта против французов в Мадрасе, — миссис Уиттли спокойно разделась, улеглась и заявила горничной:

— Девочка, я тебе советую не переживать, а поспать до рассвета. Никто не начнет морского боя до тех пор, пока не разглядит как следует противника.

— Что-то мне не хочется спать.

— Заставь себя. Потому что завтра нам предстоит трудный день и я не удивлюсь, если к концу его мы окажемся французскими пленницами.

— Вы серьезно так думаете?

— Совершенно серьезно, Дороти. Потому что французские корсары как волки, они могут быть размером втрое меньше оленя, которого преследуют и рогов у них, разумеется, нет, но они быстры, они умеют хватать за горло — это их профессия. А я с уважением отношусь к людям, которые занимаются своим делом.

— Даже к пиратам?

— Все нужны в Божьем мире. Волки и ягнята.

— А может быть, мы убежим от них? Ведь «Глория» новый корабль!

— Нет, потому что лапы волка приспособлены к тому, чтобы мчаться тысячу ярдов с невероятной скоростью... А впрочем, черт с ними, со сравнениями. Спи!

Окна были до половины заложены тюками, а Дороти привыкла, что в них широко льется лунный свет. Было душно.

Хозяйка скоро засопела и в самом деле заснула.

Дороти ворочалась, томилась и наконец поняла, что, если она не выйдет на палубу, на открытое пространство, под чистое небо, она задохнется.

Хозяйка не проснулась. Дороти беззвучно ступила боковыми ногами на ковер, натянула домашнее платье и выскользнула из каюты.

Дороти знала, что сейчас вахта Смитсона, а Алекс должен спать. Но в ту ночь все изменилось на судне. И «Глория» лишь делала вид, что спит. Тишина ночи с бегущими по звездам серыми облаками могла обма-

нуть лишь в первую минуту, но стоило Дороти отойти от своей каюты к центру палубы, откуда удобнее было заглянуть наверх, где располагался штурвал, как Дороти услышала знакомое «Простите, девица!».

Мимо спешил доктор Стренгл, неся зловещий для ее глаз груз — стопку салфеток для промокания крови и моток шпагата для перетягивания кровоточащих конечностей. За Стренглом шагал его помощник — здоровенный матрос с пилой и большим ножом мясника — Дороти сначала решила, что они собрались резать корову, но потом сообразила, что и это предназначается людям.

Медики застучали каблуками по трапу, скрывшись на оружейной палубе, оттуда в ответ послышался тупой удар — что-то делали с пушками. Два матроса грузили в шлюпку анкерки с водой...

Дороти поглядела назад.

Там, у штурвала, она угадала коренастую фигуру штурмана Смитсона, рядом стоял Фицпатрик, что-то объяснявший штурману. Дороти быстро отошла к борту, чтобы не попасться капитану на глаза. Ей было неловко болтаться без дела, когда люди готовились к автрашнему страшному бою.

Вон там, на горизонте, скрылось солнце — значит, там должен быть виден пиратский корабль... Море не было бурным, но по нему бежали волны, поднятые ветром где-то далеко отсюда, а горизонт был закрыт поднимающимися облаками и поэтому было бесполезно вглядываться в темную даль.

Корабль казался осажденной крепостью — всюду по нему бегали муравьишки, укрепляя его, надеясь защитить от врага, заранее слабые, потому что они защищались. А тот, кто защищается, всегда слабее.

— Дороти? — прошептал рядом штурман Фредро.

— Вы так незаметно подошли ко мне! — обрадовалась девушка.

— Хорошо, что вы вышли.

— Мне совсем не хочется спать.

— А миссис Уиттли? Она спит?

— Я удивляюсь ее хладнокровию.

Штурман молчал, глядя в темноту. Дороти не выдержала и спросила:

— А вы ее искали?

Она увидела, что штурман улыбнулся. Глаза уже привыкли к темноте, разбитой несколькими фонарями, что покачивались над палубой. Но фонари были тусклыми, с прикрытыми шторками, может быть, капитан не отказался оторваться за ночь от врага. Надежда на это была: если бы поднялся ветер, в распоряжении капитана появилась бы возможность маневра, сейчас же, в безветрие, оба корабля были игрушками стихии — она держала их в плену штиля.

— Я искал вас, Дороти, — сказал штурман. — Вам страшно?

— Пока я не знаю. Наш корабль такой большой и здесь столько солдат и матросов. Вы защитите нас?

— Я надеюсь на это. И на милость Господа.

— А почему мы бежим от него? Разве мы слабее?

— Он — боевой корабль. Мы — торговое грузовое судно, хоть и сильно вооруженное. Если нам удастся удержать его на расстоянии, то все обойдется. Но если он приблизится...

Его ладонь накрыла руку девушки. Дороти не убрала ее. Ее вдруг охватило такое горячее чувство счастья, словно ее опалило жаром из печки. Она хотела, чтобы его руки обхватили ее и прижали. Она даже лопатками чувствовала воображаемое объятие. Она замерла, как птичка под ладонью.

— Я боюсь не за себя, — сказал Алекс. — Я рожден и воспитан для того, чтобы жить в опасности. И не собираюсь жить долго. Но вы все изменили, Дороти, и мне теперь стала дороже моя жизнь.

И Дороти поняла, что он скажет дальше, потому что готова была ответить молодому человеку подобными словами.

— Я признаюсь, что если бы не смертельная опасность для вас, я бы не осмелился... и, может быть, долго бы не осмелился до вас дотронуться... Но завтра может случиться всякое...

— Спасибо, — сказала Дороти, потому что совершенно не представляла, что надо отвечать в таких случаях.

За их спиной остановился старший помощник. Он молчал, но они почувствовали его присутствие и обернулись, спрятав руки за спину.

— Простите, Алекс, — сказал старший офицер. — Капитан просит вас заступить сейчас на вахту вместо Смитсона. Он должен дать вам некоторые советы...

— Слушаюсь, — ответил Алекс.

Он обернулся к Дороти и протянул ей небольшой листок бумаги.

— Здесь написан, — сказал он, — адрес моей тети в Польше. На случай, если судьба разбросает нас. Я буду писать тете — она единственный родной мне человек.

— Моя мама живет на Вудгарден-роуд, шесть, — быстро сказала Дороти. — Миссис Форстер. А я — мисс Дороти Форстер.

Штурман взял руку девушки в свою и наклонился, видно желая поцеловать ее, как то делают поляки, но Дороти никто никогда не целовал руки и она, почувствовав намерение Алекса, отдернула ее и спрятала за спину. Но смотрела на него в упор, открыто. Подвижны были лишь пальцы, сминавшие за спиной бумажку с адресом Алекса.

Штурман сказал:

— Спокойной ночи, Дороти, поспите немного.

— А когда это начнется?

— Как встанет солнце, — сказал штурман.

— Или еще раньше, — сказал старший помощник, — все зависит от того, насколько им удалось сблизиться с нами.

— Тогда нападайте первыми! — сказала Дороти.

Мужчины улыбнулись — из уст такой молоденькой девушки вызов звучал курьезно. Они вместе ушли на ют. Их фигуры растворились во тьме. Потом Дороти услышала, как стучат по трапу их башмаки. Моряки негромко говорили, и Дороти стало обидно: неужели штурман уже не думает о ней?

Еще некоторое время Дороти оставалась у борта, иногда оборачиваясь к штурвалу, у которого смутно виднелись люди и слышался негромкий разговор, потом она смотрела на море в надежде увидеть огни неприятеля, чтобы скорее выстрелили наши пушки и убили всех врагов.

Потом ей стало зябко и захотелось спать.

Дороти вернулась в каюту.

Регина не спала.

- Ты где была? — строго спросила она.
- На палубе.
- С кем?
- Ой, ни с кем! Там были разные люди. Доктор Стренгл, старший помощник капитана Фишпатрик.
- И Алекс?
- Он сейчас на вахте, — ушла от ответа Дороти.
- Ты бегала на свидание! — решительно заявила хозяйка. — В тот момент, когда решается вопрос о жизни и смерти, ты думаешь только о свиданиях.
- Нет, — ответила Дороти, — я думаю о том, как немного поспать. Мистер старший помощник сказал, что они могут напасть на рассвете.
- Так и сказал?
- Да.
- А сейчас сколько?
- Не знаю. Сейчас еще ночь. Будут бить склянки, и мы узнаем.
- Они лежали молча и ждали, когда ударят склянки. Но не дождались и заснули.

А проснулись от грохота, который предшествует ближнему сражению в море.

По трапам стучали каблуки матросов, нижняя палуба стонала от того, что по ней, к открытым портам подкатывали орудия, отовсюду неслись крики, даже над головой, в капитанской каюте стоял топот.

Открыв глаза, Дороти увидела, что миссис Уиттли уже наклонилась и трясет ее за плечо.

— Скорее, лежебока! Помоги мне одеться!

Она умела так больно щипаться!

— Сейчас, сейчас... уже началось?

— В жизни я еще не слышала более глупого вопроса!

И тут Дороти увидела, как мешки, закрывавшие окна на корме, медленно падают внутрь. Они шлепнулись на пол и в каюте запахло паленым.

— Что это?

— Он еще далеко, — сказала Регина, проявлявшая незаурядное присутствие духа. — Достань из сундука мой костюм для верховой езды.

Переступая через осколки стекла, усыпавшие пол каюты, Дороти пошла к нужному сундуку и отыскала в нем пришедший с Востока, модный в Лондоне, но не одобряемый светом костюм, состоящий из широких шальвар и короткой куртки, расшитой серебром. Он позволял сидеть на лошади верхом. Как только Регина догадалась вспомнить о нем!

В дверь каюты заглянул доктор Стренгл. Он был бледен и встрепан более, чем обычно.

— Что вы медлите? Спускайтесь в лазарет! Здесь опасно.

— Доктор, закройте дверь! — крикнула Регина, потому что ей пришлось перекрыть голосом грохот, донесшийся с палубы. — Даже в такую минуту неприлично наблюдать, как переодеваются дамы.

Отважная птичка, подумала Дороти, натягивая обыкновенное синее платье, отороченное по вырезу кружевами.

Регина надела шляпку с узкими полями. Дороти повязала на буйные волосы серую косынку.

— Я должна все видеть! — повторяла Регина, готовясь к выходу в свет. — Я не могу сидеть как крыса, нору которой заливают мышьяком!

Регина достала из шкатулки, стоявшей на столике у ее ложа, небольшой каретный пистолет. Пока Дороти заканчивала свой туалет, со сноровкой бывшего солдата Регина успела натрусить в ствол пороха, забить пулю, насыпать затравку на полку — она была готова к бою.

— Пусть только он ко мне подойдет, — сказала она спокойно.

Наверное, она имела в виду самого генерала Бонапарта.

Дороти оружия не полагалось и она последовала за хозяйкой на палубу, надеясь, что там еще нет пиратов.

Пиратов там не было, но именно в тот момент, когда женщины появились на палубе, в десяти ярдах перед ними от удара ядра на палубу рухнула, обломившись, рея с грот-мачты, увлекая за собой нижний грот-марсель. Они отпрянули назад, в каюту, но в тот момент Смитсон, сбжавший сверху, кинулся к ним и повлек за собой Регину к открытому трапу, откуда поднимался

дым и пахло серой, как из преддверия ада. Время от времени оттуда вырывался тугой звук — стреляли пушки «Глории», Смитсон помог госпоже Уиттли спуститься на орудийную палубу, на Дороти он не обращал внимания, полагая, что служанка последует за воинственно выглядевшей госпожой.

На орудийной палубе Дороти зажмурилась от обрушившихся на нее грохота, криков раненых, едкого дыма и выстрелов. Она остановилась, опершись об основание мачты, и старалась понять, что происходит вокруг. Спутники Дороти исчезли из виду.

В этот момент случилось нечто ужасное, пришедшее из кошмара, чего в жизни не бывает. Оглянувшись на треск, удар и крик, Дороти увидела, как сквозь мощные доски борта внутрь корабля врывается, взламывая доски, как бык, ломающий рогами перегородку, красное, чернеющее на глазах ядро... Поражая канониров, во все стороны словно стрелы полетели щепы. Кто-то заорал, а Дороти глядела в неровный круг голубого неба, потом перевела взгляд туда, где, оставив за собой дорожку разрушения и гари, успокоилось ядро. Оно было на самом деле невелико — только в полете показалось Дороти громадным, но натворило немало бед на орудийной палубе...

Грязный, словно обугленный, офицер, который стоял слева от Дороти, закричал, будто приказывая пушкам, откатившимся назад после выстрелов:

— Гтовсь!

Навалившись на лафет, канониры покатали пушку к раскрытому в борту порту. Офицер словно не замечал, что не все соседние пушки одинаково двинулись к бортам, так как людей уже не хватало — один лежал, вытянувшись во весь рост, еще один скорчился от боли, третьего пронзило деревянное копьё, оторвавшееся от борта.

Этот канонир смотрел на Дороти, будто просил помочь, даже губы его беззвучно шевелились — да разве разберешь в таком грохоте и треске? Дороти шагнула к нему, но остановилась, оробев, потому что не знала, что ей делать.

— Иди...

Еще два шага.

Рядом грохнула пушка, и краем глаза Дороти уловила ее стремление ударить и раздавить — Дороти отпрыгнула, но пушка ударила углом лафета раненого матроса и прекратила его страдания... Его оттащили и бросили рядом с мертвыми. Дым рассеялся.

Дороти подумала, что, наверное, Регина уже внизу, где должен быть лазарет. Она колебалась, спускаться или вернуться в каюту, и эта секунда спасла ей жизнь, потому что еще одно вражеское ядро влетело в порт и своротило пушку, убив двух канониров. Это произошло как раз перед Дороти — в трех шагах. Откашлявшись от дыма, почти на ощупь, Дороти отыскала люк, ведущий вниз в глубоком полумраке. Она пошла на звуки голосов туда, где в обычные дни находился общий кубрик мичманов и младших офицеров, и тут же увидела, как на длинном обеденном столе лежал человек, которого держали двое санитаров, тогда как доктор Стренгл отпиливал ему ногу ниже колена обыкновенной ножовкой с мелкими зубьями.

Дороти поняла, что оставаться здесь не может — даже не от вида этой операции, а от визга матроса, который прервался, лишь когда Дороти отступила к самому трапу...

— Перетягивайте и бинтуйте! — крикнул Стренгл помощнику и сам поспешил к Дороти. Его клеенчатый фартук был измаран кровью и в крови был даже лоб, потому что он все время вытирал пот. Яркие лампы горели только над операционным столом, в остальной части кокпита было темно. И неудивительно, так как эта палуба была ниже ватерлинии и было слышно, как волны ударяют о борт...

— Дороти, что вы здесь делаете? — спросил доктор. — Вам лучше спрятаться...

И тут она сказала то, о чем еще секунду назад не думала:

— Я пришла помогать вам.

— Как? Таскать трупы? — рассердился доктор Стренгл. — Для этого у меня есть полдюжины бездельников.

— Я умею перевязывать... или дать воды, — сказала Дороти. — Я полгода помогала тете, которая служит сестрой милосердия в госпитале Святого Павла.

— Не знаю... это не женская работа... — Доктор Стренгл колебался. Потом вдруг принял решение: — Но все же это лучше, чем торчать на верхней палубе. Идите помогайте Дейвису.

Он показал в сторону, в полумрак. Широкоплечий санитар шагнул в сторону...

Там лежал штурман Алекс!

— Алекс!

— Не кричите, мэ, он не в себе, — ответил широкоплечий санитар со старомодной серьгой в ухе.

— Я не кричу... доктор Стренгл велел мне...

Она закусила губу. Ей было страшно, как в черном лесу. И никто не придет на помощь.

— Да, — сказал над ее плечом доктор Стренгл. — Это наш молодой друг. Однако должен вам сказать, что раны его не внушают мне опасения. Его руку я положил в шину, она срастется, и быстро — перелом несложный. То же могу сказать и о ране в боку, которая не нарушила жизнедеятельность ни единого из важных органов, а задела лишь мягкие части тела.

— Я хотела бы...

— Дейвис, дайте мисс Дороти бинт, корпию и салфетки... Ты в самом деле имеешь опыт врачевания?

— Я бы не стала вас обманывать, доктор Стренгл!

— Скорее, доктор, он кончается! — закричали от стола. Стренгл кинулся туда, но еле устоял на ногах: так содрогнулся, будто человек, получивший сильную пощечину, их корабль.

И все сразу замерли. Даже стонущие раненые замолчали, прислушиваясь.

— Они здесь... — сказал кто-то в тишине.

И тут же тишина пропала, сметенная шумом, который донесся сверху — в нем можно было различить человеческие крики, звон сабель, команды, запоздалые выстрелы пушек, треск рвущихся парусов и сломанных при столкновении рей.

— Что это? — спросила Дороти шепотом, не надеясь услышать ответ, как лежащий у ее ног штурман открыл глаза и тихо произнес:

— Они берут нас на абордаж. Да, на абордаж! Где моя сабля? — закричал он. — Мое место там.

— Не надо, мой дорогой, — шептала Дороти, не зная, слышит он ее или нет. — Тебе нельзя подниматься... я сейчас сменю тебе повязку.

Штурман вновь закрыл глаза. Видно, усилие оказалось для него слишком трудным.

Дороти стала осторожно накладывать на кровоточащий бок корпию и придерживать ее салфеткой, и вдруг — неизвестно, сколько времени прошло — бой кончился.

По крайней мере, это случилось куда скорее, чем Дороти ожидала.

Голоса и громкие, поспешные шаги раздавались на оружейной палубе. Но ни выстрелов, ни звона металла... Означает ли это, что мы победили, или это победили нас? У кого можно спросить? Где доктор Стренгл? Почему он склонился над операционным столом, словно его не касается судьба корабля и всех его жителей?

Затем, когда Дороти уже смогла сменить штурману повязку, который так и не приходил в себя, в широком луче серого света, проникающего с орудийной палубы, показалась фигура человека с короткой саблей в руке. Голова его была завязана красным платком, а на шее висела золотая цепь.

— Надеюсь, — сказал он на плохом английском языке, — сопротивления не будет. Иначе мы никого не жалеем.

Никто ему не ответил.

— Здесь госпиталь? — спросил он. Вернее, догадался.

— Да, сэ, — сказал санитар Дейвис.

— Выражаю сочувствие, — произнес француз и исчез на верхней палубе.

Теперь Дороти знала, что ее опасения о судьбе тех, кто не хочет нападать, а лишь защищается, оправдались самым страшным образом. Потому что они касались не только ее, но и штурмана, беспомощного и несчастного. И она решила остаться возле него, что бы ни говорила госпожа.

А тем временем даже те, кому было очень больно, старались сдерживать крики, а доктор Стренгл тоже занялся перевязками, благо, пока более некого было оперировать.

Первые десять минут, в которые сведения о том, что происходит сверху, поступали через раненых или контуженых матросов, которые в пылу битвы не успели или не смогли спуститься в лазарет, а теперь спешили скрыться подальше от пиратов. Один из матросов видел, как капитан Фицпатрик отдал корсару свой кортик и тот принял его как от сдавшегося в бою. Вторым матросом все повторял: «А они как муравьи, мы их давим, а они лезут, как муравьи! Наверное, их тысяча человек было...»

— Как называется корабль? — спросил кто-то из темноты.

— Не знаю.

Третий матрос, что как раз спускался в трюм, ответил:

— «Кларисса». Француз.

Как будто это последнее не было ясно раньше.

— Как же они вас? — спросил тот же голос.

В голосе звучал упрек.

— Тебе что, ты здесь отлеживался, — огрызнулся матрос. — А они картечью верхнюю палубу вымели — целовек двадцать на тот свет...

Тут на верхней ступеньке снова показался француз и крикнул:

— Доктора и санитаров! Быстро!

Стренгл откликнулся:

— Не могу, у меня операция. Пускай сюда несут.

Наверх пошли санитары с носилками.

Потом доктор, перевязав раненого, поспешил наверх, понимая, что требуется его помощь.

Уже добежав до трапа, он обернулся и крикнул Дороти:

— Возьми мой медицинский ящик!.. И вон те салфетки!

Дороти послушно подхватила ящичек с железной ручкой, но потом замерла, будто не была уверена, что сможет возвратиться к штурману.

— Скорее! — крикнул доктор. — Нас ждут!

Дороти выбежала на верхнюю палубу следом за доктором. Она сразу увидела и санитаров, которые укладывали на носилки Смитсона. У него была оторвана рука.

— Не трогайте его! — приказал Стренгл. Санитары опустили носилки, и доктор склонился над раненым.

Поднявшись на верхнюю палубу, Дороти поставила сундук у носилок и оглянулась. Перед лестницей к капитанскому мостику стояли две небольшие группы людей — одна состояла из Фицпатрика, полковника Блэкберри и еще двух корабельных офицеров. Напротив них, на голову уступая капитану ростом, стоял французский предводитель. Они пираты, значит, он у них предводитель? Или все же капитан? Предводитель был округлым человеком с большим круглым лицом. Он казался очень мирным и домашним, ему вообще нечего было делать на палубе морского судна. За ним стояли два его сообщника, один в сюртуке и полосатых брюках, второй усатый, в мундире французского морского офицера, только вместо шляпы у него на голове красовалась странная высокая красная шапка, похожая на гребень петуха, загнутый вперед. За спиной Фицпатрика в дверях своей каюты стояла миссис Уиттли, совершенно не испуганная, только без пистолета.

Дороти обернулась — она увидела спины нескольких французов, которые стояли, опустив ружья и пистолеты, но готовые направить их на толпу английских матросов и солдат, глазевших тупо и покорно — они уже были пленными и знали, что они пленные.

Палуба между этими двумя скоплениями людей была обожжена, залита потемневшей вишневой кровью, в некоторых местах расщепленной ядрами, над головой трепетали рваные обгоревшие паруса...

— Где салфетки? — раздраженно выкрикнул доктор, и Дороти склонилась к нему. Для французов появление девушки было неожиданным, и один из них присвистнул, второй громко сказал что-то скабрзное, потому что французы захохотали, а их круглый начальник сначала сам хохотнул, а потом рассердился и стал отчитывать своих матросов.

Дороти старалась не слушать то, что происходило вокруг.

Докторский сундучок был из темного полированного дерева, но не новый и кое-где исцарапанный. Она откинула замок, и ящик открылся, обнаружив внутри хирургические инструменты. Рукоятки некоторых но-

жей и игл были измараны кровью — ими сегодня уже пользовались.

Смитсон стонал.

— Господи, — сказал доктор Дороти, — я был бы самым счастливым человеком на свете, если бы кто-нибудь изобрел средство, которое позволяло бы человеку спать, пока мы его кромсаем.

Дороти не ответила. Что-то глубоко внутри нее сказало, что такое средство есть, хотя никто не говорил ей об этом. Но ее губы сами спросили:

— А опий, доктор? Вы пробовали опий?

— Это опасное средство...

Разговаривая, доктор обрезал ножницами кожу и мышцы вокруг раны. Смитсон, к счастью, лишился чувств. Когда Стренгл стал стягивать куски кожи на культе, Дороти отвернулась, не в силах выносить это зрелище.

— Дороти! — позвала ее госпожа. — Подойди ко мне.

Видно, она давно заметила служанку, но понимала, что та занята...

— Меня зовут, мистер Стренгл, — сказала Дороти.

— Иди, ты мне не нужна, мне поможет санитар.

Дороти с облегчением побежала к миссис Уиттли, по дороге поскользнулась на липкой крови и чуть было не упала, но сильная рука округлого пирата жестко и сильно подхватила ее и чуть было не подняла на воздух.

— Трэ шарман, — сказал он... или что-то похожее. Но это не звучало оскорбительно.

— Спасибо, — сказала ему Дороти и сделала несколько последних шагов к Регине.

— Ты где была? — накинулась на нее Регина, но когда Дороти хотела ответить, тут же знаком заставила ее замолчать, потому что капитан пиратов как раз говорил:

— Будучи корсаром на службе республики Франции, — сказал он на правильном, но каком-то ненастоящем, попугайном английском языке, — я объявляю вас своей добычей, своим призом.

Капитан Фицпатрик обреченно склонил голову.

Предводитель корсаров сделал короткое, почти незаметное движение рукой, как бы выпуская на слушателей старого послушного пса, и человек с большими черными усами, в форме французского офицера и странном

красном колпаке на голове сделал полшага вперед и продолжил.

Дороти догадалась, что капитан корсаров специально выучил первую фразу и повторяет ее всем захваченным капитанам английских судов. А другой человек знает английский и должен все объяснить.

— Капитан Робер Сюркуф, корсар республики Франция, просил меня, господа, довести до вашего сведения, что ваше судно отныне считается призом нашего корабля «Кларисса».

Сюркуф слушал помощника, внимательно и быстро оглядывая всех, кто стоял перед ним. Затем взгляд его, остановившись на несколько секунд на двух молодых женщинах, скользнул вверх и он принялся, как поняла Дороти, изучать состояние вант и прочего такелажа «Глории», искалеченного во время боя.

— Наш корабль, — говорил далее человек в колпаке, — проследует со всей возможной скоростью на остров Реюньон, чтобы сдать приз комиссару острова и представителям призовой комиссии. Нижние чины и прислуга будут оставлены на острове с кораблем или при желании могут перейти на службу к капитану Сюркуфу, чтобы заменить тех, кто пал в бою с вами. Офицеры, леди и джентльмены, находящиеся на борту, проследуют на «Клариссу», где получают возможность довершить в нашей компании свое путешествие. На острове Реюньон их судьба будет решена в зависимости от суммы выкупа, который готов выплатить за них губернатор Мадраса. Я говорю понятно?

Он говорил с акцентом, но понятно.

Капитан Сюркуф перевел взгляд на Регину и с наслаждением гурмана медленно оглядел знатную даму. Регина почувствовала этот взгляд и была возмущена.

— Милорд! — воскликнула она. — Милорд!

Сюркуф задал вопрос своему помощнику, но миссис Уиттли сама ответила на него по-французски. Все-таки она не зря провела столько лет в пансионе.

Тогда Сюркуф заговорил с ней, и Дороти не понимала, о чем они говорят, но видела, как Регина волнуется, как ходуном ходят ее тугие груди, но, к счастью, ее платье в тот день было лишено шнуровки, и корсар мог лишь догадываться о том, какое сокровище

скрывает куртка дамы, одетой под персидского мальчика.

Миссис Уиттли повысила голос.

В ответ корсар Сюркуф тоже повысил голос. И когда Регина вознамерилась продолжать спор, корсар перешел на английский язык. Он изъяснялся с трудом, но, видно, хотел, чтобы английские слова прозвучали из его уст.

— Все люди тут! Бон? Офицеры и мадам — на «Клариссу». Раненые — здесь. Раненые офицеры — на «Клариссу» Я сказал.

— Но мне нужна служанка! Я не могу без служанки.

— Нет! — И вдруг Сюркуф засмеялся. Не переставая смеяться, он обвел рукой вокруг и ткнул пальцем в Дороти. — Мон матрос много! Одна девица не хватит.

Французы засмеялись. Англичане молчали.

Дороти поняла только, что остается на «Глории», а еще остается доктор Стренгл, потому что в лазарете лежало два с половиной десятка раненых матросов, а раненых офицеров, которых Сюркуф приказал взять к себе на «Клариссу» было только два — Фредро и Смитсон. На «Клариссе» был свой хирург. И хоть основной выкуп принесут офицеры и джентльмены, жизнью матросов тоже не следовало пренебрегать — белые матросы были ценным товаром и всегда найдется способ нажиться на них... Сюркуф был прижимист, и богатство не сделало его щедрее. Он выгадывал на всем — на черном рабе и на пленном графе. Он знал, что в сущности между ними нет разницы — обоих надо кормить и стеречь, тогда они принесут выгоду.

Затем Сюркуф спустился в шлюпку, более не глядя на Регину, которая не выносила, если ее не слушались, и поклялась себе, что обязательно отомстит этому наглому пирату — неужели не сможет? За Сюркуфом его помощники скорее погнажи, чем пригласили, пленных офицеров и миссис Уиттли, которой самой пришлось нести с собой шкатулку, в которой лежали ее туалетные принадлежности. Шкатулка, как знала лишь Дороти, была всегда готова на случай кораблекрушения. Больше она ничего не смогла взять. У борта Регина обернулась, отыскивала взглядом свою горничную и уверенно произнесла:

— Только не волнуйся и не переживай. Держись поближе к доктору Стренглу, на ухаживания французов не поддавайся. Я советую тебе сразу взять у доктора какой-нибудь хирургический нож или пинцет, чтобы защищаться. Береги себя — я тебя выкуплю. На Реюньоне мы уже будем вместе. Подойди ко мне...

Дороти подбежала к ней.

Регина вдруг обняла ее крепкими полными руками и прижала к высокой груди.

— Прости, — сказала она, уткнув в плечо Дороти свой клювик. — Я тебя взяла с собой... это я виновата.

Француз в мундире и красном колпаке оторвал Дороти от хозяйки.

— Поторопитесь, мадам, — сказал он холодно.

— Мерзавец, ты за это ответишь, — сказала миссис Уиттли.

— С удовольствием буду ждать этого момента, мадам, — осклабился тот.

С Дороти поравнялся полковник Блэкберри. Даже в такой драматический момент он ненавидел девушку так, что камень в колечке почернел.

— Ну, если выяснится, что это твои фокусы, — прошипел он, — я сам тебя задушу! — И он исчез за бортом.

Снизу донесся крик Сюркуфа, его помощник подтолкнул Регину к борту, там ее подхватил французский матрос. Голова миссис Уиттли, скрылась за бортом и на палубе вдруг стало пусто, хотя матросы и солдаты толпой стояли там и покинули корабль вряд ли более дюжины офицеров да два торговца.

Затем пираты стали вытаскивать из кладовой бочки с ромом, видно, у них туго было с напитками или хотелось попробовать настоящий английский ром. Потом они тащили сыры и мешки с картошкой.

Тем временем санитары и доктор Стренгл спустились в лазарет, чтобы перенести в шлюпку штурмана Фредро, а Дороти поспешила следом, чтобы попрощаться с ним.

Доктор объяснил штурману о разлуке. Французы तोпили.

Санитары подняли носилки и понесли к трапу. Доктор на ходу проверял повязки, Дороти принесла кружку, и штурман напился.

Дороти хотела подняться за штурманом на палубу, но француз остановил ее.

— Нечего бегать по кораблю, мадемуазель, мне не хотелось бы, чтобы с вами случилось что-то дурное. Ребята молодые и разгорячены боем.

Французский пират был не молод, в его черной бороде было много белых волос.

— Я с острова Джерси, — сказал он. — Не поднимайтесь, пока не останется только призовая команда.

Доктор Стренгл услышал и сказал:

— Он прав, Дороти. Ты еще увидишься со своим штурманом.

— Он совсем не мой, — сказала Дороти.

Доктор почему-то засмеялся, а потом сказал:

— А ну-ка подойди ко мне, мне трудно без помощника. Теперь мы с тобой отвечаем перед Богом за жизнь этих несчастных людей.

Матрос с Джерси уселся на трап под самым люком и закурил трубку.

Дороти стала помогать доктору, сначала ей было трудно, но вскоре она втянулась в работу и отупела от крови, стонов, мокрых бинтов и грязных салфеток.

К вечеру Дороти свалилась на пустую койку в лазарете и мгновенно заснула. Она так устала, что не видела снов.

Утро было сырым, туманным, в лазарете было темно, сыро, плохо пахло и воздух наполнен хрипом, стонами, ругательствами и тяжелым дыханием. Одна из ламп погасла, вторая светила еле-еле. Стренгл спал на соседней койке. Дороти поняла, что если она не вымоется и не сменит белье, то умрет от отвращения к самой себе.

Стараясь никого не разбудить, Дороти пошла к трапу. Привалившись к нему сбоку, спал французский стражник.

На орудийной палубе было пусто, трупы, видно, выкинули за борт, больше ничего не было убрано. Люк в передний трюм был закрыт, возле него сидел, опершись о ружье, французский матрос. Значит, там, догадалась Дороти, заточены матросы и солдаты «Глории».

К счастью, часовой глядел в другую сторону, и Дороти, прячась за сдвинутыми с мест пушками, стараясь не наступать в засохшие лужи крови, добежала до трапа на верхнюю палубу.

Там царил белый, почти непроницаемый туман и Дороти показалось, что она попала в громадный светлый, заполненный молоком шатер и стоит лишь оттолкнуться от пола ногами, ты испаришь в этом молоке, поднимешься в ту высь, откуда доносится скрип рей, гул, хлопанье не полностью наполненных ветром парусов и крики чаек.

Спереди донесся удар колокола, еще удар... В ответ откликнулся колокол «Глории». Значит, кто-то стоял на мостике юта и обменивался сигналами с «Клариссой».

Дороти пробежала по палубе к своей каюте. У бизань-мачты она чуть было не наступила на спящего француза. Знакомо пробили склянки. Дороти сосчитала — шесть склянок, то есть семь часов утра. Наверное, склянки бьют одинаково во всем мире, даже в какой-нибудь дикой России.

Она с трудом могла различить силуэты людей у штурвала и надеялась, что и ее никто не видит.

Дороти бесшумно пробежала к своей каюте. Дверь в нее была лишь прикрыта. Внутри царил рассветный сумрак и было зябко — в разбитые окна тянуло влагой.

— О Боже! — вырвалось у Дороти.

Каюта была разгромлена и, по всему судя, грабители повеселились власть уже после того, как Сюркуф с пленниками возвратился к себе на «Клариссу». Видно, французы искали драгоценности, деньги, а может, и какие-то иные вещи — по крайней мере женские платья их не заинтересовали и все добро, как Регины, так и Дороти, было вывалено на пол, кровати сдвинуты с мест, искали под ними, даже стулья зачем-то опрокинуты, а подушки вспороты и пух, осевший в каюте, поднимался от осторожных шагов Дороти.

И тут Дороти захотелось поскорее вернуться в задний кокпит, к доктору Стренглу, стать незаметной, может, даже грязной и неопрятной — только уйти поскорее из каюты. Какой наивной казалась теперь ее мечта вымыться и привести себя в порядок — если ее увидят французы, то сочтут таким же трофеем, как тряпки.

Но нужно было все-таки вытащить из куч тряпья и посуды нужные вещи — в первую очередь полосатую нижнюю юбку, в которой зашито важное послание. Ведь не исключено, что юбка кому-нибудь приглянется. У пиратов есть подруги на Реюньоне и когда они вычистят все более ценное, то возьмутся и за белье.

Юбка нашлась не сразу, пришлось перекопать массу тряпок — только когда вещи Регины покинули свои сундуки, стало ясно, сколько нарядов она везет с собой в Ост-Индию. Зато в поисках юбки и своего серого платья Дороти отыскала важную вещь — за кроватью Регины стоял кувшин, полный чистой воды, и пустой таз — видно, Регина так и не успела умыться до начала вчерашнего боя. И Дороти не удержалась — вид чистой воды вызвал в ней такое вожделение, что она забыла на некоторое время о поисках, тихонько прошла к двери, закрыла ее на засов и, сбросив грязное платье и белье, стала сама себе поливать на лицо, руки и плечи. Кусок душистого мыла, принадлежавшего Регине и недоступного прежде служанке, тоже пошел в дело и через несколько минут Дороти чувствовала себя куда свежее и чище, чем прежде. Обнаженная Дороти снова принялась за поиски чистой одежды и тут же нашлась полосатая юбка — словно все сбывалось по хотению Дороти.

Дороти натянула юбку, но тут замерла — над головой снова пробили склянки. Неужели она здесь уже полчас? Она бросилась искать серое платье.

Пробил большой колокол над головой. Издалека откликнулся колокол на «Клариссе». Значит, туман еще не рассеялся. Надо быстрее возвращаться...

И тут кто-то поскребся в дверь. Именно поскребся, а не постучал.

Дороти кинулась было к двери, потом поняла, что обнажена выше пояса. Она схватила первое попавшееся платье и, натягивая его, сказала:

— Сейчас иду!

Говоря, уже испугалась: ну что же она делает? Там же француз, который заметил, как она прошла в каюту. И теперь... а что теперь? — Дороти натянула на себя платье, к счастью, модное, парижское, без китового уса и фижм, схожее с греческой туникой.

Она шла к двери и уже решила, что если француз начнет приставать к ней, она поднимет шум — по крайней мере, могут вмешаться французские офицеры, которые стоят на вахте...

— Кто там? — спросила она тихо.

— Откройте!

Голос был английским — порой одного слова достаточно, чтобы понять, кто говорит. Дороти посетила дикая мысль: а вдруг это скрывающийся на корабле англичанин, которому нужна помощь?

Она открыла дверь. Задвижка закричала.

За дверью стоял очень сердитый, лохматый доктор Стренгл.

— Ты с ума сошла! — прошипел он, протискиваясь в комнату. — Тебя же могли... могли!

— Поэтому я и пошла, когда все спят. Мне нужно было умыться и переодеться.

— И это ты все натворила? — добрый встрепанный доктор, сам измазанный и покрытый засохшей кровью, был испуган.

— Нет, видно, они искали ценности.

— И нашли?

— Миссис Уиттли не возит много драгоценностей из Англии в Ост-Индию, — разумно ответила Дороти. Но, по правде говоря, она не знала, где Регина хранит то небольшое, что взяла в дорогу.

— Тогда быстро идем вниз. Ты могла бы попросить воды и принесли бы санитары.

— Это скорее нужно вам.

Доктор не ответил.

— Все? Бежим!

Они быстро пошли к трапу.

Француз на нижней палубе, тот самый, что с острова Джерси, не спал. Он стоял возле трапа и не скрывал недовольства.

— Вы зачем ходили? Хотите, чтобы вас подстрелили?

— Я разрешил ей переодеться и умыться, — сказал доктор. — И сам сопровождал девушку. Разве во Франции девушки не моются?

— Французские девушки сидят дома и ждут своих женихов, мрачно ответил сторож.

...В кокпите шевелились, стонали, требовали воды раненые.

Дороти пришлось сразу бежать к ним, и весь день с небольшими перерывами она помогала доктору. Да и не хотелось ей более наверх.

Следующей ночью ей не удалось поспать. Начал умирать один из раненых. Он так кричал, что прибежал французский офицер и хотел его пристрелить. Но не успел — матрос умер. После его смерти никто не спал, раненые были взвинчены и думали, что французы их всех утопят, чтобы не тратить на них продуктов и воды.

Дороти засыпала на полчаса, потом ее будил стон, и она спешила к койке очередного страдальца. И во все не думала о судьбе своей хозяйки. И не завидовала ей. Хотя, наверное, ей следовало бы позавидовать миссис Уиттли.

О событиях последующих дней на «Клариссе» Дороти узнала со слов Регины, когда они плыли с ней в шлюпке по Индийскому океану. Миссис Уиттли рассказала ей не все сразу, порой путала, что произошло раньше, а что потом, но так как времени было достаточно, а Регина любила повторяться, Дороти смогла составить себе более-менее полную картину тех событий.

Первый день прошел мирно, никто не обращал внимания на пленников, которых развели по каютам нижней палубы — выгородкам в трюме, устроенным с учетом работоргового прошлого корсара. У Регины была отдельная каютка, так же как у капитана Фицпатрика. Остальные жили в тесноте, по двое, а то и по четверо в каморке. Но офицеры Сюркуфа успокаивали пленников тем, что и они сами живут в тесноте, потому что «Кларисса» имела на борту вдвое больше матросов и солдат, чем могло разместиться по правилам. Каждый бой приводил к жертвам, а каждый захваченный корабль требовал призовой команды. Так что чем успешнее был поход Сюркуфа, тем больше требовалось людей. Но теперь осталось недели две — Сюркуф намеревался провести еще неделю на торговой дороге, в надежде добыть еще один или два трофея, а затем спешил к Реюньону.

Он не хотел рисковать такой богатой добычей, как «Глория», и не выпускал трофей из виду.

В первый день хоронили в море погибших, приводили в порядок саму «Клариссу», которая немало пострадала от огня пушек «Глории», два раза Сюркуф отправлялся на шлюпке на «Глорию» и проверял товары, хранящиеся в ее трюме. Наибольшее удивление и радость Сюркуфа вызвали сорокадвухфунтовые пушки, пригодные для морского боя линейных кораблей и штурма крепостей. Пушек было двенадцать и они заменяли собой балласт. Груз этот был тайный и в списках не значился.

Ценность осадных орудий трудно было переоценить — корсар видел такие только на линейных кораблях, да и то не на всех — порой трудно было удержать их при откате.

Вечером того же дня, отоспавшись, посвежев и, главное, пребывая в отличном настроении, капитан Сюркуф пригласил к себе в каюту на обед капитана Фицпатрика и миссис Уиттли. Когда же капитан вежливо намекнул о желательности пригласить и полковника Блэкберри, сообщив о его должности в компании, Сюркуф смешно сморщил короткий нос и фыркнул:

— На что мне соглядатаи за столом!

О чем дипломатичный Фицпатрик при всей нелюбви к полковнику сообщать ему на стал.

За столом Сюркуф много пил, становился все веселее и говорил все громче, а Регина в ужасе думала о том, что у нее здесь нет горничной и даже запасного платья, и она обречена на то, чтобы зарастить грязью. Сюркуф не отрывал глаз от бюста Регины, словно ждал от него какого-то фокуса, как от дрессированного тигра. Регина сдерживала дыхание и старалась умерить страх перед разбойником и натянуто улыбалась.

В конце ужина, когда принесли кофе, Сюркуф сделал миссис Уиттли неприличное предложение, не стесняясь присутствия других свидетелей.

— Уважаемый месье Сюркуф, — как ей казалось, вежливо ответила женщина. — Вы забываете, что пытаетесь оскорбить жену и невестку высокопоставленных особ Ост-Индской компании. Я надеюсь, что у моей компании есть средства, чтобы призвать к порядку та-

кого ничтожного разбойника, как ты... — унижительное «ты» завершило филиппику, после чего Регина покинула капитанскую каюту.

Капитан Фицпатрик, который не все понял, был тем не менее испуган, потому что понимал, что компания далеко, а на «Клариссе» Сюркуф полномочный хозяин. И ему ничего не стоит утопить пленников — и без них добыча богатая. Ждали, насторожившись, и офицеры Сюркуфа, хотя большинство из них поняли лишь настроение Регины, но не оскорбительный смысл речи.

Сюркуф стоял, словно размышляя. Он глядел вслед миссис Уиттли, потом вдруг расхохотался и пустил ей вдогонку матросское ругательство, что страшно развеселило его помощников и успокоило Фицпатрика, который тут же отклонялся. Его никто не удерживал.

Той же ночью пьяный Сюркуф пытался войти в каюту Регины. Так как переборки в трюме досчатые, то эту атаку слышали все пленники. Однако дверь оказалась крепкой, и засов не поддался капитану — он сам делал эти клетушки такими, чтобы из них не сбежать, но забыл, что дверь бывает крепкой с обеих сторон.

Утром капитан встал поздно, с похмелья он был мрачен, Регина отсиживалась в своей каюте. К полудню полковник Блэкберри, прямой как палка и бесстрашный как бультерьер, явился к Сюркуфу посланцем от миссис Уиттли и изложил ее требования: нормальную каюту, воду, мыло, горничную и чистое белье.

Капитан обдумал требования и неожиданно для всех частично на них согласился. Конечно, он не стал посылать по легкому волнению за два кабельтовых шлюпку на «Глорию», чтобы привезти требуемое, но велел принести в каюту к Регине жбан с горячей водой, а затем велел собрать по команде части женского туалета, которые, как он не сомневался, были кое-кем похищены из ее каюты. И в самом деле кое-что удалось таким образом добыть.

— Ты ее балуешь, капитан, — сказал с упреком Мишель де Труа, не снимавший фригийский красный колпак с девяносто третьего года, когда его чуть не гильотинировали за аристократическое происхождение. — Это плохо для дисциплины.

— Во-первых, — ответил Сюркуф, который, когда считал нужным, был откровенен со своим помощником, — этот каприз повысит сумму выкупа. Во-вторых, я люблю спать с умытыми женщинами.

— Ты противоречишь себе, капитан. После того как ты переспшишь с ней, сумма выкупа может уменьшиться, а что еще хуже — она может утонуться... Или пожаловаться комиссару острова. Зачем тебе лишние враги?

— Враги не бывают лишними, — сморщил нос Сюркуф, — мне их всегда не хватает.

К вечеру капитан пригласил Регину к себе в каюту, но она отказалась.

Каюту дамы заперли снаружи и вечером, а также в последующий день, ей не давали есть. Сюркуф либо почувствовал, либо узнал откуда-то, что у миссис Уиттли дьявольский аппетит.

К вечеру следующего дня голодная Регина получила вежливое приглашение на ужин к капитану.

Принес его де Труа. Он вел себя сдержанно и отстраненно.

Заплаканная, злобная как горгона, миссис Уиттли дала согласие.

Когда она вошла в каюту Сюркуфа, где ожидала увидеть Фицпатрика и офицеров, она не смогла скрыть свой испуг: Сюркуф был один.

Стол был накрыт на двоих.

Капитан Сюркуф был сама предупредительность. Он похвалил туалет миссис Уиттли, принес ей извинения за позавчерашний инцидент, вызванный алкоголем, страшной усталостью и вспышками необузданных страстей, которые овладевают им, потому что ему не удалось получить в детстве соответствующего образования.

От запахов, исходивших от блюд на столе, Регина чуть не лишилась чувств. Она с трудом слышала извинения капитана, ей не страшны были его поползновения — она была так голодна, что готова была грызть деревянную койку.

Сюркуф уселся напротив Регины. Между ними горели свечи в канделябре, он просил Регину самой класть себе что и как угодно — у нас попросту, по-пиратски, пошутил капитан.

Регина положила себе ростбиф, цыпленка, свежего тунца, картошку — большинство продуктов были с ее собственного судна, а капитан Сюркуф наливал и подливал ей терпкое, сладкое и совсем не хмельное вино. Он даже объяснил ей, что это не вино, а разновидность виноградного сока с особым запахом.

Когда Регина, слишком быстро и обильно наевшись, захмелела, Сюркуф проводил ее к снятой им с одной арабской прау турецкой оттоманке, покрытой мягкими шелковыми подушками, в которых миссис Уиттли утонула, как муха в киселе.

Над ней наклонилось не лишенное приятности лицо капитана.

— Я люблю вас, — сообщил он, осторожно касаясь верхней части ее платья.

— А я вас не люблю и не могу полюбить, потому что вы разбойник, — ответила Регина.

От пирата исходила мужская сила, наглость и такая бездна желаний, что оно начинало, независимо от Регины, переходить в нее, заставляя дышать все чаще и думать уже не о том, как бороться с корсаром, а что сделать, чтобы скрыть возможный позор и как использовать новую, только появившуюся в обиходе вещь с своих интересах.

Сюркуф, конечно, не подозревал, что в птичьей толстощекой очаровательной головке Регины идет серьезная умственная работа — он думал, что перед ним спесивая, глупая, знатная, избалованная дамочка, которую он сломит и подчинит себе, как и многих других женщин до нее.

Более того, откровенничая с Дороти, Регина потом призналась ей, что сама вела Сюркуфа все эти дни и сама устроила так, что, пригласив ее на ужин вдвоем и вынужденный изображать из себя джентльмена, он оказался в невыгодном положении просителя. Но тут уж Дороти не знала, верить Регине или нет. Потому что Регине было выгодно изобразить дальнейшие события как результат ее планирования и острого ума, а не как добрую мину при не совсем удачной игре. В любом случае у кого-то в той каюте не было выбора — то ли у Регины, то ли у Сюркуфа.

...В этот момент платье Регины совершило предательский поступок и лопнуло, обнажив ее пышные, ро-

зовые, нежные и упругие груди, которые заканчивались такими острыми розовыми сосками и были столь совершенно округлы, что Сюркуф почувствовал, что сходит с ума. О чем он и сообщил своей новой возлюбленной.

— О нет! — прошептала Регина, стараясь закрыть груди полными руками, но с ее возражениями корсар не смог и не счел нужным считаться.

Сдаваясь его сильным и наглым рукам, которые, не спрашивая согласия, раздевали ее, Регина почувствовала радость, которую не испытывала уже несколько лет, если не считать случайной интрижки в загородном имении, почти забытой и несущественной... Все годы жизни с мистером Уиттли-младшим она чувствовала себя неоцененным и брошенным в пыль цветком и ей приходилось искать удовлетворение не в случайных и жалких ласках мужа, а в откровенном восхищении слуг и служащих компании. Но кто посмеет поднять наглый взгляд на жену фактора?

Сюркуф совершил насилие над Региной, которая старалась в минуты наслаждения не показать насильнику, насколько она счастлива. Ей хотелось просить его продолжать и продолжать, но в то же время она не забывала сопротивляться, правда не мешая этим Сюркуфу бесчинствовать.

В этом извечном сражении кобылицы и жеребца Регина как бы убегала от Сюркуфа по зеленому лугу, а тот снова и снова нападал на нее. Любовники — а мы посмеем употребить это слово по отношению к Регине и Сюркуфу — соединялись вновь и вновь, причем жеребец оставался в счастливом неведении о том, что его ведут в сладкое укрытие, дразня и заманивая все глубже.

В результате Сюркуф был опустошен, счастлив и конечно же несколько виноват, потому что Регина дала волю долгим, хоть и беззвучным слезам, так как Сюркуф погубил ее и теперь ей придется броситься с борта в воду.

— Не стоит этого делать, — размягченно воспротивился Сюркуф, — у нас впереди еще столько минут счастья.

— Это для вас счастье — для меня же страшное мучение и позор!

Она говорила так убедительно и рыдала так натурально (ей и в самом деле было жалко себя, жалко, что ее муж — такое ничтожество по сравнению с капитаном Сюркуфом, но ей надо возвращаться к нему — не выходить же замуж за преступника и мужлана!), что Сюркуф и в самом деле почувствовал раскаяние и даже проводил даму до ее каюты, чтобы никто не посмел выглядывать из-за матчы или шлюпки.

У трапа она сказала негромко и трезво:

— Прикажете отвести меня вниз матросу. Ваше внимание там, внизу, покажется излишним.

— А впрочем... — И Сюркуф согласился с возлюбленной. Да и был опустошен ею настолько, что сил не осталось, чтобы идти вниз и возвращаться вверх по трапу. Сюркуф окликнул матроса, который только что спустился из гальюна, прикрепленного к бушприту, и велел отвести пленницу в каюту. И не попрощавшись, ушел к себе.

Когда миссис Уиттли возвратилась в каютку, из-за стенки послышался голос Фицпатрика:

— Вы живы?

— Я жива, — сухо ответила Регина.

— Он... он не посмел?

— Он не надругался над вами? — с надеждой на положительный ответ спросил через другую перегородку полковник Блэкберри.

— Это было ужасно, — ответила Регина. — Но, к счастью, он корыстен и неумен. Я пригрозила, что покончу с собой, а его перед этим зарежу.

— Оу! — произнес капитан Фицпатрик.

— У меня в подошве башмака, — прошептал через перегородку полковник, — спрятан небольшой нож. Завтра на прогулке я передам его вам и вы тогда вонзите нож ему в спину, когда он над вами надругается.

— А нельзя ли, чтобы это сделали вы сами раньше, чем он надо мной надругается? — спросила недовольным голосом Регина.

Полковник не ответил, кто-то из офицеров за двумя или тремя перегородками позволил себе хихикнуть, а Фицпатрик, меняя скользкую тему, спросил:

— Он хоть накормил вас?

— Да, — сухо ответила Регина. — И пытался напоить... но ему это тоже не удалось. Теперь же я хочу спать.

Регина долго не засыпала, она вновь и вновь переживала слишком быстро миновавшие моменты насилия. Никогда еще ей не было так приятно вспоминать прошлое!..

На следующий день насилие повторилось и Регина сопротивлялась чуть меньше, чем в первый вечер, но достаточно, чтобы Сюркуф измучился, подавляя ее сопротивление. Но смертельно устав, он не смог подавить в себе желания ласкать эти груди и прижимать это пышное, но непослушное тело.

Во второй вечер Регина не произнесла ни звука, пока схватка не завершилась. Когда же они лежали рядом на трофейной оттоманке, Регина негромко и как-то деловито произнесла:

— Ну что ж, теперь, мой милый, придется меня отпустить.

— Что?

— То, что ты слышал. Любой иной выход тебе невыгоден.

— Но почему же? Мне кажется, что сегодня я тебе уже не был так неприятен.

— Давай не будем говорить о моих чувствах. Ты владеешь моим телом, но не моей душой, — возразила Регина. — Но завтра ты потеряешь и тело.

— Как?

— Я тебе уже говорила, что намерена покончить с собой. Потому что я не переживу позора.

— Ничего страшного, никто не видел... — Сюркуф вел себя уже неправильно и понимал, что ведет себя неправильно. Перед покоренной женщиной нельзя оправдываться...

— Если вчера вечером мне удалось убедить своих соплеменников, то сегодня они уже догадаются наверняка. Но дело не в этом...

— А в чем же? — Сюркуф был измучен, опустошен, но при том все в нем стремилось к продолжению ласк.

— В том, что как только я покончу с собой, ты лишишься половины выкупа, — ответила Регина.

— Ничего страшного, — в Сюркуфе никогда не засыпал деловитый работороговец. — У меня останется «Глория» и ее трюмы.

— И слава насильника благородной дамы. Если бы ты был пиратом или просто разбойником, тебе бы это сошло с рук, твои товарищи смеялись бы, гордые тобой. Но теперь времена изменились. Ты же служишь Франции?

— Это все условно, я — вольная птица.

— Ваша французская революция уже кончилась, — строго сказала Регина. — Сегодня у вас консул, завтра снова король. Можно грабить торговые корабли, но нельзя довести до самоубийства невестку пэра Англии.

— Ты еще жива, — пробормотал Сюркуф, протягивая губы к груди прекрасной птицы и та, отчаянно сопротивляясь, затащила его в свои сети, позволив еще и еще насладиться своим телом.

На этот раз провожать возлюбленную Сюркуф не смог.

Он проспал шестнадцать часов. Он был счастлив, но лишен сил.

Когда Регина возвратилась от Сюркуфа, соседи за перегородкой молчали, и полковник более не предлагал своего ножа.

На третий день к вечеру Сюркуф с трудом поднялся с ложа, но желание вновь охватило его. Он приказал накрыть стол и в положенное время, подчиняясь его приказу, покорная заплаканная Регина поднялась к нему в каюту на заклятие.

Сначала она пыталась снова выторговать «Глорию» за любовь, но Сюркуф, даже умирая от истощения всех мужских сил, на такой обмен не соглашался. Так что Регина отложила самоубийство еще на один день, а Сюркуф не смог подняться, чтобы проводить ее, хотя бы до двери каюты.

На четвертый день к лежащему на оттоманке капитану пришли все три его помощника и сообщили ему о недовольстве команды и их, помощников, намерении избрать нового капитана. Их тревога могла быть подытожена в классическом русском выражении: «Нас на бабу променял!»

Когда Сюркуф, дрожащей бессильной рукой вытащил из-под оттоманки пистолет, Мишель де Труа заявил:

— Всех не перестреляешь.

Что тоже, очевидно, было заимствованием из русско-го фольклора, который офицеры Сюркуфа не изучали.

Сюркуф сдался и, роняя скупые мужские слезы, объяснил соратникам, что любит эту женщину, желает ее, но знает, что вскоре умрет, потому что насилие над ней отнимает у него слишком много сил.

— Отдай ее команде, — сказал второй помощник, из пиратов. Он имел в виду себя. Но Мишель де Труа напомнил собравшимся арабскую легенду о пленной арабской девице, которая, отдаваясь всем сыновьям мавританского султана, заставила их перерезать друг друга.

— Что же делать? — спросил Сюркуф.

— За борт, — сказал третий помощник, тоже из пиратов.

— Не могу, — ответил Сюркуф. — Она грозит мне каждый день тем, что кинется туда сама. И наверняка она уже всем сообщила об этом. Если она утонет, то меня повесят.

— За что? — удивился пират, — разве мы с тобой мало их утопили? Помнишь, как нам специально дарили по дюжине черных девочек в Мозамбике, чтобы хватило до Реюньона, а мы их кидали за борт по мере использования.

— Идиот! — закричал Сюркуф. — Ты забыл, что я — капитан французского флота! У меня невеста в Сен-Мало из лучшего семейства! Что я, пират паршивый, да?

Третий помощник замолчал. Потому что он понял, кого имеют в виду под этим названием.

— Она требует отдать ей «Глорию», — сокрушенно сказал Сюркуф.

— Нет, так не пойдет, — возразил Мишель де Труа. — Это наш приз.

— Тогда мне придется надругаться над ней сегодня ночью...

— Капитана хватит еще ночи на три, потом в парусину — и за борт, — сказал лишенный чувства юмора второй помощник.

Тогда Мишель де Труа по собственной воле пошел в трюм и привел оттуда госпожу Уиттли. И начались трудные переговоры. Капитан Сюркуф почти не принимал в них участия. И когда в конце концов после долгого тягучего спора, длившегося до полуночи, командный совет «Клариссы» сошелся на том, что Регине дают убежать от корсаров, украв шляпку и двух матросов с английского корабля, Сюркуф нарушил молчание и несвойственным ему жалким голосом произнес:

— Но при условии... при условии, что вы... ты еще придешь ко мне этой ночью.

— Вы сошли с ума, молодой человек! — возмутилась Регина.

— Пожалели бы вы его, — сказал де Труа. — Он идет из-за вас на такое, на что никто из пиратов не пошел бы.

— Это ваше общее решение, — возразила Регина.

— И тогда наше общее, чтобы ты еще ночь с ним провалялась, — сказал бывший пират.

— Я подчиняюсь грубой силе, но при одном условии, — ответила Регина.

— Говори.

— Я беру с «Глории» мою горничную и сундук с одеждой.

— Ни в коем случае! — возмутился де Труа. — Мы и так теряем на вашем бегстве сказочный выкуп.

— Вам остаются пушки. Я же пошла вам навстречу. Еще день-два и вы бы сами предложили мне «Глорию» и «Клариссу» в придачу.

В тот момент только циничный бывший пират догадался, что вся эта ситуация была придумана и сыграна, как в театре, этой наивной и глуповатой дамой. Потом, уже после того как Регина уплыла, на этом сошлись и остальные помощники. Но не Сюркуф. Он до конца жизни считал себя хоть и благородным, но насильником.

Вечером Регина сказала так, чтобы слышали в соседних камерах:

— Сейчас за мной снова придут. И мне придется снова сопротивляться. И я вам скажу так: либо я украду шляпку и уплыву в открытый океан на милость Бо-

жью и волн, либо я покончу с собой, больше сил моих нет противостоять его жестоким домогательствам!

Даже если спутники Регины по несчастью и не верили в ее стойкость, возразить они не могли. Как возразишь несчастной женщине? Они только принялись отговаривать ее от самоубийства. Регина обещала прибегнуть к самоубийству лишь в самом крайнем случае.

Вечером, когда за ней пришли, она срывающимся голосом попрощалась с Фицпатриком и полковником Блэкберри, который конечно же не верил ни единому ее слову, как не верил ни единому слову ни единого человека в мире.

Затем она покорно ушла на заклание.

Ровно в полночь она покинула беспомощно спящего насильника и спустилась в шлюпку, на которой Мишель де Труа перевез ее на «Глорию». Пока Мишель следил за тем, как матросы призовой команды снаряжают и спускают на воду бот «Глории», грузя в него сухари и анкерки с пресной водой, Регина приказала привести к ней Дороти и сообщила ей, что они вместе бегут из плена. Дороти была счастлива. Регина сказала, что подробности она объяснит потом, а Мишель де Труа — выступает в роли благородного изменника пиратскому делу, который якобы романтически влюбился в Регину и теперь рискует жизнью, помогая беглянке.

Они вместе собрали сундучок с одеждой Регины. Затем из щели под потолком Регина вытащила плоскую шкатулку со своими украшениями и золотыми монетами, тем ничтожным минимумом, без которого не может обойтись светская дама, и велела Дороти спрятать шкатулку себе под платье, потому что не была уверена, что ей удастся уплыть без обыска.

Когда они вышли на палубу с сундучками, как девицы, возвращающиеся в пансион после летних вакансий, там их уже ждали два матроса, которые согласились разделить с женщинами опасности путешествия по открытому морю на маленьком суденышке без каюты и палубы. Один из них был Дейвис, который помогал Стренглу как санитар. Он был хороший человек. Второй, молодой, был Дороти не знаком.

Мишель де Труа не стал обыскивать Регину. Он сделал иное.

Когда они подошли к борту и матросы уже спустились вниз, он вынул из кармана небольшой прибор с дрожащей стрелкой и сказал:

— Это компас. От него может зависеть ваша жизнь. Потому что его стрелка указывает на север, а вам туда и плыть. Иначе можно погибнуть, заблудившись в просторах океана.

— Спасибо, — сказала Регина, протягивая руку.

— Не бесплатно, — ответил благородный романтик Мишель де Труа. — Даже мое благородство знает пределы.

— Откуда у меня...

— Я знаю, что вы не зря так долго собирались. И раз ваших драгоценностей не отыскали в первый день, они у вас.

Тогда Регина запустила изящные пальчики в пропасть между грудями и вытащила оттуда золотой перстень с изумрудом.

— Спасибо, — сказал Мишель, не отрывая взгляда от прелестей Регины.

— Только без этого! Придите в себя, офицер! — крикнула на него миссис Уиттли. Мишель словно проснулся и ответил, надевая перстень на мизинец:

— Вы совершенно правы, мадам!

Матросы оттолкнулись веслами от «Глории».

Сверху на них смотрели менее удачливые, а может, и более робкие товарищи.

Отгребя от «Глории» на сто ярдов, Дейвис поднял на невысокой мачте парус, и ветер позволил матросам убирать весла.

Так началось путешествие двух молодых женщин по Бенгальскому заливу.

Глава 6

СПАСТИСЬ, ЧТОБЫ ПОГИБНУТЬ

Как объяснил Регине Мишель де Труа, а с его мнением был согласен и Дейвис, третий раз попавший в Индийский океан, Регина убежала от корсаров чуть ли не в центре Индийского океана, на экваторе. К Востоку лежали Мальдивские острова — полоска атоллов, к

северу, почти на таком же расстоянии, лежал остров Цейлон, а до Калькутты или Рангуна надо было плыть почти полторы тысячи миль к северо-востоку. Так что самым разумным было держать курс на север, тогда обязательно выплывешь к южной оконечности Цейлона, хотя на месте беглянок Мишель де Труа остался бы дрейфовать у входа в громадный Бенгальский залив в расчете на встречу с торговым кораблем, который доставит их в Индию. Правда, еще неизвестно, что за торговый или не торговый корабль им попадется.

Возможно, окажись на месте Регины Уиттли какая-нибудь обыкновенная женщина, она бы смирилась со своей горькой участью и прибыла бы опозоренной в порт Сен-Дени на Реюньоне, где коротала бы месяц за месяцем, пока придет выкуп. Не исключено, что к тому моменту ее репутация была бы погублена настолько, что мистер Уиттли-младший вынужден был бы отказать от такой жены и отослать ее с позором в Англию, потребовав развода из-за развратного ее поведения и сэкономив выкуп. С него бы случилось.

Но Регина все же была женщиной необыкновенной и решила, что для нее остался лишь один почетный выход — рискуя всем, даже жизнью, пытаюсь пересечь в скорлупке просторы океана, первой добраться до Рангуна и обогнать любые неблагоприятные вести. А если потом, после возвращения Блэкберри и других пленников, кто-то посмеет наущничать мистеру Уиттли, будет поздно — она-то сможет подготовить почву, вернее яму, для любого разносчика клеветы.

Дороти оказалась под стать своей хозяйке, потому что по молодости лет она не могла представить себе, что пускается в смертельно опасное путешествие. А матросы — Дейвис и молодой кокни Генри Боул, были лишены воображения, но не желали сидеть в грязном трюме пленниками, с которыми завтра могут сделать все, что угодно, даже продать в рабство арабам — всем известно о таких случаях. Они были матросами, морскими людьми, и жизнь в шлюпке и даже смерть в океане их не так пугали, как неизвестность и бессилие.

Так что четверка, взявшая курс на север, была подобрава судьбой вполне удачно. Впрочем, сами путешественники об этом не догадывались.

С первых же минут лодка была поделена пополам. Задняя половина досталась матросам, так как там находился руль и оттуда управляли парусом. Парус и был стенкой.

Будущим историкам этого беспримерного плавания любопытно было бы узнать, с какими словами обратилась миссис Уиттли к своей служанке после того, как они оказались в шлюпке и отплыли на безопасное расстояние от «Глории». Читатель мог бы предположить, что Регина расплакалась от такого благополучного завершения ее бедствий или обняла свою страдающую горничную, а ныне — подругу по несчастью...

Ничего подобного. Придя в себя и почувствовав облегчение, миссис Уиттли с негодованием произнесла:

— Как ты посмела надеть мое лучшее платье!

Дороти даже не сразу сообразила, в чем состоит ее преступление, но потом, кинув взгляд на свое, не очень чистое, измятое платье, вспомнила, как в спешке одевалась в каюте госпожи, когда в дверь скребся доктор Стренгл, и даже не заметила, какое платье натянула. Да и потом, сообразив, что вместо своего, скромного, серого, надела господское, шелковое, сшитое по парижской моде из розового муслина, она не придавала этому значения.

Так как Дороти не смогла отыскать слов, чтобы оправдаться, Регина еще более рассердилась и сообщила, что прикажет запороть девушку, как только они приплывут на место.

— Тогда я, может быть, лучше прыгну в воду? — спросила Дороти. Она была задета несправедливыми упреками госпожи, но на самом деле топиться не собиралась.

— Ах, оставь! — воскликнула Регина. — Я почти неделю угрожала им, что утоплюсь. Главное, чтобы тебе поверили. А я тебе не верю. Так что делай, как считаешь нужным.

Дороти поднялась. Она посмотрела на «Глорию», которая еще была видна на горизонте. И зачем, подумала она, я согласилась покинуть этот корабль и доброго доктора Стренгла?

— Платье сними, — приказала Регина, вовсе не проникаясь жалостью к девушке, которую толкала к само-

убийству. А ведь недавно она шла на любой скандал, чтобы отправиться в путь с горничной.

— Я такая молодая и красивая, — сказала Дороти, — меня грех топить. Потому что некому будет стирать для госпожи, некому будет взбивать ей постель и прикрывать ее своими юбками, когда она присядет на корме, чтобы справить свои надобности...

— Хамка! — завопила госпожа. — А ну, сейчас же за борт!

Дороти поставила ногу на борт. Шлюпка несколько накренилась, и Дейвис с кормы прикрикнул:

— Женщины, а ну прекратить базар! Вы мне шлюпку опрокинете.

Не обращая внимания на его слова, Дороти сделала движение, чтобы снять платье, для чего руками крестнакрест подхватила юбку за подол и потянула вверх.

— И не вздумай! — воскликнула, перепугавшись потерять свою главную собственность, Регина, — лучше выстираешь платье! Я за него шестнадцать гиней заплатила. Тебе таких денег сроду не видать.

— Так топиться мне или не топиться?

— Знаешь что, — спокойнее, но злее ответила госпожа, — я сама умею устраивать спектакли. И я знаю, что ты не собиралась топиться, а только хотела меня позлить. Учти, я тебя еще накажу. Но пока ты мне нужна и я тебя люблю. Может быть, я тебя люблю больше всех на свете, не считая одного мужчину... Я тебе расскажу о нем, как только стемнеет, а то здесь жарко и еще качает. И ты зря меня перестала бояться. Я интриганка и ненавижу нескромных девчонок.

Голос Регины звучал столь угрожающе, что Дороти на какое-то мгновение усомнилась в себе и кинула взгляд на камешек в колечке. Камень был безобидно розовым — ничто Дороти не угрожало. И значит, мисс Уиттли пока не намеревалась мстить.

Регина позвала Дейвиса и сделала ему выговор за то, что он прикрикнул на госпожу. На что Дейвис ответил, что в общих интересах добраться живыми до английских владений. А надежды на то немного. Не надо обольщаться. Так что давайте помогать друг другу, а не вредить. Они, мужчины, будут управлять кораблем, а женщины уж пускай занимаются хозяй-

ством, делят пищу и воду, но не вмешиваются в мужские дела.

И тут Дороти увидела, что, когда с Региной разговаривают без сомнения в том, что она подчинится, миссис Уиттли превращается в робкого агнца. По крайней мере внешне.

Но разговор об отношениях на борту скорлупки на этом не кончился, а продолжился на следующий день, во время обеда, когда Регина как хозяйка разливала пресную воду, а Дороти резала хлеб и положила каждому на ломоть по куску солонины.

К тому времени женщины, которые большую часть дня таились в тени паруса, разделись до нижних юбок и рубашек. Дейвис ничем не выказал возражений, тем более что матросы и сами были обнажены до пояса, но молодой Генри стал глядеть на груди Регины, которые были теперь почти обнажены и лежали вольно, свободно, как кокосы, свисающие с пальмы. Он глядел на госпожу Уиттли так, что Дороти испугалась — а вдруг кинется? Но тут выступила сама Регина. Она обратилась прямо к веснушчатому простоватому Генри:

— Послушай, голубчик, и вбей себе в голову вот что: если вы с Дейвисом сможете доставить нас в Калькутту или хотя бы к твердой земле в безопасности, я даю слово, что вы станете обеспеченными людьми до конца своих дней. Мое спасение, верность компании немалого стоят. Поняли?

Дейвис кивнул, Генри отвел взгляд от прелестей миссис Уиттли.

— Но как только вы посмеете хоть чем-то вызвать мое неудовольствие, вам лучше проклясть день, в который вы имели несчастье появиться на свет. Конечно, вы можете нас погубить, но тогда надежда обогатиться и кончить свои дни в покое и достатке улетит от вас как вон та чайка.

— Чайка, — повторила за госпожой Дороти. — А разве чайки улетают далеко от земли?

— Даже если и не улетают, мы не знаем, в какой стороне земля, — мрачно ответил Дейвис, который не любил угроз, тем более что не давал оснований к упрекам.

На борту шлюпки наступило молчание, которое длилось до заката.

Когда наступило время ужина, Дейвис опустил парус, а миссис Уиттли передала на мужскую половину воду и галеты.

Спать было неудобно, женщины постелили на дно запасной парус и втиснулись в пространство между днищем и банками.

Вскоре вышла луна, шлюпку широко и редко раскачивало океанскими валами. Не хотелось думать, что это путешествие может плохо закончиться.

...Регина начала рассказывать Дороти о том, как ей удалось вырваться с пиратского корабля. Матросы тоже разговаривали на баке, и их голоса доносились невнятно, смешиваясь с шорохами воды, которая облизывала лодку. Ночью пошел дождь. Дороти сказала, что у нее есть нож, который ей тихонько дал на прощание доктор Стренгл. Регина отобрала его, заявив, что Дороти все равно не сможет никого зарезать, потому что она еще ребенок, зато, если нужно, Регина ее защитит.

Следующий день был жарким и почти безветренным. Матросы старались поймать рыбу, но скорее делали это из желания чем-то заняться — ведь все равно им не дали с собой ни жаровни, ни огнива. Даже когда на третий день в шлюпку попало несколько летучих рыб, только Дейвис, разделав рыбку своим ножом, сжевал ее. Остальные отказались есть сырую рыбу.

Хоть парус и давал некоторую тень, к середине дня она уменьшилась настолько, что солнце все же добралось до путников. Результаты этого сказались на третий день пути. Хуже всех досталось Регине — у нее была тонкая белая кожа, которая стала в открытых местах красной, и к вечеру Регина начала мучиться от ожогов. Она хотела охлаждать их заборной водой, но Дейвис строго приказал этого не делать, потому что начнутся язвы и от них можно умереть. Миссис Уиттли предпочла терпеть и потихоньку смачивала кожу пресной водой. Дороти обошлась легче всех — кожа ее, более смуглая, чем у остальных, не так боялась солнца и лишь потемнела. Но Дороти было неловко, что она переносит невзгоды пути легче хозяйки, и она втрое ухаживала за ней.

На четвертый день солнце зашло, зато поднялся ветер и матросам пришлось потрудиться у паруса и у руля,

чтобы удержать кораблик на волне. Но они не могли знать, приближаются ли к земле или их относит куда-нибудь в сторону океанским течением.

Океан был бесконечен, равнодушен и казался Дороти живым существом, которое с отстраненным любопытством глядит на то, как по его коже ползет лодка с человечками, и может, океан даже рассуждает, кто первым помрет из пассажиров шлюпки.

Один из двух анкерков с водой кончился на пятый день. Дейвис сказал, что недурно бы ограничить воду, а то он заметил, как Дороти поливала на руки госпоже пресной водой. Регина оскорбилась и стала кричать на матросов. Они слушали ее мрачно, и, когда она откричалась, Дейвис перенес полный бочонок на корму, взял кружку и с тех пор сам делил воду по кружке утром, днем и вечером. Этого должно было хватить на неделю и до того следовало встретить землю или корабль.

Один раз вечером, на седьмой день пути, корабль появился на горизонте, но с него лодку не заметили.

Страшное уныние все более охватывало людей. И более всех казнила себя Регина, которая вдруг поняла, что позор, от которого она бежала, куда лучше, чем смерть, к которой они приближаются.

В самой же шлюпке никаких особенных событий не происходило, если не считать припадка, случившегося как-то ночью с Генри: он переполз на женскую половину и принялся шепотом уговаривать Дороти полюбить его, раз уж все равно погибать. Проснулась Регина и чудом не зарезала Генри, которого оттащил Дейвис. Но Регина понимала и сама сказала о том Дороти, что ее власть на борту слабеет по мере того, как дела мореплавателей ухудшаются. Еще день-два и мужчины выйдут из-под контроля. Ей кажется даже, что Дейвис уже сейчас дает им воды и галет меньше, чем берет себе. А потом и вовсе перестанет давать воду. Дороти стало очень страшно, она так надеялась, что Дейвис не возьмет такой грех на душу.

Матросы ослабли и перестали грести, помогая парусу. Все отупели, перестали умываться и только ждали своей очереди выпить...

И все же самое страшное происходило лишь в воображении.

На самом деле, если говорить трезво, миссис Уиттли и ее служанке сказочно повезло. Шансов на то, чтобы выпутаться из этой авантюры, у них не было никаких. И только слабым знанием океана и опасностей, подстерегающих путников, можно было оправдать решение Регины.

По всем законам морской жизни они должны были либо погибнуть от жажды и голода, либо опрокинуться в первый же шторм. Ничего подобного не случилось, и не потому что им покровительствовал Милодар, который на самом деле находился в неведении о событиях и лишь исходил гневом в спорах с Земэнгеро, а потому что Судьба порой позволяет себе улыбнуться ухмылкой и облегчить безысходную участь героев только для того, чтобы кинуть их в геенну огненную.

На десятый день, когда вода еще плескалась на дне анкерка, а галеты, хоть и подмокшие после вчерашнего шквала, перепугавшего дам, но не сумевшего опрокинуть шлюпку, представляли собой тяжелый ком солоноватого теста, и даже солонина еще лежала в некотором количестве под банкой на баке, то есть задолго до того момента, когда несчастным героям в приключенческом романе приходит помощь, Дейвис приподнялся на банке, потом встал на ней и принялся махать руками. Генри поднял приспущенный парус и, отбежав на корму, положил руль направо. Как можно из этого догадаться, матросы увидели в отдалении светлый на фоне уходящих к горизонту темных облаков парус.

Дело происходило утром, но не рано, примерно в девять часов. К сожалению, золотые часики-брегет госпожи миссис Уиттли встали — в них как-то попала вода, и точное время можно было высчитывать лишь приблизительно, по высоте солнца над водой.

Трудно передать радость, с какой путники увидели, что неизвестный корабль также начал совершать эволюцию навстречу шлюпке — видимо, на нем не только заметили маленький шапочный парус, но и сообразили что видят потерпевших кораблекрушение и нуждающихся в помощи мореходов.

— Из огня да в полымя, — услышала Дороти сказанные Дейвисом сквозь зубы слова.

— Что ты хочешь этим сказать? — вздрогнула Дороти.

— Это не наш корабль.

— Разумеется, не наш, откликнулась Регина. — Это арабское дхау. Я их насмотрелась, когда жила в Калькутте.

— Они могут забрать нас в неволю и продать, — произнес Дейвис. — Я слышал, как они поступают с людьми. Ведь мы для них неверные.

— Я могу и буду говорить с ними куда проще и спокойней, чем с французскими пиратами, будь те хоть тысячу раз католики. Здесь тебе, Дейвис, делать нечего. Ты гребь, управляй парусом, я помню, что ты вел себя хорошо и не обидел нас с Дороти. Но когда дело касается серьезных вещей, дай уж мне, голубчик, решать, как обставлять дела. Это торговая дхау, я бы назвала ее баггалой, — продолжила Регина. — Что значит по-арабски мул. Не смущайся ее скромным издали видом и ее косыми парусами, словно у рыбачьей фелюги. Я боюсь, что эта фелюга не уступит размерами нашей «Глории».

Разумеется, Дороти не могла поверить хозяйке — и на самом деле одна большая мачта с косым парусом и вторая совсем маленькая, тоже с одним косым парусом, не могли принадлежать большому судну.

По силуэту баггала более всего напоминала быстроходную лодку, однако у нее была высокая корма, как на «Глории», которая завершалась резным транцем с двумя рядами окон, словно она была перенесена на арабскую фелюгу с английского корабля.

Суда сближались довольно быстро и уже через четверть часа Дороти поняла, что ошибается, потому что фигурки людей, глядевших на шлюпку, перегнувшись через фальшборт баггалы, были столь малы по сравнению с судном, что приходилось признать правоту миссис Уиттли.

Шлюпка подошла к борту баггалы, покрашенному в зеленый цвет, оттуда в шлюпку кинули трап с деревянными перекладинами, а по концам, опущенным сверху, в шлюпку шустро спустились три матроса в шальварах и куртках на голое тело. Все они были смуглыми, не-

высокими и верткими людьми, которые не переставали улыбаться, что-то быстро говорить и перекликаться с теми, кто наблюдал за этой сценой с верхней палубы. Так как ничего, кроме женских сундучков, пассажиркам не надо было брать с собой, то с помощью английских матросов они поднялись на борт, где их ждал, окруженный толпой любопытных арабов, молодой человек, одетый в желтый халат, с зеленым тюрбаном на голове. Он был тонок, узкоплеч, настойчивые черные глаза смотрели из-под тяжелых век оливкового лица.

— Добро пожаловать, — произнес он на английском языке.

— Здравствуйте. — Регина уже приняла царственную осанку и была уверена в себе даже более, чем на совещании корсаров. — Я рада, что вы догадались о нашей принадлежности. Меня зовут леди Регина Уиттли, я супруга фактора Ост-Индской компании в Рангуне.

— Я рад приветствовать вас на борту моего корабля, — сказал узкоплечий человек. Дороти поняла, что ему не более двадцати лет.

— Мое имя Камар аз-Заман, — сообщил молодой человек. — Я сын досточтимого Абд ар-Рахмана, которому принадлежит эта баггала и много других кораблей и домов. Я прошу вас пройти к моему отцу, который ждет вас в своих покоях.

Узкоплечий молодой человек сделал широкий жест худой рукой, которая высунулась по локоть, когда широкий рукав съехал к плечу.

— Я благодарю вас за помощь, — сказала Регина. — Но попрошу сначала выделить мне и моей служанке какую-нибудь каюту, чтобы мы могли привести себя в порядок, прежде чем предстанем пред взором вашего отца. И также дайте место моим матросам, ибо они смелые и преданные мне люди, которые многое сделали для нашего спасения.

Молодой человек наклонил голову в ладно завязанном зеленом тюрбане и быстро заговорил по-арабски, отдавая распоряжения окружавшим его людям, которые внимали ему, но не сразу бросились исполнять его приказания, а сначала задавали ему вопросы, на которые молодой человек не мог ответить и потому рассердился и прикрикнул на моряков. Дороти было смешно наблю-

дать за этой сценой, тем более что молодой человек ей понравился и сам он, внимательно оглядывая спасенных большими черными глазами несколько раз останавливал свой взгляд на Дороти, которой было приятно сознавать, что она произвела на него большее впечатление, чем пышная птица Регина. Ей уже надоело, что все мужчины сходят с ума по этой толстухе, тогда как Дороти — тоже не последняя девушка в мире, по крайней мере, на своей улице она считалась лучшей из девушек и никто не оспаривал ее первенства, может, потому, что считали ее еще девочкой — хорошенькой, даже красивой, но все-го-навсего девочкой. Это понятно, говорила мама, потому что Дороти росла на глазах у соседей, а время бежит так скоро, что ты только-только успел привыкнуть к тому, что по улице бегают черноволосая голубоглазая девчонка в коротком платьице, как оказывается, что ей пора замуж... Дороти почувствовала, что Камар снова посмотрел на нее, и встретила открыто его взгляд, заставив его, в свою очередь, потупить.

Он смутился, обрадовалась Дороти. Ведь каждой женщине лестно встретить мужчину, который робел перед ней, тогда как другие мужчины перед ним почтительно склонялись.

— Вам покажут ваши каюты, — сказал молодой человек. — Надеюсь, что они вам понравятся.

— Нам не нужно двух кают, — резко ответила Регина, которая не могла вытерпеть, что ее намереваются уравнивать в правах с горничной. — Эта девушка, Дороти, моя служанка и она будет находиться со мной в одной каюте, потому что она нужна мне для услуг.

Дороти показалось, что в глазах молодого человека мелькнуло разочарование, и ощутила такой приступ злобы к этой курице, что готова была ее задушить. А чуткая Регина почувствовала, что сильно задела горничную, и порадовалась. Она любила унижать людей, все вокруг должны были знать свои невысокие места.

— Не обращайтесь внимания на то, что в вашей каюте еще пахнет табаком, — вдруг улыбнулся Камар, — это каюта кормчего и он с наслаждением уступает ее вам до тех пор, пока она вам нужна.

— Ах, — произнесла Регина, — как жаль, что мы доставляем кому-то неудобства.

— Кормчий будет счастлив, — ответил молодой человек. — Сейчас вас проведут в каюту. А через...

— Через час, — сказала Регина.

— Через час за вами придут. Мой отец будет ждать вас.

Молодой человек повернулся к ним спиной, да сделал это так неловко, словно и не хотел поворачиваться. И тут Дороти поняла, в чем дело — Камар был горбат.

Он не принадлежал к тем низкорослым приземистым уродливым горбунам с могучими, свисающими до земли руками. Горб его был относительно невелик и не смог согнуть тела, скорее казалось, что какой-то злой шутник подложил между лопаток мяч. И вид горбуна не вызывал отвращения, а только жалость к несправедливой судьбе.

Чуть прихрамывая и не оглядываясь, молодой человек удалился и за ним ушли несколько человек, тогда как один из оставшихся, бородатый толстяк с красными щеками и губами и будто нарисованными широкой кистью червяками бровей сказал, указывая пальцем себе на грудь:

— Саид.

— Рахман, — ответила Регина. — Якши.

— Что вы сказали? — спросила Дороти.

— Это какие-то их вежливые слова, я легко подхватываю другие языки, но не всегда понимаю, что значит вся эта чепуха.

Регина увидела, как двое матросов уводят в сторону Дейвиса и Генри.

— Мы увидимся! — крикнула она спутникам по путешеству.

— Дай-то Бог, — ответил Дейвис.

— Вы нас не забывайте, госпожа, — вторил ему Генри. Матросы чувствовали себя неуверенно и робели. В море, в шлюпке, они были смелее.

— Я о вас помню, — отмахнулась полной ручкой Регина. — Ничего с вами не случится.

Саид что-то говорил госпоже по-арабски, видно уверившись в ее обширных знаниях. Дороти огляделась.

Баггала вряд ли намного уступала «Глории», но корпус английского судна был куда более массивным и вы-

соким, отчего в «Глорию» помещалось куда больше товаров. Мачт на ней было больше и стояли они теснее, а многочисленные паруса, наверное, помогали быстрее передвигаться. Но стоило Дороти шагнуть к борту и взглянуть, как расступаются волны перед носом баггалы, как она поняла, что эта лодка не уступит в скорости даже «Клариссе». Да, на ней стояло лишь два паруса, но размеры их были за пределами воображения — косая рея главного паруса поднималась ярдов на пятьдесят над палубой, а его треугольник мог бы закрыть собой церковную колокольню в Лондоне...

— Закрой рот, — заметила Регина, — приди в себя и не изображай деревенскую дурочку перед лицом этих дикарей.

— Иду, — смутилась Дороти. — А что будет с нашей шлюпкой?

Вдруг Дороти стало жалко шлюпку — пустая, брошенная, она плывет сейчас, привязанная за веревку к корме баггалы.

— Мы должны будем заплатить за переезд, — ответила Регина. — А такая шлюпка стоит больших денег.

Дороти поняла, что Регина уже начала выгадывать, мысленно торговаться с господином Абд ар-Рахманом, которому предстоит теперь завозить знатную даму в Рангун или Калькутту.

Саид провел дам в каюту на корме, по странному совпадению расположенную почти там же, где каюта Регины на «Глории», и лишь немного уступающую ей размером.

Каюта была устлана коврами, там стояли две низкие тахты и невысокий круглый стол. Зато не было ни стульев, ни обеденного стола. Дороти этому не удивилась, потому что она знала, что восточные люди сидят на коврах или низких диванах и берут пищу руками.

Видно, кормчий был вынужден спешно покинуть свою каюту, потому что на одной из оттоманок валялись какие-то халаты и шальвары, на ковре стояли рядышком расшитые золотом туфли с загнутыми носками, словно из сказки про «Тысячу и одну ночь», которую Дороти читала еще девочкой.

Когда Саид, кланяясь, ушел из каюты, Регина сказала, как бы продолжая вслух мучившую ее мысль:

— Я поняла, почему он так на тебя глазел. Ты же в моем драгоценном платье! Конечно же он судил по платью и решил, что ты тоже дама! Вот чепуха!

Последнее относилось к очевидной слепоте горбатого араба.

— Видала, какой урод!

— Он мне не показался уродом.

— Разумеется. Тогда снимай мое платье. У тебя в сундучке есть твое. После тебя все вещи приходится выбрасывать!

Это было несправедливо, потому что больше недели Дороти в этом платье провела в шляпке, а до того несколько дней в лазарете. Вряд ли можно было сейчас различить, каким оно было раньше. Нет, этот несчастный араб глядел на нее потому, что видел в ней красивую девушку. Именно так!

Убедить себя было нетрудно, с госпожой Дороти не стала делиться своими догадками.

— Сходи, попроси воды, — приказала Регина. — Конечно же они забудут.

— А как вода по-арабски? — спросила Дороти.

— По-моему — су. А может быть, я ошибаюсь.

Но Дороти не пришлось объясняться с арабами, потому что как раз в тот момент не постучавшись вошли два молодца с тазами и кувшинами. Они попытались объяснить Регине, что готовы полить женщинам, но Регина выставила их и сказала, попробовав воду кончиком пальца:

— Я встану в таз, ты будешь поливать меня из кувшина. Вообще-то, вода могла быть погорячее.

Регина мылась долго и почти не оставила воды служанке, может быть, даже сделала это нарочно. Это было наказание за внимание молодого горбуна. Дороти имела основание так думать, потому что Регина ни с того ни с сего вдруг заявила:

— Самое большое уродство — это горб. В этом есть что-то отвратительное. И не отвечай, я знаю, что ты мне ответишь. Кстати, ты заметила какой у него изумрудный перстень?

— Нет, мэ.

— Глупо. Такие вещи женщина обязана замечать. Женщина призвана ценить дорогие и прекрасные вещи.

Наконец Регина была готова для визита к хозяину судна. Они вышли из каюты.

У дверей сидел на корточках чернолицый мальчишка в коротких панталонах. Увидев выходящих женщин, он с гортанным криком помчался прочь, и не успели они отойти и десяти шагов от каюты, как появился Саид и стал, разводя руками, приглашать их за собой.

Каюта господина ар-Рахмана оказалась невелика и крайне скромно обставлена. На диване, покрытом ковром, сидел сам ее хозяин, а для гостей были приготовлены обтянутые кожей пуфы, похожие на мягкие бочонки. Темно-красный ковер покрывал пол и диван. На нем, подложив под себя босые ноги, сидел повелитель нового и незнакомого мира, в который попала Дороти.

Не трудно было догадаться, что господин Рахман и его сын Камар — близкие родственники. И сейчас, когда горбун стоял сбоку от дивана, на котором восседал его отец, его лицо казалось слепком с лица отца. Лишь раскрашивая их, небесный художник использовал на лицо отца всю розовую краску, и для юноши остались лишь желтые и бурые тона. Но те же громадные черные глаза в густых ресницах, украденные у томной женщины, которая никак не может поднять тяжелые верхние веки. Тело же господина Рахмана также когда-то было таким же, не считая горба, как у сына, — узкоплечим и тонким. Но с годами оно приобрело тугой круглый живот, который был как бы приставлен к Рахману спереди. Смешно, подумала Дороти, к сыну приклеили горб, а к отцу живот.

— Садитесь, — сказал господин Рахман.

Дороти не поняла слова, но жест не вызывал сомнений.

Сел и Камар, выразительно взглянув на Дороти.

— Я рад, что судьба привела вас на мой корабль, — сказал Рахман. Вернее, он сказал по-арабски, а его сын тут же перевел фразу на английский.

— Мы тоже счастливы, что спасены, встретив вас, — ответила Регина.

После этого некоторое время они улыбались друг другу, потому что совершать добрые поступки и благодарить за них — удовольствие и для гостей, и для хозяев.

Вошли мальчики и принесли кувшины, высокие бокалы и поднос с орешками и изюмом. Они обносили гостей. Камар глядел на Дороти, а Дороти оглядела себя критическим взором. Ее обыкновенное серое платье было мятым, но по крайней мере чистым и целым.

В бокалах из темного стекла покачивалась сладковатая жидкость вроде разбавленного яблочного сока.

— В последние дни стоит хорошая погода, — сообщил господин Рахман.

— Погода не всегда хороша для путешествия в открытой шлюпке, — ответила Регина.

Камар переводил быстро и уверенно. Где же он так научился языку? — подумала Дороти.

— Угощайтесь, — сказал Рахман. — Я не могу предложить вам фруктов, потому что мы уже две недели в открытом море и некоторые яства кончились.

Пока Камар переводил, Рахман развел руками, выражая печаль, и веки опустились еще ниже — оставив лишь узкие щелки глаз.

Когда же они начнут говорить о деле?

— Надеюсь, ваш сын сообщил вам, — произнесла наконец Регина, словно подслушала нетерпеливые мысли Дороти, — что я — жена фактора Ост-Индской компании в Рангуне. Мое имя миссис Регина Уиттли.

Рахман ответил не сразу, он укоризненно покачал головой, будто был не очень доволен тем, как быстро завершилась светская часть встречи и теперь придется разговаривать о делах.

— Что же заставило вас покинуть ваш корабль, уважаемая госпожа, — спросил Рахман, — и отправиться в столь трудное и опасное плавание?

— На наш корабль напал французский корсар Сюркуф, — сказала Регина.

Это сообщение огорчило Рахмана.

— Ах! — сказал он. — Как плохо! Неужели это исчадие ада возвратилось в наше море?!

— Вы слышали о нем?

— Он ограбил один из моих кораблей и повесил на рее его капитана за то, что тот посмел перечить этому негодяю! Но продолжайте свой рассказ, госпожа. Неужели вы единственная спаслись от ужасной участи?

— Наш корабль «Глория», который следовал в Калькутту, а оттуда в Рангун, подвергся нападению Сюркуфа и после боя был захвачен им. Меня и офицеров корабля перевели на борт его «Клариссы». — Регина говорила осторожно, медленно, словно ожидала, пока переводчик передаст ее слова господину. На самом же деле, как понимала Дороти, госпоже надо было уже сейчас точно выразить свою версию событий. — Однако с помощью человека, который сочувствовал мне, я смогла... — Регина искала правильное слово. — Я смогла получить шлюпку и убежать.

Все это звучало не очень убедительно, но ни господин Рахман, ни его сын ничем не выразили удивления. Господин Рахман сокрушенно покачал головой и потом сказал:

— Я поражен отвагой слабой женщины, которая решилась на такое путешествие.

— У меня не было выбора, — ответила Регина. — Речь шла о моей чести.

Сын с отцом некоторое время спорили о переводе последней фразы, и Дороти поняла, что они никак не сойдутся в понимании женской чести. Не договорившись, они прекратили спор и предпочли слушать.

— Сколько же времени уважаемая госпожа была в открытом море?

— Больше недели. Точнее — восемь дней.

— Удивительная отвага и большое везение, — сказал господин Рахман. — Что же вы намерены делать дальше?

— Я хотела бы узнать, куда направляется ваш корабль, — произнесла миссис Уиттли.

— Мы идем с грузом муската и ванили с острова Тидоре, а также погрузили в Малакке несколько ящиков хорошей китайской посуды, — откровенно ответил Рахман. — И держим путь в порт Оман, где мы разгрузимся и, возможно, некоторое время будем отдыхать от трудов.

— О! — произнесла разочарованно Регина. Она знала географию. Дороти была не настолько образованна, но по тону госпожи поняла, что судно господина Рахмана плывет вовсе не туда, куда следует.

— А где мы сейчас находимся? — спросила Регина.

— Сейчас мы находимся в двух днях пути от южного берега Цейлона.

— А есть ли там английский порт?

— Еще два дня пути до Коломбо. Но мне говорили, что тамошняя фактория захвачена французами. Это слух непроверенный, но упорный.

— А сколько отсюда пути до Рангуна? — спросила миссис Уиттли.

— Пять дней. При хорошем ветре. Может, немного меньше или чуть больше.

— Вот туда мне и надо. Мой муж ждет меня, — сообщила Регина господину Рахману.

— Наверное, — сказал господин Рахман, — мы встретим в Омане суда, направляющиеся в Ост-Индию.

— В Омане?

— При благоприятном ветре уже в этом году вы счастливо воссоединитесь со своим мужем.

Регина медленно моргала большими светлыми прозрачными глазами, словно птица, залетевшая по неосторожности в собачью конуру. Потом смысл слов Рахмана дошел до нее и вызвал гневную реакцию:

— Вы издеваетесь надо мной? — спросила она. — Или просто несете чепуху?

По мере того как она говорила, ее голос все поднимался, пока не превратился в визг. Груды ее совершили привычный фокус, разорвав спереди платье, но никто и бровью не повел при виде этого представления.

— Несете что? — вежливо спросил горбатый Камар.

— Че-пу-ху, — по складам ответила Регина.

Камар перевел. Его отец задумался, почесывая небольшую, аккуратно подстриженную бороду.

— Я не хочу обижать госпожу и не хочу обижаться на гостью, — ответил он. — Хотя мне глубоко прискорбно слушать оскорбления, которых я не заслужил. Но войдите в мое положение, госпожа Уиттли. Я плыву по морю, потому что этим я зарабатываю деньги. Я не последний человек в этом мире. В море я вижу ничтожную лодочку и в ней четырех человек, англичан. Одна из спасенных мною особ объявляет без всяких на то доказательств, что она — знатная дама и жена английского фактора в Рангуне. Правильно ли я понял?

— Как вы еще могли понять? — раздраженно ответила Регина, которая с трудом сдерживалась, выслушивая ответ господина ар-Рахмана. — И я не вижу основания ставить под сомнение мои слова. В крайнем случае вы можете допросить моих спутников.

— Но вы же сами утверждаете, что они лица низшего звания, ваши рабы.

— У нас в Англии нет рабов и показания матросов и Дороти могут быть приняты во внимание любым судом.

— Мы не на суде, госпожа Уиттли. Я просто рассказываю вам, какими представляются со стороны ваши обстоятельства.

— Зачем я должна это слушать? — Щеки Регины покраснелись, как всегда бывало, когда она возбуждалась. Но здесь ее никто не боялся.

— Затем, что мне нет никакого смысла губить свое путешествие, отказываться от большой прибыли только ради того, чтобы отвезти неизвестную женщину неизвестно куда.

— Но я — миссис Уиттли!

— Может быть, это и правда, — кивнул головой досточтимый Рахман. — Я даже знаю, что с недавних пор именно господин Джулиан Уиттли и в самом деле стоит во главе фактории в Рангуне. Море — это большая дорога. Путники встречаются и обмениваются сведениями.

— Тогда вы должны были слышать о нападении Сюркуфа на «Глорию»!

— Я плыву с Востока и неделю никого не встречал.

— Так что вы хотите получить за то, что отвезете меня в Рангун?

— Ничего, — вежливо улыбнулся Рахман. — Ровным счетом ничего. Но я обещаю вам бесплатный кров и постель на борту моего корабля на все время путешествия до Омана.

— Я его готова убить, — прошептала Регина.

Дороти поглядела украдкой на свое колечко. Камешек был розовым, никакой угрозы Дороти от арабов или хозяйки не исходило.

Дороти понимала, что разум здесь на стороне арабского купца. Она будто была знакома с ним, потому что в детстве сосед сверху рассказывал ей сказки про Синд-

бада-морехода. Вот она и сидит сейчас перед Синдбадом, который постарел, растолстел, обзавелся несчастным сыном, но в общем не очень изменился. И если раньше она плыла по океану на английской шлюпке и потому ей не могла встретиться птица Рок или кит размером с остров, то теперь любое чудо могло стать явью.

— Я полагаю, что моя гостыя устала, — произнес ар-Рахман. Вам принесут пищу в каюту. Простите, что не могу разделить трапезу с вами, но нам не разрешает этого наш закон.

Регина была мрачнее тучи. Она не поднималась с места.

— Сколько будет стоить, — упрямо спросила она, — если ваше судно, — последнее слово она произнесла, вложив в него все возможное презрение, но Камар или не понял, или не захотел понять интонации миссис Уиттли. — Если ваше судно отвезет меня в Рангун?

— Это очень дорого стоит, — ответил Рахман и поднял руку, прекращая разговор. А так как Регина упорствовала, не поднимаясь, поднялся он и, кинув взгляд на Дороти, причем той показалось, что глаза его из-под нависших век улыбаются ей, последовал прочь из каюты, пройдя совсем близко от Регины, но не взглянув в ее сторону.

И тогда миссис Уиттли не оставалось ничего иного, как последовать за хозяином судна. Замыкал шествие Камар, и Дороти чувствовала всей спиной, как он ее рассматривает. Но когда она обернулась и поймала его взгляд, Камар виновато отвел глаза. Может быть, он жалел женщин и хотел бы им помочь, да был бессилен...

В каюте Регина рухнула на диван и залилась слезами.

— Ты видишь, — повторяла она, — ты видишь, какое это злобное животное? Он готов нас выбросить за борт.

— А мне так не показалось, — ответила Дороти.

— Что ты понимаешь! Тебе ведь все равно, куда плыть. Ты готова провести здесь месяц, год, попасть в гарем к его недоноску — только чтобы не помогать хозяйке, которая ради тебя бежала от пиратов.

— Ради меня? — искренне удивилась Дороти.

И Регина не менее искренне — она в тот момент верила собственным словам — ответила:

— Разумеется, они бы надругались над тобой, а потом выбросили бы тебя за борт, чтобы замести следы.

Но тут два мальчика принесли подносы с пловом и отдельно тушеную курицу, сладости и крепкий чай.

Блюда были наперченными, острыми, но вкусными и женщины, истосковавшиеся, оказывается, по горячей, настоящей пище, приготовленной на плите, в две минуты съели плов и курицу, выпили весь чай и объелись сладостями так, что потом обе заснули и проспали до следующего утра.

Утром Регина проснулась мрачной, больной, с красного лица лоскутами лезла обгоревшая в шлюпке кожа. Даже пират Сюркуф вряд ли полюбил бы ее в тот момент.

— Мы погибли, — сказала она. — Я всю ночь не спала и поняла — мы погибли. Мы закончим жизнь в арабском гареме — нас продадут на рынке в Омане. Теперь ты понимаешь, почему я не спала всю ночь?

Дороти знала, что хозяйка ночью спала, потому что у той заложило нос и она сопела и храпела. Но храпящий человек не знает, как он ужасен для окружающих.

— Тебе все равно, — сказала хозяйка. — Тебе и в гареме будет лучше, чем в твоём вонючем нищенском доме.

— Мой дом не вонючий и не нищенский, — обиделась Дороти, но хозяйка даже не слышала ее. Она была поглощена своим горем. — И вообще мне показалось, что господин Рахман согласен нас доставить в Рангун.

— Что ты говоришь! — возмутилась Регина, но тут же спросила: — А почему ты так думаешь? Что за глупость?

— Он не был сердитый, — ответила Дороти. — Он — торгаш. Он думал, как бы нас... использовать.

— Ты в самом деле так подумала? Нет, чепуха! Бред твоего жалкого мозга.

Но мысль Дороти, несмотря на отрицание ее Региной, запала той в сознание. Она подошла к окну каюты

и, глядя на птиц, летящих за кормой баггалы, шептала, рассуждая:

— Но что он хочет? Сколько ему обещать...

— Принесли воду для омовения, потом чай и сладости. Я растолстею, подумала Дороти, и стану такой же соблазнительной, как Регина. Правда, сладостей много не съешь.

Потом Дороти попросила разрешения у госпожи выйти на палубу. Сама Регина на палубу не пошла, потому что плохо выглядела, но Дороти отпустила и велела ей внимательно прислушиваться и приглядываться. Как будто Дороти была арабкой.

На палубе было прохладно. Моросил дождик, но ветер дул ровно и судно несло быстро... к Оману? Где это, Оман?

— Доброе утро, — сказал горбун.

Он неслышно подошел к Дороти. Глаза его опухли и поблескивали где-то глубоко, обведенные почти черными кругами.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила Дороти.

— У меня внутри есть болезнь, — сказал Камар. — Но в Каире живет один доктор, знаменитый на весь мир. Он обещал вылечить меня травами.

Дороти чувствовала к молодому человеку жалость. Ей хотелось что-нибудь сделать для него.

— Вы хорошо говорите по-английски, — сказала она. — Просто замечательно.

— Я хочу поехать в Англию, — ответил молодой человек, — я буду учиться в университете Оксфорда. Я несколько лет готовился. У меня был учитель, отец купил его у пиратов. Но потом он умер. Сейчас я хочу найти другого. Не хотите ли стать моим учителем?

Молодой человек робко улыбнулся, и вдруг Дороти увидела, что камешек в кольце немного потемнел. Осторожно!

Дороти было странно сознавать, что Камар может ей чем-нибудь угрожать. Слишком безобиден и робок был его черный взгляд. Но камешку она уже верила.

— Разве женщина может быть учителем по вашему закону? — спросила Дороти.

— В некоторых обстоятельствах может, — туманно ответил Камар.

Они замолчали. Дороти не стала задавать более вопросов, потому что не хотела ответов на них.

— Ваш отец, — спросила тогда Дороти, чтобы переменить тему разговора, — ваш отец в самом деле не изменит курс вашего корабля? — спросила она.

— Это очень дорого стоит, — ответил Камар.

— Но с каждым часом мы уносимся прочь от Рангуна? — спросила Дороти, глядя, как легко судно разрезает волны.

— Может быть, — странно ответил Камар.

— Моя госпожа готова хорошо заплатить.

— Каждый день стоит много золотых монет. Нас ждут в Омане перекупщики. Вы просто не представляете, сколько мешков с пряностями лежит у нас под ногами.

— Я думаю, что муж миссис мистер Уиттли оплатит вам ваши расходы.

Камар вдруг улыбнулся.

— Мы привыкли, — сказал он искренне, — не доверять неверным. Вы, христиане, не держите своего слова. — Вы обманщики.

— Далеко не все!

— Бывают, наверное, исключения.

— Среди ваших людей тоже много обманщиков.

— Разумеется. Но у нас другая хитрость и другая ложь.

— А сколько стоит изменить курс?

— Спросите у моего отца, — сказал горбун. — Я бы сделал это бесплатно.

Он слишком пристально смотрит на меня, от него исходят горячие волны... мне становится сладко и страшно. Но и жалко его.

— Лучше за все платить, — сказала Дороти, отворачиваясь от Камара.

— Тогда платите вперед, — сказал Камар.

Дороти бросила взгляд на камешек. Он еще более потемнел.

Она уже понимала, какого рода опасность исходила от Камара и почему камешек как бы остановился, темнея, на полдороге. Он не мог понять своим каменным компьютером, насколько была опасна для Дороти страсть, охватившая молодого горбуна.

— Я не знаю, как моя госпожа решит уговаривать вашего отца, — сказала Дороти. — Она умная, она сообщит. Например, она может написать расписку...

— А когда мы привезем вас, — печально ответил горбун, — то английский фактор скажет, что нас не знает, а его жена сумасшедшая, подпись которой недействительна. Так было с одним другом моего отца. Он был разорен и повесился.

— Значит, нас ждет дорога в Оман? Откуда вернее всего мы уже никогда не вернемся домой...

— Но в Омани бывают европейцы. Туда заходят португальцы, там бывают голландцы...

— Это все наши враги. Нам нечего ждать пощады...

— Зачем вы согласились пойти в услужение к такой неприятной женщине? — спросил Камар.

У него был смешной акцент. Будто ему было трудно выплевывать английские слова и поэтому он предварительно очищал их от мяса и выговаривал лишь кости слов.

— Чего еще я могла ждать? — ответила Дороти. И следует сказать, что слова молодого араба были ей приятны.

— Я вижу, что вы принадлежите к высокому роду, — продолжал Камар. — Я узнаю сиамскую княжну, когда я вижу одну из них.

— Сиамскую княжну? — Эти слова ничего ей не говорили. Она не была уверена, что слышала когда-нибудь это слово — Сиам. Наверное, это арабское государство. И вдруг ей стало неловко признаться в том, что ее мать — лигонка из Авского королевства. Она не хотела разочаровать молодого горбуна.

— Вы схожи с тростинкой, с гибким побегом розы и губы ваши подобны розовым лепесткам.

— Не надо, — улыбнулась Дороти, — если вы будете продолжать сравнения, вы скоро наверняка меня смутите.

Камар замолчал, Дороти смотрела прямо перед собой, склонив голову за борт и глядя как бежит волна, но чувствовала неотрывный взгляд Камара.

— А вы живете в Лондоне? — спросил он через некоторое время.

— Да, у нас там есть дом, он остался от моего отца.

— Вы не бедствуете?

— О нет! — возмутилась Дороти. Она искренне не считала, что семья Форестов бедствует.

— Так почему же вы пошли в услужение?

— Мне трудно и долго объяснять вам причины, побудившие меня отправиться в плавание.

— Вы скрываете свое истинное лицо?

Дороти не ответила. Потому что не знала, скрывает ли она что-либо, ведь ее никто, даже Блэкберри, об этом не спрашивал.

— Вы мне не доверяете? — спросил Камар.

— Я думаю, как нам добраться до Рангуна, — сказала Дороти.

— У меня есть одна мысль...

— Скажите!

— Рано. Сначала посмотрим, к какому решению придет мой отец.

— А он может изменить решение? — обрадовалась Дороти.

— Каждый человек может изменить свое решение. Даже вы, Дороти.

Он совсем иначе, чем англичане, произносил букву «р» и потому имя Дороти в его устах звучало почти незнакомо.

Из двери в каюту выглянула Регина. Она быстро взглядела, где и с кем стоит Дороти, и закричала:

— А ну, сейчас же домой! Я с утра непричесанная!

Регина кричала нарочно громко и грубо. Видно, ей хотелось напомнить Дороти, что та — ее вещь.

Дороти не стала обижаться, она понимала, что хозяйка сейчас расстроена и испугана. Она ее жалела.

Но Камар повел себя неожиданно.

— Если вы только прикажете мне, — сказал он решительно, — я скажу миссис Уиттли все, что я о ней думаю. И о том, на кого можно кричать, а на кого нельзя.

— Не обращайтесь внимания, госпожа расстроена.

— Она должна знать, что вы находитесь под моим покровительством.

— Вот этого она знать не должна. И я тоже...

Камар потупился. И Дороти вдруг поняла, насколько этот немощный человек упрям и упорен. Его урод-

ство послужило ему на пользу, потому что у него не было основания любить здоровых, красивых и стройных людей — ведь не любит же жаба лебедей! Но она может не любить и прочих жаб, потому что в ее глазах они выглядят уродливыми.

Дороти быстро пошла к каюте.

Регина велела ей причесывать себя и особенно проверить, нет ли в волосах вшей или гнид — госпожа была чистоплотна и боялась этих насекомых, бывших самыми обыкновенными жителями большинства париков и причесок того времени. К счастью, на этот раз обошлось, но туалет Регины занял много времени, тем более что потом Дороти пришлось штопать и зашивать платья, наконец — стирать нижнее белье. Дел хватило до обеда.

— Зачем ты стоишь с этим уродцем! — выговаривала между тем Регина своей служанке. — У них, арабов, ничего случайно не бывает. Они страшно коварные.

Интересно, Камар считает коварными европейцев, а Регина — арабов. И обе стороны искренни в своих мыслях и подозрениях.

— Он собирается ехать в Оксфорд, — сказала Дороти. — Он выучил английский, чтобы его туда пустили.

— Надеюсь, этого никогда не случится! — фыркнула Регина.

— А может быть, именно в этом и есть наш шанс? — произнесла Дороти.

— Говори, что ты имеешь в виду. — Регина подняла голову, обернулась. Ее глаза настороженно округлились.

— Англия — ваша страна. И как бы много денег ни было у арабского торговца, я думаю, его сыну очень трудно поступить в английский университет без протекции.

— Я иногда удивляюсь, — сказала Регина, — откуда ты научилась так говорить.

— Из книг, — честно ответила Дороти. — У меня хорошая память и я помню мои любимые книги целыми страницами.

— Какие же у тебя любимые книги? — спросила Регина, не скрывая презрения к любым занятиям Дороти, которыми ей заниматься не положено.

— Разумеется, «Приключения Тома Джонса-найденныша!» — воскликнула Дороти... и еще я люблю «Приключения Гулливера».

— Ах да, — отмахнулась Регина. — Только голову зря забиваешь...

Но слова Дороти запали ей в голову.

— Вы говорили о его желании ехать в Англию?

— Он сказал мне, что господин Рахман не доверяет европейцам. Он говорит, что европейцы обещают заплатить за наше возвращение, а потом забудут о своих обещаниях, — ответила Дороти.

— А что ты сказала?

— Я сказала, что вы можете дать ему расписку.

— А он?

— Он считает, что этого недостаточно.

— Сегодня я снова буду разговаривать с Рахманом, — сказала Регина, — потому что больше терпеть нельзя. С каждым часом мы удаляемся. Я не могу ждать okazji в Омане, потому что должна попасть в Рангун к Джулиану первой и не допустить, чтобы сплетни о моем поведении, о том, как я купила себе билет домой, оказались в Рангуне раньше меня. Ты это понимаешь?

— Разумеется, — ответила Дороти.

— Сегодня я буду предлагать ему все, что возможно, абсолютно все! Я должна купить, выпросить, вымолить...

После обеда Регина одна пошла на переговоры с Рахманом. Дороти осталась в каюте. Там ей не сиделось и она вышла на палубу. Она хотела, чтобы вышел Камар, пускай он расскажет, как там идут дела. Как бы Регина в своем неумном желании попасть в Рангун не наобещала лишнего.

Но Камар не выходил. Уже темно.

Дороти увидела Дейвиса. Оказывается, англичане жили на нижней палубе вместе с матросами. Дейвис жаловался, что кормят плохо, но, правда, не обижают.

И не заставляют работать.

Уже было совсем темно, на темном небе высыпали яркие тропические звезды, над палубой босые матросы зажгли фонари, засветились и окошки в каютах. Дороти стало зябко и неудобно. Она вернулась в каюту.

Вскоре пришла Регина. Она была взбешена. Она прижимала к животу плоскую коробку со своими драгоценностями, на которые делала основную ставку. Но Рахман отказался от драгоценностей, правда предварительно ощупав и обнюхав их. Они показались ему недостаточной платой. Регина предлагала выписать вексель, и это тоже не помогло.

— А как вел себя Камар?

Дороти хотелось, чтобы он вел себя как друг.

— Он молчал, но я помню, что он — на стороне отца. Он — подлец!

— Почему вы так думаете?

— Я знаю людей. Я и сама не святая, мне легче разбираться в людях, чем тебе, потому что ты еще наивная дурочка!

Почему-то Регина сердилась на Дороти.

— А что будет дальше? — спросила служанка.

— Дальше? Он сказал... Я сказала, что согласна на любые его условия. Пускай он их мне предложит.

— А он?

— Он сказал, что они посоветуются с Камаром и сегодня же он скажет мне свои предложения.

В этот момент в каюту заглянул мальчик и сказал по-арабски, что было понято одинаково женщинами как приглашение Регине возвратиться к Рахману.

— Я буду молиться за вас, госпожа, — сказала Дороти.

— Ну что ж, твои молитвы мне могут пригодиться, — рассеянно ответила Регина, думая совсем о другом.

Дороти взглянула на камешек — просто так, почти нечаянно. Камешек был темен. Станный камень — он темнеет и рядом с деликатным Камаром, и рядом с испуганной Региной, которой и дела нет сейчас до своей служанки.

Пока хозяйки не было, Дороти пыталась шить, но руки плохо слушались — чувство тревоги не отпускало ее.

Окончательно миссис Уиттли возвратилась примерно через час.

Слабый свет двух фонарей в каюте все же позволил Дороти увидеть, что хозяйка возбуждена и скорее расстроена, чем рада, хотя от дверей она громко сказала:

— Все в порядке. Мы договорились.

— Но как? — Дороти вскочила и стояла у стола, прижав к груди рукоделие.

— Ужасно! Просто ужасно. Я отдала ему драгоценности. Затем я выписала на его имя вексель на десять тысяч рупий. Я не представляю, сможет ли мой муж собрать такую сумму? Просто не представляю...

— И это все?

Регина ответила не сразу. Она прошла к своему дивану и села на него, подогнув под себя ноги.

— Я ужасно устала, боюсь, голова разламывается!

— И больше ничего не было? — повторила Дороти вопрос, потому что хозяйка чего-то не договаривала.

— Практически все. Да... Практически...

— Что это значит — практически? — спросила Дороти.

— Не считая пустяков! — сердито ответила Регина. — Ты что, спать не собираешься?

— Нет, мы же не ужинали.

— Ах да! Но меня покормили у Рахмана.

Как будто после этого вопрос об ужине отпадал. Дороти могла потерпеть.

— Госпожа!

— Не мешай мне спать! Я устала и плохо себя чувствую.

— Но вы не разделитесь... давайте я помогу вам...

— Отойди! Не смей ко мне прикасаться!

— Вы сердитесь?

— Разумеется, я сержусь! — неожиданно миссис Уиттли вскочила с дивана и уткнула перст в грудь Дороти. — Я сержусь на тебя за предательство, за измену! Я тебе этого никогда не прощу!

— Я не понимаю вас, мэм.

— Еще бы! Тебе невыгодно меня понимать. А сама за моей спиной крутит амуры с горбатым наследником! Я все знаю, вы обо всем сговорились. И я не удивлюсь, если потеряю служанку, которая бросит меня в тяжелый момент и перебежит к грязным мусульманам.

— Что вы говорите?

Регина не ответила, потому что в дверь постучали, вошел мальчик и сказал что-то по-арабски, обращаясь к Дороти.

— Что он говорит? — спросила Дороти.

— Зовет тебя на свидание к твоему ублюдку! — прошипела Регина, но не громко, чтобы не было слышно вне каюты.

— Мне нужно идти? Так поздно? — удивилась Дороти. — Скажите им, что я приду завтра.

Мальчик потянул Дороти за рукав платья.

— Иди, иди, — куда мягче произнесла госпожа. — Только не задерживайся. Мне трудно без тебя раздеться.

Подчиняясь требованию посланца, Дороти сделала шаг к двери.

Настроение у нее было отвратительным, она чувствовала, что происходит нечто страшное и угрожающее, но еще не понимала — что же именно.

Мальчик проводил Дороти в каюту, расположенную этажом выше, чем каюта женщин.

Он постучал три раза в дверь, изнутри донесся знакомый голос.

Мальчик открыл дверь, пропустил Дороти и ушел. За спиной туго хлопнула дверь.

— Добрый вечер, — сказал узкоплечий Камар. Вместо тюрбана на его голове была лишь зеленая повязка, струящийся шелковый халат доставал до пола и даже волочился сзади, шурша по коврам.

Он протянул к Дороти руки, и та только сейчас как следует рассмотрела, какие у него бледные и длинные пальцы.

— Добрый вечер, — настороженно произнесла Дороти. — Почему вы позвали меня? Ведь сейчас очень поздно.

— Потому что Аллах откликнулся на мои молитвы, — хрипло проговорил молодой человек. — Он даровал мне счастье.

— Какое? — решила уточнить Дороти.

— Тебя, — ответил Камар.

— Я вас не понимаю, — сказала Дороти.

— Ты отдана мне. Твоя хозяйка отдала тебя, и поэтому наша баггала уже изменила курс. Если ты выйдешь на палубу и посмотришь, ты увидишь, что звезды расположены на небе иначе, чем прошлой ночью —

мы держим теперь путь не на Южный Крест, а на Полярную звезду в созвездии Малой Медведицы.

Сообщив эти навигационные сведения, Камар замолк, и, так как Дороти все еще не могла найти слов и сил, чтобы ответить ему, он сам продолжил:

— Судя по выражению твоего лица, я могу предположить, что для тебя мои слова — новость.

— Да. — Дороти удивилась, услышав совершенно чужой низкий голос.

— Она тебе ничего сказала? Ай-ай-ай! Я-то думал, что вы обо всем договорились! Я так надеялся, что ты добровольно решила соединить свою судьбу с моей.

— Судьбу... — Дороти ничего не могла понять.

— Ты станешь цветком моего гарема, — сообщил молдой горбун, — ты станешь моей любимой женой.

Он говорил, словно умолял, не смея поднять робких глаз на свою избранницу.

— Как же госпожа мне ничего не сказала?

— Наверное, она думала, что для тебя это будет приятным сюрпризом. Отныне ты будешь жить в роскоши и довольстве. Сними это жалкое колечко...

Он взял с мизинца и протянул ей пышный золотой перстень с изумрудом.

Упоминание о колечке заставило ее посмотреть на камешек — камешек вел себя странно, он как бы подмигивал ей, часто меняя цвет — от розового до черного. И Дороти догадалась, что в том вина не камешка, а Камара, так как у того в голове тоже не было порядка.

— Но как она могла? — спросила Дороти.

— Могла?

— В нашей стране нельзя продавать людей. Я — свободная девушка. Мой отец был королевским слугой. Как такое могло прийти ей в голову?!

— Дорогая моя голубка, цвет очей моих, — сказал горбун, приближаясь к ней и протягивая золотой перстень. — Мы же не в Англии, мы с тобой в Азии, посреди океана. Здесь мало кто знает об английском короле и тем более о ваших порядках.

— Но об этом узнают — ее же будут судить!

— Твоя хозяйка договорилась, что никто и никогда больше не увидит тебя. Ты утонула в пути. Утонула. А в

моем гареме тебя будут звать Фатимой, моя драгоценность. Возьми перстень, возьми, пусть он соединит нас...

Молодой человек уже приблизился настолько, что смог схватить холодными влажными пальцами Дороти за руку и попытался надеть на ее руку перстень. Дороти вырвалась и отступила назад.

— Не смейте ко мне приближаться!

— Ах, какая страстная! — воскликнул в радости Камар. — Какие чувства! Как я мечтал о такой красавице, а не об этих коровах, которых мне подсовывали бедные родственники или корыстный папа!

— Она у меня попрыгает! — пригрозила Дороти. — Она еще пожалует о дне, когда родилась на свет! Торговать живым товаром!.. Да даже неграми теперь запрещено торговать! Я до короля дойду.

— Вай, вай, — умиленно качал головой ее жених.

— Ее сразу разоблачат, — сказала Дороти. — У меня есть свидетели, матросы, которые были с нами в шлюпке.

— Матросов она тоже продала моему папе, и совсем дешево, — сообщил Камар.

— Матросов?

— Заход нашего корабля в Рангун дорого обойдется моему папе. Он показал госпоже Уиттли все расчеты и она согласилась на них. Поэтому она отдала моему папе все свои драгоценности, которые ты унаследуешь, как только станешь моей женой, она выписала вексель на десять тысяч серебряных рупий. Она дала мне рекомендательное письмо в Оксфорд. И все равно бы мой отец не согласился, если бы не моя настойчивая просьба. Из любви ко мне он решил свернуть с пути!

— То есть я была последней гирей на этих весах? — спросила Дороти.

— Мне трудно ответить тебе отрицательно, — сказал Камар. — Возьми перстень.

— И не подумаю. Ни на что не рассчитывай. И если посмеешь дотронуться до меня пальцем, пеняй на себя!

— Я не так слаб, как тебе кажется, — рассердился жених. — Но дело не в этом. Ты должна понять, что отныне для тебя нет пути назад. Ты — моя наложница и, если будешь хорошо вести себя, станешь женой. Но если будешь непокорной, я тебя сломаю.

И тут Дороти поняла, что молодой узкоплечий горбун вовсе не такой человек, каким кажется с первого взгляда. И все его милые беседы у борта лишь призваны были скрыть расчетливую интригу. Дороти была теперь убеждена в том, что не только ее горькая судьба, но и судьба самой миссис Уиттли решалась не столько старым Рахманом, как его стеснительным и вкрадчивым сыном.

— Ты должна простить мне мою слабость, — изменил тон Камар. — При виде тебя, гурия, я теряю рассудок. Я не знаю, что со мной творится... такого не было никогда.

Он оттеснял ее к дивану, и маневр был очевиден для Дороти, но она отступала, будто не догадывалась. Она знала, что успеет нырнуть в сторону.

Когда она почувствовала, что до дивана остался один шаг, она спросила:

— Значит, вы все еще собираетесь поступать в Оксфорд?

От неожиданности горбун остановился.

— Почему ты спрашиваешь?

— А другие ваши жены не знают английского?

— Почему ты это спрашиваешь?

— А вам хочется получить учительницу? Ведь вы говорите с акцентом, господин Камар. Любой догадается в Оксфорде, что вы не настоящий джентльмен.

— Я поступлю, потому что миссис Уиттли написала рекомендательное письмо, — ответил Камар. — Это была самая важная статья нашего договора.

— А это значит, — постаралась улыбнуться Дороти, — что вам не видать Оксфорда как своих ушей! Она не пустит вас в Англию!

Камар разгадал смысл слов Дороти. Он даже не стал спрашивать почему, а улыбнулся, показав коричневые зубы:

— Наоборот, моя драгоценная жемчужина, — сообщил он. — Пока ты у меня, пока ты поешь в моей золотой клетке, я в полной безопасности. Миссис Уиттли в лепешку расшибется, только чтобы добыть мне место в Оксфорде. Меня объявят сыном магаджди Майсура, а может, и наследником престола Великих Моголов. Ты не знаешь, моя драгоценная, с какой легкостью и даже

облегчением твоя госпожа продала тебя мне. И я думаю, что вся история с пиратами, вашим бегством в шлюпке — выдумки миссис Уиттли. Ты знаешь правду. И ты ей опасна.

Господи, насколько близко он подобрался к правде! Ведь он прав — наверное, Регина давно кается в том, что слишком много рассказала служанке о своем приключении на «Клариссе». Ведь все люди меряют окружающих по своим меркам...

— Дороти, пойми, — задумчиво и без волнения произнес Камар, — все люди грешные и слабые создания. И нам кажется, что окружающие даже хуже нас. Так думает и твоя хозяйка. Если она ради своих интересов может продать половину твоей Англии, то она так же думает и о тебе. А ты готова продать свою госпожу?

— Кто ее купит! — вырвалось у Дороти. Так она была сердита.

Камар тихо засмеялся, и Дороти упустила тот момент, когда он схватил ее за плечи, цепко, словно тигр добычу, и повалил на диван, упав сверху на нее.

— Ах ты, мерзавец! — вскричала Дороти, в которой, несмотря на смешанное происхождение, вскипела гордая кровь английских девушек. Она вовсе не потеряла присутствие духа, не испугалась и не отбивалась бессмысленно и беспомощно, как лань в когтях хищника, а схватила его за длинный костистый нос и что было сил повернула его, как ручку крана.

С отчаянным воплем магараджа Майсура и наследник Годванны возопил и отпрыгнул от нее так, что со всего размаха опустился на ковер колючавым задом так, что из-под ковра послышался хруст досок.

Он не сразу смог вернуть речь и, так как из носа потекла кровь, принялся вытирать кровь подолом халата. А свободную руку воздевал к потолку, будто призывая на помощь своего Бога.

А Дороти тем временем вскочила с дивана и вертела головой, стараясь отыскать какое-нибудь оружие, но как назло все предметы в каюте были мягкими, если не считать подсвечника и кувшина. Подсвечник и оказался Дороти лучшим оружием. Она протянула к нему руку...

— Как ты посмела... — услышала она глухой голос Камара. — Ты хотела сделать мне больно!

— А ты? — спросила она резко.

— Я же хотел любить тебя! Я хотел сделать тебя богатой и счастливой! А теперь я истеку кровью.

— Не истечешь, — ответила Дороти.

Камар подполз к круглому гонгу, незамеченному Дороти, и, достав из-за него колотушку с мягким шаром на конце, ударил два раза.

— Так, — успела сказать Дороти, — один не справился, папу зовешь на помощь?

Но это был не папа, а два матроса в шальварах, куртках и красных фесках. Они остановились в дверях каюты.

В их глазах отразился ужас при виде безобразной сцены.

Посреди каюты стояла растрепанная, но невредимая английская девушка, а их господин сидел на полу, угрожая ей колотушкой от гонга и придерживая у лица полу белого халата, измазанного кровью.

— Привязать! — приказал молодой хозяин, показывая на столб, поддерживавший потолок каюты.

Дороти, понявшая смысл жеста и слова, ничего не успела сделать, как мамелюки схватили ее и привязали к столбу тонкими веревками, которые тут же впелись в руки, и стало страшно больно...

Один из мамелюков помог Камару подняться. Тот пошел к выходу. Потом обернулся и произнес:

— Я скоро вернусь. Как только лекарь остановит кровь. И я накажу тебя, как наказывают непокорных сучек. Ты поняла, дрянь неверная?

— Я поняла, господин магараджа, слушатель университета в Оксфорде.

— И в Оксфорде я тоже буду! А вот будешь ли ты жива, зависит теперь только от твоего послушания. Иначе ты обретишь судьбу худшую, чем смерть. И будешь молить о смерти!

Неожиданно Камар всхлипнул. И совсем другим голосом произнес:

— А я так хотел, чтобы мы с тобой любили друг друга!

Он показал на пол — на ковре лежал золотой перстень с изумрудом. Мамелюк поднял его, и Камар надел его себе на мизинец.

Дверь закрылась.

Дороти осталась одна. Она могла бы кричать, но не принимала, что те, кто услышат ее, включая птичку Уиттли, лишь заткнут уши, проклиная нарушительницу их безмятежного покоя.

В тот день комиссар Милодар был вне себя. Его беспокойство разделял профессор Гродно. Милодара мучило предчувствие страшной опасности, грозящей его агенту, а Гродно уловил тревожные изменения в пульсе и кровяном давлении Кору Орват, лежащей подвешенной в анабиозной ванне.

— Да, — согласился он с Милодаром, который третий раз уже звонил ему, — там, в прошлом, происходит что-то крайне опасное. Дороти Форест попала в беду.

И тогда комиссар Милодар совершил служебный проступок. Он направил в Галактический центр гравиграмму о космической опасности категории АБ, что позволяет комиссару планеты распорядиться ее энергоресурсами для спасения жизней. Если же оказывается, что тревога была ложной, а комиссар планеты не имеет в Галактическом центре достойных покровителей, можете считать, что он остался без работы. Но Милодар сделал это. И пошел на страшный риск.

— Я же не могу! — кричал он по видеку на профессора Гродно, будто тот был в чем-то виноват. — Я не могу потерять лучшего агента в трех метрах от цели. Это галактический скандал. И все из-за жалкого сквалыжничества энергетиков. У них, видите ли, парниковый эффект! У них, видите ли, не хватает холодильных установок, чтобы поддерживать жизнь на Земле... Все! Даю сигнал АБ!

Дав сигнал и потратив еще два часа на продолжение скандала, Милодар получил энергию ровно на три минуты пребывания голограммы комиссара в 1799 году.

Комиссар примчался к профессору Гродно, и первым делом они, подключившись к датчикам беспокойно спавшей Кору Орват, увидели Индийский океан сверху и, определив корабль, на котором находится Дороти, начали быстрый спуск к нему, чтобы сначала рассмотреть место действия, войти в курс дел, а если

нужно, появиться рядом с Дороти и приободрить ее. Или спасти...

Бескрайний темно-синий простор Индийского океана, освещенный звездами и луной треугольник, покрытый кое-где белыми завихрениями циклонов, быстро приближался. Уже потерялись из виду окружающие его земли. Через несколько минут снижения обнаружился и искомый корабль.

— Странно, — заявил Милодар, — я думал, что они уже добрались до Рангуна. Почему они еще в океане?

Профессор Гродно и его язвительная ассистентка Пегги, ничего не ответили.

— Но это не тот корабль! — закричал комиссар. — Смотрите, это какая-то рыболовная шхуна с косыми парусами. А ну, выключай аппаратуру. Ошибочное наведение!

— Подождите, комиссар, — сказал профессор. — Не исключено, что корабль «Глория», на котором должна плыть ваша девица, потерпел крушение, утонул, попал в руки пиратов.

— Это пираты?

— В древности людей подстерегали в океане различные опасности.

Тем временем аппаратура дала еще большее увеличение, и, подключив источники ночного видения, Милодар смог убедиться, что этот корабль не такая уж маленькая рыболовная шхуна — это значительный океанский корабль...

— Дхау, — послышался голос Пегги, которая тем временем включила справочный дисплей. — Вернее всего баггала, что означает по-арабски «мул».

— При чем тут арабский! — закричал взволнованный Милодар. — Какие еще арабы! Мы находимся восточнее Индии.

— По данным наблюдения эта баггала построена в Омане, — продолжала Пегги. — Две палубы, каюта команды на нижней палубе, каюты командиров и хозяев — на верхней занимают корму по примеру европейских судов. Две мачты с трапециевидными парусами, высота грот-мачты — двадцать пять метров, верхний конец грот-реи — сорок метров. Длина судна сорок шесть метров, ширина одиннадцать. Баггала держит курс на Рангун и в

настоящее время находится в Бенгальском заливе в трех днях хода от цели.

— Даже так? — с сомнением в голосе произнес комиссар.

— Значит, «Глория» утонула, а наша героиня спаслась на арабском судне, — пояснил профессор Гродно, который, будучи самым образованным, считал своим долгом объяснить окружающим суть событий.

Все они не отрываясь смотрели на экран, где, вырастая и тем оправдывая предположения Пегги, белели паруса арабского судна. Милодар кинул взгляд на Кору, будто боялся, что она подведет и направит исследователей по ложной дороге.

...Вот они приблизились к палубе и, невидимые для арабских моряков 1799 года, направились к каюте на корму.

Дверь в каюту была заперта. По обе стороны от нее стояли могучие воины с обнаженными саблями, видно, стерегли важную персону.

— Ничего не понимаю. — Милодар снова обратил взор к подвешенному в саркофаге телу Кору за подсказкой. Брови Кору были нахмурены. Ее генетическая память была глубоко встревожена, на что указывали, и уже не первый день, приборы профессора Гродно. Но за последний час приборы буквально взбеленились. Их зашкаливало.

Взор камеры временного видения проник сквозь двери...

— О нет! — воскликнул Милодар. — Я этого не потерплю!

Глазам наблюдателей из будущего предстала чудовищная картина: Дороти Форест — отдаленный предок Кору Орват, надежда не только Земли, но и всей Галактики, была примотана тонкими шелковыми шнурами к столбу, поддерживавшему потолок устланной коврами каюты. Одежда ее была кое-где разорвана, глаза были зажмурены от боли и унижения.

— Что случилось? — воскликнул Милодар. — Нет, вы мне ответьте, что случилось? — Он схватил профессора Гродно за воротник и стал трясти его, возможно намереваясь задушить, но Пегги бросилась на выручку к профессору, которого намеревалась женить на себе, и

принялась отрывать от него комиссара. Еще минута и женить было бы некого.

— Ну и что ты придумала, негодная? — услышали драчуны незнакомый голос и под влиянием его Милодар отпустил профессора и даже помог ему подняться, чтобы лучше видеть происходящее на экране.

Они увидели, что в каюту вошел узкоплечий молодой человек с небольшим горбом, который почти не искажал его фигуры, но как-то склонял ее в сторону. У молодого человека были длинные руки с голубоватыми пальцами, лицо его под зеленой повязкой, схватившей длинные черные волосы, было смутным, оливковым, а спрятанные под тяжелыми веками глаза затенены длинными ресницами. В молодом человеке было нечто вкрадчивое, женское, что подчеркивалось изысканной одеждой — расшитым розами шелковым халатом, зелеными атласными шальварами, золотыми туфлями с высоко поднятыми носками.

Пальцы рук горбуна были усыпаны перстнями, особенно выдавался массивный золотой перстень с большим изумрудом на мизинце. Он держал в правой руке шелковый платок, который прижимал к носу, словно страдал насморком.

Молодой человек явно был здесь хозяином. За его спиной воины закрыли дверь.

— Готова ли ты стать моей возлюбленной, дорогая моя газель, отрада моих очей? — спросил молодой человек на старательном ученическом английском языке, с гортанным акцентом.

— Никогда! — ответила Дороти.

— Будь разумна, — сказал молодой человек, останавливаясь перед Дороти. — Тебя никто не спасет, никто не придет на помощь. Твоя госпожа и видеть тебя не хочет — ей лучше ты мертвая, чем свободная. Лучше покорись мне, награди меня своими ласками, полюби меня хоть в малую толику того, как я тебя обожаю! Ты будешь счастлива! Это говорю тебе я, Камар, величайший из величайших!

— У вас руки потные, — сказала Дороти, выждав паузу.

Камар хлопнул губами и ничего не ответил.

В этой тишине по другую сторону экрана комиссар Милодар произнес:

— Молодец, девчонка. Как жаль, что она давно жила, я бы ее завербовал!

— Она отняла у него инициативу, — сказала Пегги. — Это лучший ход для женщины в ее положении.

— Ты меня не оскорбила! — ответил наконец молодой человек.

— У вас плохо пахнет изо рта. И вообще я вас не люблю! У меня есть жених в Лондоне. Он штурман на большом корабле. От одного выстрела его пушек вы все пойдете ко дну.

— Ха-ха-ха! — картинно рассмеялся горбун. — Невесты штурманов не служат горничными глупых английских миссис.

— Справедливо, — заметила про себя Пегги, которая ревность к Коре порой переносила на Дороти.

— Я сделал все, что от меня зависело, — сказал тогда Камар. — Я старался уговорить тебя, я пытался соблазнить тебя, я был добрым и отзывчивым. Я мечтал, как мы с тобой будем жить в Оксфорде и гулять рука об руку по дорожкам тамошнего королевского парка. И все прахом! Ты оказалась неблагодарной и грубой девкой и мне придется изменить отношение к тебе.

Камар хлопнул в ладоши, и оба мамелюка вошли в каюту.

— Есть два способа как учил меня мой папа, достойный ар-Рахман, — сообщил он. — Можно выпороть тебя так, что с тебя слезет кожа и ты поймешь, что значит не слушаться своего повелителя.

— Ты мне не повелитель. Мой повелитель его величество король Англии! — гордо заявила Дороти.

— Есть договор о продаже невольницы Фатимы, — ответил Камар, — и давай не будем более препираться. Я собираюсь в Оксфорде учиться на адвоката и тогда мы будем спорить. А сейчас мне надо тебя переломить. Как говорит мой дедушка Гуссейн ас-Саббах — если кобылицу не объездишь с первой ночи, считай, что ты лишился лошади. Ну, ты сдаешься добровольно?

— Не сдавайся, — прошептал Милодар.

— В те времена все было проще, и в конце концов каждая женщина хочет выйти замуж. Что и предлагают вашей подопечной, — возразила Пегги.

— Что вы говорите! — схватился за голову Милодар. — Она же выполняет задание!

— Не совсем она, — сказала Пегги, но ее никто не слушал.

Пощелкивая бичами, два мамелюка приближались к девушке. Дороти закрыла глаза.

— Ну нет! — засмеялся Камар, уловив страх девушки. — Зачем мне избитая наложница. Это была шутка.

По его знаку мамелюки нехотя засунули бичи за пояса.

— Привяжите эту тигрицу к дивану — только покрепче. Покрепче — привязывайте к ножкам, я не хочу, чтобы меня исцарапали. Пусть она, беспомощная, лежит на спине...

Мамелюки отвязали Дороти от столба, и она пыталась сопротивляться, но видно было, как онемели ее опухшие руки от веревок, как она ослабла...

Один из мамелюков спросил что-то у Камара, и тот ответил по-английски:

— Нет, одежды с нее пока не срывайте. Я сам это сделаю, у меня есть нож. Нет ничего приятнее насилия под взглядом ненавидящих глаз...

Он отступил на шаг назад, с наслаждением глядя на то, как мамелюки привязывают распластанную Дороти к дивану.

— Нет, — воскликнул Милодар, — я такого больше не выдержу. Я ее должен спасти.

— Вы благородный человек, — согласился профессор.

— При чем тут благородство? Операция под угрозой срыва!

И тогда Милодар схватил с вешалки белое полотенце, включил галактическую связь, рванул экстренный рубильник Земэнерго и закричал:

— Чрезвычайная ситуация по группе А! Моей голограмме необходимы три минуты в прошлом! Срочно!

Он скрестил руки на груди и шагнул на площадку трансформации.

Наконец Дороти была надежно прикреплена к дивану. Ее руки, вытянутые вверх и в стороны, были привязаны к двум витым ножкам в изголовье, а ноги примотаны за щиколотки к двум другим ножкам дивана.

— Ты грязная свинья! — прошипела Дороти, и после некоторого колебания обиженный Камар заткнул ей в рот свой шелковый платок, который он держал у все еще кровоточащего носа.

Затем он вытащил из-за пояса небольшой, с загнутым концом, кинжальчик и, громко засопев от предвкушения, полоснул им по платью Дороти так, что ни капли крови не показалось на ее груди, но ткань разделилась пополам, обнажив бюст девушки.

Дороти глядела на Камара с ненавистью и ужасом. Казалось, что глаза ее стали вдвое больше.

Куда же делся будущий студент Оксфорда, адвокат, представитель цивилизованного поколения оманских судовладельцев?

Пегги и профессору Гродно было очевидно, что он скоро добьется своей грязной цели! Где же комиссар Милодар?

Но вдруг сзади послышался странный шум, будто кто-то сидящий в медном кувшине стучался, просился выйти.

От неожиданности Камар, который не отличался отвагой, выпрямился.

Оба мамелюка, которые лишь отступили к дверям, но не покинули каюту, чтобы не оставлять своего хозяина перед лицом возможной опасности, также обратили свои взгляды к большому медному кувшину, что стоял на низком столике в углу каюты.

Вдруг из узкого высокого горла кувшина поднялся столб дыма, ударился о потолок и расплылся грибом.

Шум внутри кувшина все усиливался. Камар побледнел.

И вот, все вырастая и вырастая из кувшина, стал подниматься человек с резкими чертами лица, острым крупным носом и головой, обмотанной белой чалмой.

Он становился все больше и больше, впрочем, истинные его размеры никто из присутствующих не смог осознать, потому что мамелюки уже поняли, кто к ним пожаловал, и рухнули ничком на пол, уткнув носы в ковер, а Камару стало дурно и он мелкими шажками отбежал в угол, не смея притом оторвать взгляда от джинна. Ударившись задом о кальян, он от неожиданности сел на пол...

— О ничтожный горбун, исчадие породившей тебя грязной плоти! — возопил по-английски джинн. — Твое счастье, что я успел на помощь несчастной жертве твоего разврата до того, как ты сделал свое черное дело и потому ты останешься жив... конечно, если будешь вести себя достойно.

— Кто ты? — прошептал Камар, которого удивило знание джинном английского языка настолько, что он смог преодолеть любопытством ужас.

— Я джинн Британских островов, — согласилась просветить его голограмма Милодара с повязанным на голове полотенцем из лаборатории. — И я куда более могуч, чем все джинны Аравии вместе взятые... хотя, впрочем, мы не портим отношений. А ты обречен. Если будешь спорить со мной, то смерть твоя будет ужасна! Я тебя отправлю замерзать в Антарктиду!

— Ой! — взвыл Камар, который не знал, где находится страшная Антарктида, а Милодар конечно же забыл, что в то время она еще не была открыта.

— Сейчас же развяжи несчастную девушку.

— Сейчас... — Трясушимися руками Камар стал развязывать руки Дороти. Он не догадался позвать на помощь мамелюков и потому долго возился с узлами.

— Эй! — обратился к мамелюкам Милодар, — помогите бы господину.

Но, во-первых, мамелюки не знали английского языка, а во-вторых, они уже давно выползли из каюты и умчались к господину ар-Рахману, чтобы, трепеща от пережитого страха, поведать ему, в какую передрыгу угодил его сын.

Наконец Камару удалось распутать руки Дороти и она сама, вытащив изо рта кляп, села на диван и непослушными отеками пальцами принялась отвязывать ноги.

— Слушаешь ли ты меня, ничтожный Камар? — спросила голограмма Милодара по возможности грозным голосом.

— О да, английский джинн! — ответил Камар.

— Если ты только посмеешь когда-нибудь дотронуться пальцем до Дороти Форест, которая находится под моим особым покровительством, у тебя отсохнет твоя паршивая рука. Чтобы остаться живым, ты должен

будешь покорно отправить девушку на берег в Рангуне так, словно она настоящая принцесса? Ты понял?

— Понял.

— Ну и хорошо, — с облегчением заявил Милодар, довольный тем, что ему удалось спасти Дороти, которая также была испугана, но в ее положении ей не из чего было выбирать и она предпочла иметь дело с джином, чем со сладострастным Камаром.

Затем Милодар обернулся к Дороти и сказал:

— Мое время истекает. Тебе же предстоит найти Зеркало Зла в чаше Лигона. Зеркало Зла... Прощай, я не могу более с тобой находиться...

— Пойдите! — закричала девушка вслед Милодару, который уже втягивался обратно в медный кувшин, — не спешите! Я ничего не понимаю.

На самом деле Дороти звала джинна вернуться, потому что боялась остаться без его защиты. Она была человеком своего времени, верила, разумеется, в чудеса, в ведьм и чертей, вполне допускала существование джинов, только не дома, в Англии, а на Востоке. Слышала о них в сказках... Английский джинн — это была нелепица и поверить в него даже ей было нелегко. Но кем бы ни был этот волшебник, лучше иметь его под боком, потому что тот же Камар может и забыть об обещании, вытянутом из него под угрозой.

Но джинн исчез в кувшине, Камар несмело поднялся с ковра и остался стоять в нерешительности, со страхом поглядывая на Дороти.

И тут в дверь ворвался уважаемый ар-Рахман.

Дело в том, что ар-Рахман лишь производил впечатление человека пузатого, узкоплечего и немощного. На самом деле не исключено, что в предыдущем рождении этот человек был тигром или даже удавом — так он умел справляться с конкурентами и врагами. В голове вместо мозга у Рахмана находилась дьявольская счетная машинка, он мог превратить в золото все, чего касались его темные руки. И у Рахмана была лишь одна слабость в жизни — горбатый сын Камар, которому он должен был отдать все свои богатства и которого он мечтал видеть рядом с собой у штурвала. Пока что Камар оправдывал надежды отца, он отличался упорством и усидчивостью, он выучил язык неверных, чтобы

уехать в город Лондон. Ну что ж, думал Рахман, мы его сделаем князем в Англии, раз у нас есть золото.

Когда же три минуты назад в каюту хозяина ворвались перепуганные мамелюки и, трясясь от ужаса, стали рассказывать о том, что на Камара напал английский джинн, выползший из кувшина, уважаемый ар-Рахман не затрясся сам, а схватил со столика два заряженных пистолета и кинулся прочь из каюты, крикнув мамелюкам:

— Трусливые ублюдки, да гореть вам в аду!

Еще через минуту он ворвался в каюту Камара и застал там странную и совсем неожиданную сцену.

Его сын стоял в одном конце каюты, прижав к груди трясущиеся руки, а на диване в другом конце каюты сидела подаренная Камару отцом английская невольница, из-за которой приходится плыть в этот проклятый Рангун. С ее ног и рук свисали веревки, которыми она была недавно связана.

— Что? Что здесь было? — тонким голосом закричал хозяин багалы.

Срывающимся голосом Камар рассказал ему, показывая на медный кувшин, как из него вылез английский джинн и как он заставил Камара отказаться от невесты.

— Здесь? — спросил ар-Рахман, подходя к кувшину. — Отсюда он вылез? А ну, вылезай снова и мы с тобой померимся силой!

Не надо думать, что ар-Рахман всегда был таким от-важным. Наоборот, как и любой удачливый торговец, он был удачлив и отважен в замыслах, хитростях и планах, но конечно же он не любил драться на кулаках.

...Из кувшина никто не вылез.

Тогда обезумевший от пережитого страха за свое любимое чадо отец сунул дуло одного из пистолетов в горло кувшина и выстрелил. От выстрела кувшин упал на пол и покатился, а пистолет отдало так, что Рахман выронил его из руки.

— Ну, где твой джинн, ведьма? — закричал Рахман, тряся рукой.

— У него дела в Англии, господин, — вежливо ответила Дороти.

Следует упомянуть, что разговор этот происходил один на один. От страха и волнения обе стороны от-

лично понимали друг друга без переводчика, который все еще дрожал в углу.

— Так вот, — сказал Рахман и схватил с пола кувшин, подходя к окну в корме баггалы. — Уплывай-ка в свою Англию. Чтобы мы тебя здесь больше не видели!

Ар-Рахман широким жестом выкинул кувшин в океан. Только птица-мать, уводящая от гнезда страшного хищника, могла бы сравниться в отваге с купцом ар-Рахманом, который, надо сказать, ни секунды не сомневался, что в этом кувшине скрывается или недавно скрывался иноземный джинн.

Блеснув под первыми лучами рассвета, кувшин ухнул в темное море.

Рахман опустил руки и сказал усталым голосом:

— Делай с ней, что хочешь, сынок.

— Нет! — закричал Камар. — Нет, отец! Я не дотронусь до нее никогда! Она ведьма! Джинн сказал, что у меня отсохнут руки, если я дотронусь до нее. Мне она отвратительна.

— Да, — вздохнул Рахман, — ты не смел, мой сын. Но дело твое. Тогда мы продадим ее в Омани на невольничьем рынке. Такие кошки там высоко ценятся. Ты слышишь?

Осмелев, он подошел к Дороти и сунул ей под подбородок дуло пистолета так, что она была вынуждена поднять голову.

— Ты будешь проклинать тот час, когда посмела обидеть моего сына!

— Отец, отойди, она же ведьма! — закричал Камар.

— Не бойся, я ее руками не трогаю, — откликнулся Рахман. Он тоже не хотел рисковать более, чем было разумно.

— Ее никто не должен трогать, — повторил Камар.

Дороти же, ненавидя старого купца за то, что он тычет ей в лицо дулом пистолета, улучила момент и рванулась в сторону. Рахман от неожиданности спустил курок, раздался громкий выстрел, и круглая пуля вонзилась в стену.

Дороти отскочила от него. Она и в самом деле была похожа на пантеру.

— Ну что, стреляйте! — закричала она.

— Зачем же я буду стрелять в собственные деньги, — засмеялся Рахман, который быстро пришел в себя.

Он призвал мамелюков, но других, посмелее. Тех, кто покинул его сына, ждали плети.

Мамелюки взяли Дороти под стражу, а матросы за час соорудили клетку из бамбуковых стволов с решетчатым полом и потолком. Клетка была кубиком, в который втиснули Дороти. Она была так мала, что Дороти могла лишь сидеть в ней, прижав к себе колени. Затем клетку привязали к канатам и подняли на рею.

Рассвело. Солнце показалось над горизонтом. Дороти качалась в клетке высоко над головами людей, которые стояли на палубе, задрав головы.

— До Рангуна она повисит так, — сказал Рахман. — Ахмат, ты будешь кидать ей лепешку и поливать водой. Пускай придет в себя. Но не касаться ее. Она — ведьма.

И он гордо ушел с палубы, оставшись в глазах поданных победителем джиннов.

За ним поспешил его сын, который не хотел больше смотреть на свою возлюбленную.

Остальные члены команды выходили глазеть на то, как в клетке высоко над головами качается английская ведьма. Все уже знали, что она — ведьма и ее защищает английский джинн, которого победил хозяин. Застрелил из пистолета и выкинул в море. Честное слово, многие видели!

Над Дороти смеялись, дразнили ее, но издали. И самое странное — Дороти легла, свернулась калачиком и мирно заснула.

А комиссар Милодар, вернувшийся из недолгого визита в 1799 год, сказал профессору Гродно:

— Надеюсь, что теперь они будут обращаться с ней, как с наследной принцессой. Вы бы видели, как они падали в ноги моей голограмме.

Глава 7

ЛИГОНСКАЯ ПРИНЦЕССА

Баггала досточтимого ар-Рахмана вошла в устье реки Рангун во второй половине дня в воскресенье. Капитан баггалы хотел кинуть якорь до темноты, по-

тому что в своем устье река Рангун — часть дельты великой реки Иравади — не только подвержена приливам и отливам, но течет по такой плоской местности и несет с собой столько ила, что фарватер ее постоянно меняется. Хоть баггала заходила сюда раньше, у Сириама пришлось подождать бирманского лощмана — лодки местных лощманов дежурили там, чтобы провести по предательскому фарватеру торговые суда.

Дороти наблюдала за всеми этими событиями с большой высоты. Ей страшно хотелось пить — начинался третий день ее плена в бамбуковой клетке, подвешенной высоко к реке. Дороти не кричала, не жаловалась и не звала на помощь. Она терпела. Она надеялась, что ее не убьют, а когда накажут достаточно, то отпустят вниз.

У Дороти было время подумать, что же за мужчина в белой чалме прятался в кувшине, который потом выкинул за борт ар-Рахман. И правда ли, что старый купец убил этого джинна из пистолета? Наверное, убил — попробуй остаться живым внутри медного кувшина — да тебя порохом сожжет! И все же джинн хотел помочь ей и лицо его было знакомо. Не встречала ли она его в Лондоне?

Воды ей давали лишь два раза в сутки — матрос забирался на рею с кувшином, поливал сверху на Дороти, дразня ее, но потом показывал ей знаком, что она может запрокинуть голову и открыть рот. Дороти подчинялась, и матрос лил ей в рот столько воды, сколько считал нужным.

Потом просовывал сквозь бамбуковые палки лепешку. Так происходило два раза в сутки.

Рея медленно поворачивалась в зависимости от направления ветра, и когда Дороти повисала над морем, она могла облегчить себя — иначе приходилось терпеть. Когда до земли стало близко, появилось много чаек, они стаей неслись за кораблем, подбирали объедки, которые падали в воду, и казалось, что за баггалой несетя крикливое облако.

В ожидании земли все, кто мог, высыпали на палубу. Глядя сверху, Дороти обнаружила, что в недрах корабля таились сотни людей — наверно, не только матросов и пушкарей — Дороти подумала, что баггала везет и пассажиров, может, даже паломников к мусуль-

манским святым местам. Хотя, честно говоря, Дороти не была уверена, в каких странах на востоке люди исповедуют эту дикую религию.

Люди на палубе то и дело задирали любопытные головы, чтобы поглядеть на дикую язычницу, которую пришлось подвесить к мачте, потому что она кинулась, одержимая бесами, на хозяйского сына Камара. Очень страшное сумасшедшее чудовище... не дай Аллах, если вырвется из клетки! Среди этих людей она не видела своих товарищей по путешествию — английских матросов. И понимала, что их Рахман посадил в трюм — зачем им с миссис Уиттли лишние свидетели? Только бы их не убили. Впрочем, Дороти рассчитывала на жадность арабских купцов, которым выгоднее продать человека, чем убить.

В этом описании рассуждений и чувств Дороти таится неточность. Так разумно и спокойно размышлять в клетке, что качается над морем и палубой (того гляди сорвется и ты разобьешься), в которой все время мутит, как мутит любого человека, которого раскачивают, как мячик на веревочке, — было невозможно.

Но все же человек привыкает почти ко всему и кое-как Дороти думала. И трудилась.

А трудилась она над тем, что, изломав ногти, волокно за волокном, распутывала узлы джутовых веревок, которыми были скреплены бамбуковые колья, чтобы в случае возможности можно было раздвинуть их и выбраться из клетки. Ведь в конце концов ее должны же опустить на палубу — вряд ли она будет долго болтаться тут на виду у всего бирманского города.

Но она ошиблась, потому что ар-Рахман использовал дикое существо в клетке, как способ давления на миссис Уиттли. Впрочем, он не спешил показывать свою козырную карту, понимая, что обстоятельства благоприятствуют его замыслу.

Когда показался берег — низкий, как бы полоска, проведенная свинцовым карандашом между желтым, илистым у дельты морем и серым от тонкого слоя облаков и в то же время раскаленным небом, миссис Уиттли вышла на палубу и подошла к борту, разглядывая цель путешествия. Конечно же она была взволнованна, и, хотя по всем законам моря никто не мог обогнать ее на

пути в Рангун, опасения неблагоприятного чуда ее не оставляли.

Стоя у борта и репетируя первые слова встречи с мужем, Регина заметила, что отступившие на почтительное отдаление от нее арабские моряки время от времени кидают взоры вверх и потом переводят их на английскую леди. Проследив за направлением взглядов, Регина обнаружила, что почти над ней, на большой высоте, выше верхушки мачты, так как рея косога паруса поднималась к самым облакам, привязан какой-то ящик.

Так как сначала Регина увидела дно клетки, то она не поняла, что это такое. Но вокруг раздались перешептывания и смешки, из-за спин что-то крикнули и многие засмеялись. Тогда миссис Уиттли сообразила, что нечто, висящее в небе, имеет к ней отношение.

Она пошла вдоль палубы к корме, к входу в свою каюту, чтобы рассмотреть висящую вещь под углом, и наконец увидела, что это клетка, а в клетке сидит человек. То, что этим человеком может быть Дороти, ей в голову не пришло. Но смущение и темные подозрения она не смогла изгнать. Вновь и вновь она поднимала голову и наконец случайно даже встретилась взглядом с существом, заключенным в клетку. На таком расстоянии конечно же даже глаз существа было не разглядеть, но ведь мы чувствуем чужой взгляд! Помимо зрения у нас для этого имеются иные чувства.

Регина не только угадала, что существо в клетке, такое неразличимое, что даже непонятно было, животное это или человек, смотрит на нее, но и ощутила во взгляде враждебность.

Одержимая желанием разгадать тайну существа в клетке, Регина поднялась по трапу на корму, где находился штурвал. Возле рулевого стоял господин ар-Рахман, державший у глаза подозрную трубу, направив ее в сторону приближающегося берега. Между ним и штурвалом стоял бирманский лоцман, одежда которого состояла лишь из куска ткани, обернутого вокруг чресел и конической плетеной шляпы. Конечно, Регина не знала, что видит лоцмана, и не понимала слов, которые тот изредка кидал двум рулевым, поворачивавшим большой штурвал. Ее больше интересовала подозрная труба, которую держал в руке ар-Рахман.

Поздоровавшись, Регина спросила:

— Скоро ли мы будем в Рангуне?

Стоявший рядом с отцом Камар перевел вопрос и ответ:

— Сейчас мы входим в дельту. Видите, какие низкие здесь берега?

Он указал в сторону, и Регина увидела, что справа от корабля показалась желтая глинистая коса, почти неотличимая от жидкой грязи, которую представляла собой вода.

— И сколько нам еще плыть?

— Часа два, не менее.

— А что такое там? — спросила Регина, показывая на далекую клетку?

— Где? В клетке? Разве вы не узнали свою служанку, которую продали нам? — прозвучал ответ.

— Что? Это Дороти? Да вы с ума сошли! Немедленно прекратите! — В этом гневном возгласе прозвучало все душевное смятение Регины, которая, не будучи монстром, конечно же раскаивалась, что была принуждена обстоятельствами так жестоко обойтись с нужной и неплохой вещью, как будто разбить вдребезги самую удобную чашку. Правда, для утешения ей приходилось заставлять себя вспомнить, какой непослушной, неопрятной и нечистой на руку была ее служанка, посмевавшая в тяжелый момент жизни Регины украсть у нее любимое платье. Но подобные внутренние разоблачения не оформившись угасали и не приносили удовлетворения.

— Вы подсунули нам, — сообщил через переводчика ар-Рахман, не скрывая издевки в черных масляных глазах, — вы подсунули ненормальную преступницу, которая чуть было не убила моего сына Камара. Любую иную мерзавку мы бы давно утопили, но лишь из уважения к вам мы решили оставить ее в живых.

— Ну и оставили бы ее в живых в трюме! — крикнула Регина.

Дороти услышала ее крик, даже разобрала слова, потому что на палубе, где десятки людей, напрягли слух, старались понять, что происходит у штурвала, наступила глубокая тишина.

— У нас нет обычая заточать людей в трюм, — сообщил хозяин багалы. — Мы даем возможность нака-

занному дышать воздухом. О нет, мы не жестокие люди!

— Он пытался изнасиловать ее? — спросила Регина, совсем позабыв, что в качестве переводчика в беседе выступает именно насильник.

Камар послушно перевел вопрос, но затем добавил нечто от себя, причем его фраза была длинной и голос все повышался, пока он ее произносил, и кончил Камар на вопле, схожем с женским стенанием. И потому перевести ответ невозмутимого ар-Рахмана ему удалось не сразу. А Регина крутила головой, переводя взгляд с сына на отца, и не сразу догадалась, что имеет не одного, а двух оппонентов.

— Вы продали нам свою горничную, свою рабыню, вы получили за нее то, чего хотели, — Камар показал рукой на приближающийся берег. — Вы вскоре встретитесь со своим любимым супругом. Я же испытал горькое разочарование, потому что человек, — рука указала на клетку, женщина, которую я хотел осчастливить, оказалась дикой кошкой, неблагодарной собакой, которую я лично продам в публичный дом в Омани, чтобы она скорее подохла от дурной болезни, ублажая матросов и грузчиков!

Глаза Камара сверкали справедливым гневом, и миссис Уиттли вдруг испугалась. Пальцы ее непроизвольно сложились в кулачки и поднялись к груди. Ар-Рахман уловил жест и выражение испуганных глаз большой полногрудой птицы, и сказал не без коварства, а Камар, добавив к коварству сарказм, перевел:

— И не следует, уважаемая госпожа Регина, преувеличивать значение этого эпизода. Что прошло, то прошло. Учтите, что вы сама еще не воссоединились со своим супругом. И от нашей доброй воли зависит, насколько быстро это совершится. Вы тоже можете закончить свой путь в публичном доме Омани. Хотя конечно же вы понимаете, что это — лишь шутка.

— Шутка... — упавшим голосом повторила Регина.

— И это все останется шуткой, если ваш муж выполнит обязательства по векселю. Именно поэтому клетка с вашей рабыней, которую вы так легкомысленно продали мне, совсем забыв, что англичане, в отличие от нас, диких и отсталых арабов, не признают рабства.

Если выплата будет задержана, я, может быть, отвезу вашу служанку не в Оман, а в Калькутту. К губернатору.

Регина уже не понимала, что говорил ар-Рахман, а какие угрозы принадлежат горбуну. Потому что ар-Рахман продолжал улыбаться, а горбун говорил, охваченный гневом, он был бледен и даже покачивался, будто готовился упасть в обморок. Его голубые губы стали ничтожкой, глаза исчезли под веками, голос звучал хрипло. Да, в общем, и не так важно было, чьи слова она слышит — эта семейка была заодно. Они выбьют из Джулиана деньги. Они своего не упустят... Если бы не этот проклятый Сюркуф! Ну она добьется, что и его посадят в такую же клетку!.. Ах, при чем тут Сюркуф!

Униженная и оскорбленная миссис Уиттли побежала прочь и под взглядами наглых матросов спустилась по трапу к своей каюте. Нырнула в нее и хлопнула дверь. Вслед ей полетели смешки и даже оскорбления арабов. Ар-Рахман не стал их останавливать, а повернулся к лоцману и принялся задавать ему вопросы о том, какие корабли стоят в Рангуне, кто сейчас пребывает в должности мьозы — то есть королевского губернатора, благоденствуют ли в порту арабские торговые дома, что делают англичане — шел обычный разговор, который ведет владелец корабля, входя в чужой порт. Лоцман отвечал охотно, потому что знал, что от его ответов зависит и размер вознаграждения.

О Дороти и Регине арабы более не говорили, словно не считая их достойными этого.

Прошло еще три часа, прежде чем берега реки Рангун, в которую вошла баггала, поднялись настолько, что на них появилась трава, а потом и кустарники. Затем миновали прибрежную крепость — квадрат вытоптанного пыльного плаца, с несколькими хижинами на высоких сваях, обнесенный земляным валом и тыном. В разрывах тына стояли пушки. Возле них топтались солдаты, всматриваясь в даль, чтобы получше разглядеть входящий корабль. Но так как корабль был хоть и большой, но мирной арабской баггалой, канониры успокоились и один из них даже помахал рукой вслед гостям.

Первой увидела Рангун Дороти. Солнце еще пекло и ей страшно хотелось пить, но о ней забыли в суматохе подготовки корабля к входу в порт. Жажда не мешала Дороти вглядываться вперед и она увидела, как баггала оказалась на месте слияния двух потоков. На правом берегу большого потока находился город, окруженный пальмами, из которых поднимался золотой конус какого-то строения. Налево — а в ту сторону и повернуло судно — виднелся другой город, больше, чем увиденный первым. Он тянулся, сколько хватал глаз, по левому дальнему берегу, и, постепенно поднимаясь, дома терялись в зелени. Как бы не добежавший до реки пологий холм замыкал картину. Может, он был бы не столь заметен, если бы не гигантское сооружение, венчающее его — золотой конус, с небольшим зонтом сверху, высотой, наверное, не меньше, чем сам лондонский Тауэр.

Чем ближе баггала подходила к городу, который, очевидно, был Рангуном, тем самым городом, откуда когда-то уплыла в Англию мама Дороти, тем оживленнее становилась река. По всем направлениям ползли лодки и баржи с высокими загнутыми носами и кормой. Посреди реки стояли на якорях большие корабли, тогда как места у длинных деревянных причалов, за которыми, как и в каждом большом порту, тянулись низкие строения складов, были заняты баржами и речными судами, обладавшими небольшой осадкой. Чуть дальше Дороти разглядела возле реки перед высоким бревенчатым забором нескольких человек в европейской одежде — к счастью, воздух был чист и Дороти с ее острым зрением могла различить их на расстоянии в полмили. Человечки у забора смотрели в сторону баггалы.

Конечно, из своей клетки Дороти не могла разглядеть, что это были за люди. Да и если бы разглядела, все равно бы не узнала — но центром этой группы людей был мистер Джулиан Уиттли, нетерпеливый супруг Регины, который уже несколько дней как выходил на берег встречать приходящие из Бенгальского залива суда, в ожидании «Глории» и «Дредноута», с прибытием которых он ожидал не только воссоединения своего семейства, но и воплощения в жизнь своей мечты — приобретения для Ост-Индской компании и для себя новой колонии.

На этот раз мистер Джулиан Уиттли разглядел, что в порт пришла большая арабская дхау, вернее всего из Омана, что не представляло для него интереса. И, опустив подзорную трубу, мистер Уиттли собирался было вернуться под защиту стен фактории и в тень веранды, опоясывающей ее главное здание, как его заместитель лейтенант Стюарт, принадлежавший к славному, но многочисленному шотландскому клану, воскликнул:

— Сэр, не позволите ли вы мне воспользоваться вашей подзорной трубой, — свою я оставил, к сожалению, в фактории.

— Что вас заинтересовало, друг мой? — спросил фактор.

В отличие от широкоплечего зеленоглазого лейтенанта, покрытого рыжими волосами с ног до головы, Джулиан был обтекаем, сутул, мягок и потлив. Он пропускал сквозь себя по десять пинт жидкости в день, чтобы как-то возместить потери в ней, но тем не менее постоянно мучился жаждой.

— Я удивлен, — сказал лейтенант, поднося к глазу подзорную трубу и вглядываясь в темный предмет, прикрепленный к рее грот-мачты баггалы, — кажется, это клетка и в ней какое-то животное. Я думаю, что они где-то поймали большую дикую обезьяну, которую опасно держать на палубе и губительно — в трюме. Вот ее и подвесили к мачте.

Заинтересовавшись зрелищем, англичане стали передавать друг другу подзорную трубу, и счетовод Бруклин даже заявил, что угадывает в обезьяне злобного орангутана, который водится в Нидерландской Индии и рыж, словно лейтенант Стюарт.

Отсмеявшись, англичане отправились на веранду, где их ждали прохладительные напитки. Здесь, на экваторе, темнота наступала в одно время весь год и потому, чтобы не ужинать при свечах или лампах, привлекая множество насекомых, старшие служащие фактории старались откусать, пока не отгорел закат...

Баггала бросила якорь напротив складов чуть в стороне от фактории.

День кончался. Солнце уже клонилось к земле, и тени стали длинными. Взбешенная подлостью ар-Рах-

мана и его сына миссис Уиттли потребовала, чтобы ее тут же отправили на берег. Ар-Рахман не возражал против этого. Тогда миссис Уиттли потребовала, чтобы купец тут же снял с мачты и спрятал в трюме клетку с Дороти. Но тут ар-Рахман в эмоциональном переводе его сына, ответил, что и не подумает снимать Дороти с мачты до тех пор, пока не встретится с мистером Уиттли и не получит обговоренного вознаграждения. Дороти на мачте — его обеспечение, ибо он не может верить лживой английской женщине, тем более настолько подлой, что она продает своих соотечественников в рабство.

— Что же вы раньше не говорили, что вы — противник рабства? — искренне удивилась Регина, обиженная за такой поворот во взглядах купца. — Вы же сами предложили мне продать... моих людей.

— Почему бы и нет? — произнесли переводческие уста Камара, — мы хотели проверить вас. И увидели лишь бездну подлости. Так можем ли мы и дальше вам верить?

— Можете! — искренне воскликнула Регина.

А купец ар-Рахман отрицательно покачал головой, сложив руки на выдающемся вперед животе.

— Но это бесчеловечно и жестоко держать на мачте живого человека, — обратилась Регина к последнему аргументу — к милосердию.

— Многое зависит теперь только от вас, госпожа Уиттли. Чем скорее ваш муж привезет деньги, тем скорее закончатся мучения вашей рабыни.

— Она не рабыня!

— Мы тоже так думали...

Даже Регина поняла, что разговор грозит пойти по кругу, и стала быстро собирать свой сундучок, облегченный на коробку с драгоценностями. Пока она собиралась, арабы спустили с баггалы шлюпку и словно забыли о миссис Уиттли. Никто не вышел попрощаться с ней, никто не заметил ее отплытия. Купец и его сын были заняты, потому что к баггале подвалила большая лодка с позолоченным носом, изображавшим голову птицы, и резной деревянной надстройкой на палубе. Из этой лодки вылез толстый бирманец в переливающейся шелковой юбке и белой куртке с шариками золотых

пуговиц. Регина догадалась что это — портовый чиновник. И в самом деле это был начальник рангунской таможни, который приехал проверить груз, получить деньги в казну и мзду себе, ничтожному.

Шлюпка, которую выделили для Регины, была маленькой и текла. Два гребца еле шевелили веслами, и Регина хотела, чтобы кто-то из них вычерпал поступающую воду, но когда она, подобрав ноги, показала на деревянный черпак, плавающий в прибывающей воде, один из гребцов наклонился, вытащил черпак и кинул его так, что он плюхнулся на колени Регины. Намек был очевиден, и Регина хотела было объяснить этим обезьянам, что она сделает с черпаком, прежде чем выкинет его за борт, но потом почему-то передумала и принялась вычерпывать воду. Вследствие ее отчаянной работы лодка не успела затонуть, прежде чем добралась до берега.

Лодка ткнулась носом в глиняный скат берега неподалеку от английской фактории. Гребцы не стали вытаскивать Регину и даже ничем не помогли ей. Регине пришлось карабкаться на берег на четвереньках, толкая перед собой сундучок, и когда она вылезла на ровное место, то была вся измазана рыжей грязью. Она подобрала сундучок и сверху на добром английском языке объяснила ухмыляющимся матросам, что она с ними сделает, когда до них дойдут руки. И она была столь зла, что бедным матросам показалось вдруг, что эта белая женщина сейчас заключет их до смерти. Они оттолкнулись веслами от берега и быстро поплыли обратно к баггале.

Погрозив лодке вслед кулаком, несчастная миссис Уиттли побрела к тыну фактории, составленному из толстых тиковых бревен, заостренных на семифутовой высоте — потребовались бы боевые слоны, чтобы справиться с таким забором.

К сожалению, ворота были закрыты, хотя было не только светло, но даже солнце еще не село.

Регина остановилась перед воротами.

Затем обернулась. Баггала, которая опустила паруса, казалась небольшой, зато на нее четко вырисовывалась клетка и Регине показалось, что внутри нее она узнает Дороти.

Регина не знала, что Дороти с ее верхней позиции не только угадывала Регину, но и наблюдала за ней неотрывно с того момента, как ее лодка отвалила от баггалы. И хоть Регина, удаляясь, уменьшалась, Дороти видела ее как на ладони и, даже несмотря на жажду и сосущий под ложечкой голод, не могла не смеяться, глядя как ее бывшая хозяйка вычерпывает воду, взбирается на глинистый обрывчик и бредет к запертым воротам фактории.

Вот она стоит перед воротами и, поставив сундучок в пыль, старается привести в порядок космы. Наконец, отчаявшись, заносит кулак, чтобы ударить в ворота, но замирает.

Затем оборачивается и долго смотрит на баггалу, прикрыв глаза от света козырьком ладони. Она смотрит на Дороти. Как жаль, что я не могу помахать ей в ответ, пожалела Дороти. Она бы еще больше испугалась.

Наконец Регина снова повернулась к воротам и принялась молотить в них кулачком. Через какое-то время в воротах открылось окошко. А еще через минуту распахнулась калитка и впустила Регину внутрь.

Вечером в большой лодке на берег отправились хозяева баггалы — наверное, в гости к своим единоверцам. К бортам судна присосались плоскодонки, которые привезли с берега свежие фрукты и мясо — бойкая торговля шла до темноты. Дороти думала, что она до благословенной темноты не доживет. Она даже пыталась грызть бамбуковые колья, надеясь, что в них сохранилась какая-то влага. Но тщетно. Она считала до тысячи, до десяти тысяч, потом еще раз до десяти... а темнота не наступала.

На синем небе зажглись звезды и, вторя им, загорелись цепочки огней вдоль реки, на берегу и на лодках, пришвартованных к причалам. Издалека доносилась странная, рваная, но знакомая музыка, порой мимо проплывали лодки и слышно было, как шлепают по воде весла и льется с лопастей вода, мелодично перекликались бирманцы — у них был певучий язык, словно они говорили не о делах, а пели о любви. Но небо на западе, где опустилось солнце, оставалось разно-

цветным, светлым, а от этого и река еще была освещена остатками дня.

К счастью Дороти, она забылась, и когда открыла глаза, то звезды были куда ярче, небо чернее, огоньки на берегу многочисленнее, и снизу, на палубе багалы, тоже перемигивались фонари.

Конечно, можно было бы ждать до ночи, когда все уснут, но Дороти поняла, что должна рискнуть — еще немного и она умрет от жажды или так ослабнет, что у нее не останется сил доплыть до берега.

Дороти осторожно вытащила из нижних гнезд заранее отвязанные бамбуковые кольца — трех колевок было достаточно, чтобы пролезть наружу. Один из колевок чуть было не вырвался из руки и не упал на палубу...

Дороти осторожно раздвинула кольца и выглянула.

О, ужас! Оказывается, что, пока она дремала, рея изменила положение и теперь клетка свисала как раз над палубой — то есть прыгнуть вниз было нельзя — а она так рассчитывала нырнуть, выбравшись из клетки — в реке ее трудно было бы найти и поймать.

На палубе, ближе к баку, разговаривали три матроса. Теперь придется ждать, пока они уйдут. Впрочем, задача спуститься на палубу была почти невыполнимой — следовало вылезти сквозь щель в стенке клетки, перебраться на ее крышу, оттуда вскарабкаться по веревке на рею и лишь потом можно было бы сползти по рее к мачте... Для девушки, хоть сильной и ловкой, задача была почти непосильной.

Отчаяние все более окутывало Дороти по мере того, как опускалась ночь. Дороти уже поняла, что до мачты ей не добраться.

Но и оставаться на месте было невыносимо. Завтра мистер Уиттли заплатит по векселю и тогда Дороти кинут в трюм... а там, если она останется жива, ее ждет страшная смерть в Омане!

Рассуждая так, Дороти вылезла из клетки и теперь сидела на корточках на ее краю, держась за разведенные в сторону прутья.

И в отчаянии оттого, что ее жизнь погублена, Дороти обратилась с горячей молитвой к Богу, надеясь на его защиту и опору.

И как раз в тот момент, когда бессильные слезы заволокли глаза несчастной девушки, ее молитва дала плоды: баггала сильно качнулась, мачта с клеткой накренилась так неожиданно, что Дороти отпустила прутья и стремглав полетела вниз... Раздался громкий плеск, который, впрочем, не привлек внимания на баггале, потому что на палубе никого уже не было, а до вахтенного штурвала было слишком далеко.

Если бы Дороти лучше знала обычаи природы в тех местах, то она бы не так удивилась своему чудесному спасению. Ведь дважды в сутки под влиянием лунного притяжения, как это определил уже давно великий Ньютон, воды океана поднимаются и обрушиваются на сушу, чтобы затем отступить и обнажить широкие полосы мелководья. Дельта же Иравади находится на одном уровне с океаном и эта великая бирманская река в своем нижнем течении дважды в день меняет направление и под давлением массы океанской воды начинает течь обратно. Порой это превращение происходит так быстро и сильно, что покатая высокая волна поднимается в место впадения реки в Бенгальский залив и несется вверх мимо Рангуна до самого города Пегу, раскачивая, а то и срывая с якорей речные суда.

Вот именно эта волна и явилась Дороти после ее горячей молитвы, сильно качнула стоявшее поперек реки судно, и, к счастью, выпавшая из клетки Дороти рухнула в воду.

Оглушенная ударом, Дороти пошла было ко дну, но вода не захотела ее поглотить и, подержав тело с полминуты, выбросила его на поверхность. Дороти не захлебнулась, но наглоталась илистой воды. Вынырнув, она не сразу поняла, что жива, здорова и сможет доплыть до берега. Но потом сообразила, обрадовалась и поблагодарила Бога.

Вода была блестящей, словно жирной, и отражала свет звезд, луны и фонарей баггалы — которая нависла над Дороти глухим черным бортом. Приливное течение тянуло Дороти вверх по реке, что, впрочем, ее вполне устраивало. Она примерно представляла себе, в каком направлении от корабля должен находиться левый берег реки и фактория. Она поплыла сначала к фактории и только потом сообразила, что ей там нечего делать —

никто ее не ждет, а если и ждет, то с трепетом и желанием отравить, зарезать и уничтожить.

Так что Дороти, широко загребая, поплыла напрямик к берегу — в сущности ей было все равно, где она выберется, правда, чем безлюдней это место, тем приятнее и лучше.

...Черная спина неведомого животного поднялась над водой ярдах в десяти от Дороти.

Дороти забила руками по воде, стараясь отпугнуть чудовище, но то не уплыло, а пошло вокруг Дороти, разрезая воду острым плавником.

Но что делать акуле в реке? Разве она может дышать в пресной воде?

Дороти зажмурилась и со всей возможной скоростью принялась бить по воде руками. Но если ты спешишь и волнуешься, то быстрее от этого не поплывешь — это известный всем закон.

Дороти ждала — всем телом ждала, когда острые зубы акулы сомкнутся на ее ноге... Но этого не случилось.

И каково же было удивление Дороти, когда она, снова открыв глаза, увидела, что под луной уже сверкают три или четыре черных спины — акулы ходили по кругу одна за другой, словно совершали какой-то танец, но не проявляли желания приблизиться к своей жертве.

Вдруг одна из них выскочила из воды, как бы играя, подняв фонтан брызг, рухнула обратно.

Нет, это не акулы! Акулы так себя не ведут.

Так и не узнав, что за странные существа встретили ее, Дороти поплыла дальше к берегу. Она ведь не знала, что в Иравади водятся речные дельфины, существа безобидные и веселые.

Дельфины проводили Дороти до самого берега. Она выбралась из реки примерно в том месте, где поднялась на берег миссис Уиттли, но ей, в отличие от Регины, не приходило в голову заботиться об одежде; от которой на ней осталась лишь полосатая нижняя юбка. Только сейчас Дороти вспомнила, что в подол юбки вшита тряпочка с запиской фокусника монаху. Вернее всего записка погибла...

Жалко. Потому что кроме этого монаха Дороти не к кому идти в Рангуне. Не возвращаться же к миссис Уиттли, которую Дороти ненавидела и презирала. Та, если не умрет при виде служанки, тут же ее убьет или придумает какую-нибудь дикую историю, чтобы оклеветать ее и уничтожить — им рядом более не жить!

Справа от Дороти темнели склады, горели фонари над причалами и в надстройках речных судов, слева острым зигзагом на фоне неба виднелась стена фабрики из заостренных бревен, а впереди начиналась пыльная улица, застроенная китайскими лавочками и харчевнями, разноцветная от многочисленных бумажных фонарей, по которой брели, сидели, питались, разговаривали, спали многочисленные обитатели порта — кули, матросы, проститутки, бродяги, солдаты, нищие...

Дороти остановилась за углом крайнего дома, стараясь оставаться в темноте, чтобы получше приглядеться к портовой толпе. И тут она обратила внимание на то, что ее более чем скромный наряд вряд ли будет сильно выделяться: многие женщины, особенно нищенки, попрошайки и проститутки были облачены лишь в юбки и выше пояса обнажены. Никого это не удивляло — вечер был таким теплым, что можно было бы ходить и без кожи — все равно не замерзнешь.

Правда, Дороти была непричесана — спутанные волосы падали на плечи, — но как приведешь себя в порядок в бамбуковой клетке?

Дороти не знала, сколько времени, но ночь еще не наступила и улица была оживлена.

Первые шаги дались Дороти с трудом — надо было заставить себя казаться естественной.

Один шаг, второй, десятый... Улица жила своей жизнью, не придавая значения появлению нового персонажа.

И тогда Дороти поняла, как она хочет есть!

Она напилась, пока плыла по реке, утолила жажду мутной илистой водой Иравади, но голод, возбужденный запахами харчевен и разносчиков лепешек, пряного риса, завернутого в виноградные листья, сводил с ума. Но у Дороти не было ничего, ровным счетом ничего, что она могла бы отдать за кусок лепешки.

Так, повторила Дороти про себя: пагода Шведарон; монастырь Священного зуба Будды, досточтимый У Дхам-

мапада. Где же пагода Шведагон? Наверное, это тот громадный золотой конус, который Дороти видела с реи. Он возвышается примерно в пяти милях от берега на показом, поросшем деревьями холме.

Дороти не спеша шла по улице, одурманенная запахами пищи и не смея остановиться — потому что тогда голод может заставить ее просить у туземцев. Но ведь она — свободная британская женщина. Она не может нищенствовать в дикой стране.

И тут Дороти поймала себя на том, что некоторые слова и даже выражения ей понятны — как будто они поднимаются из глубины ее памяти. Впрочем, ничего удивительного в том не было. Когда Дороти была маленькой, она сначала выучила от своей матери слова лигонские и бирманские (бирманский язык немного похож на лигонский). Мэри Энн была лигонкой, но жила при авском королевском дворце и потому говорила по-бирмански. Нередко ей становилось так тоскливо в Лондоне, где не было ни одной близкой души, что она учила Дороти языку предков, чтобы самой было с кем поговорить и от кого услышать эти слова. Потом уже, когда отец погиб, в доме появился одноглазый фокусник. Мать говорила с ним по-бирмански, но никогда — при чужих. Она не хотела сплетен и соседской подозрительности. Когда мать разговаривала с дядей Фаном, Дороти понимала, о чем они говорят. Это был как бы секретный специально для них язык, как секретный язык, изобретенный детьми в школе или на улице.

И вот сейчас — а это было маленьким чудом — люди, сидевшие на корточках и жующие бетель, спорящие над миской супа, договаривающиеся о каких-то делах, произносили слова этого секретного языка и он был понятен Дороти!

Конечно, не все слова и не из всех уст, но она не была безгласной и глухой на портовой улице. А от понимания языка у нее возникало странное чувство: будто она уже бывала на этой улице, хотя на самом-то деле родилась Дороти в Англии, вскоре после возвращения родителей из Бирмы.

Углядев добродушного вида толстую женщину, сидевшую на ступеньках харчевни и продающую с жаров-

ни маленькие пончики, Дороти подошла к ней и спросила:

— Вы не скажете мне, уважаемая, как пройти к пагоде Шведагон?

Толстая женщина не сразу поняла ее, потому что, как оказалось, Дороти слово «пагода» произнесла по-английски. По-бирмански это слово произносится как «па-я».

— Шве-да-гон, — повторила Дороти.

Женщина окинула Дороти критическим взглядом и ответила быстрой речью, из которой Дороти почти ничего не поняла, и потому упрямо повторила.

— Шве-да-гон.

— Куда тебе в такое время в Шведагон, — сказал тогда старый китаец, вышедший из харчевни. Потому, как Дороти глядела на пончики, он сразу все понял и, взяв горячий пончик с жаровни, кинул его, чтобы не обжечь пальцев, Дороти подхватила пончик на лету.

Женщина начала было кричать на старого китайца, но тут же осеклась, узнав его, и подобострастно захихикала.

Старик выглядел солидно и знал себе цену. Он был облачен в черный атласный халат, расшитый золотыми драконами. На голове плотно сидела круглая черная шапочка.

Дороти чуть было не подавилась острым, горячим, вязким тестом и не смогла даже ответить толком на вопрос старика:

— Зачем тебе идти в Шведагон?

Дороти кивнула, показывая, что поняла вопрос.

Какой маленький пончик! Бывают же такие маленькие пончики!

Старый китаец никуда не спешил. У него были большие черные печальные глаза философа. Он все стоял на верхней ступеньке и разглядывал Дороти.

Потом сказал что-то по-китайски толстой торговке.

Та нагнулась вперед, дотронулась до юбки Дороти, взяла ее мясистыми младенческими пальцами и помяла. Ответила китайцу и тот сразу спросил:

— Откуда ты будешь, девушка?

Дороти увидела, что за спиной старика в темном проеме двери стоят два крепких молодых китайца в синих куртках и синих широких штанах.

Старик перекинул вперед седую косу и перебирал ее сухими желтыми пальцами. Порывом налетел горячий влажный ветер, и свет бумажных фонарей цветными бликами пробежал по лицу и седой бороде старика.

Дороти вдруг стало страшно. Она кинула взгляд на колечко. Но камень, насколько она могла судить, остался светлым, почти белым — от старика не исходило угрозы.

— Ты не из этого порта, — сказал старик. — Ты хочешь еще пончик?

Дороти не смогла удержаться от кивка — голова сама склонилась.

Старик чуть улыбнулся. Его телохранители — а Дороти была убеждена, что это так, ибо от старого китайца исходило ощущение власти — засмеялись. Торговка подняла свое тяжелое тело, чтобы поднести поднос поближе к Дороти и сказала:

— Осторожнее, милая, они горячие.

Она не требовала денег ни с китайца, ни с Дороти.

Дороти взяла пончик, стала дуть на него, перекатывая в пальцах. В конце концов, ей было всего семнадцать лет, она быстро ко всему привыкала и предпочитала ждать от жизни хорошее. Хоть и не всегда ее надежды оправдывались.

— Говори, — потребовал китаец.

Дороти колебалась. Потом поняла — не убежать же!

— Я с арабского корабля, — сказала она, с трудом подбирая и произнося певучие бирманские слова, но с каждым сказанным словом в ней просыпались все новые — язык как бы возвращался к ней. Она даже и не подозревала, насколько прочно пустили в ней корни слова, которые шептала ей мать еще в колыбельке. — Он пришел сегодня.

Дороти показала рукой назад.

— Ешь, — сказала торговка. — Ты голодная.

— Что ты там делала? — спросил китаец строго, словно Дороти была китайкой или бирманкой, и ей нечего было делать на арабском корабле.

Дороти пожала плечами. Рот ее был занят пончиком. Начинка пончиков была острой перечной, овощной. Тесто вязким и несоленным.

Старик выкрикнул китайскую фразу, и, подчиняясь приказу, один из его телохранителей кинулся стрелой через улицу, сшибая людей, и схватил араба, который на той стороне улицы договаривался с проституткой. Он так быстро рванул араба на себя, что тот не успел выхватить нож, и с заломленной назад рукой перебежал улицу, и, согнувшись, остановился рядом с Дороти.

Китаец заговорил по-арабски. Дороти уже угадала мелодию арабской гортанной речи, но не понимала слов.

Араб удивился.

По знаку старика телохранитель отпустил араба. Тот не убежал и не напал на китайца. Видно, тоже почувствовал, что имеет дело с необыкновенным человеком.

Китаец спрашивал. Араб отвечал. Затем старик показал на Дороти. Араб только сейчас увидел ее, ибо раньше не отрывал глаз от старика. Он конечно же узнал обезьяну и отшатнулся от девушки.

Тут же из араба хлынул бурный поток слов. Он помогал себе руками, порой упирал осуждающий перст в грудь Дороти, которая чувствовала себя неловко под градом непонятных обвинений.

— Ты поняла? — спросил старый китаец, когда араб замолчал и отшатнулся от Дороти.

— Нет, — сказала Дороти. — Но я думаю, что он плохо обо мне говорил.

— Этот человек матрос с судна, на котором ты приплыла, говорит, что ты — рабыня английской госпожи, которая продала тебя сыну ар-Рахмана, но ты чуть было не убила своего благодетеля. И потому тебя наказали. Так это ты висела в клетке на рее? Весь порт говорил сегодня об обезьяне, которую привез на своей багале ар-Рахман. А это была ты!

Китаец тонко засмеялся и погладил бороду ладонью. Дороти сказала:

— Я свободная английская женщина. Никто не смеет меня продавать.

— Но продали?

— Я не знаю, — ответила Дороти. — Мне об этом не сказали.

— А как же сын ар-Рахмана?

— Я не люблю, когда мужчины касаются меня, — гордо заявила Дороти, — у меня есть жених. Он — английский офицер.

— Чудесно, — произнес китаец. — Но плохо вести важный разговор на улице. Я прошу тебя, госпожа, пройти в этот дом, там есть тихая комната и ты мне все расскажешь.

— Зачем? — спросила Дороти.

Она увидела, что толстая торговка чуть заметно отрицательно качает головой. Она кинула взгляд на колечко — камешек потемнел, но, может быть, на него неудачно упал уличный свет.

— Я придумая, как тебе помочь и как наказать твоих обидчиков, — сказал китаец. — Я хочу, чтобы возторжествовала справедливость. К тому же есть несколько вопросов, на которые мне интересно получить ответы. Так ты идешь?

Дороти понимала, что у нее и нет иного выбора.

Она послушно прошла в дом.

Оглянулась. Араб убежал по улице.

— Вы не боитесь, что он приведет своих людей? — спросила Дороти у старика, который шел рядом с ней.

Старик захихикал. Его длинный черный халат шуршал в темном коридоре, словно шла целая процессия облаченных в шелк вельмож.

— Его люди не посмеют здесь ни одного шага ступить без моего позволения, — произнес он.

В низкой длинной, тускло освещенной комнате были только нары, покрытые какими-то тряпками. Там сладко пахло и стоял дым. Телохранители криками и пинками выгнали из комнаты лежавших на нарах людей. Тут же низенький человек в синем халате с высоким воротником внес складной стул и поставил посреди комнаты. Старый китаец уселся на него, указав Дороти место на нарах напротив.

— Меня интересует, — сказал старик, — почему ты, женщина из Британии, понимаешь язык бирманцев?

— Моя мать была из этих мест, — ответила Дороти, — а отец был английским моряком. Он увез мою мать в Лондон. Она и сейчас жива.

Китаец кивнул.

— Ты плохо говоришь по-бирмански, — сказал он. — Значит, ты права. И что ты намерена делать дальше?

— Я еще не знаю, — сказала Дороти. Она немного лукавила. Ей не хотелось рассказывать старику о монастыре Священного зуба Будды. Она сама не могла бы объяснить почему. — Может быть, я буду искать моих родственников.

— Ты знаешь имя твоей семьи?

— Моя мать жила в Амарапуре. Она служила при королевском дворе.

— Как звали ее?

— Ма Дин Лайинг.

— Как звали твоего деда?

— Сайя Хмаунг. Он из княжества Хмаунг. Больше я ничего не знаю.

— Ты мне уже рассказала достаточно, — ответил китаец. — Я думаю, что ты будешь благодарить тот час, когда подошла к этому дому и встретила меня.

— А это ваш дом?

— Это один из домов, принадлежащих мне, — сказал старик. Здесь курят опиум. Ты слышала об этом?

— Конечно я слышала об этом.

— У меня много таких домов. У меня есть люди в горах, которые выращивают мак, и есть другие люди, которые давят маковый сок, и третьи люди, которые возят его сюда и делают из него опиум. Люди курят его и получают наслаждение. Я — старый Лю, который дарит людям наслаждение.

Дороти знала, что это не так. Она понимала разговоры мамы и дяди Фана о том, как плохо станет тому человеку, который пристрастится к опиуму, ибо опиум отнимает у человека силу и разум и ему хочется лишь мечтать в безделье.

Но Дороти не стала ничего говорить.

— Мой человек отведет тебя наверх, — сказал старик. — Ты будешь спать. Уже поздно и, наверное, ты устала в той клетке. Скажи, а почему ты не утонула, когда упала из клетки в воду?

— Потому что я умею плавать.

— Это так странно! — изумился старик. С этими словами он покинул комнату, а телохранитель провел Дороти наверх, в маленькую комнату над опиумокуриль-

ней, куда через минуту пришла пожилая китайка с тазом и кувшином для умывания. Потом она же принесла Дороти чайник и чашку, а также соленых сухариков. Это был самый сказочный пир в жизни Дороти.

Пожилая китайка сидела на корточках напротив Дороти и подливала ей в чашку чай.

— Ты с арабского корабля? — спросила она. Видно, слухи о Дороти уже распространились по рангунскому порту. — Это правда, что тебя целые пять дней держали в клетке на мачте?

— Правда.

— Тебя наказали?

— Я не хотела, чтобы меня продавали в рабство.

— Наш хозяин очень обрадовался, — сказала пожилая китайка. — Старый лис Лю хочет заработать на тебе большие деньги.

— Как это можно сделать? — удивилась Дороти.

— Если ты не врешь, может быть большой скандал. Британскую женщину продали в рабство. Господин начальник английской фактории Уиттли будет очень недоволен своей женой. Он не хочет позора. Но ты в самом деле не рабыня?

— Я свободная женщина.

— А это правда, что твоя мать — Ма Дин Лайинг?

— Так ее звали до крещения.

— Я знаю поэму ее матери. О любви. Ты из рода Хмаунг?

— Из рода Хмаунг.

— Значит, хитрый лис Лю дважды выиграет — продали английскую леди и внучку поэтессы Ма Джи Нурия. Все будут очень много платить старому Лю, чтобы он молчал.

— Скажи, — попросила Дороти, которой вся эта история не нравилась, потому что о самой Дороти все забыли. Что хорошо ей, а что плохо — никого не интересовало, — а что такое Хмаунг?

Но китайка не успела ответить. В дверь заглянул один из телохранителей старика.

Он прикрикнул на женщину по-китайски.

— Спокойной ночи, — сказала китайка. Поклонившись, она ушла из комнаты.

— Спи, — приказал телохранитель Дороти.

Он закрыл дверь. Слышно было, как звякнула щеколда.

С улицы доносился шум и запахи пищи.

Дороти улеглась на нары, покрытые мягкими тряпками.

Ей очень хотелось спать. Тем более что убежать отсюда было бы трудно.

Воздух еще проникал сквозь окошко, затянутое промасленной бумагой.

Дороти прилегла на нары и задремала.

Проснулась она как от удара.

За дверью были слышны приглушенные голоса.

Звякнула щеколда, дверь приоткрылась. В дверях стояли оба телохранителя. Один из них держал в руке фонарь. Он осветил внутрь комнат, как бы проверяя, не убежала ли Дороти. Дороти сразу закрыла глаза — она спит.

Видно, телохранитель сдавал пост сменщику. Он зашел в комнату, что-то положил на циновку.

Дороти продолжала лежать с закрытыми глазами.

Дверь закрылась.

Старик китаец ее бережет. Как противно — попасть из одного плена в другой! Если он хочет спекулировать ею, то это может плохо кончиться именно для Дороти.

За окном было тихо. В четырехугольнике окна синел ранний рассвет.

Дороти совсем не хотелось спать.

Она поняла, что надо делать — нужно бежать.

Она поглядела, что оставил на циновке телохранитель.

Оказалось — бирманскую юбку, блузку и сандалии. Ну что ж, спасибо старику Лю, по крайней мере, он не хочет, чтобы его добыча выглядела жалкой рабыней.

Правда, когда Дороти подняла с пола юбку, то обнаружила, что та представляет собой лишь сшитый рулон материи, который удобно надеть на бегемота, но неизвестно как — на женщину.

Поэтому Дороти оставила юбку в комнате, но воспользовалась блузкой и сандалиями, крепившимися двумя полосками кожи между большим и вторым пальцами

ноги. Осторожно, стараясь не скрипеть, Дороти открыла затянутое бумагой окно. Выглянула наружу. Окно выходило на покатую черепичную крышу-козырек над первым этажом.

Улицу заполнил серый туман и неизвестно было, насколько он глубок... Старику Дороти не верила — он мог продать ее обратно Регине. А почему и нет? Если ему хорошо заплатят, то можно угодить и в публичный дом где-нибудь в Китае — оттуда уже никогда не выйдешь живой. Так что лучше быть голодной, но свободной. Дороти улыбнулась собственным мыслям, острожно подтянулась, переползла на подоконник и опустила ноги так, чтобы съехать с крыши ногами вперед. Она продолжала держаться руками за подоконник, потихоньку сползая на животе вниз, и готова уже была отпустить подоконник, чтобы попытаться удержаться на круто положенной черепице, как услышала стук двери над головой и удивленный возглас. Видно, шум встревожил охранника и тот решил проверить, спит ли пленница.

Дороти поняла, что не может терять ни секунды. Она отпустила руки, съехала на животе вниз, секунду продержалась, цепляясь за водосток, и затем ухнула вниз, в туман, сжавшись, чтобы не разбиться.

Оказалось, что возле опиумокурильни стояла повозка, груженная арбузами, так что падение Дороти было недолгим. Ничего еще не поняв, она почувствовала, как ударилась о какие-то большие шары — воображение подсказало ей, что это — человеческие головы, которые посыпались с повозки, а на них скатилась на землю и сама Дороти.

Проехав животом на арбузах, пока не врезалась в остывший у стены лоток, Дороти скрылась в тумане, и лишь грохот, тянувшийся за ней как хвост, указывал направление ее движения.

Однако телохранители старика не посмели последовать за Дороти ее же путем — то есть напрямик со второго этажа, а предпочли сбежать с лестницы, так что к тому времени, когда они оказались на улице, Дороти уже успела отбежать дальше — в сиреневом тумане, как в мутной воде, она плохо видела препятствия и потому старалась держаться середины улицы. А чтобы пресле-

дователи не увидели ее, она бежала пригнувшись. Телохранители Лю, большие и неуклюжие, двигались медленнее.

Дороти увидела просвет между домами, заросший кустами, вершины которых поднимались над туманом. Она нырнула туда и уселась на землю, прижавшись спиной к стене углового дома.

Ей не было страшно — она была уверена, что сможет скрыться от преследователей.

Так и получилось. Телохранители пробежали мимо, а Дороти пошла узким проулком, потом перебралась через невысокий забор и оказалась среди складов — длинных мрачных зданий без окон и с большими воротами, перекрытыми мощными бревнами и засовами.

За складами, возле которых крепко спали сторожа, она снова попала в город, уже в иной его район, на широкую улицу, разбитую повозками. Видно, по ней вывозили товары из порта. Чем дальше Дороти отходила от реки, тем жиже становился покров тумана, да и рассвет все ярче освещал улицу. Вскоре ей встретилось несколько высоких двуколок, груженных мешками с рисом. На мешках сидели погонщики и цокали, подгоняя мерно бредущих буйволов. Потом ей встретились молодые монахи, шагавшие цепочкой. Им было зябко поутру и они были закутаны в оранжевые тоги так туго, что стали похожи на гусениц. Головы монахов были тщательно выбриты, к груди каждый прижимал пузатый черный горшок. И хоть Дороти не помнила, чтобы ей когда-нибудь приходилось видеть буддийских монахов, она узнала их и догадалась сразу, что они идут просить утреннее подаяние — в ней проснулась память ее матери.

Дороти остановилась, видя, как монахи подошли к стоявшему на сваях деревянному дому, окруженному широкой верандой. По ступенькам веранды навстречу им спустилась пожилая стройная женщина в длинной, плотно облегающей ноги юбке и белой блузке. Ее волосы были собраны в пучок, украшенный гирляндой белых цветов, которые далеко распространяли сладкий и тяжелый аромат.

Женщина держала в руке большую кастрюлю и поварешку. Ею она зачерпывала рисовую кашу и ловко

кидала каждому по очереди в горшок. Получив взятку, пчелы вереницей побрели к следующему дому.

Проходя мимо женщины, одаривший поварешкой рика последнего десятилетнего монашка, Дороти спросила:

— Доброе утро, вы не скажете, госпожа, как мне пройти к Шведагону?

Ей уже не доставляло никакого труда говорить побирмански. И женщина не удивилась ее виду и вопросу, заданному в семь утра.

— Иди прямо, девушка, — сказала она, — до озера. Вдоль озера направляйся направо, пока не выйдешь к мощеной дороге. И дорога приведет тебя к священной пагоде Шведагон.

Дороти поклонилась, благодаря женщину, а затем пошла, как ей сказали.

Утро постепенно расцветало. Все громче пели птицы в садах, тянувшихся вдоль дороги и скрывавших деревянные дома. У колодца, площадка вокруг которого была выстлана плоскими камнями, собрались женщины. Они были одеты лишь в длинные юбки и совершали утренний туалет — одни мыли длинные черные волосы, другие обливались водой, третьи принялись за стирку. Мужчин среди них не было — то ли те еще спали, то ли ушли к другому колодцу.

На дороге все чаще встречались повозки, а один раз Дороти даже испугалась, потому что никак не ожидала такой встречи: по середине улицы вышагивал самый настоящий слон, который волочил за собой толстое бревно. Его погонщик сидел у слона на загривке и распевал песню, совершенно лишенную смысла и мелодии для европейского уха, но такую приятную и мелодичную для Дороти!

Вскоре впереди показалось небольшое озеро, окруженное пальмами и прекрасное в зелени берегов, по которым были разбросаны маленькие белые пагоды, то в рост человека, а то и меньше. На дальнем берегу озера, прямо из воды вырастал холм, увенчанный гигантской пагодой. Она являла собой золотой конус, как бы сложенный из плоских блинов, которые постепенно уменьшались, словно на детской игрушке, называемой пирамидкой. Из этого конуса тянулась к небу жирафья шея — верхняя часть пирамиды. Сверху ее венчал

полуоткрытый золотой зонт, который сверкал, будто охваченный жидким пламенем. Дороти не сразу догадалась, что причиной тому солнце, встававшее на востоке и уже осветившее самую вершину пагоды, поднимавшуюся чуть ли не на четверть мили к редким пушистым облакам.

Дороти задержалась на берегу озера, любясь пагодой и ощущая глубокий искренний покой, как ребенок, который после долгих поисков нашел свой тихий дом. Сейчас откроется дверь и навстречу выйдет мама.

И тут справа над вершинами деревьев появился луч и ударил ей в глаза — и в следующий же момент солнце буквально вылетело на небо, вытолкнутое наступающим днем. И сразу же мир вокруг стал шумным ярким и жарким.

Дороти пошла вокруг озера и вскоре вышла на мощенную камнем дорогу, по которой в том же направлении тянулись люди, одетые празднично и хранящие благоговейное молчание перед недавно возникшим перед ними во всей своей красоте Шведагоном, одним из самых удивительных чудес света. И чем ближе Дороти подходила к пагоде, тем теснее становилось на дорожке от паломников.

Вот дорога уперлась в широкую крутую лестницу, навес над которой поддерживали позолоченные резные колонны, каждая в два обхвата. В тени на лестнице уже раскладывали свои товары торговцы священными реликвиями, а то и всякими пустяками, колокольчиками, статуэтками святых, лаковой посудой и праздничными юбками для мужчин и для женщин — мало ли что захочет купить паломник на память о своем путешествии.

Разувшись и неся сандалии в руке, Дороти поднялась со всеми по лестнице. Ближе к пагоде колонны были обклеены кусочками зеркал, и Дороти взгляделась в один из осколков и расстроилась, поняв, какой неряхой и оборванкой она выглядит.

Но ей было некуда деваться, и у нее не было денег, чтобы привести себя в порядок. Главное, что она от арабов ушла, и от Регины ушла, и даже от старого Лю ушла. И чтобы ни ждало ее, она была убеждена, что в конце концов все хорошо кончится — может быть, это чувство возникло у нее именно от яркого солнечного

дня, от бурной красоты Шведагона и умиротворенного состояния людей вокруг.

Сама пагода стояла на широкой мраморной платформе. На этой платформе оказалось достаточно места и для других небольших храмов и пагод, для навесов, чтобы паломники могли спрятаться от солнца и отдохнуть, для статуй львов и злодейского вида стражей Неба.

Дороти спросила о монастыре Священного зуба Будды у одного из многочисленных монахов, которые бродили по платформе, обмахиваясь круглыми плетеными опахалами или прикрываясь от поднявшегося солнца красными, на бамбуковых спицах зонтами.

Монах был сытый, томный, он долго размышлял, разглядывая странную девушку склонными к земным соблазнам глазами, потом вздохнул и показал через плечо назад и вниз.

Дороти пришлось несколько раз останавливаться и спрашивать дорогу к монастырю у прохожих, так что добралась она до монастыря лишь через час.

Монастырь Священного зуба Будды был основан давным-давно. Каменные столбы, на которых когда-то крепились ворота, давно покосились, а памятью о воротах остались лишь ржавые петли. Ограда, тянувшаяся от ворот и поднимавшаяся по склону холма, во многих местах обвалилась, дорожки внутри монастыря заросли травой и даже кустами, которые взломали каменные плитки. Лишь центральная аллея, ведущая к главному зданию монастыря, поддерживалась в порядке. И по ней перед Дороти шествовала вереница монахов, которые возвращались из города, собрав подаяние себе на завтрак.

Здание монастыря было грандиозно. Все три этажа его, все веранды и многэтажная крыша, составленная из уменьшающихся шатров, колонны, перила, наличники больших, без стекол окон — все было украшено резьбой и некогда раскрашено. Теперь же краска осыпалась, но резьба, посеревшая от старости, оставалась.

Сняв сандалии, Дороти поднялась на веранду, и тут навстречу ей из темноты выдвинулся монах, худой и мрачный.

— Нельзя, женщина, — сказал он. — Тебе не место в монашеской обители.

— Мне нужно видеть досточтимого У Дхаммападу, — сказала Дороти.

Мальчики-послушники, путаясь в длинных тогах, пробежали стайкой мимо, но под взглядом худого монаха стусевались и пошли дальше с нарочитым смирением и поспешностью, хотя им конечно же хотелось бежать и прыгать.

— Настоятель размышляет, — сообщил худой монах. И это звучало словно «он умер» и, значит, она его не увидит.

Дороти понимала, что встретилась с человеком, которому приятно запрещать и поучать. И на его помощь рассчитывать не приходится.

— У меня к У Дхаммападе важное дело, — все же произнесла Дороти. — Я приехала к нему издалека.

— Я вижу, что издалека, — согласился монах. — Но все равно тебе не нужно разговаривать с сайя. Ты можешь все сказать мне, и я передам У Дхаммападе.

— Я должна передать послание только лично, — возразила Дороти, — я подожду.

— Подожди за пределами обители, — сказал худой монах.

Дороти сошла с веранды, чтобы не спорить с монахом, и отошла под тень гигантского мангового дерева, с ветвей которого свисали зеленые плоды. Она уселась на корточки как бирманка, которая намерена ждать. В Англии ей не приходило в голову сидеть на корточках, когда есть стулья или кровать, но здесь это получалось так естественно...

Монах постоял у резных перил веранды, глядя на упрямую нищенку в рваной полосатой юбке, потом ушел.

Наступила тишина. Она была наполнена пением множества птиц, звуками насекомых, шуршанием ветра в листве, в нее вплетались далекие голоса и хоровой речитатив, доносившийся изнутри здания, видно, маленькие послушники зубрили наизусть мудрые сутры.

Потом на веранде появился другой монах, помоложе первого, с круглым туповатым лицом.

Он вынес плетенное из тростника низкое кресло. Поставил его на веранду.

Затем удалился и вскоре вернулся, поддерживая под руку очень старого монаха. Годы согнули его настолько, что лицо смотрело в землю.

Молодой монах помог старику опуститься в кресло.

Глубокий, зычный голос, которому, казалось, нигде было уместиться в немощном теле старого монаха, прозвучал над монастырем и запутался отдаленным громом в листве манговых деревьев:

— Девушка, которая хотела меня видеть и пришла издалека, пусть поднимется ко мне.

Молодой монах подошел к перилам и поманил Дороти, словно не был уверен, услышала ли она громоподобный голос старика.

Дороти, оробев, поднялась по скрипучим ступенькам на веранду. Она как никогда остро чувствовала сейчас, насколько дурно выглядит.

Старик откинул голову назад. Темное лицо было изрезано тысячью морщин и морщинок. Глаза были спрятаны в паутине складок и шрамиков. Старик был так похож на черенажу, выглядывавшую из-под панциря.

— Мне сказали, — продолжал старик, — что ко мне издалека пришла нищенка, для которой бирманский язык не родной. Откуда же ты?

— Из Англии, — ответила Дороти. — Я приплыла на корабле, но попала в плен к пиратам, потом меня везли на арабской баггале и хотели продать в рабство. Но я убежала.

— Я не знаю о том, что происходит в море, потому что никогда не был там. Но знаю, что страна Англия находится во многих месяцах пути и англичане хотят завоевать нашу страну, так же как они завоевывают Индию. Я правильно говорю? — последний вопрос относился не к Дороти, а к молодому монаху, который стоял рядом с низким креслом.

— Вы правы, сая Дхаммапада, — ответил монах. — Ваша мудрость не знает пределов.

Дороти не знала, в чем заключается мудрость старика. Но по крайней мере она убедилась в том, что лицемерит именно того человека, который ей нужен.

— У меня есть письмо к вам, — сказала она. — Письмо было зашито мне в подол юбки. — Она пока-

зала, где было раньше письмо. — Но мне пришлось плыть по реке и я боюсь, что надпись на тряпочке смыло водой.

— И тебе не повторили слова записки вслух? — спросил Дхаммапада.

— Нет.

— Значит, они боялись, что ты попадешь в руки врагам... — Старик опустил голову на грудь и как будто задремал. Дороти ждала. Молодой монах тоже ждал.

Через минуту или две старик снова запрокинул назад черепашью голову и спросил:

— А как ты попала в Англию?

— Туда приехала моя мать, — призналась Дороти. — Она вышла замуж на англичанина. А я родилась в Лондоне, в английском городе.

— Почему ты знаешь бирманский язык?

— Мать учила меня.

— Мать дала тебе письмо ко мне?

— Нет, одноглазый фокусник Фан, который тоже живет в Лондоне.

— Мы знаем такого? — спросил Дхаммапада у своего молодого спутника, но тот отрицательно покачал головой.

Подол был зашит крепко, Дороти с трудом разорвала нитку — дальше все пошло быстрее. Через минуту под внимательными взглядами монахов Дороти вытащила из шва еще влажную тряпочку. Она не ожидала увидеть на тряпочке буквы, но, видно, они были написаны чернилами, которые не смывались водой. Мелкие круглые бирманские буквы чернели на тряпочке, которая была настолько тонкой, что когда маленький червячок материи развернулся — он превратился в кусок ткани размером в две ладони и целиком исписанный с одной стороны.

— Дай мне письмо, — приказал У Дхаммапада, — это послание для моих глаз.

Затем У Дхаммапада вытащил из-под оранжевой тоги старые очки в металлической оправе, точно такие же, какие были у трактирщика в Лондоне. Надел их и опустил нос к самой тряпочке, как бы обнюхивая ее.

Он долго водил носом над тряпочкой, разбирая, что там написано.

Несколько монахов, которым нечего было делать, подошли к веранде и стали рассматривать Дороти, но молодой монах прикрикнул на них и они ретировались.

Наконец старик завершил чтение. Громко вздохнул, видно, устал от этого усилия, снял и спрятал очки и спросил у Дороти:

— Ты сама-то читала письмо?

— Нет, — ответила Дороти. — Мне мама зашила его. Да к тому же я и не поняла бы — ведь я не умею читать по-бирмански.

Что-то было неладно... Это она почувствовала, перехватив удивленный взгляд молодого монаха.

Старый монах запрокинул голову так далеко, что казалось — кадык вот-вот прорвет кожу на морщинистой коричневой шее. И рассмеялся.

— Она и не заметила, — сказал он. — Все заметили, а она не заметила!

— Что я не заметила, сайя Дхаммапада? — спросила она робко.

— Ты не поняла, что мы разговариваем сейчас с тобой на другом языке. И мой друг У Визара не понимает нашего разговора.

— Я вас не понимаю, — произнес молодой монах, видно сообразив, что У Дхаммапада говорит о нем.

— Разумеется, — продолжал старик, — потому что мы с тобой, девушка, разговариваем на лигонском языке, ибо оба принадлежим к одному народу.

— Лигон? — впрочем, Дороти уже и сама обо всем догадалась. Ведь мать никогда не делала секрета из того, что ее девочкой привезли в Амарapura, бирманскую столицу в среднем течении Иравади, потому что бирманские короли всегда, как было принято на Востоке, брали на воспитание к себе детей вассальных князей.

Но тут, когда все выяснилось, открылись совершенно неожиданные обстоятельства. И об этих обстоятельствах настоятель монастыря Священного зуба У Дхаммапада рассказал английской девушке Дороти Форест уже после того, как ее отвели в дом к прислужницам, которые жили при мужском монастыре, добровольно неся обязательства монашеской жизни, притом обстирывая монахов, прибирая в монастыре и ухаживая за цветами

и садом. Добрые женщины приняли искреннее участие в Дороти, так как о том их попросил сам У Дхаммапада — человек святой, который в будущем рождении обязательно станет святым, возможно бессмертным, и приблизится к нирване.

Эти прислужницы, облаченные в розовые хламиды, тоже бритые, смиренные и суетливые в своем желании угодить святым людям, большей частью пожилые, помогли Дороти вымыться, нагреть для этого воды, они принесли ей одежду, пожертвованную одной знатной вдовой. Вдова была рада совершить доброе дело и выполнить просьбу, исходящую от ее духовного наставника и утешителя сайя Дхаммапада.

Одежду принесли, когда Дороти проснулась после дневного сна, тягучего и неглубокого, напоенного жарой, жужжанием пчел и шуршанием травы. Она поняла, как славно отдохнула, как сбросила после омовения и сна в тени веранды домика прислужниц усталость и напряжение в мышцах.

Одна из розовых послушниц положила перед ней стопку одежды, другая помогла подогнать ее, и через десять минут на веранду главного монастырского дома, где уже ждал ее в кресле мудрый сайя Дхаммапада, поднялась самая настоящая знатная бирманка. Она могла быть и лигонской княжной, и бирманской или шанской принцессой.

— О! — воскликнул сайя Дхаммапада. — Неужели мои старые глаза вновь видят бесподобную Ма Джи Нурия, твою родную бабушку, божественную красавицу, пленившую старого короля Алаунпая, но убежавшую с лигонским принцем, ибо была охвачена безумной любовью к нему!

— Не та ли это Ма Джи Нурия, которой принадлежат волшебные строки поэмы о любви? — спросила старенькая прислужница, которая, судя по ее стати и манерам, в мирской жизни принадлежала к сливкам бирманского общества. Впрочем, так оно и было — прислужница, помогавшая Дороти одеваться, до недавнего времени была главой могущественного придворного клана, но, проснувшись однажды утром, поняла, насколько ей неинтересны козни и интриги вокруг трона, приемы и праздники, заговоры и тайные убийства.

И в один день она оставила все: дворец в Амарапуре и богатства. Она ушла в монастырь поближе к славному старцу У Дхаммападе, чтобы на склоне жизни внимать его проповедям и советам.

— Это она, знаменитая придворная поэтесса, — согласился У Дхаммапада, который в свое время тоже не был чужд поэзии.

— И она была родной бабкой нашей гостьи?

— Да, родной бабкой. У нее было двое детей — сын Маун Нурия и дочь Ма Ин. Новый король приказал отправить дочь ко двору, чтобы она воспитывалась там. Так мать этой девушки увидела англичан, когда они приехали посольством в Авское королевство. А когда она полюбила англичанина, король Баджидо, сделав широкий жест, разрешил ей этот брак. Благо, к тому времени власть в Лигонском королевстве захватил другой род. Поэтессе Ма Джи Нурия и ее сыну пришлось бежать в горы, в родное княжество Хмаунг, а их муж и отец, король Лигона, был убит заговорщиками. В те дни король Баджидо думал о том, как удержать вассала, как не дать новому лигонскому королю переметнуться к тайцам. Поэтому он отпустил с англичанами уже ненужную заложницу.

— Значит, мне повезло, — сказала Дороти, — что в нашем Лигоне пришли к власти другие люди?

— Почему?

— Иначе моей маме не разрешили бы выйти замуж за моего папу и тогда меня бы не было на свете.

— Это глубокая мысль, — улыбнулся У Дхаммапада улыбкой старой черепахи. — И наивная мысль. Потому что у истории не бывает слова «если». Что случилось, то предсказали звезды. И иначе случиться не могло.

— А что было дальше? — спросила Дороти.

— Многие лигонцы знатных семей покинули королевство. Потому что узурпатор был жесток и коварен. Он перебил почти всех соперников, что жили в Лигоне. Он даже подсылал наемных убийц в горы...

— И так погибла бабушка этой девушки, — сказала старая прислужница. — Моя любимая Ма Джи Нурия. Не окончив своей последней поэмы.

— Да, ее зарезал наемный убийца, — сказал У Дхаммапада. — А она была моей родной сестрой.

— Ах, что вы сказали! — удивилась старая прислужница. — Как же вы молчали столько лет! Никто здесь не знал об этом.

— И не нужно знать, ибо, приходя в монастырь, человек как бы скидывает одежды и чины. Никто не должен интересоваться, кем я был. Важно добиться милости нашего Учителя и кармы — и стать лучше в новом рождении.

Старуха и старик замолчали, погруженные в свои думы, а Дороти пыталась разобраться в том, что узнала. Оказывается, она — внучатая племянница этого старого монаха. Это еще куда ни шло... но она еще и родственница бывших правителей какого-то горного королевства. А может, у нее сохранились и другие родственники?

— А что сейчас происходит в Лигоне? — спросила Дороти.

Старик не сразу вернулся из мира своих медленных мыслей.

— Тебя это интересует?

— Разумеется. Как интересует и то, что было написано в письме к вам, дедушка.

Как просто называть дедушкой этого древнего монаха! Как будто внутри, в сердце, она знала об этом с той минуты, как поднялась на резную веранду монастыря.

— В письме было написано лишь, кто ты такая, кто твоя мать и кто твой отец. И была там просьба помочь тебе вернуться к своим родным в Лигоне.

— Зачем? — спросила Дороти. И, не дожидаясь ответа, уже знала, что и в самом деле ей важно, ей нужно вернуться в свою страну, в свой Лигон. К родным, которые до того существовали лишь в скупых рассказах матери, которая не любила много говорить о Лигоне, но плакала во сне и бормотала на родном языке. Англичанка ли она, Дороти Форест, или в ней сильнее иная кровь? Почему ей так просто и привычно в длинной до земли узкой шелковой юбке, в шелковой блузке, к которой вместо пуговиц пришиты крупные жемчужины, а волосы, мягкие после купания в теплых водах, собраны и затянуты серебряной заколкой, которая сверкает словно диадема. Дороти знала, что в ней всегда было два человека — бедная английская девоч-

ка и в то же время принцесса гордого народа, древнего, как сами горы. И ей ужасно захотелось, чтобы в сад монастыря Священного зуба Будды сейчас вошел случайно, невзначай, штурман Алекс и увидел Дороти в новом облиии.

— Ты спрашиваешь, что происходит в Лигоне? — повторил ее вопрос старый монах. — Там сейчас иная власть.

— Какая иная?

— Объединившись с родом Ва, родной брат твоей мамы, твой дядя, которого теперь именуют Бо Нурия, разгромил своих врагов и вновь воцарился на троне предков.

— Мой дядя?

— Он будет рад видеть тебя. Он добрый мальчик. Я знал его совсем маленьким.

— Он изменился, он стал воином, — сказала старая прислужница.

— Он стал воином.

— Я хочу видеть его, — сказала Дороти.

— Я не могу отправить тебя одну, и мои монахи тебе не защита. Но я сегодня же пошлю срочное письмо через рангунских лигонцев. Я думаю, что мы можем ждать ответа через неделю.

— А эту неделю...

— Ты проживешь здесь. Но не выходя из монастыря.

Прошло восемь дней.

Эти дни Дороти провела в монастыре. Порой в сопровождении старших из монастыря она поднималась к Шведагону и подолгу сидела на мраморных плитах, мысленно беседуя с Буддой.

В городе и в порту она не была ни разу. И не хотела того.

Ей даже не интересно было, как там живет ее бывшая хозяйка. Как будто все это было в иной жизни, из которой она хотела бы взять к себе лишь маму с братом, а еще штурмана... И это ее смущало.

Два раза приходили знатные лигонцы, из тех, кто по своим делам жили в Рангуне. Они опускались на землю

перед принцессой Ма Доро, они касались пальцами ее руки.

Старушки поили их чаем, сайя Дхаммапада беседовал с ними. Разговоры шли не только о возвышенном, но и о том, что бирманский король в Амарапуре — деспот и тиран, что английские люди хотят воспользоваться его душевной болезнью и захватить Рангун, но, может быть, это только слухи?

После этого все оборачивались к Дороти, словно она могла рассказать о замыслах англичан, словно она все эти годы была послом Лигона в Англии.

Да, говорила Дороти, когда я плыла сюда на корабле, то шли разговоры о тяжелых пушках и о том, что в Рангун должен прийти корабль «Дредноут» с солдатами-сипаями на борту.

Баггала ар-Рахмана ушла из порта — так гости сказали Дороти. Получил ли купец свои деньги, неизвестно. Но вернее всего получил. Дороти беспокоила судьба двоих матросов, оставшихся там, потому что в сердце птицы не бывает жалости. И конечно же она беспокоилась, не случилось ли плохого с Алексом. Уж лучше пускай Сюркуф доберется до Реюньона...

А на девятый день у ворот монастыря спешили с коней посланцы короля Лигона.

Глава 8

ПОЛЕ БИТВЫ ДЕМОНОВ

— У меня наступает решительный момент, — сказал комиссар Милодар, — а вы мне талдычите о помидорах.

— Не талдычу, а стараюсь пробиться к вашему помутненному сознанию, — ответил командующий Теплицами и Оранжереями Северного полушария. — Если я вас послушаю, то мы оставим без витаминов треть населения планеты. Вы варвар, комиссар!

— Бывают моменты в истории, когда честь нации, честь планеты, честь Галактики перевешивает низменные соображения о помидорах. Знаете ли вы, что наша соотрудница находится сейчас в восемнадцатом веке и ее жизни грозит опасность? Читали ли вы о том, что все

войны мира не стоят слезы одного ребенка. Кто это сказал?

— Пушкин!

— Нет!

— А кто?

— Не изображайте из себя первоклассника! Любой ребенок знает, кто это сказал. И не заговаривайте мне зубы, витаминный диктатор! Согласны ли вы помочь ИтерГполу или будем враждовать?

— Будем враждовать, — ответил командующий Теплицами.

Милодар в гневе выключил связь.

Он обернулся к профессору Гродно.

— Вы видите, с кем нам приходится иметь дело?

Профессор Гродно не ответил. Он устало глядел на дисплей — сложные цветные пятна рассказывали ему, как функционирует мозг агента Кору Орват. Мозг функционировал непредсказуемо.

Милодар раздраженно отбросил стул и встал рядом с профессором у дисплея.

— Плохо, да? — спросил он.

— Я уже многое научился читать в ее спящем сознании, — ответил профессор, делая неопределенное движение головой в сторону спящего тела Кору Орват, которая покачивалась в туманном газе, наполнявшем саркофаг.

Ассистентка Пегги принесла профессору чашку чая и кофе для комиссара. За месяцы, проведенные рядом, участники операции привыкли друг к другу и Пегги уже не так восторженно относилась к профессору и даже обнаружила в нем некоторые недостатки. И это неудивительно, если рядом с тобой находится страстный, подвижный, курчавый комиссар Милодар.

— И вас тревожит...

— И меня тревожат изменения в импульсах. Настолько, что, может быть, нам безопаснее прервать связь и разбудить агента.

— Все сговорились меня погубить! — закричал Милодар. — Вы не хотите войны с Эпидавром? Я тоже не хочу этой войны. Остался шаг до цели, и мы его сделаем. Неужели вы можете отступить?

— Еще несколько недель назад Кора Орват была лишь медиумом, передаточной инстанцией между нами

и Дороти Форест. Но необычные условия, требующие постоянной связи мозга Кору с ее подопечной, заставляют Кору все более вторгаться в жизнь Дороти, сочувствовать ей и переживать за нее.

— Еще бы, — заметил Милодар. — Кора понимает, что Дороти ее прапрапрабабушка. И если она не выйдет замуж и не родит ребеночка, то и Коре нечего делать на этом свете.

— Может быть, — вздохнул профессор.

А Милодар подумал, что Пегги готовит такой жидкий кофе, что он даже при всем своем желании жениться, не сможет связать с ней личную жизнь.

— Вот уже три недели, как Дороти разговаривает только по-лигонски, — продолжал Гродно. Чай у него тоже был жидкий.

— Биотоки мозга агента Орват стали значительно активнее. И если мы могли лишь приблизительно догадываться, какого рода активность происходит в мозгу медиума, то теперь я ловлю каждое слово, сказанное Дороти: их мозги фактически слились.

— Это идеализм!

— Разумеется, — сказал профессор.

— Вы говорите — третью неделю ни единого английского слова?

— И не единого бирманского слова. Мы подключили лингвист-компьютер. Он не ошибается.

— Может, он еще может сказать нам, о чем она говорит по-лигонски?

— Но компьютер не знает лигонского языка!

— Почему?

— Его никто об этом не просил.

Милодар готов был произвести убийственный монолог, но понял, что этот монолог не поможет ни ему, ни его агенту.

— Значит, — сказал Милодар, — мы можем утверждать, что Дороти добралась до своих родственников. По крайней мере, она находится в районе боев между мятежниками. Мне необходимо взглянуть на нее.

— Но мы исчерпали все лимиты...

— Не учите меня жить. Все равно они вынуждены будут дать нам наводку на Дороти, чтобы отыскать пропавшие предметы.

— Но не сегодня!

— А сегодня... — Милодар подошел к саркофагу. Лицо Кору потеряло безмятежность глубокого сна — по нему проносились легкие гримасы, словно девушку тревожили сновидения. — Где? — спросил Милодар сам себя, — где ты находишься, дорогая Дороти? Где тебя черти носят? В Рангуне? В пути? Или в родовом гнезде Хмаунгов — городке Лиджи?

Пегги и профессор Гродно замерли, потому что голос Милодара, от задумчивого полусшепота постепенно поднялся до трагических высот.

— О, как нам узнать правду, где ты? — возопил Милодар.

Губы спящей Кору шевельнулись чуть-чуть, но чуткие приборы уловили и многократно усилили слово.

— Лиджи!

— Что? — крикнул Милодар. — Что она сказала? Она что-то сказала или я схожу с ума?

— Что ж, мы этого ждали, — ответил Гродно, бросаясь к приборам. — Трудно поверить, но она сказала слово «Лиджи».

Милодар нежно провел ладонью по холодной крышке саркофага.

— Она один из моих лучших агентов, — сообщил он медикам. Словно они не знали об этом раньше. Пароксизм ревности исказил миловидное лицо Пегги. Она дала себе слово зарезать Кору, как только та вернется из командировки в восемнадцатый век.

Милодар вышел на середину комнаты и произнес:

— Теперь никто не посмеет остановить меня. Давайте, включайте всю мощность. Проводим операцию «внушение».

Гродно не возражал.

Он тут же начал подготовку к рискованной, ювелирной операции — мозг Кору должен был дать сигнал, направленный в мозг ее прародительницы. Теперь, когда осуществилась ожидаемая прямая связь между Корой и мозгом Дороти, можно было надеяться, что Дороти услышит приказ своей прапраправнучки.

— Начинайте, — приказал Милодар. — Я отправляюсь к себе, чтобы вызвать Лицо из Эпидавра. Оно должно успеть сюда к моменту завершения эксперимента.

Милодар, не попросившись, бросился вон из лаборатории. И не потому, конечно, что дела призывали его — просто он был суеверен, хотя не мог в том признаться.

Хлопнула дверь.

Пегги с жалостью посмотрела вслед Милодару. Профессор Гродно впервые позволил ревности овладеть собой.

— Не знаю, — сказал он, — достоин ли твоей любви человек, который бежит с поля боя.

— Мы не на поле боя, — отрезала Пегги. — Мы проводим рядовой медицинский эксперимент. А у комиссара Милодара есть дела государственной важности.

Дороти потянулась — ее ложе было одновременно и бескрайним и ограниченным перильцами. Смешно спать на кровати с перильцами и под шелковым балдахинном, в углах которого гнездятся летучие мыши.

Простыней в ее королевстве еще не изобрели, зато шкуры, которыми была покрыта постель, были мягкими и отлично выделанными.

Так что, несмотря на ночные холода, постель принцессы всегда была теплой.

Дороти лежала и прислушивалась к звукам утра.

Свежий ветер шумит в ветвях сосен, звенят колокольчики — стадо коз тянется на луг, закричала сойка... Снаружи на веранде зазвенела посудой служанка — пошла доить буйволиц. Скоро придут монахи, надо будет выйти и вынести им разогретый слугами рис — принцесса Лигона должна показывать смирение перед Небом и кармой.

Но еще есть несколько минут... Как далеко отсюда Лондон и даже Рангун, вся жизнь, проведенная вне Лиджи... Что могло заставить ее мать, хоть и опальную, но княжну, бросить все — дом, предков, языческих богов, капища которых скрываются в сосновых лесах, чтобы их не увидели строгие буддийские монахи. Покинуть родных? Неужели так сильна любовь к язычнику, к иностранцу из презренного рода диких англичан, не знающих чести... Дороти (она уже привыкла к своему лигонскому имени, произведенному от английского, «Ма

Доро») вдруг представила себе, как в узком домике у Темзы ее мать, казавшаяся ей всегда такой взрослой и даже старой, сидит сейчас, корпит на вышивкой очередной шляпы... А может быть, к ней пришел одноглазый фокусник Фан и они гадают — где сейчас Дороти, что с ней, здорова ли она, счастлива? И наверное, думают, что она по-прежнему живет среди англичан и служит толстой птице Регине...

— Доброе утро! — Служанка у двери сделала поклон сикхо. — Госпожа будет одеваться?

— Поунджи уже пришли за подаванием?

— Поунджи скоро придут. Ваш царственный дядя собрался на охоту и хотел бы перед отъездом поговорить со своей племянницей.

— Скажи дяде, что я вынесу подаяние, умоюсь и приду к нему вкушать утреннюю пищу.

Служанка поклонилась, коснувшись головой чистых сосновых досок пола.

Дороти вскочила с постели. Утро было прохладным, свежим и светлым, хотя наступал муссон и тяжелые облака уже курчавились, нависая над перевалом — не сегодня-завтра хлынут дожди. Видно, сегодняшняя охота — последняя в этом сухом сезоне.

Одна из служанок принесла большой серебряный горшок с рисом и серебряную ложку — Дороти спустилась по лестнице своего дворцового павильона на короткую мягкую траву. Монахи уже подошли к лестнице и, смиренно опустив головы, ждали милости от принцессы.

Дороти стала раздавать им рис, а служанка, стоявшая дальше, клала каждому по большой порции рыбьего паштета — нгапи.

Затем Дороти принесла одежду для среды, дня белого слона. Одежда была белой с зелеными цветами, прическа в день белого слона носится высокой, с гроздьем белого жасмина. Мастер Маун принес специально вырезанное им из сандалового дерева душистое опахало. Взяв его и поблагодарив слуг, Дороти в сопровождении двух молоденьких фрейлин направилась через широкий зеленый двор к главному зданию дворца — терему короля Бо Нурии, где тот уже восседал на низенькой каменной скамеечке за круглым столом высотой меньше

локтя, на котором стояло блюдо с рисом, фрукты и чай. Он ждал к завтраку свою любимую, обретенную с помощью добрых богов племянницу Ма Доро.

Дядя Бо Нурия был совсем еще не старым, даже моложе мамы. И очень на нее похож. Старый Бо Пиньязотта рассказывал, что за худобой и тонкостью рук короля скрывается выносливое, жилистое тело воина и во всей стране гор нет лучшего бойца на саблях, чем повелитель Лигона. И нет лучшего стрелка из мушкета на охоте — кто еще, кроме Бо Нурии, с пятидесяти шагов попадет пулей в глаз тигру? Может быть, лишь глухонемой богатырь Нга Дин, сын Бо Пиньязотты.

Несмотря на прохладу, король Лигона сидел в одних штанах — в отличие от бирманцев лигонцы носят широкие штаны подобно жителям Чиенгмая и шанам. Вид у него был усталый и мрачный.

— Я рад тебя видеть, девочка, — сказал он при виде племянницы.

В этом не было лукавства — у короля не было детей, а самые мудрые доктора Китая заявили, что, к сожалению, боги и сам Будда не могут ему помочь. Поэтому король принял появление племянницы за благоприятный знак небес и через две недели после ее приезда назвал Дороти наследницей трона. Это не понравилось некоторым знатым вождям и придворным, но никто не посмел противоречить королю. В Лигоне женщина может наследовать трон, так что ничего особенного в том решении не было, благо, что по законам престолонаследования первой в очереди стояла не Дороти, а ее мать, как сестра короля. Но Мэри Энн еще не подозревала, какое высокое место она занимает в Лигонском королевстве, так как сообщить ей об этом было некому.

— Садись, — сказал король и передал племяннице чашку с кислым буйволиным молоком. Дороти приняла широкую чашку и хлебнула душистого густого напитка.

— Сегодня выезд на охоту задерживается, — сообщил король. — Я хочу, чтобы мои вожди и советники услышали плохие новости.

Дороти знала, что было бы нарушением закона спрашивать о том, каковы эти новости, прежде чем король сочтет возможным сам о них сообщить. Дороти съела

горячую лепешку. Конечно, в минуты плохих вестей проявлять аппетит неприлично, но она была молода и полагала, что лучше съесть лепешку сейчас, чем после прихода советников — хранителей обычаев и правил хорошего тона.

Вельможи маленького королевства выходили по одному. Первыми пришли три усатых князя из тех, чьи владения примыкали к Лиджи и которые предпочитали проводить дождливый сезон в городке, затем стали собираться советники. Потрясая седыми бородами они кланялись дяде и Дороти. Затем снимали широкие шляпы и накидки и рассаживались на подушках в установленных местах — чем знатнее, тем ближе к королю. Хотя подушки были одинаковы.

Принесли горячий чай в медных чайниках, его разливали по китайским фарфоровым чашкам и доливали в чай молоко. Дороти выпила всю чашку, остальные отхлебнули по глотку и поставили чашки на низенькие столики, что стояли перед каждым.

— Я собрал вас, друзья, — сказал король, — как ближайших ко мне людей для того, чтобы держать с вами совет.

Никто не проронил ни слова. Все понимали, что обязательства достаточно серьезны, если король отложил выезд на охоту и созвал всех к себе с утра, когда не принято устраивать аудиенции и тем более принимать государственные решения.

Все молчали, слышно было, как один из князей поднял чашку и громко отхлебнул из нее.

— Вы сейчас увидите человека и услышите его слова. Король щелкнул пальцами.

Слуга, дежуривший в дверях, крикнул наружу, с веранды вошли два воина, за ними человек в тоге монаха, нижняя половина лица которого была завязана черным платком.

Человек поклонился у входа — король жестом приказал ему выйти на середину комнаты.

Монах сел на корточки.

— Этот человек, — сказал король, — мой верный слуга. Он — мои глаза и уши в Аве. Он дороже мне, чем вся слоновья кавалерия. Потому никто не увидит его лица.

И все присутствующие склонили головы, не споря, потому что знали, на что идет авский двор, чтобы вернуть себе господство над Лигоном. Ведь уже восьмой год как Бо Нурия отказывается посылать дань в Аву, презирая могущественного короля Бирмы за то, что тот предал его род и поддержал узурпаторов.

— Говори, наш друг, — произнес король, — мы внимаем тебе. Повтори то, что ты произнес лишь для моих ушей сегодня ночью.

— О славный король Бо Нурия, — сказал монах, и голос его звучал глухо из-под черного платка. — Я спешил к тебе пять дней и пять ночей, чтобы сообщить, что королевский совет в Аве постановил: как только прекратятся дожди, отправить большую армию против Лиджи, чтобы вернуть Аве королевство Лигон и все горные народы, признающие его покровительство.

Среди собравшихся прокатился удивленный шум. И не то удивило вельмож, что Ава собралась в поход.

Многие в Бирме, не говоря уж о горах, полагали, что авский король Бодопаея сошел с ума, когда он, для того чтобы обеспечить себе в будущем рождении участь бодисатвы, приказал построить на берегу Иравади самое большое строение в мире. Вся жизнь в стране замерла, никто не имел права построить даже сарая до тех пор, пока затея короля не увенчается успехом. Половина мужчин государства, бросив поля и мастерские, копали глину, обжигали кирпичи, перевозили их к строительству и укладывали слой за слоем... И конца строительству не было видно.

Бо Нурия вспомнил, что французский миссионер, добравшийся когда-то до Лиджи, рассказывал, что в краях белых людей такое уже случилось много лет назад в городе под названием Ба-билон. Люди там строили башню до неба, чтобы возвыситься над богами, и боги посмеялись, лишив их способности понимать друг друга. Вот и пришлось им разойтись по домам. Смешная история... Но боги посмеются и над Бодопаею, в этом Бо Нурия был убежден.

Нет, не само решение наказать непокорный Лигон удивило князей и советников. Удивило решение готовить поход загодя. Ведь если король Бирмы намеревался наказать вассала, он приказывал это сделать Западному

мьозе или покорным шанским князьям. Те разорили непокорные деревни и уводили пленных. Зато если планировалась большая война против Манипура или Сиама, тогда готовиться к ней начинали с весны, а в поход выступали с началом сухого сезона, в сентябре. Следовательно, решение Бодопаи означало, что он считает Лигон целью большой войны. Он не доверяет вассалам. Он пойдет в поход сам и не оставит от Лигона камня на камне. У Лигона нет шансов устоять в такой войне.

Дороти не знала, конечно, о чем размышляют старики, но поняла, что королевству ее дяди грозит большая беда со стороны бирманцев.

Она не прислушивалась к дальнейшей речи шпиона, потому что ей ничего не говорили имена бирманских генералов и губернаторов, соображения о путях наступления и названия полков и местных отрядов, которые должны будут участвовать в походе.

— Что же будем делать? — спросил король Бо Нурия, когда шпион ушел и остались только доверенные персоны и принцесса Ма Доро. — Я прошу каждого сказать, что он думает.

Вожди и советники по очереди кланялись повелителю и говорили так:

— Мы будем воевать.

А потом каждый начинал рассуждать о том, как его славные воины или славные воины короля разгромят жалких трусливых бирманцев. И даже Дороти понимала, что это все пустая похвальба суеверных дикарей, как бы молитва своим богам, чтобы они не допустили в горы могущественных врагов.

Но после того, как каждый из вождей произнес свою речь, терпеливо слушавший их король сказал:

— Все, что говорилось здесь, — тайна. У нас достаточно времени, чтобы подготовиться к войне. Со мной останется Бо Пиньязотта. Остальные идите, собирайтесь на охоту.

Советники и вожди послушно вышли, негромко переговариваясь, и по их виду никак нельзя было догадаться, что это те же отважные стратеги, кто только что на словах разгромил сильного соседа.

— Я встревожен, — произнес король, когда остался лишь седой Бо Пиньязотта, знаменитый полководец из

рода Ва, который в свое время помог королю вернуть Лиджи.

— Их нельзя пускать в долину Лиджи. Если они выйдут к реке Кангем, они уничтожат все рисовые посевы и заморят нас голодом в горах.

— Разве в наших силах не допустить их в долину? — спросил король, осунувшийся и постаревший за последние часы.

— Мы должны остановить их на перевале Трех павод, — сказал Бо Пиньязотта. — Этот перевал должен быть превращен в неприступную крепость, как сделал в свое время твой дед, Бо Урия, когда в страну вторглись китайцы. Другие перевалы слишком круты и по ним идут лишь тропы. Большому войску там не пройти.

— У меня не хватит на это сил, — сказал король. — Даже если все племена пришлют людей. И ты знаешь, что эти люди — охотники. Они хороши, чтобы подстеречь отдельного солдата, но они плохи в битве — легко превращаются из отряда в толпу.

— Ты прав, король, — согласился полководец. — Значит, мы должны укрепить перевал пушками. Настоящими большими пушками.

— Дядя... — начала было Дороти, но осеклась. Ее советов не просили. Она — просто женщина.

— Что?

— Прости, дядя, я не должна была вмешиваться в разговор мужчин.

— Где мы достанем пушки? — спросил король.

— Мы можем купить их, — ответил старый генерал, дергая себя за длинный седой ус.

— В Сиаме?

Полководец обрадовано кивнул. Словно до этого не был уверен в такой возможности.

— Сиам всегда рад помочь нам в борьбе против Бирмы, но он сейчас и сам переживает тяжелые времена. Они боятся французского вторжения.

— Можно купить пушки в Индии? — спросил Бо Нурия.

Полководец отрицательно покачал головой.

— Я не люблю пушек. Это — не оружие для благородного воина. Но я видел во время похода на Мани-

пур, что могут сделать пушки даже с боевыми слонами. Нам нужны пушки.

Король отпустил полководца.

Когда они остались одни, он резко повернулся к Дороти.

— Говори, что ты хотела сказать.

— Я ничего не понимаю в войне, — сказала Дороти.

— Но ты жила среди англичан. Ты можешь знать нечто, что не коснулось внимания моих советников.

— Я плыла сюда на большом корабле «Глория», — сказала принцесса. — И знаю, что в трюме «Глории» лежали большие морские пушки, которые англичане намеревались выгрузить, поставить на лафеты и совершить поход на Аву.

— Не может быть!

— Причем об этом говорила жена английского фактора Джулиана Уиттли.

— И что она еще говорила?

— Впрочем, — Дороти усмехнулась, — все это не важно, потому что пушки попали к французскому пирату Сюркуфу вместе с «Глорией».

— Да, ты говорила мне о пирате. Но никогда — о пушках.

— Не было смысла. Я даже забыла о них.

— Это жаль. Ты должна была рассказать мне об этом раньше. Потому что для меня важно знать о планах англичан против Авы. Я не подозревал, что у них созрело желание завоевать великое королевство.

Дороти стало жалко дядю — ведь для него Авское государство было вершиной земного могущества. А даже Дороти знала, что оно далеко уступало тем королевствам в Индии, которые уже покорились английским пушкам.

— Второй корабль, который вышел вместе с нами из Лондона, — сказала Дороти, — называется «Дредноут», то есть «Устрашающий». Это старый линейный корабль британского флота.

— Линейный корабль?

— Значит самый большой на флоте.

Дороти поняла, что и в европейском флоте она как дочка бывшего моряка разбиралась куда лучше, чем ее августейший дядя.

— И он тоже везет пушки?

— Нет, у него много своих пушек, — сказала Дороти. — Но он должен был зайти в Калькутту и взять на борт полк индийских солдат, сипаев. Теперь же поход сорвется... англичане не посмеют отправиться на север без поддержки артиллерии.

— Ты рассуждаешь как генерал, — улыбнулся дядя. — После охоты ты мне подробнее расскажешь о намерениях англичан и о том, как они хотели завоевать Авское королевство.

Во дворе прозвучал рог — сигнал начала охоты.

— Иди, девочка, — приказал Бо Нурия, — оденься к охоте. Я тоже переоденусь. Из-за того, что завтра война, мы не желаем сегодня менять нашу жизнь.

Охотились на мунтачков — небольших оленей, изящных и быстрых. Небольшое стадо их подняли на самом берегу Кангема, в редком, прозрачном лесу. Охотники гнались за оленями около часа, кони вконец утомились, на запасном коне король ускакал вперед — он был упрям и никогда не возвращался с охоты без добычи. Остальные охотники устроили привал, слуги стали готовить привезенную из Лиджи пищу, Дороти спустилась к широкой быстрой реке, имя которой — Кангем — отец Лигона. Когда-то фокусник Фан говорил ей, что на огонь и бегущую воду человек может смотреть всю жизнь.

Дороти чувствовала какую-то тревогу, неудобство, ей все время хотелось уединиться, не видеть людей, словно она ждала свидания, которое нельзя было открыть другим людям. Сначала она отнесла это состояние на счет рассказа шпиона из Авы — ну зачем, зачем королю Бодопае идти походом на Лигон? Ведь Лигон никому не мешает — он хочет лишь одного, чтобы его оставили в покое...

— Я должна найти корабль... Какой корабль? Летающий корабль. Летающих кораблей не бывает... Это был чужой летающий корабль...

Дороти вскочила. Она испугалась — она почувствовала, словно кто-то забрался в ее голову и разговаривает с ней. Колдовство? Ее околдовали!

— Это не колдовство. Это ты сама... это я сама. Какой корабль? Я должна спросить о нем у дяди и у Бо Пиньязотты. Местные люди знают, что случилось в горах пять лет назад. Я должна отыскать там три вещи — Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Они были на том корабле. Я не знаю никакого корабля. Разумеется, не знаю, но я должна его найти...

Два голоса в ее голове всю время путались, невозможно разобраться, кто и когда говорит. То ли это сама Дороти, то ли некто чужой.

— Здесь кто-нибудь есть? — вслух произнесла Дороти.

Берег был пуст — далеко, на склоне, слуги готовили пищу, а охотники отдыхали, беседовали, ожидая возвращения короля.

Голос замолк. Но осталось желание.

Желание найти корабль, летающий корабль... Таково не бывает даже в книжках.

— Кто ты, кто говорит со мной? — спросила себя Дороти.

И ответа не последовало, потому что внутренний голос — это ты сама. И вопросы ты задавала сама себе.

Грузный, седой Бо Пиньязотта спустился к воде. По обычаю племени его волосы были выбриты спереди до половины головы, а сзади заплетены в длинную седую косицу. Такими же косицами казались усы, свисавшие от углов рта и делавшие полководца похожим на старого сома.

В мешке у пояса он носил с собой все, что может пригодиться в дороге охотнику или солдату. Сейчас он достал оттуда деревянную миску и зачерпнул воды из Кангема. Он пил, запрокинув голову, вода лилась ему на кожаный панцирь. Напившись, он спросил:

— Ма Доро хочет пить?

— Нет, спасибо, дядя, — сказала Дороти. — Обращаясь так к старому воину, она подчеркивала свое уважение.

— Ты почему сидишь одна? Ты чураться нас, диких людей?

— Неправда, я так не думаю... Скажи, дядя Пиньязотта, правда ли, что несколько лет назад в наших краях опускался корабль с неба?

— Ты откуда знаешь?

— Мне говорили служанки.

— Об этом говорить нехорошо. Поунджи из монастыря тоже так думают. Это были дикие посланцы ада. Зачем нам знаться с ними?

— А что случилось? Не отворачивайся, дядя, ведь я все равно узнаю.

— В этом нет тайны... Просто об этом не говорят. Пять лет назад, в долине Люнге вон за теми горами опустился сосуд злобы. Так его называли старики. Некоторые пошли туда посмотреть, что за круглая миска опустилась с неба. Но те, кто пошел, не вернулись живыми. Демоны, которые были в миске, убили наших людей.

— А потом?

— Они недолго пробыли у нас.

— Они улетели?

— Некоторые улетели. Немногие. Другие остались...

— И что же?

— Потом они стали воевать между собой.

— Почему?

— Злые демоны не говорят людям, почему они воюют. Но на горы упала ночь и те, кто был близок к их месту сражения, умерли.

— Люди умерли?

— Некоторые деревни до сих пор стоят пустыми. Ты увидишь там только дома. Люди умерли.

В Дороти существовало понимание того, о чем говорил Бо Пиньязотта. Она знала о воздушном корабле куда более всех обитателей Лигона, но она не могла понять, откуда происходит это знание. Ведь никто не объяснял ей, что далеко в небе есть другие планеты земли, на них живут другие люди, что не злые демоны прилетали в долину Кангема, а жители дальней звезды, которые перед тем украли из своего дома некие волшебные предметы. А потом, судя по всему, оставили их здесь. Потому что победители в бою, разгоревшемся в джунглях, не думали о трофеях — они спешили унести ноги от заразы, исходящей от их оружия. И что самое удивительное, Дороти знала, что оружие тех пришельцев было заразным, несло в себе воздушный яд, который не только убил обитателей нескольких горных деревень,

имевших несчастье жить поблизости от места боя, но следы этой заразы остались в лесу и сегодня — людям нельзя подолгу оставаться там. Недаром местные жители боятся тех мест и никогда не ходят туда на охоту. Да и в деревнях снова не селились. А тот, кто ночевал в пустом доме, обязательно заболел и умер... Но почему ей надо идти в такое плохое место? Какое дело ей до Зеркала Зла и Венца Власти?

Этот вопрос Дороти задала себе не потому, что боялась или не хотела увидеть поле битвы пришельцев. Но она не видела разумной причины, почему бы ей туда захотелось. А внутренний голос, который все время присутствовал в размышлениях и разговорах, почему-то не шел на подмогу, словно удовлетворился ее согласием отправиться в джунгли и найти три волшебных предмета... Могу ли я сказать правду моему дяде? Нет, он не поймет, о чем ты говоришь, он решит, что ты — орудие злых демонов, которые порой овладевают душой человека и делают его безумным. Тогда тебе уже никогда не попасть в лес. Но, может, мне и не надо туда? Нет, Дороти, ты должна это сделать. Ради самой себя. Почему? Поверь мне! Но почему? Мы с тобой поможем другим людям...

Дороти сжала ладонями виски — спор с самой собой пугал ее — может, и в самом деле она сходит с ума?

К реке сбежал простодушный глухонемой сын генерала Нга Дин. Он считался самым сильным витязем королевства, гордился этим, любил подраться, а Бо Пиньязотта, хоть и любил его, расстраивался, что сын у него никогда не станет полководцем.

Бо Пиньязотта жестами приказал сыну принести принцессе миску холодной воды.

— Выпей, госпожа, — сказал он. — Ты побледнела. Ты устала. Тебе трудно на охоте с мужчинами.

— Нет! — сразу ответила Дороти.

Старый воин засмеялся.

— Бирманские девушки никогда не ездят на охоту с мужчинами, но знатные девушки Лигона и горных племен умеют охотиться, как мужчины. Не расстраивайся, ты еще научишься. Ведь ты не училась этому в стране англичан?

— Я не училась. Но разве я плохо езжу на лошади?

— И этому ты научишься, — ушел от ответа генерал. И тут Дороти догадалась — конечно же! Она знает, что сказать дяде!

— А вы сами были там, на месте сражения? — спросила она Бо Пиньязотту.

— Зачем мне быть в таком плохом месте? Уж лучше погибнуть в бою, как написано в моем гороскопе, чем мучиться от болезней.

— А кто-нибудь был?

— Были те, кто попал туда случайно.

— И все умерли?

— Обо всех не скажу.

Нга Дин стоял близко, всматривался в движения губ, но понимал не все и из-за этого сердился.

— Значит, кто-то остался живой? — спросила Дороти.

— Наверняка, — ответил генерал.

— И в Лиджи?

— Нет, в Лиджди такого человека я не знаю.

Но может быть, радиация уже нивелировалась там, опустилась до пределов, выносимых человеком? О чем я думаю? Я не могу думать словами, которых я не знаю. «Радиация» — это слово, которым обозначают... заразу. Да, воздушный яд, которым отравлены те люди. Со временем зараза уменьшается и постепенно пропадает совсем. Но я хорошо подумала об оружии для моего дяди? Нет, это опасно, нельзя ему получить оружие, владеть которым он не готов. Значит, мы знаем другой способ попасть туда? Может быть, ты убежишь, Дороти? Зачем? Чтобы проникнуть в джунгли и найти то, что нам надо найти. Я не хочу умереть в джунглях от когтей тигра или стрел диких племен. Я — принцесса лигона! Ах, какая ты, к черту, принцесса! Ты лондонская девчонка... Не смей так говорить. Мне не хочется идти в зараженное место ради тебя, которая меня не ставит и в пенни... Прости меня, Дороти, я же — сама ты! Неправда, ты — другой человек, который забрался ко мне в мозги. Уйди! Уйди, я тебе приказываю!

И наступила тишина. Нет, не наружная — снаружи все так же шумели сосны, наклонившись, старый генерал спрашивал: «С тобой все в порядке, принцесса?» Тишина царилла внутри — то, второе существо, исчезло...

Король Лигона возвратился к остальным охотникам через час. Спереди, через круп коня был перекинут маленький олень. Бо Нурия был доволен собой и принялся издеваться над родственниками и друзьями, которые не умеют охотиться и которым лучше сидеть дома. Те отшучивались, они уже напились рисовой водки и наелись. Никакой король им не был страшен. Да и король понимал, что сейчас он им не владыка — они сами себе господа.

Бо Нурия не стал пить водку, он уже возвратился к заботам и дурным мыслям, но ему не с кем было говорить, кроме племянницы, потому что остальные были пьяны либо, как Бо Пиньязотта, немолоды и заснули на привезенных из города шурах.

Дороти тоже хотела поговорить с королем.

— Дядя, — сказала она, — на твоих землях, как мне сказали, была война между чужими людьми, которые прилетели со звезд.

— Ты о чем говоришь? — Король отщипывал куски лепешки и запивал горьким пивом.

— Мне рассказывали многие. Даже уважаемый Бо Пиньязотта.

— Старик выживает из ума.

— Я позову его, и он все повторит.

— Я знаю, о чем они все сплетничали. Пять лет назад здесь были злые духи. Потом они убралась во-свосяси.

— Ты веришь в злых демонов?

— Как можно в них не верить, если они живут везде? Если злые наты живут на каждом большом дереве, в каждом покинутом доме?

— Я не верю в злых натов, но я верю в злых людей.

— Откуда же они появились?

— Со своей звезды.

— Тогда это тем более наты. Под видом людей. Это бывает. Такие демоны особенно опасны.

— Но они воевали между собой.

— Нет предела наглости и злобе натов.

— Мне говорили, что там осталось их оружие.

— Может быть.

— Оно может пригодиться нам?

— Не может пригодиться человеку оружие демонов.

— Мы не видели демонов, мы не видели их боя, мы не видели оружия! — возмутилась Дороти. — Даже в момент, когда нам нужна помощь с любой стороны, когда нам нужны пушки, в это время ты не хочешь посмотреть. Только посмотреть!

— Это слишком опасно.

— Опаснее, чем армия Бодопаи?

— Я не знаю, Ма Доро... Я не знаю. И ты для меня чужая. Ты не боишься богов. Может, у тебя есть свои английские боги?

— Я поеду туда. Я думаю, что после их войны остались нужные для нас вещи.

— Не смей! Там таится смерть! Там даже птицы не пролетают.

Черты лица Бо Нурии исказились гневом и страхом — он на самом деле испугался за свою наследницу. Ведь для него бирманская армия это зло понятное — это слоны и кавалерия, это пушки и пехотинцы, это, в конце концов, сборщики налогов и оккупационные власти. Но иметь дело с натами, злыми демонами с неба, может, и погибшими, но опасными, он не собирался.

— Если ты не дашь мне людей, я поеду сама, одна, — ответила Дороти.

— Кто подучил тебя?

Вот именно — подучил. Кто подучил меня? Но внутренний голос молчал, вместо того чтобы подсказать, как ей убедить дядю.

— Если мы найдем там пушки или ружья, то мы сможем воевать с бирманцами.

— А ты знаешь, сколько нужно пушек, чтобы воевать с бирманцами? Ты знаешь, сколько нужно для этого пушкарей?

Дороти понимала, что дядю не переспоришь. Он упрям... как она сама.

Более того, Дороти уже поняла, что даже если она никогда не услышит внутреннего голоса, если никто не попросит ее отправиться к месту битвы пришельцев со звезд, она все равно туда попадет. Несмотря на препятствия, на заразный воздух, на всех демонов мира — теперь уже решало упрямство Дороти Форест из рода Хмаунгов.

Так она и сказала дяде, садясь на коня и направляясь обратно во дворец. Пиры с мужчинами ее не интересовали.

Во дворце, пока не приехали охотники, Дороти разговаривала со служанками и слугами — она хотела узнать все, что можно, о сражении в джунглях и о том, где же оно происходило. К вечеру она уже знала, в каком направлении надо ехать от Лиджи, чтобы отыскать ту долину.

Дороти больше не беседовала о битве с дядей, но знала, что поедет в джунгли. Следовало лишь выбрать время, а это было негрудно, потому что король Лигона спешил завершить важные поездки по соседним горным княжествам, прежде чем зарядят дожди и горные дороги станут непроезжими. Следовало лишь подождать очередной отлучки дяди.

Дороти подождала три дня. На четвертый Бо Нурия выехал к князю озера Инь, мелкого, прогретого солнцем водоема длиной в тридцать миль, на котором стояло на сваях несколько деревень, а жители передвигались между деревнями на лодках. Он предлагал Дороти поехать с ним, но та сослалась на недомогание.

Дороти знала, что дяди не будет три дня. Поэтому она тут же приказала оседлать для нее к следующему утру белую лошадь и дать еще одну, вьючную. На конюшне быстро исполнили приказ принцессы. Дороти нарисовала для себя на пальмовом листе маршрут — по ее расчетам, если она переночует по дороге в небольшой деревне, то на второй день сможет перевалить через невысокую гряду в соседнюю безлюдную долину, где и произошло сражение.

На рассвете лошадей подвели к крыльцу принцессы. Она уже оделась удобно и просто — в широкие короткие штаны и куртку, какие носят горцы, поверх куртки Дороти натянула кольчугу, как будто собиралась охотиться на медведя или кабана. Еще она взяла два больших кинжала с волнистыми лезвиями и пистолет, который спрятала в седельную сумку. В другую ей положили на три дня припасов.

Во дворце Дороти сказала, что едет вниз по долине Кангема, чтобы помолиться в монастыре Трех пагод. Никто не задавал вопросов и не ставил под сомнение слов повелительницы. Старший слуга спросил только, почему принцесса не берет с собой охраны, но Дороти сказала, что едет по местам мирным, кто посмеет напасть на нее?

Сначала Дороти ехала вниз по берегу реки, но через час, когда она убедилась, что за ней никто не следит, за одной из деревень она взяла от реки вверх, перевалила через холмы и по узкой дорожке, соединявшей деревни в соседних долинах, пробралась к неизвестной речке. И к вечеру оказалась в деревне горцев Ва, последнем населенном месте по дороге к проклятой долине.

В деревне были только женщины, дети и старики — мужчины и подростки ушли на большую охоту: здесь жили ловцы слонов — они устраивали облавы и подбирали детенышей слонят, которых потом воспитывали в больших бревенчатых загонах за деревней — большей частью для лесных работ, а некоторых, самых сильных и умных, для боя. Сейчас загоны пустовали, потому что подросших слонят охотники Ва продали в Лиджи, а некоторых своим соседям — каренам.

Дороти не стала говорить женщинам, старикам, что она принцесса Лигона. Она переночевала в Большом доме, в котором жили семейные горцы. Высокий узкий дом был разделен на отсеки невысокими перегородками, в каждой комнате помещалась малая семья.

Всю ночь принцессу кусали блохи, рядом плакал больной ребенок, летучие мыши носились над головой, словно у них шли соревнования по умению летать. Дороти уже жалела, что не открыла своего имени — тогда бы ей выделили дом отсутствующего вождя. Когда рассвет еще только занимался, она вылезла из-под своего одеяла и вышла наружу. Небо начало светлеть, наполовину оно было закрыто облаками, но и той части, которая оставалась чистой, было достаточно, чтобы осознать величие неба — такого просторного небосвода Дороти не видела даже в Лиджи, потому что все же столица располагалась в долине между пологими, заросшими лесом хребтами. Здесь же, на плоскогорье,

между небосводом и человеком не оставалось никаких преград.

Дороти пошла к обрыву, что вел к реке. Ее шум глухо доносился снизу. Закричала ночная птица... Луна и звезды отражались в реке, и она казалась серебряной лентой, состоявшей из звезд. Недалеко от реки алой точкой тлел костер. И Дороти даже показалось, что она видит коней, стоящих на берегу. Наверное, пастухи стерегут там табун, подумала она.

Дороти возвратилась в деревню, но залезать в сдавленную духоту большого дома не хотелось. Да и сон убежал... Если бы только не было так холодно! Свежий воздух был ледяным, как бывает в декабрьском Лондоне. Дороти ступила в лужу, оставшуюся от дневного ливня, и под ногой хрустнул тонкий лед. Недаром бирманцы так не любят забираться в горы.

Старая женщина выбралась из Большого дома и стала разводить огонь в большом, высланном камнями очаге. Вскоре к ней присоединилась еще одна — она притащила котел с водой, от близкого ручья. Деревня просыпалась с рассветом. Никто не обращал внимания на Дороти, которая была рада возможности выехать пораньше.

Когда она завтракала в Большом доме вместе с женщинами, она спросила соседку:

— Это лошади вашего селения там, внизу, у реки?

— Нет, — сказала женщина, — это чужие люди.

— Из Лиджи, — добавила старуха, сидевшая дальше от Дороти.

— Они едут за тобой, — сказала третья женщина.

Дороти насторожилась — кому потребовалось выслеживать ее?

Она поднесла к глазам колечко — в Большом доме было сумрачно.

Камешек в колечке не потемнел. Но это еще ничего не значило. Ведь те люди были далеко от нее — колечко могло и не уловить опасности.

— Что им нужно? — Дороти хотела сказать это про себя, а вышло вслух.

— Они давно едут за тобой, — сказала всеведущая старуха, — от самого Лиджи, но не приближаются. Они не хотят, чтобы ты их видела. Будь осторожна, принцесса.

Господи, им и это известно!

— В горах даже птицы разносят вести, — засмеялась молодая женщина, которая кормила грудью ребенка. Почувствовав смущение Дороти, все остальные присоединились к ее смеху. Они не хотели обидеть гостью — просто им было непонятно, как можно не заметить таких простых вещей.

Дороти поднялась.

— Я еду к тому месту, где был бой демонов несколько лет назад, — сказала она. — Кто мне покажет туда тропу?

— Той тропой давно никто не ездит. Это плохая долина, мертвая долина, — сказала старуха. Она вытерла жирные от кунжутного масла пальцы о плоскую обнаженную грудь. Здесь люди совсем не боялись холода.

— Вы только покажите мне тропу.

Старуха велела женщине, кормившей младенца, выйти с Дороти. За ними выбежали мальчишки. У коновязи мальчишки отвязали лошадей принцессы, а женщина подержала Дороти стремя, когда та влезала в седло. Ребеночек плакал, он был недокормлен.

Мальчишки проводили Дороти до выезда из деревни, до ворот в изгороди, защищавшей посевы от кабанов и оленей. Дороти надеялась, что преследователи не заметили, что она уже отправилась в путь.

Тропинка, сначала утоптанная, видно, по ней ходили люди селения по разным делам в окрестностях, постепенно становилась все уже, — вот уже и молодые стебли бамбука выросли посреди нее, дальше ее завалило небольшим оползнем.

Лошади шли осторожно, неуверенно.

Раза два Дороти останавливались, проехав открытое пространство, чтобы убедиться, что за ней нет погони. Но ничего не услышала и не заметила.

Наконец тропа перевалила через хребет по пологой лощине между двумя покатыми вершинами и перед ней в просвете между могучими, но согнутыми ветрами деревьев открылась долина, где когда-то стражались демоны.

Долина была тихой и мирной — ни единого дымка не поднималось над ней, ни единой террасы не было засажено рисом или ячменем, ни одна тропа или доро-

га не нарушила девственность леса: природа в муссонных лесах за несколько лет залечивает все раны, нанесенные ей человеком.

В Дороти вдруг возникло ощущение чужого присутствия — будто проснулся внутренний голос, проснулся тревожно, он ничего не говорил, но безмолвно торопил ее — чтобы она скорее спустилась, скорее нашла необходимое и скорее возвратилась обратно, под защиту хребта, замыкающего долину.

Однако лошади не могли спешить, спускаясь по крутому склону, по едва различимой тропе. Так что Дороти, хоть и встревоженная внутренним предупреждением, спускалась медленно, чувствуя опасность, которая происходила не от чужого присутствия, а наоборот, от тишины, царившей в долине. Казалось, отсюда даже улетели птицы, так молчалив был лес, зато растения, чем ниже опускалась Дороти, тем более удивляли ее своими необычными размерами и формой листьев. Казалось, злые духи состязались здесь в издевательствах над привычными формами растений.

Но тем не менее Дороти продолжала свой путь, хотя и испуганная увиденным, но не настолько, чтобы страх преодолел желание увидеть поле битвы звездных людей и найти Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти. Эти сокровища, о которых ей рассказал внутренний голос, должны быть прекрасны и сверкать так, что лес не сможет их скрыть, если они и на самом деле оставлены здесь теми, кто был побежден.

Спуск в долину занял около часа, Дороти устала, устали лошади, и ей пришлось остановиться на широкой прогалине, чтобы отдохнуть.

Постояв на месте несколько минут, Дороти, спешившись, повела своих лошадей дальше — в неподвижном влажном воздухе долины не хотелось задерживаться.

Неожиданно спереди деревья расступились и Дороти оказалась в мертвой деревне, о которой совсем забыла.

Посреди обширной и еще не заросшей бамбуком и кустами поляны стоял Большой дом. Его крыша в середине провалилась. Покосились, а то и рухнули дома вождя, жреца и дом для молодых охотников. Дальше начинались поросшие гигантскими лопухами и высокой травой поля.

Дороти прошла по площадке, утопанной за много поколений настолько, что трава не смогла еще пробиться сквозь слой глины. Скорее, торопил Дороти внутренний голос, или, может, не голос, а необъяснимый страх перед опасностью, у которой нет имени.

Копыта лошадей застучали по площади.

— Давайте, давайте, скорее! — торопила лошадей Дороти.

Она старалась не глядеть на дома. Она боялась увидеть там скелеты жителей деревни. Хоть вернее всего их похоронили охотники, набредшие на мертвую деревню... если сами не умерли.

За деревней Дороти отыскала забытую дорогу, которая привела ее к горной речке, скорее ручью — долина была расположена довольно высоко в горах и потому потоки еще не успели выкопать себе глубоких ущелий.

Дальше дорога шла вдоль реки.

Уже скоро, поняла Дороти. Уже совсем скоро. Я знаю. Или это чужие мысли?

И тут она вышла к обширной пустыни, спускавшейся к реке. Посреди нее темнел опаленный адским пламенем и запекшийся круг размером с городскую площадь — будто небесная сковородка богов упала здесь.

И не надо было подсказки — Дороти уже догадалась, что видит то место, на котором пять лет назад опустился корабль с чужой звезды, и был он так тяжел и горяч, что испепелил растительность и превратил землю в камень. Ничто земное не могло бы совершить такого насилия над почвой.

Не наступай, объезжай пятно, проговорил внутренний голос. Не приближайся...

Но Дороти не прислушивалась к собственным страхам, потому что ей надо было решить, куда держать путь дальше.

Здесь, на запеченном звонком глиняном круге не было никаких следов войны. Да и не могли звездные люди воевать под собственным кораблем. Значит, надо ехать дальше... Вниз по реке или вверх? Справа к реке близко подступали скалы и каменистый скат уходил наверх, не оставляя свободного места на берегу — налево же, вверх по течению, берег реки был плоским, зарос-

шим кустарником и кушами бамбука, — все это могло появиться здесь за считанные годы, а раньше по берегу тянулись поля.

Дороти повернула лошадей вверх по реке, и скоро тропинка прервалась и пришлось пробиваться сквозь кусты, держась как можно ближе к берегу. Кусты и бамбук здесь были удивительными, даже более странными, чем перед перевалом, — листья бамбука потеряли форму, раздваивались, а то принимали форму кленовых листьев, а стволы изогнулись и ветвились, словно это был не бамбук, а ивы. Но зато вымахали эти заросли ярдов на двадцать и пробиться сквозь них было очень трудно.

Дороти готова была повернуть назад и поискать другую дорогу, выше по берегу, тем более что лошади волновались, ржали, старались повернуть обратно, но тут ее глазам предстала странная картина — она увидела нечто блестящее над головой — приглядевшись, она поняла, что видит металлическое кольцо, сквозь которое пророс побег бамбука. За пять лет побег превратился в ствол и кольцо поднялось на два человеческих роста.

Дороти решила взять кольцо с собой — может, она больше ничего не найдет, но кольцо будет доказательством ее правоты: битва между звездными пришельцами все-таки была и следы ее остались в лесу. Если бы это была битва между демонами, то ни одной настоящей вещи остаться после них не могло, ибо демоны бьются условными, несуществующими для людей копьями и мечами.

Дороти вытащила нож и постаралась срезать ствол бамбука, но он был настолько толст и крепок у основания, что, помучившись несколько минут, девушка была вынуждена отказаться от своего намерения.

Тогда она решила, что займется бамбуком на обратном пути, если не найдет ничего более интересного, а сейчас она пройдет немного дальше пешком, хотя бы потому что из седла можно проглядеть вещи, которые таятся в траве.

Дороти привязала лошадей к стволу бамбука, схваченного кольцом, чтобы не потерять его в кустарнике, и пошла дальше пешком, раздвигая стволы кустов и

бамбука... И через двадцать шагов натолкнулась на скелет звездного человека.

Почему она решила, что это звездный человек?

Все объяснялось просто и обыденно — перед ней, почти скрытый в траве и кустах, лежал скелет, обремененный до белизны лесными тварями, но на скелете сохранились остатки странной облегающей одежды, а главное — его череп был заключен в странный круглый шар, железный сзади и с боков, а спереди снабженный стеклянным прозрачным забралом. Шлем был похож на рыцарский, хотя ничего больше рыцарского на звездном воине не было надето. Зато рядом с ним у пальцев скелета лежало оружие из темного металла. Дороти была убеждена, что эта палочка с перекладинами и рукоятью — не что иное, как оружие. И ей было нестрашно. И зря предупреждал ее, пугал, гнал прочь внутренний голос — Дороти подняла оружие и принялась нажимать на выступающие из него места. Ничего не случилось.

Отбросив оружие, Дороти пошла дальше и почти на каждом шагу натыкалась на скелеты тех людей, некоторые были в шлемах, другие несли на груди и спине панцири. Между скелетами валялись и другие вещи, значения и смысла которых нельзя было угадать, но Дороти поднимала их и пыталась сообразить, что к чему. Ведь она собиралась доказать дяде, что у звездных людей есть оружие, которое может пригодиться лигонцам в войне с Авским королевством.

А еще через двадцать шагов, выйдя неожиданно клучине реки, Дороти увидела, как из-под какой-то тряпки, в которую был замотан очередной скелет, сверкнула искра.

Отодвинув ногой тряпку, Дороти увидела то, зачем она сюда пришла. Она нашла зеркало. Зеркало, оправленное в серебро, на серебряной овальной ручке.

Вот так... все очень просто. Пришла, увидела, победила.

Дороти подняла зеркало. Зеркало было тяжелым ровно настолько, чтобы чувствовать его в руке, но не настолько, чтобы тяжесть была неприятной. За пять лет зеркало покрылось грязью и пылью — Дороти пришлось соскребывать грязь ножом, а потом она спусти-

W. D. Howells

лась к реке и принялась отмывать зеркало. Вода была очень холодной и потому присохшая грязь смывалась с трудом. Прошло немало времени, даже руки заочене-ли, но Дороти упрямо терла стекло и рамку, потому что ей не терпелось посмотреться в зеркало.

Внутри Дороти шелкало предупреждение: уходи, здесь оставаться опасно! Уходи отсюда, здесь царит тот самый невидимый газ, отравя звездных пришельцев. Но Дороти не прислушивалась к угрозам — она была рада находке. Серебро рукояти и рамки было вылеплено фигурно — среди орнамента и виноградных лоз угадывались маленькие обнаженные танцовщицы.

Ну вот и готово! Зеркало засверкало. Дороти повернула его к себе и заглянула в него.

Это было... трудно объяснить. Это было как в страшном сне!

Зеркало было глубоким — ты смотрел в него как в колодец, но колодец не был темным, он отражал свет дня, который окружал Дороти, и в глубине его клубился дым, почти белый и ненастоящий, подобно тому дыму, который умели вызывать мальчишки, кидая в лужу на улице кусочек негашеной извести.

Но самой Дороти в зеркале не было!

Она даже перевернула зеркало и осмотрела его сзади, но тыльная сторона его была серебряной, на ней были вдавлены узоры...

Дороти снова посмотрела в блестящую поверхность... Нет, нельзя было сказать, что зеркало ничего не отражает — ведь и глубина была в нем, и ощущение колодца, и клубящийся белый дым... Скорее зеркало было живой движущейся картинкой.

— Зеркало Зла, — произнесла Дороти. Откуда-то она знает его название. Зеркало Зла — не таится ли зло в том дыме, или оно скрывается за белым дымом?

Держа зеркало в руке, Дороти поднялась с корточек и хотела было пойти дальше, как увидела, что в белом дыме что-то темнеет. Темное пятно увеличивалось. Дороти, которая не могла оторвать взгляда от зеркала, показалось, что она может различить сквозь дым маленькие черные злобные глаза на лице, покрытом шерстью... желтые клыки были видны из-под вздернутого носа... Что за чудовище угрожает ей?

Дороти почувствовала топот, треск ломающихся ветвей. Она обернулась.

И увидела, как из чащи на нее несется, утробно рыча, громадный кабан с торчащими вверх ушами, впрочем, Дороти и не успела догадаться, что это кабан, потому что ей никогда не приходилось видеть диких кабанов, да еще таких длинноногих и мохнатых, какие водятся в лесу, отравленном невидимым ядом звездных пришельцев.

Не поняв, что это кабан, Дороти все же сообразила, что ей угрожает смертельная опасность, и, прижав к груди зеркало, которое предупредило ее об опасности, она с разбегу кинулась в воду реки, которая здесь была холодна, быстра, но неглубока.

Вода повлекла Дороти по камням и протащила, наверное, шагов двадцать, пока оглушенная девушка смогла, ударившись о торчащий из воды камень, уцепиться за него свободной рукой.

Ледяная вода била по телу, стараясь оторвать Дороти от камня и потащить ее дальше вниз, но тут Дороти постаралась, опираясь о камень животом, подняться на ноги. Это ей удалось.

И когда она встала, то оказалось, что вода не достает ей до пояса — иначе бы Дороти не удержаться в таком быстром потоке.

Но увидел это и бешеный кабан на длинных ногах. Оказывается, он бежал следом за Дороти по берегу и остановился, замер, рыча как медведь, у кромки воды — всего в десятке шагов от Дороти.

Он вовсе не намеревался отпустить ее душу на покаяние — переступая ногами, кабан топтался, с каждым шагом чуть-чуть глубже заходя в воду.

— Уходи! — крикнула ему Дороти. — Ты все равно до меня не доберешься. А если и доберешься, то я убегу на тот берег.

Дороти оглянулась — тот, дальний берег был недалеко, но его отделял от девушки трехметровый пенистый глубокий и страшно быстрый поток.

Кабан улыбнулся.

По крайней мере, так показалось его жертве — она увидела, как дрогнули его губы, еще больше обнажились клычищи.

— Ну что тебе от меня надо? Ты же не ешь людей?
И тогда кабан, который, может быть, просто не выносил человеческого вида, сделал еще один шаг вперед — по мелководью. Он был намерен добраться до Дороти.

И как только он сделал второй шаг, то сзади раздался крик.

— Эй! Обернись!

Кабан услышал крик сквозь шум воды и резко обернулся.

Из кустов вышел Нга Дин — глухонемой сын У Пиньзотты с мушкетом в руке.

Он тут же выстрелил в кабана.

Тот пошатнулся от выстрела, но не упал, а стал разворачиваться, чтобы выйти на берег и броситься на стрелка.

Нга Дин отбросил мушкет, перезарядить который он все равно бы не успел, и выхватил из ножен кинжал.

И тут следом за молодым воином из кустов вышел старый Бо Пиньзотта. Его выстрел, видно попавший кабану в глаз, уложил животное на месте. Кабан упал на границе воды и травы.

Дороти как стояла, опираясь о камень, так и сползла по нему в воду: ноги вдруг перестали держать.

А Нга Дину это показалось очень забавным, и он принялся хохотать, указывая пальцем на Дороти.

Отец подошел к нему сзади и подтолкнул вперед.

— Иди, — приказал он жестом. — Помоги принцессе.

— Угу, — ответил Нга Дин.

Ни разу не пошатнувшись, здоровяк в несколько шагов одолел расстояние до Дороти, подхватил ее под коленки, поднял, прижал к себе и понес к берегу, не переставая смеяться. А когда они приблизились к кабану, то, перешагнув через чудовище, богатырь сделал вид, что хочет кинуть Дороти на зверя.

Дороти оперлась о протянутую руку старого генерала.

— Как вы успели... спасибо.

— Я думаю, он бы до тебя не добрался, — успокоил ее Бо Пиньзотта. — Но он мог взять тебя измором. Видела, какое чудовище? Я такого еще не видел, хотя

сорок лет считаюсь хорошим охотником. У тебя зеркало? Откуда? Здесь нашла? Странно — я смотрел, скелеты мужские, демоны...

— У демонов не бывает скелетов.

— Может быть. Тогда люди. Но воины. А зеркало женское.

— Нам нельзя здесь долго оставаться, — сказала Дороти. — Это плохое место.

— Мы знаем, — ответил Бо Пиньязотта. — Все знают. Живым отсюда мало кто возвращался.

Нга Дин улыбался широко и бессмысленно.

— Я думала, что здесь есть оружие для нас, — сказала Дороти.

— Твой дядя говорил нам об этом.

— Почему вы не испугались ехать сюда?

— Твоя дядя и наш повелитель просил об этом.

— Значит, он знал, что я сюда поеду.

— Он сказал, что ты упрямая кошка.

— Я упрямая кошка, — согласилась Дороти. — Я из рода упрямых кошек. Но теперь надо уезжать. Я чувствую, что здесь нехорошо.

— Еще бы, — согласился Бо Пиньязотта. — Я всей шкурой это чую. Ты видела, какие листья здесь на деревьях?

Нга Дин руками начал подавать отцу знаки. Бо Пиньязотта отрицательно покачал головой, потом объяснил Дороти:

— Он думал, что мы возьмем с собой кабана. Но я думаю, что это дьявольский кабан.

— И если он жил тут, то, наверное, он тоже отравлен.

Они пошли обратно, к бамбуковым зарослям. Лигонцы оставили своих коней рядом с лошадьми Дороти.

— Как же вы за мной следовали, что я вас не заметила? — сказала Дороти.

— Мы — настоящие охотники, — ответил Бо Пиньязотта, польщенный словами принцессы.

— Только сегодня на рассвете я видела ваш костер у реки.

— И догадалась?

— Нет, не догадалась.

Лошади вели себя беспокойно, переступали с ноги на ногу.

— У вас есть хороший нож? — спросила Дороти.

— Зачем?

— Вон там, на бамбуке, высоко, железное кольцо. Я хочу его снять.

Бо Пиньязотта приказал сыну срезать ствол бамбука, и Нга Дин справился с этим за несколько минут.

Бамбук рухнул с шумом и застрял на поддороге в тесном лесу собратьев. Освободив его, Нга Дин легко отрезал кусок с кольцом. И снял его.

Кольцо оказалось железным, с дырками, в которых, видно, были раньше камни, потому что в одной из них сохранился рубин.

— Этот обруч носили на голове, — сказал Бо Пиньязотта. — Он придерживал волосы. Будешь брать с собой?

— Не знаю, — сказала Дороти.

Уж очень грязным, непривлекательным и дешевым казался этот проржавевший обруч.

Но Бо Пиньязотта положил обруч в переметную суму.

— Надо было что-то взять на память, — сказал он. — А то у тебя есть зеркало, а у нас с мальчиком ничего нет.

— Это странное зеркало, — сказала Дороти. — В нем ничего не отражается.

Она протянула зеркало старому генералу. Тот погляделся в него.

— Там дым, — сказал он.

— А когда на меня напал кабан, — сказала Дороти, — я увидела кабана в зеркале за несколько мгновений до того, как он появился.

— Плохо, — сказал Бо Пиньязотта. — Это зеркало демонов. Может, выбросишь?

— Нет, нет, — сказала Дороти. — Я хочу показать его дяде.

Переночевали они в деревне Ва. К тому времени воины уже вернулись с охоты на слонов и пригнали двадцать слонят. Они поражались отваге принцессы и тем более лигонцев. Вождь деревни сказал:

— Храбрость принцессы невысока, потому что она молода, неопытна и не знает опасности. Храбрость Бо

Пиньязотты и его сына велика, потому что они знали, что подвергаются смертельной опасности, но их верность господину и долгу была безгранична.

Они пили некрепкое мутное ячменное пиво, слонята топтались за массивной оградой загона и плакали без своих матерей. Рядом с ними стояли ручные слоники, которые были на охоте рядом с воинами и помогали им отнимать детей у диких слоних и убивать тех, которые сопротивлялись. Эти же слоники несли с собой до деревни кожаные туки с мясом и шкурами своих товаров. Они служили людям и предали слоновье племя.

Вождь племени стал пьян и долго рассуждал о верности и предательстве.

На следующий день они вернулись в Лиджи.

Зеркало ни разу никого не показало.

Еще через два дня возвратился в свою маленькую столицу Бо Нурия.

В своей поездке он встречался и разговаривал с горными вождями. Они обещали ему верность, но не могли обещать силы. Теперь король отправил своих людей, чтобы нанять в Малакке португальский отряд. Если португальцев не будет в Малакке, где голландцы их не жалуют, то следовать в Сиам, чтобы там набрать японских мушкетеров.

Племянницей он был недоволен.

Она презрела его запрет и рисковала собой в горах. Дядя был рад своей предусмотрительности, ибо с самого начала не поверил в ее смирение и попросил Бо Пиньязотту присмотреть за Ма Доро.

Зеркалом он не заинтересовался и посоветовал его выкинуть. Потом долго допрашивал Бо Пиньязотту, неужели в горах не осталось оружия демонов.

— Мне нужны пушки, — повторял он. — Мне очень нужны пушки.

А еще через день из Рангуна приехал армянский торговец, который выполнял там некие просьбы лигонского двора. Вечером король пригласил его к ужину. И Дороти увидела его. Армянский торговец был одет как настоящий англичанин. Он даже умел говорить по-

английски и, когда разговаривал на обеде с Дороти, повторил:

— Будучи христианами, мы ищем поддержки у единомерцев и надеемся быть им полезными.

Армянин рассказал, что в Рангун пришел большой, даже громадный английский корабль. Называется он «Дредноут». Это линейный корабль флота и на нем, наверное, тысяча или больше сипаев из Калькутты. В Рангуне есть мнение среди торговцев, что мистер Джулиан Уиттли вместе с полковниками, которые прибыли на борту линейного корабля, затевают какое-то дело. Одни считали, что они захватят Рангун и сделают его английским портом, как португальцы сделали с Гоа или Макао. Другие думали, что англичане готовят поход в Аракан, недавно перешедший к Бирме и граничащий с Британской Бенгалией, откуда навстречу им двинется английская армия... Бирманский мьюза-губернатор Рангуна даже вызывал к себе мистера Джулиана Уиттли, чтобы выяснить, есть ли правда в этих слухах. Мистер Уиттли с гневом отверг эти подозрения.

— А что вы сами думаете? — спросил Бо Нурия у армянина.

— Я думаю, что англичане всерьез планировали захват Рангуна, но в пути потеряли свое второе судно, на борту которого были еще моряки и солдаты, а также тяжелые пушки — без пушек англичане не рискнут напасть на бирманцев.

Когда все разошлись после обеда, король остался с племянницей.

— Ма Доро, — сказал он, — я оставил тебя, потому что ты разговаривала с этим хитрым торговцем и переводила для меня. Я хочу понять, что он думает на самом деле.

— Я думаю, что он ищет свою выгоду. Ему нужна торговля с тобой...

— Еще бы, за то, что он приехал, он заберет у меня рубины за полцены.

— А ты отдашь?

— Ну не за полцены... — Дядя засмеялся.

— Ты тоже думаешь, что англичане отказались от мысли захватить Рангун? — спросила Дороти дядю.

— Не уверен, — ответил король. — Их корабль «Дредноут» привез много солдат. Что теперь с ними делать? Кормить их и везти обратно? Это так непохоже...

— И я думаю, — поддержала короля племянница, — что мистеру Уиттли невыгодно отказываться от войны. Ведь его могут сделать виноватым, что война не получилась. Значит, надо отыскать других виноватых, а еще лучше — положить в карман короля Англии новую провинцию. Я знаю его жену, она мне рассказывала, какой он тщеславный. Он боится, что время идет, а он упускает свою великую победу...

— Но у него нет пушек, — сказал король.

— Я, конечно, не солдат, — сказала Дороти, — но разве нельзя стрелять из корабельных пушек?

— Нельзя. Они устроены так, — сказал дядя, — что не могут ездить по земле. У них слишком маленькие колеса, такие маленькие, что на них можно только подкатить пушку и откатить — на гладкой палубе.

Дороти пошла спать, а ночью она проснулась оттого, что решила задачку. Жалко, что нельзя бежать по дворцу в спальню к дяде, нельзя разбудить короля... Она без сна мучилась до рассвета, а с первым лучом солнца послала служанку к королю с просьбой о немедленной встрече.

Бо Нурия сам поднялся на веранду павильона принцессы.

— Что случилось? Что-нибудь серьезное, девочка?

— Скажи мне, а сами пушки, сами их стволы — они одинаковые у корабельных и у сухопутных пушек?

— Да, — согласился король. — И из-за этого ты меня вызвала?

— Неужели ты не понимаешь, как это важно? А что, если сделать для пушек больше колеса, они станут сухопутными?

— Мне надо поговорить с моими пушкарями, но я думаю, что это можно сделать.

— А ты знаешь, сколько пушек на «Дредноуте»?

— Нет.

— Шестьдесят четыре большие пушки! И если мистер Уиттли сделает им колеса, то его война может быть удачной!

— Но это трудно сделать...

— Но если догадаться, то можно сделать?

— Можно.

— Тогда ты должен послать надежного человека, который увидит, снимают ли пушки с «Дредноута», переносят ли их на сушу, делают ли в фактории для них колеса.

— Как это увидишь? Ведь если англичане будут делать это, то они сделают это в секрете. За высокими стенами фактории.

— Неужели тебе некого туда послать.

— Некого... и незачем.

Дворец короля, состоящий из нескольких деревянных строений, окружающих главное здание и множество домов и домиков для прислуги, охраны и всякой придворной челяди, просыпался. Отовсюду доносились голоса, над кухнями поднялись дымки...

— Неужели ты не понял, почему я проснулась ночью и не смогла снова заснуть? — удивилась Дороти.

— Почему же? — Дядя снисходительно улыбнулся, видя, как горячится девушка.

— Потому что еще несколько дней назад ты просто кричал, как тебе нужны пушки! А разве плохи для тебя английские пушки?

— Что?.. Нет, это невысказано! С чего ты решила, что англичане сделают для них колеса?

— Если они сделают для них колеса, то это будет подарок тебе, мой повелитель. Тогда тебе надо будет приехать в факторию и отнять пушки у англичан, чтобы защищаться от бирманцев.

— Ты несешь чепуху! Вернее всего англичане не тронут пушки большого корабля.

— Пока мы этого не увидим, мы не можем быть в этом уверены.

— Как мне найти человека, который проникнет в факторию? Они же никого не пустят.

— И меня?

— Как так тебя? Что ты имеешь в виду?

— Я готова сыграть роль потерявшейся и найденной служанки миссис Уиттли.

— Но она тебя продала в рабство!

— Если я об этом не буду вспоминать, кто об этом станет вспоминать? Неужели ты думаешь, что Регина призналась кому-нибудь в своих делах?

— Нет, я не могу рисковать тобой! Они могут тебя убить!

— Лучше меня ты не найдешь шпиона!

— Я не могу рисковать жизнью принцессы Лигона! И я не могу, чтобы принцесса Лигона была служанкой этой мерзкой предательницы.

— Я думаю, что мне лучше выехать завтра пораньше, — сказала Дороти. — Ты расскажешь мне, с кем я могу связываться в Рангуне. У Дхаммападой? Или с армянским купцом?

— Нет, ты никуда не поедешь!

— Мой дядя и повелитель, ты же сам говоришь, что речь идет о судьбе Лигона!

— Я боюсь за тебя! Я тебя так недавно обрел и только-только успел полюбить как дочь...

— Но о моей поездке в Рангун не должен знать ни один человек, — предупредила Дороти.

— Кроме Бо Пиньязотты, — отошел на запасные позиции Бо Нурия, — он будет сопровождать тебя до Рангуна и останется там, чтобы в случае опасности прийти к тебе на помощь.

— Хорошо, — согласилась Дороти.

И внутренне улыбнулась: даже если старый генерал будет проводить дни и ночи под оградой фабрики, он не успеет перепрыгнуть через нее, если что-нибудь случится...

В течение дня король трижды запрещал Дороти поездку в Рангун, но все же она его переломила. И ночью тайне был собран небольшой отряд под предводительством Бо Пиньязотты, который сопровождал принцессу до Рангуна.

Глава 9

ТЕМНИЦА ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ

Милодар подошел к саркофагу и долго вглядывался в безмятежное лицо Кору Орват. Профессор Гродно, занятый своими делами, ничем не отвлекал комиссара, Пегги же, которая в последнее время стала ревновать Милодара к спящей красавице, ушла из лаборатории, хлопнув дверью.

— Потерпи, Кора, — негромко произнес Милодар. — Скоро мы кончим этот чертов эксперимент.

Разумеется, Кора ничем не показала, что слышит Милодара, да и не могла услышать, потому что стенки саркофага были совершенно звуконепроницаемы.

Не дождавшись ответа, комиссар повернулся к профессору Гродно.

— Мне кажется, что ее состояние улучшилось? — В конце утверждения прозвучал вопросительный знак.

— Все относительно, коллега, — отозвался профессор. — Разумеется, когда недавно мы наблюдали пик активности, я боялся за состояние мозга Кору. Я уверен, что связи, создавшиеся между мозгом Кору и мозгом ее прапрапрабабушки, куда сложнее, чем мы допускали. Не исключено даже, что не только Коре известна каждая мысль Дороти, но и Дороти догадывается, что она не одна.

— Она не может помешать Коре?

— Что мы с вами знаем! Я вычислил в пике мозговой активности вашего агента элемент страха.

— Коре не свойственно это чувство, — отрезал комиссар, словно профессор покусился на честь всего ИнтерГпола, и комиссара в частности.

— К счастью, всем людям, даже вам, комиссар, это чувство свойственно.

— Вы забываетесь, профессор!

— Иначе никого бы не осталось в живых, потому что мы бы бросались под движущийся транспорт.

— Ага, вы шутите, — догадался Милодар. Нехватку чувства юмора комиссар заменял быстрой реакцией и предпочитал видеть смешное там, где обычные люди его не замечали. В некоторых руководящих кругах у него была репутация бесшабашного шутника, что, кстати, помешало ему завершить свою карьеру в главном штабе ИнтерГпола.

— Мой компьютер утверждает, — продолжал доктор, — что в эти часы Дороти находилась на месте сражения мятежников из Эпидавра. В те годы там существовала остаточная радиация, возможно, опасная для организма. Дороти ничего не знает о радиации, не может ее бояться. Но Кора о радиации знает...

— Вы хотите сказать, что Дороти уже достигла цели?

— Вот именно.

— И вы мне не доложили?

— Я не ваш подчиненный, — ответил профессор, которому уже давно надоел Милодар. Поэтому профессор не мог дожидаться, когда завершится эксперимент.

— Я сегодня же перевожу лабораторию в распоряжение ИнтерГПола, — вскинулся Милодар. — Ввиду галактической важности нашей с вами работы.

— Ах, оставьте, комиссар, — отмахнулся маленький профессор. — Может быть, это было реально три месяца назад, когда эксперимент только начинался, но только не сейчас, когда у вас такие неприятности в связи с перерасходом энергии и вашими пиратскими вылазками в прошлое.

— Если бы не мои так называемые пиратские вылазки, — обиженно ответил комиссар, — мы бы до сих пор не знали, где находится наш агент. И вообще потеряли бы ее след.

— Это не столь важно, — возразил профессор. — Ведь в основном связь поддерживает сама Кора с помощью наших приборов, а ваши пиратские наскоки мало что дали!

— Кто нашел Дороти? Кто устроил Дороти служанкой к Уиттли? Кто вырвал девушку из рук горбуна?

— Не думаю, что вашей голограмме было уютно в кувшине, когда в него стрелял из пистолета торговец Рахман!

— Моей голограмме было на это плевать! Она готова пожертвовать собой ради дела.

— И все же, коллега, — вздохнул профессор. — Все же именно нам удалось наладить прямой контакт между Корой и Дороти. И именно нам удалось направить Дороти на поле боя.

— А дальше? — ехидно спросил Милодар. — Вы даже не знаете, отыскала она там что-нибудь или вся операция провалилась?

— Отыскала, — ответил профессор. — Я знаю об этом по реакции Кору. Был момент, когда она испытывала чувство глубокого удовлетворения.

— Что отыскала? Где отыскала? Где это сейчас?

— Наверное, у Дороти.

— Что значит ваше «наверное»? Не исключено, что Дороти не понравилось Зеркало Зла и она выкинула его.

— Вы знаете, что это не так.

— Не так, потому что она запомнила мои указания... — Милодар кинулся было к двери, к генераторам, намереваясь, плюнув на все, снова нырнуть в прошлое и задать Дороти важный вопрос: где вещи?

Но на полдороге к двери Милодар остановился.

У центрального пульта стояли уверенные в себе, равнодушные ко всему биороботы Управления энергетики. Вторую неделю по решению Совета Земли они не оставляли комиссара ни на секунду, ибо он уже трижды нарушал строжайший запрет на трату энергии и из-за него погибли все помидоры в Северном полушарии.

Комиссар Милодар, при всем уважении к нему руководящих лиц Земли, был лишен права приближаться к энергетическим пультам и установкам...

Из своей комнаты вышла улыбающаяся Пегги в синем парике. Она вынесла на подносе две чашки кофе для биороботов. И ее можно было понять — биороботы являли собой молодых загорелых красавцев, облаченных в форменные плавки и каскетки. Так как биороботы были равнодушны к переменам погоды, Земэнерго не считало необходимым тратить на их одежду.

— Но у вас остался один сеанс, — сочувственно произнес профессор, которому также не нравилось легкомыслие Пегги. — Один сеанс, на котором все решится.

— А мне нужно два сеанса! — В последние дни Милодар пристрастился кусать ногти и обкусал их до мяса. — Мне нужен один сейчас, чтобы узнать, какова добыча Дороти, и еще один сеанс, чтобы приказать ей положить вещи в условленное место.

Профессор пожал плечами. Он понимал, что больше снисхождения к Милодару ждать не приходится. Один сеанс, причем короткий. Один сеанс.

— Когда? — спросил Милодар у профессора. — Мне же нужно вызывать эпидаврян на передачу ценностей!

— С этим вы никогда не опоздаете, — возразил профессор Гродно. — Они прискачут, как только запахнет жареным. Материализуются прямо здесь! Это такой народец...

Милодар подошел к саркофагу. Он умоляюще посмотрел на Кору. Потом осторожно постучал согнутым указательным пальцем по прозрачной крышке саркофага.

— Кора, — произнес он ласково. — Девочка моя. Ты меня слышишь?

Прекрасное обнаженное тело агента № 3 покоилось в туманном инертном газе, не касаясь стенок саркофага. Спящая красавица не слышала своего принца.

— Я готов поцеловать крышку гроба, — сообщил комиссар.

— Я вас понимаю, — сказал профессор.

— Из этого ничего не выйдет, — отозвалась от двери Пегги. Один из биороботов хихикнул. Видно, в него было введено чувство юмора.

Милодар отмахнулся от мелких раздражителей.

— Кора! — умолял он. — Корочка! Ну когда?

И вдруг губы агента шевельнулись. Чуть-чуть.

— Что она сказала? — крикнул комиссар. Он в гневе кинулся к профессору. — Она же что-то сказала!

— Странно, — ответил профессор и включил компьютер, который должен был по движению губ угадать слово или слова, произнесенные спящей. Профессор долго подбирал частоту и высоту звука, он играл на клавиатуре, как Паганини. И наконец на дисплее появились зеленые буквы: «Потерпите. Я скажу...»

— Я скажу, — повторил комиссар.

Он ударил себя в грудь большим волосатым кулаком.

— Она услышала и постаралась! Для меня.

И, вытирая набежавшую слезу, комиссар покинул лабораторию.

Биороботы чинно поставили на поднос пустые чашки и припустились за комиссаром.

Молодая бирманка, одетая бедно, но пристойно, скромно причесанная, в пыльных сандалиях и с шанской котомкой через плечо, подошла к воротам британской фактории в Рангуне, когда только закончился яростный, но недолгий ливень, превративший пыль под ногами в грязь, заставивший разбежаться всех кули и сипаев, что трудились на обширном дворе фактории, в укрытие под

навесами складов и мастерских. Когда же ливень перестал молотить по крышам и по двору, замешивая пыль в жидкую кашу, люди начали выползать наружу, поглядывая на небо — будет ли продолжение ливня или выйдет солнце?

Не случилось ни того, ни другого — облака остались на небе, но просветлели и не угрожали более потопом.

Солдаты, сторожившие факторию и не успевшие от неожиданного нападения дождя закрыть ворота, только-только выбрались из своей сторожки, как молодая женщина прошла мимо них, не привлекая к себе внимания.

Осторожно шагая по доскам, уложенным от ворот к конторе, бирманка внимательно оглядывалась, стараясь понять, что происходит вокруг.

Но человеку постороннему, хоть бы он был наблюдателен, трудно было разобраться в смысле действий десятков человек, спешащих по своим делам, бредущих с грузом по лужам или бегущих к пристани за товаром. Сам главный двор фактории занимал пространство большее, чем базарная площадь в среднем городе, он был окружен множеством складов, а также служебных и жилых помещений, которые образовывали в дальней от ворот стороне некоторого рода лабиринт, ибо теснились, оставив между собой лишь проходы, в которые не могла бы проникнуть повозка. Правее же к площади примыкал ухоженный и политый газон, на который выходил дом фактора.

Девушка остановилась и постаралась выбрать из бегущих или шагающих по двору людей нужную себе персону. Вот он, пожалуй, подходящий человек — явно местный слуга, китаец. Такой может знать английский и бирманский языки, потому что китайцы всегда учат языки народов, которым служат.

— Простите, господин, — произнесла девушка по-бирмански, сложив на груди ладошки, — не скажете ли вы мне, где найти госпожу Уиттли?

— Не знаю, не знаю, — отмахнулся от нее китаец. — Если ты на кухню, то иди туда.

— Госпожа Уиттли, миссис Регина, — повторила Дороти. Потом еще раз произнесла эти слова, уже по-английски.

Китаец безнадежно моргал, может, попал сюда недавно. Но тут молодой брюнет в расстегнутом красном мундире с лейтенантским эполетом на плече, услышав слова Дороти, с любопытством пригляделся к бирманке, которая показалась ему прехорошенькой.

— Вы говорите по-английски, мисс, — сказал он с легкой снисходительностью. — Первый раз встречаю бирманскую женщину, которая говорит по-английски.

— А разве здесь нет в услужении бирманок? — спросила Дороти, забыв, что она сама — простая бирманка.

Глаза смуглого чернокудрого лейтенанта округлились, и брови полезли вверх.

Но пока глаза и брови удивлялись, язык сам по себе ответил:

— Бирманцы не идут к нам в услужение, — сказал он. — Дьявольски гордый народец, мисс... Ах, простите.

— Ничего страшного, — сказала Дороти.

— Но почему, черт побери, вы говорите по-английски? — потребовал ответа лейтенант.

— Потому что я — англичанка, сэр, — ответила Дороти.

— Этого быть не может! Я голову даю на отсечение...

— Не рискуйте, лейтенант, — сказала Дороти. — Вы можете лишиться головы, а я бы этого не хотела.

Из такого ответа следует, что за месяцы, проведенные в Лиджи в образе наследной принцессы, Дороти приобрела некоторые замашки, скажем, самоуверенность знатной дамы.

— Нет, это невероятно! — воскликнул лейтенант. Но тут же поклонился и добавил: — лейтенант Стюарт, Артур Стюарт, к вашим услугам, мисс.

— Мисс Форест, — сказала Дороти. — Дороти Форест. Очень приятно с вами познакомиться.

И Дороти наклонила голову.

— Так пойдемте же на веранду, зачем нам стоять посреди двора, на нас весь этот зоопарк уставился.

Лейтенант повел Дороти к широкой веранде конторы, где стояли плетеные кресла.

По пути он придержал Дороти под локоток, обходя лужу.

Лейтенант был заинтригован и не скрывал своего любопытства.

— Как вы сюда попали? Почему я ничего об этом не знаю? Такая милая девушка... простите, мисс, если я показался вам назойливым, но ведь и меня можно понять: я гнию на самом конце света и вдруг моим очам предстает фея...

— Не надо, сэр, — остановила разговорчивого лейтенанта Дороти. — Но все куда проще, чем кажется, и вы сейчас будете разочарованы.

— Я? Никогда в жизни!

— Я всего навсего горничная миссис Уиттли, — призналась Дороти.

— Как? Разве вы не погибли?

— Почему вы так решили?

— Но ведь вас смыло с лодки, на которой бежала от пиратов миссис Регина! — воскликнул лейтенант Стюарт. — Все знают, как она осталась одна...

Дороти обрадовалась случаю, сведшему ее с разговорчивым лейтенантом. По крайней мере, она теперь знала, что ее смыло с лодки. И не надо противоречить госпоже.

— Меня подобрала рыбаки, — заявила Дороти, опустив глаза. — Я чудом спаслась...

— Это невероятно! Идемте, идемте же!

Лейтенант потащил Дороти за руку внутрь дома.

— Мисс Уиттли где-то здесь. Я ее недавно видел. О, как она будет рада!

— Я тоже жду не дождусь, — согласилась Дороти, стараясь вырвать руку у лейтенанта. Но тот держал ее крепко и тащил, как конь тянет за собой плуг.

От быстроты движения Дороти не успевала толком разглядеть комнаты, которые они миновали. Но заметила, как оборачивались в их сторону лица клерков или служащих компании.

Дороти поняла, что большое здание фактории отдано официальным делам, но ей еще было непонятно, где живет фактор — здесь же или в особом доме?

Ее недоумение было рассеяно, когда лейтенант растворил не постучавшись большую дверь и они оказались в обширной гостиной, как сообразила Дороти, официальной, предназначенной для приемов. Уж очень

она была велика и скучна, и даже несколько темных портретов джентльменов в военных мундирах ту комнату не оживляли. Посреди гостиной широким полукругом стояли массивные кожаные кресла, от одного вида которых становилось невыносимо жарко. Они окружали низкий тиковый стол, украшенный пустой фарфоровой вазой.

Далее из гостиной приоткрытая дверь вела в кабинет фактора и догадаться об этом было нетрудно, так как там размещался письменный стол и книжный шкаф, в котором стояло множество одинаковых томов.

В кабинете тоже было душно, но Дороти лишь успела отметить для себя этот факт, и на время забыла о жаре, потому что посреди кабинета стояла прекрасная пышногрудая птица Регина и напротив нее сутулый и скучный джентльмен с мучнисто-белым лицом и пороцистым носом, как у сэра Уиттли.

Миссис Уиттли была взволнована, она раскраснелась, она была недовольна и давала понять мужу, насколько и кем она недовольна.

— Ты слюняй! — кричала она мистеру Джулиану Уиттли. — Ты не можешь принять простого решения? Если ты их не повесишь, тебя самого повесят!

Дороти не успела понять, кого имела в виду Регина, потому что та увидела свою служанку, которая резко вбежала в кабинет фактора, держась за руки с легкомысленным лейтенантом Стюартом.

На мгновение Регине показалось, что Стюарт сейчас попросит руки ее горничной — так решительно он выглядел.

Но тот имел в виду совсем иное.

— Простите, сэр! — крикнул он с порога фактору. — Но у меня для вас чудесные новости! Та, которую вы оплакивали...

— А именно? — спросил фактор, медленно переводя рыба глаза на бирманку.

Стюарт уже обращался к жене фактора:

— Та, которую вы столь горько оплакивали, миссис, вернулась в ваши объятия!

И с этими словами Стюарт так дернул за руку Дороти, что она не смогла удержаться и налетела грудью на вытянутые вперед руки миссис Уиттли.

— И не бойтесь! — совсем уж развеселился лейтенант. — Это не привидение, а ваша любимая горничная Дороти Форест!

Последние слова прозвучали, словно лейтенант объявлял певца с ярмарочной сцены на площади.

Тут наступила тишина, потому что следовало заговорить кому-то еще, не вечно же выступать со сцены оживленному лейтенанту. И так как мистер Уиттли мямлил что-то неразборчивое, а Регина открывала и закрывала пухлые губки, как сазан, выброшенный на берег, то пришлось заговорить Дороти.

— О, уважаемая миссис Уиттли! — сказала она, призывая на помощь слезы. — Как счастлива я, что смогла вернуться к вам! Я думаю, что в неисчислимых испытаниях, которые выпали на мою долю, ваши молитвы сохранили меня и мою честь.

— Но ведь ты... — произнесла Регина, кривя рот, — ведь тебя...

— Да, — поспешила помочь Регине Дороти, — да, меня выкинуло волной за борт шлюпки, меня кидало по волнам как щепку. Но меня спасло весло, которое вы успели кинуть мне вслед, миссис Уиттли.

Тут, к счастью, спасительные слезы достигли глаз и Дороти искренне прослезилась.

Она смахнула слезы рукой и успела увидеть, как угрожающе потемнел камешек в колечке. Еще бы, подумала она, ведь Регина ненавидит меня звериной ненавистью, потому что боится правды... Но неужели она не сообразит, что я ей стараюсь помочь?

— О, спасибо! — всхлипнула Дороти и попыталась поцеловать руку хозяйки, которую та было вырвала, но ее остановил голос супруга, который наконец сообразил, что происходит.

— Так это же твоя служанка! — заявил фактор, словно открыл, что Земля вертится. — Та самая, которая утонула!

Оставив попытку поцеловать руку Регины, Дороти произнесла с чувством собственного достоинства:

— Я не утонула, сэр. Меня подобрала рыбаки, я прожила несколько недель в рыбацкой деревушке... далеко отсюда, среди дикарей. И как только мне представилась возможность, я бежала от них. Не с первой попытки, но мое бегство удалось.

— Почему же вас не отпускали? — удивился лейтенант Стюарт. — Вы бы сказали им, что вы британская подданная и фактория внесет за вас любой выкуп.

— Нет, — возразила Дороти, на ходу изобретая романтическую историю. — В меня, к сожалению, влюбился сын местного туджи, то есть старосты. Меня хотели отдать за него. А он такой ревнивый!

— Все равно. — Наконец-то Дороти услышала голос Регины. Значит, хозяйка уже взяла себя в руки и поняла, что независимо от поведения служанки, каким-то образом прознавшей о версии, предложенной миссис Уиттли, она должна радоваться возвращению Дороти. Иначе она окажется лгуньей. Вот именно, лгуньей. — Все равно, ты должна была настаивать на встрече с британским фактором и сказать им, что выкуп, который я готова заплатить, превышает все их воображение. Не так ли, Джулиан?

— Ну разумеется, дорогая, — подтвердил Джулиан, который уже догадался, что ему не угрожает выплата выкупа и потому можно быть великодушным. — Я бы не остановился перед любыми расходами!

Последующие полтора часа Дороти была весьма занята, потому что Стюарт успел позвать других офицеров гарнизона, затем пришел капитан «Дредноута», старшие служащие — все дивились на отважную горничную, которая так стремилась к своей госпоже!

Затем, перед обедом, Регина все же успокоилась настолько, что заявила мужчинам о своем намерении уединиться с Дороти, чтобы обо всем поговорить, а также показать ей комнату, которая все эти недели ждала свою обительницу — настолько Регина, оказывается, была уверена, что Посейдон не заберет к себе престелную горничную, не даст погибнуть невинной душе.

Дом фактора находился за главным строением фактории и был окружен газоном с кустами магнолии, затеняющими окна. Два садовника в белых джоти и тюрбанах поливали клумбы.

Лейтенант Стюарт проводил женщин до их дома, затем церемонно раскланялся, сказав, что с нетерпением будет ждать обеда. Он не скрывал, что очарован Дороти. И именно об этом заявила Регина, как только они вошли во внутренний дворик:

— Только не думай, что на него можно рассчитывать. На тебе он никогда не женится. Жертвы его беспутства рыдают от Темзы до Ганга.

Дороти не сдержала улыбки.

— Я его увидела только сегодня и пока не собираюсь за него замуж.

— Вот именно! — Регина оставила за собой последнее слово.

Регина первой поднялась по лестнице на веранду — врассыпную кинулись слуги. Видно, госпожа держала их в строгости.

Она прошла в гостиную, налила воды из глиняного кувшина в один из бокалов, стоявших на столике. Видно, вода была прохладной, потому что Регина пила с наслаждением и, разумеется, не предложила Дороти. Вероятно, второй бокал на подносе предназначался самому Джулиану.

— Вообще-то, — сказала Регина, усаживаясь в прохладное кресло из плетеного тростника, — ты правильно сделала, что ко мне вернулась. Но откуда ты узнала, что ты утонула?

Регина уже опомнилась от неожиданной встречи, и ее житейская хватка и природный оптимизм взяли верх над сомнениями и страхами. Она высчитывала, что нужно горничной.

— Мне сказал лейтенант Стюарт, — призналась Дороти.

— Ты хочешь сказать, что шла ко мне, даже не зная, что с тобой случилось?

— Я отлично знаю, что со мной случилось, миссис, — ответила Дороти, — потому что это случилось со мной.

— Ах, да, — сообразила Регина. — Пожалуй, ты права.

Наступила тягостная пауза, Дороти решила не прерывать ее. А Регина лишь через минуту заговорила тоном, в котором можно было при желании уловить дробишки раскаяния.

— А что мне оставалось делать? — спросила она. — Если бы я не пожертвовала тобой, то и сама бы оказалась в борделе Омана. Вместо одной жертвы было бы две.

— И вы решили, что для публичного дома достаточно меня?

— Я собиралась послать в Оман выкуп за тебя! Немедленно. Ты даже не успела бы привыкнуть к своему счастью. Каждую ночь новый кавалер!

Она уже сама почти завидовала служанке.

— Зачем выкупать? Чтобы я заявила сюда и рассказала правду?

— Ах, оставь, кому ты нужна со своей правдой! Чье слово важнее? Кому поверят?

— Многие видели клетку на рее, — сказала Дороти. — Наверное, и ваши офицеры.

— Ну что ты мелешь! Ты не представляешь, какое я испытала горе! У меня сердце перевернулось, когда я увидела эту клетку. А я так надеялась, что ты нашла свое счастье с хозяйским сыном.

— А меня никто не спросил?

Вот тут Регина рассердилась всерьез.

— Скажи, чего тебе надо! — закричала она. — Я тебя звала? Ты заявляешься сюда и лезешь сразу к моему мужу, пытаешься соблазнить глупого мальчишку Стюарта... зачем, скажи, тебе все это нужно?

— А что мне оставалось делать! — воскликнула в ответ Дороти, которая тоже искренне рассердилась. — Что мне делать, если я убежала с арабского корабля и скиталась по трущобам Бирмы. Я боялась... К счастью, от мамы я узнала бирманский язык...

— И где ты скрывалась? В публичном доме?

— Нет, при монастыре. Я была прислужницей при монастыре.

— И то слава Богу! Надеюсь, ты не отреклась от христианства?

— Меня об этом не спрашивали. Но в конце концов я не выдержала. Все-таки я не бирманка. Я англичанка. И я решила возвратиться к вам, госпожа, несмотря на то, что была вами обижена.

— Все это в прошлом, в прошлом, в прошлом! — остановила ее Регина. — Ты меня простила, и я тебя прощаю.

— За что? — не удержалась Дороти и чуть все не испортила. Регина насупилась и отвернулась к раскрытому окну. Потом, уловив движение за окном, она ястре-

бом в голубиной шкуре кинулась туда и запустила вниз бокалом. Из-под окна раздался вой.

— Так тебе и надо! Не будешь подслушивать! — крикнула Регина любопытному, которому угораздило бокалом по голове.

От окна Регина возвратилась добродушной хозяйкой, которая после долгих терзаний наконец-то обрела одну из лучших своих вещей и потому сказочно выгадала.

— Сейчас мы будем мыть мне голову, — сообщила она. — Я так соскучилась по твоим рукам.

И Дороти внутренне вздохнула с облегчением, потому что ее план, рискованный, как казалось Бо Нурие, оказался правильным. Когда Регине ничего не угрожало, она была добра к своим вещам.

Уже за обедом, куда была, в виде исключения, приглашена горничная миссис Уиттли, с такими приключениями вырвавшаяся из рук местных дикарей, Дороти услышала удивительную новость.

Когда ее закончили расспрашивать и разговор перекинулся к другим проблемам, оказалось, что важнейшая из них — предстоящий суд.

Дороти не сразу сообразила, о чем идет речь и лишь после обеда, когда Регина решила поделиться с Дороти различными новостями, она узнала о том, что произошло без нее.

Оказывается, плен моряков с «Глории» продолжался не так долго, как можно было предположить. На широте острова Режюньон «Дредноуту» повстречался португальский бриг, с которым «Дредноут» поделился европейскими новостями. А от португальского капитана англичане узнали о судьбе «Глории» и ее команды. Тогда было решено изменить курс и приблизиться к французским владениям в расчете на то, что ни один, даже самый храбрый пират не осмелится напасть на английский линейный корабль. Здесь, на людной дороге, «Дредноуту» оставалось лишь заняться корсарским ремеслом, что ему удалось — на третий день дрейфа к северу от порта Мале, «Дредноут» остановил французское судно, на котором оказалось немало важных пассажиров. Заключение их в трюм, коммодор Стоун отпра-

вил трофей с призовой командой в Мале с посланием, в котором говорилось, что «Дредноут» намерен безобразничать до возвращения англичан. Расчеты капитана оправдались. Через шесть дней приз вернулся к месту randevу, привезя пленников. Верный своему слову английский коммодор отдал французов и продолжил путь, понимая, что саму «Глорию» ему не вернуть — пришлось бы полгода охотиться на французов в тех местах, чтобы набрать призов для достойного обмена.

Поэтому, хоть и с опозданием, «Дредноут» прибыл в Рангун, везя на борту несчастных офицеров и матросов с «Глории», переживших бой и плен.

В их числе в Рангуне оказались доктор Стренгл, Алекс Фредро и, конечно же, полковник Блэкберри. Все они находились на борту «Дредноута», потому что их судьба еще не была решена.

— Как так не решена? — удивилась Дороти.

— Ах, — отмахнулась Регина. — Это мужское дело. Но я должна сказать тебе, что им грозят большие неприятности.

— Но почему же?

— Потому что есть мнение, что капитан Фицпатрик и его офицеры виноваты в том, что «Глория» попала в руки врага. Ведь «Глория» была лучше вооружена, чем корсар Сюркуф, у нее было больше пушек и матросов. Главное, что ее трюм был полон столь необходимых для войны в Бирме мортир. Все это пропало, и теперь завоевание Рангуна и Пегу становится проблематичным! — Так Регина и сказала: «проблематичным!» Это было новое модное слово.

— И вы в это верите, миссис Уиттли?

— Сколько раз я тебе говорила: когда мы одни, называй меня Региной. Я не хочу ощущать себя твоей бабушкой. При людях я для тебя миссис.

— Вы в это верите, Регина?

— Разумеется. Почему они дали себя победить и поставили под угрозу мою и твою жизнь?

Круглые глаза Регины горели, словно она увидела с высоты добычу. Она искренне ненавидела Фицпатрика и его офицеров. И это было чем-то новым.

Впрочем, лейтенант Артур Стюарт объяснил это Дороти в тот же вечер.

Он пригласил ее погулять по набережной. Правда, испросив на это разрешение миссис Уиттли.

— Еще чего не хватало! — деланно возмутилась Регина. — А если кто-нибудь увидит, что вы гуляете с прислужкой! И напишет вашим родителям?

— Мои родители ответят, — откликнулся Стюарт, — что гордятся мною, потому что все люди равны перед Богом.

— Уж не папист ли вы, лейтенант?

— Да, я католик, миссис Уиттли, но эти проблемы, к счастью, давно улажены в моем отечестве.

— Гуляйте, гуляйте, я пошутила, — смилостивилась Регина.

Они пошли по берегу вверх по реке, подальше от складов и причалов. Там стоял монастырь, от него начиналась тихая деревенская улица.

С утра Стюарт был на «Дредноуте», виделся там со штурманом Фредро и сказал ему, что Дороти нашлась. Видно, Алекс не смог скрыть своей радости, чем вызвал укол ревности в сердце Стюарта, который, впрочем, был настолько самоуверен, что уколы не мешали ему с добродушием относиться к неудачливым соперникам. А все его соперники обязательно попадали в число неудачников.

— Почему моя госпожа радуется тому, что решено судить капитана Фицпатрика и других офицеров? — спросила Дороти.

— Ты хочешь искреннего ответа или дипломатического? — спросил лейтенант.

Они уселись на низкой каменной огаде, окружавшей монастырь. Голый мальчишка подошел к ним и смотрел, разинув рот, на иностранцев. Потом прибежала его мать и, извинившись по-бирмански, унесла малыша. Стюарт рассмеялся.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне всю правду, — попросила Дороти.

— А ты не побежишь с ней к своей госпоже?

— Нет, — просто ответила Дороти.

— Таким глазам нельзя отказать, — вздохнул Стюарт. Впрочем, ему и самому хотелось поделиться с девушкой, которая ему нравилась, основной сплетней британского Рангуна.

Не отказав себе в удовольствии дотронуться до обнаженной до локтя руки Дороти, Стюарт произнес:

— Все просто. Потому что все в жизни просто. Нами правят деньги и страсть к власти. Представь себе картину: фактор Ост-Индской компании и притом сын самого мистера Уиттли с помощью своего папы решает прирезать к территории нашей империи еще одно или два графства. Очень мило. Но эта операция тайная и внушительная. Я думаю, что на нее угрохали чуть ли не половину всех компанейских доходов за последние годы. И надо же: славное, отлично вооруженное судно «Глория», которое везло всю артиллерию и на борту которого находилась сама миссис Уиттли, попадает в плен к какому-то пирату! Операция летит ко всем чертям, никаких новых графств не получается. Завтра в Лондоне начнут разбираться, кто прав, а кто виноват. На Совете директоров получит взбучку сам сэр Уиттли, а его сын, вернее всего, лишится поста фактора в Рангуне. Его карьера бесславно завершится и ему останется лишь разводить цветочки в семейном имении. А какой это удар по его славной супруге! Она-то намеревалась стать губернаторшей и даже ехала специально за этим... и вот — ничего!

Стюарт потешно развел руками и надул щеки, изображая птицу. Помахал крылышками и продолжал:

— К тому же среди офицеров «Глории» ходят слухи, что госпожа Уиттли, столп морали, купила себе свободу, то есть убежала с пиратского корабля не бесплатно... Было так?

— Не знаю, — быстро ответила Дороти.

— Значит, было. И вся история с твоим исчезновением и затем возвращением мне и другим людям кажется подозрительной. Значит, супругам Уиттли надо искать виноватого.

— И тогда им стал капитан Фицпатрик...

— Капитан Фицпатрик, его помощник, оба штурмана, а также начальник артиллерии — всего пять офицеров, которые вели себя трусливо, плохо организовали оборону и отдали лучший корабль компании в руки презренного врага.

— Но ведь это неправда!

— Тебе ли, о служанка, судить об этой трагедии! — трагическим голосом воскликнул лейтенант. И тут же

продолжил: — На руку Регине и ее мужу сыграло то, что на «Глории» угодил в плен полковник Блэкберри, начальник службы безопасности компании и старший по чину офицер на «Глории». Он тоже боится скандала и разжалования. Поэтому с самого начала он объединился с семейкой Уиттли. Понимаешь?

— Может, даже он все придумал?

— Не исключено. В любом случае завтра состоится военный суд над пятью офицерами и я заранее могу тебе сказать, что вердикт суда будет суров. Возможно с первым же кораблем они, разжалованные и приговоренные к тюремному заключению, будут отправлены в Англию... если Уиттли с Блэкберри не придумают способа, как расправиться с опасными свидетелями здесь.

— Но это же ужасно!

— И подло.

— Но пускай они спросят меня. Я расскажу всю правду.

— А вот этого никто от тебя не ждет. Как только ты откроешь свой красивый ротик, то тебе его закроют палкой или пулей.

— Не говорите так, мистер Стюарт!

— Если тебе не сказать правды, ты и в самом деле решишься вылезти на суде, где все predetermined заранее.

— А кто будет их судить?

— Фактор Уиттли будет председателем суда, а членами его станут высшие офицеры: полковник Блэкберри и коммодор Стоун, капитан «Дредноута».

— Но как же Блэкберри...

— Он не боевой офицер и никто не требовал от него, чтобы он организовывал оборону «Глории».

— Но что-то надо делать!

— К сожалению, я могу дать тебе только один совет: молчи и еще раз молчи! Лишь в этом твое спасение. Я знаю, о чем говорю.

— Но я не могу все так оставить!

— Тогда выходи за меня замуж, мы с тобой выкрадем твоего Алекса и купим ему проезд на какой-нибудь китайской джонке до Кейптауна.

— А без замужества его выкрасть нельзя?

— Почему же нельзя? — смилостивился лейтенант. — Только потом ты все равно должна будешь выйти за меня замуж.

— Спасибо, — рассмеялась Дороти, — вы польстили бедной девушке. А теперь проводите меня обратно в факторию, а то уже темнеет и тут могут оказаться бандиты.

— Тем лучше, — заявил игривый лейтенант. — Вы сможете испытать, каков я на деле.

Они не спеша прошли берегом до фактории. Солнце уже село и начало быстро темнеть, хотя западная половина неба еще пылала разноцветными облаками, лило-веющими ближе к горизонту, а река, сохранявшая цвет зенита, казалась огненной полосой между синей землей и лиловыми облаками. «Дредноут» был нарисован черным пером на фоне реки, и каждая мачта, рея, сплетение вант выделялись четко и ясно.

Индийские сипай у ворот разожгли костер — им было холодно, хотя вечер был парным, влажным от прошедшего и завтрашнего дождей.

Лейтенант остановился посреди двора.

— Вы к себе? — спросил он Дороти. И она поняла, что ему хочется в гостиную большого дома, где пьют и играют в карты. Юноша нагулялся.

— Идите, — сказала Дороти, — мой мальчик.

Лейтенант удивленно посмотрел на нее.

— Какую роль вы играете?

— Роль герцогини.

Стюарт засмеялся и церемонно поклонился. Его башмаки отстучали энергичную дробь по лестнице.

Двор был освещен несколькими лампами, висящими на столбах. Служители как раз кончили их зажигать, и лампы пока еще светили неуверенно, уступая небу в яркости света.

Дороти подошла к навесу. Под ним были сложены рядами большие крепкие колеса с железными ободами. В брусках и коротких бликах лишь осведомленный человек мог разглядеть заготовки для тяжелых лафетов.

Дороти была осведомленным человеком, потому что знала, что искать. Мистер Уиттли не смел отказаться от похода на Пегу — отказавшись, он терял надежду стать великим человеком. Дороти и ее дядя угадали правиль-

но — вон там, дальше, толстыми свиньями, укутанными в брезент, лежат тяжелые стволы корабельных орудий, которые свозят с «Дредноута». Главное — не упустить момента. Завтра надо будет сообщить сайя Дхаммападе об увиденных пушках. Еще неделя и число их перевалит за полсотни. Такая громовая мощь может разрушить любую армию.

— Вы чем-то заинтересовались? — Дороти вздрогнула от ненавистного голоса полковника Блэкберри. И надо же — он застал ее в тот момент, когда она, задумавшись, приподняла угол брезента и смотрела на пушечный ствол.

— Добрый вечер, — сказала Дороти. — А я думала, что это здесь лежит?

— Конечно, моя маленькая девочка и не подозревает, какими бывают пушки.

— Ах, это пушки, — догадалась Дороти. — Вот спасибо, что вы мне это сказали.

— Была бы моя воля...

— Полковник, вы опять беретесь за старые песни, — огрызнулась Дороти. — Я вам не подчиняюсь...

— Я заставлю тебя подчиниться... Ты вернешься в Англию в клетке.

— Вы знаете о клетке? — проговорила Дороти.

— Что? Что я должен знать?

Конечно же, полковник приплыл сюда на «Дредноуте», но он мог иметь доверительные беседы с Региной или другими осведомителями.

— Спокойной ночи! — Дороти побежала к дому фактора.

Ей показалось, что полковник заскрипел зубами.

Суд был назначен на четыре часа, когда начнет спадать жара.

Миссис Уиттли весь день была взволнована, то кидалась на Дороти с кулаками, то заставляла ее принять в подарок недорогое ожерелье. Но о суде не сказала ни слова. Тогда Дороти сама решилась и спросила господа:

— А можно будет сидеть на суде посторонним?

— Когда?

— Сегодня после обеда.

— Ах да, после обеда! Нет, это абсолютно исключено.

— А вы сами пойдете?

— Я вынуждена пойти. Меня просили. Я свидетель.

— Я тоже свидетель.

Тут Регина вспыхнула и запустила в Дороти кувшином. Кувшин ударился о стену и разбился.

— Какой ты свидетель! Ты распутная девка. Неизвестно, где шлялась три месяца и посмела ко мне явиться! Уходи, чтобы я тебя не видела.

Дороти не стала спорить — в гневе Регина разве что не теряла рассудок.

За полчаса до начала суда Дороти вышла из фактории на берег и встала в тени высокой стены. Она смотрела на «Дредноут».

Рядом с ней стояли несколько солдат и слуг. Они переговаривались и тоже смотрели на реку, потому что знали, что сейчас повезут обвиняемых. Среди слуг и клерков компании ходили дикие слухи о предательстве офицеров «Глории».

Говорили, что они продали британский корабль пиратам, а те за это обещали перевести в Британский банк по сто тысяч фунтов каждому, говорили, что Фицпатрик — ирландец и папист, а потому давнишний французский шпион, который сговорился с Бонапартом еще в Европе.

...От «Дредноута» отвалила шлюпка. Мерно поднимались и падали в воду весла, в шлюпке умещалось немало людей, они сидели тесно, над ними были видны дула ружей. Зрители подвинулись к мосткам, что вели от фактории к реке, чтобы получше разглядеть предателей.

И когда пятерых обвиняемых, в мундирах, но без шпаг, в окружении вооруженных солдат повели на берег, толпа зашумела и на всякий случай отпрянула — в толпе всегда живет страх перед неведомой опасностью. Даже если эта опасность пока выглядит безобидно.

Дороти сразу увидела Алекса. Он совсем выздоровел но исхудал и потемнел лицом, отчего выглядел куда старше, чем раньше. Шляпы на нем не было. Шляпу сохранил только Фицпатрик, которому было неловко

шагать как простому преступнику под конвоем, он смотрел в землю и его пошатывало. На мостках он оступился и его помощник еле успел поддержать капитана. Толпа зашумела, недовольная тем, что падения не произошло и челядь не насладились унижением господина.

В этот момент Алекс увидел Дороти. Она не посмела его окликнуть, чтобы не привлечь к нему и к себе внимания, чтобы не сделать Алексу хуже. Но какая сладкая горечь налила пламенем ее грудь — как дорог и прекрасен был этот молодой, изможденный поляк... Господи, поняла Дороти, я же его люблю!

— Дороти! — услышала она прорвавшийся сквозь туман и шум в ушах голос Алекса. — Дороти, ты жива! О, какое счастье! Какое счастье!

Штурман кинулся к девушке, и она, не сдержавшись, протянула руки к нему и прижалась головой к его груди.

Солдат, который шагал рядом со штурманом, не уловил вовремя этого движения и не успел остановить преступника. Поэтому он с опозданием кинулся расталкивать влюбленных и даже самые жестокосердые из зрителей были возмущены его действиями. К солдату пришел на помощь сержант, ведший арестованных, и они вдвоем отшвырнули Дороти в толпу.

— Я тебе покажу, мерзавец! — возопил штурман и кинулся на сержанта, — ты поднял руку на офицера!

Сержант, угрожающе ругаясь, отступил, Фицпатрик остановил Алекса, и тот пошел рядом с капитаном Фицпатриком, оглядываясь на Дороти.

Помимо сержанта еще один человек у ворот фабрики не одобрил поступка штурмана. Этим человеком был полковник Блэкберри.

— Вам это дорого обойдется, штурман! — крикнул он и широкими шагами направился к веранде большого дома, как бы возглавляя всю процессию, хотя никто его об этом не просил.

Суд проходил в большой гостиной, куда принесли широкий стол из столовой, за ним на стульях сидели судьи. Подсудимые расположились на скамейке напротив суда. За их спинами выстроились солдаты. Несмотря

ря на то, что все окна в гостиной были распахнуты, там было жарко и все мучились оттого, что приходилось вести суд и быть его жертвами при полном параде. В конце концов, джентльмены судили джентльменов.

Из посторонних лиц в зал были допущены лишь самые важные свидетели: миссис Уиттли, доктор Стренгл и корабельный плотник с «Глории», один из людей полковника Блэкберри, который, разумеется, говорил то, что было приказано говорить.

Дороти пыталась подслушать, о чем говорят в комнате, но она была не одна такая умная — несколько десятков человек из челяди и мелких служащих фактории, те же, кто встречал арестованных у ворот, скопились под открытыми окнами, чтобы услышать, что происходит в гостиной. Но уже через несколько минут из дома прибежали два солдата, которые отогнали галерку, и, проклиная зевак, остались стоять на солнцепеке, чтобы зрители не кинулись к окнам вновь.

Дороти поняла, что ей здесь делать нечего и пошла к входу в большой дом. Там ее и увидел Стюарт.

— Маешься? — спросил он. — Я могу тебя провести за один поцелуй.

— Не сходите с ума, лейтенант, — строго сказала Дороти.

— О, какие чудесные молнии вылетают из твоих глаз, — ответил на это Стюарт. — Выстрели еще раз и тогда я проведу тебя бесплатно.

С ним невозможно было быть серьезной.

— Хорошо, — согласилась Дороти, улыбаясь, несмотря на всю серьезность момента, — я отдам вам долг в течение года.

Стюарт провел Дороти внутрь дома, и они, миновав анфиладу служебных комнат, остановились в последней комнате перед гостиной. Здесь собрались сливки общества — служащие, офицеры, их жены, которые дружно зашипели при виде Стюарта и Дороти. Ведь служанке, даже служанке миссис Уиттли, быть здесь не дозволено. Но всеобщий баловень Стюарт помахал всем ручкой и провел Дороти к открытому окну, откуда было лучше слушать, что же происходит в судебном зале.

В комнате вновь воцарилась тишина. Из гостиной доносились голоса, и партер им внимал, хотя почти ни-

чего не было слышно. В наилучшем положении были два молодых офицера, которые обосновались под дверью и время от времени передавали остальным самые интересные новости.

— Полковник Блэкберри начал! — сообщил один из них. — Он их винит в государственной измене и, может, даже сговоре с французами... Сам он присутствовал во время боя, хотя не мог в него вмешаться иначе, как со своей шпагой в руках, которую он обагрил кровью пиратов...

Кто-то в комнате засмеялся. Блэкберри был известен многим как полный профан в военном деле.

После полковника выступала Регина. Она говорила так, что ее не надо было переводить и усиливать. Ее голос проникал сквозь стены, как сквозь бумагу. Со слезами на глазах миссис Уиттли поведала высокому суду, как ее покинули на произвол судьбы, забыли, не защищали. Как ей удалось, отдав злодеям все свои драгоценности, усыпить их бдительность и бежать в скорлупке, когда ее жизнь висела на волоске... Голос птицы поднимался все выше, словно она была соловьем, который выводит свою ночную трель, не слыша и не видя ничего вокруг.

— О Господи! — в слезах воскликнула одна из пышных дам, что подслушивали в приемной.

— Все было не так уж страшно, — не сдержалась Дороти.

— Ах, что вы понимаете! — отмахнулась дама. Видно, она не знала, какую роль в роковых событиях пришлось играть этой девушке.

— Любопытно, — сказал Стюарт, — что такого ценного свидетеля как мисс Форест забыли вызвать на суд.

— Почему? — спросила дама.

— Потому что она была в той же лодке и ее смыло за борт волной.

Дамы удивленно закудахтали, не зная, верить ли лейтенанту. Дороти промолчала.

Из-за двери донесся голос доктора Стренгла. Словно подслушав голоса в приемной, он громко произнес:

— Когда мы входили в факторию, я видел Дороти Форест, горничную миссис Уиттли. Нельзя ли пригласить ее для дачи показаний?

— Я протестую! — закричал Блэкберри. — Я заявляю, что сразу после окончания этого суда я буду требовать от местных британских властей ареста этой ведьмы и бирманской шпионки.

Незнакомый голос спросил:

— Именно поэтому вы возражаете против приглашения ее в суд?

— Это капитан «Дредноута» коммодор Стоун, — пояснил Стюарт.

— Я убежден, — повысив голос, твердо ответил Блэкберри, что для суда она бесполезна. Она не может дать никаких показаний по предмету, в котором не смыслит.

— Эх, Дороти, — негромко заметил Стюарт. — За твою голову я и трех пенсов не дам.

К сожалению, Дороти понимала, что Стюарт прав. Ненависть, которую испытывал к ней полковник, была безмерна. Она находилась за пределом разумного. Это была, как говорится, ненависть с первого взгляда. В свое время, еще на «Глории», Регина уверяла, похихатывая, что Блэкберри тайно влюблен в Дороти, но не рассчитывает на взаимность и потому мстит... Теперь Дороти пожалела даже, что не удержалась и кинулась к Алексу, — теперь полковник будет мстить штурману.

— Эта девушка, — упрямылся хирург, — была свидетелем всего, что происходило. Несколько дней она провела в лазарете и вместе со мной ухаживала за ранеными. Когда рядовые моряки вернутся из плена, они смогут подтвердить, как беззаветно и по-христиански вела себя мисс Форест. Наверняка матросы рассказывали ей о ходе боя и поведении офицеров. Если в них, как и в моих действиях, было нечто предосудительное, она не преминет об этом рассказать.

— Замолчите, доктор Стренгл, — послышался голос мистера Уиттли. — Как председатель военного суда я лишаю вас слова. Вопрос о привлечении к делу служанки моей жены мисс Форест рассмотрен, и вызов свидетельницы высокому суду не представляется необходимым. Что касается вас, доктор Стренгл, то вас никто не намерен обвинять и вы вызваны сюда в качестве свидетеля, однако теперь я сомневаюсь в вашей объективно-

сти и боюсь, что приятельские отношения с обвиняемыми дурно влияют на вашу точку зрения. О чем я ставлю суд в известность. А теперь я попрошу свидетеля, представленного полковником Блэкберри занять место на том стуле. Прошу вас поклясться на Библии, что вы будете говорить правду и только правду...

Дверь из гостиной резко открылась, и в ее проеме возник полковник Блэкберри.

— Вот этого я от вас не ожидал, господа, — укоризненно произнес он.

Дороти попыталась спрятаться за спину Стюарта.

— Неблагодарно подслушивать, если было объявлено всем, что суд проходит конфиденциально. О его приговоре и решениях всем служащим компании будет объявлено.

Тут Блэкберри увидел неудачно притаившуюся Дороти и от гнева потерял дар речи. Он только указывал пальцем на девушку и, к удовольствию зрителей, открывал и закрывал рот подобно рыбе, выброшенной на берег. Дороти же взглянула на камешек в кольце и увидела, что он стал черным — такова была сила угрозы, исходившей от полковника. И тогда Дороти так испугалась, что кинулась бежать — она понимала, что от ярости полковника ее не спасет никакой Стюарт.

Как ей потом рассказывал Стюарт, взбешенный полковник вытащил из-за пояса пистолет, с которым ему, видно, не следовало находиться за судейским столом, и прицелился вслед Дороти. Однако Дороти уже скрылась и офицеры навалились на полковника, стараясь обезоружить. Пистолет все же выстрелил — но в пол, заседание суда прервалось, потому что Джулиан Уиттли решил, что начался бунт, направленный на освобождение преступников, а миссис Уиттли выпрыгнула в открытое окно и кинулась бежать. Так в свои покои она прибежала одновременно с Дороти. Они столкнулись в дверях, жарко дыша, стараясь прийти в себя.

— Кто стрелял? — спросила Регина.

— Я думаю, что это стрелял мистер Блэкберри, — ответила Дороти.

— Зачем ему бунтовать?

— А разве он бунтовал?

— А что же он тогда делал? — взъерилась Регина.

— Он хотел меня убить. Потому что я была в приемной.

— Зачем ты была в приемной?

— Меня позвал лейтенант Стюарт.

— Хватит! — закричала Регина. — Хватит тебе всюду появляться с этим Стюартом. Если ты думаешь, что он на тебе женится, ты жестоко ошибаешься!

И тут миссис Уиттли замерла с приоткрытым ртом... до нее дошло, что она убежала из зала суда, причем неприличным образом в то время, как один из мужчин — Блэкберри хотел застрелить ее лучшую и уже почти прощенную вещь. А тут еще приходится судить предателей...

— Хватит! — приказала она своей служанке. — Что-бы ты сидела дома и не выходила никуда, пока я не вернусь. Поняла? Если ослушаешься, мне все равно донесут, тогда я велю Блэкберри тебя на самом деле застрелить.

Последние слова были пустой угрозой, но Дороти почувствовала себя настолько опустошенной, что ноги у нее подкосились и сил хватило лишь на то, чтобы сказать хозяйке, что она покоряется ее воле, и уйти к себе.

Регина тут же подобрала юбки и побежала обратно к зданию суда.

Вечером за туалетом Регина сама рассказала Дороти, что за неправильные действия в море, граничащие с предательством, которое выразилось в потере лучшего компанейского корабля «Глория» и невозместимого груза, покоившегося в его трюмах, капитан «Глории», его помощник, два штурмана и артиллерийский офицер приговариваются к лишению всех чинов, имущества и к казни посредством виселицы...

— Ой! — воскликнула Дороти. В глазах засверкали звездочки, и, несмотря на то, что она была здоровой девушкой и хорошо отдохнула в горах, она упала в обморок, потому что в конце XVIII века все девушки и дамы умели падать в обморок.

Регина подхватила Дороти и, положив ее в кресло, надавала пощечин. Поэтому Дороти ничего не оставалось, как прийти в себя.

— И Алекс? — спросила она.

— Так тебе мало Стюарта? — удивилась Регина. — Ты помнишь еще о том поляке?

— Да, помню, миссис. Неужели вы были к ним так жестоки?

— Факты остаются фактами, Дороти, корабль потерян, наша война почти проиграна, две сотни славных английских моряков все еще остаются в плену по вине Фицпатрика и его сообщников.

— Но вы же были там, вы же знаете, что все сражались...

— Помолчи, Дороти. Если не понимаешь в военном деле, то хоть помолчи.

— Слушаюсь, адмирал Уиттли, — мрачно ответила Дороти, за что получила затрещину, правда, не очень больно.

— Да ты пойми! — пыталась ее уговорить Регина. — Даже в личном отношении они привели всех нас к трагедии. Ты не представляешь, какие мучения я пережила в руках пиратов, сколько трудов мне стоило убежать от них! Как я оплакивала твою гибель и гибель славных матросов, которые гребли у меня в лодке!

Господи, подумала Дороти, она уже искренне верит, что ее мучили, а мы с матросами погибли.

— И этот душитель Стренгл еще смеет защищать своих сообщников! И я считаю правильно, что его также привлекли к суду за то, что он бросил в Мале наших раненых и приплыл в Рангун.

— Но ведь «Дредноут» брал только офицеров...

И тут Дороти поняла, что лишь те слова долетают до маленьких прижатых к голове ушек птички, которые той приятны и нужны.

— Но почему их приговорили к смерти? — произнесла Дороти, когда Регина успокоилась и замолкла.

— Я бы на их месте сама выбрала себе такое наказание, — решительно заявила птичка. Ей было жарко, она сидела перед зеркалом в нижней юбке, обнаженная до пояса, и Дороти вдруг подумала, какая отличная получилась бы из Регины кормилица. — Лучше смерть, чем позор! Но ты не переживай. Никто не собирается их казнить, пока не придет подтверждение приговору из Калькутты. Мы во всем придерживаемся закона... Хотя, впрочем, я думаю, что в Калькутте наш приговор поддержат.

Компания не любит людей, которые имеют глупость неправильно распорядиться ее имуществом и нанести ей такой колоссальный ущерб... колоссальный! И если не будет какой-нибудь коронации и великой победы, висеть им на виселице... хотя они имеют шанс скорее помереть в нашей тюрьме. Ты не видела, какая у нас тюрьма?

— В фактории?

— Да, я тебе завтра покажу — сразу за навесом, где делают колеса для пушек.

— А разве приговоренных не будут держать на «Дредноуте»?

— Ах, не напоминай мне об этом неблагодарном мерзавце!

— О ком? — удивилась Дороти.

— О коммодоре Стоуне. Представляешь, он сказал моему Джулиану: «Мой корабль не плавучая тюрьма». И вообще он посмел голосовать против приговора, на него подействовали... да все они заодно! Хорошо еще, что мой супруг и полковник Блэкберри оказались твердыми.

— И вам не жалко моряков? Капитан Фицпатрик был так к нам любезен!

— Дороти, иди спать, я тебя отпускаю. Я сегодня разделю ложе с моим супругом. Но подготовлю себя к этому сама.

Дороти послушно ушла в свою комнатку.

Они уберут свидетелей, они задушат невинных, что-бы покрыть свои грязные дела... твои грязные дела, птичка Регина.

У себя в комнате Дороти зажгла лампу, уселась за столик и достала из сумки, висевшей над кроватью, Зеркало Зла. Зеркало отражало свет лампы, дым клубился в его колодце. Из колодца поднималось, угрожающе кривляясь, лицо полковника Блэкберри.

Вдруг Дороти стало так страшно, что она задула лампу и потом на цыпочках подошла к окну. Она чуть отодвинула занавеску и стала вглядываться в темноту — окно ее комнаты выходило в чахлый садик, который тянулся здесь до самой стены фактории.

Тот, кто ее ненавидел, стоял в тени бананов у стены. Дороти почувствовала, как он поднимает пистолет — он должен был выплеснуть свою ненависть.

— Мистер Блэкберри! — крикнула Дороти, прячась за раму.

Выстрел показался очень громким, пуля ударилась в дальнюю стену комнаты. Дороти, уверенная в том, что у полковника нет второго пистолета, снова показалась в окне и сказала, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно:

— Мистер Блэкберри, вы сумасшедший. Не тратьте своего времени на попытки убить меня. Я вас не боюсь. И если хоть волос упадет с моей головы, вам не жить на этом свете. Я обещаю это вам, полковник!

Так не могла говорить Дороти Форест.

Но полковник не знал, что именно так должна была говорить принцесса Лигонского королевства.

...Послышался шум ветвей, пригибаясь, стараясь быть незаметным, долговязый полковник, подпрыгивая, убежал прочь. Одно дело убить ненавистную девку. Другое — быть узнанным и выслушать выговор от этой девицы. Именно выговор! Это было равно тому, чтобы услышать выговор от зайца. И тогда начинает казаться, что у зайца выросли волчьи зубы... Что-то было в голосе служанки, в том, как она подошла к окну, зная, что он выстрелит... Это заставило полковника убежать... Ведь он приходил не убивать ее, а внушить ей страх, заставить ее дрожать в ожидании смерти. Этого полковнику было достаточно. И вот теперь он бежит... Черт побери! Полковник оглянулся. Он уже отбежал достаточно далеко от дома фактора. Странно, но никто не всполошился, не прибежал на выстрел — может, потому, что стрелял он из отдаленного места фактории, а может, потому, что небо вспыхивало зарницами и гроыхало отдаленным громом — с океана шла гроза.

А Дороти начал бить озноб.

Она поняла, что не может остаться в своей комнате. Ведь убийца может прийти... или прислать своего помощника. И Дороти босиком побежала к хозяйке. Та хоть не хочет ее смерти. Дороти знала, что Регина сегодня добивается ласк Джулиана, рассчитывая, что ей все же удастся зачать ребенка от законного супруга и не придется обращаться к кому-то из лейтенантов. Так что в спальне госпожи было пусто. Дороти улеглась на циновку у кровати Регины, а на рассвете, когда страхи ушли, вернулась к себе в комнату.

Утром Дороти отправилась на базар, чтобы купить Регине хороших спелых мангустинов, которые привозили из шанских селений. Порой Дороти брала с собой сипая, чтобы шел за ней и оберегал от бродяг или ворюшек, а потом тащил домой корзинку с покупками. Но сегодня она обошлась без охраны, потому что прежде, чем пойти на базар, она, подождав двуколку, приказала извозчику везти ее к Шведагону.

Начался дождь. Капли громко били по плетеной крыше повозки, воздух был сырой и пах лесной гнилью и речной водой.

У Дхаммапада вышел на веранду, как только ему сообщили, что прибежала Ма Доро.

Дороти рассказала старику о вчерашнем суде, и тот сокрушенно покачивал головой, дивясь несправедливости англичан.

— Есть ли среди осужденных кто-либо, к кому твое сердце равнодушно? — прозорливо спросил он, когда Дороти закончила краткий рассказ.

— Есть, — просто ответила Дороти. — Но не об этом сейчас речь, сайя. Я подсчитала: колеса готовы для тридцати пушек, лафеты изготовлены для сорока. Завтра или послезавтра они начнут ставить пушки на лафеты. Это делают на заднем дворе, за двойной стеной, чтобы не увидел никто из бирманцев. Но я думаю, что бирманцы все равно узнают.

— Свезены ли все пушки с большого корабля? — спросил старый монах.

— Я думаю, что еще пушек двадцать осталось на корабле.

— Надо, чтобы они свезли с корабля все или почти все пушки, — произнес У Дхаммапада. — Потому что если придут люди твоего дяди, нельзя, чтобы у корабля было много пушек. Он начнет стрелять...

Старик был прав.

— И все же я думаю, что моему дяде пора выходить в путь. Ведь ему надо собрать достаточную армию, чтобы удержать Рангун и бирманцев, которые там есть, и взять факторию. А это нелегко.

— Принцесса, — усмехнулся старый монах, — оставь это мужчинам.

— Хорошо, мне надо спешить, сайя, — сказала Дороти.

— А что говорит твое зеркало? — спросил У Дхаммапада.

Дороти показывала зеркало настоятелю, и тот дивился силе демонов, которые смогли сделать такое зеркало. Он даже дал совет Дороти — выкинуть зеркало. Дороти не стала рассказывать ему о внутреннем голосе и о том, как она знала заранее, что и где ей надо искать. Она не могла сказать об этом старику, потому что он решил бы, что она попала под власть демонов.

Дороти купила на рынке, что требовалось, и, идя к дому, как всегда, прошла рядом с тюрьмой. Тюрьма была невысоким бревенчатым строением, маленькие окошки которой были устроены под самой крышей. У обитых железными полосами дверей всегда стояли солдаты, причем не сипаи, а настоящие, англичане.

Дороти крикнула:

— Алекс!

Но ответа не услышала — солдат накинулся на нее с криком, чтобы убиралась отсюда, пока он не доложил о ней полковнику Блэкберри.

— Постыдился бы, Чарли, — сказала ему Дороти, — ты стережешь славных британских офицеров. На том свете тебя будут за это жарить на сковороде.

— На тот свет еще попасть надо, — отмахнулся солдат.

Дороти рассказала хозяйке о ночном выстреле. Та не поверила, что такое могло случиться, но Дороти провела ее в свою комнату и показала дырку в стене, в которой поблескивал бочок круглой пули. Тогда Регина заявила, что это какой-то бандит, но не полковник. И сказала, что все расследует. Но ничего не расследовала, и Дороти поняла, что госпожа знает и верит, что нападающим был именно полковник.

Еще через две недели, на радость полковника, но к разочарованию мистера Джулиана Уиттли, на небольшом бриге, который следовал из Калькутты в Малаку прибыл мистер Пимпкин, заместитель губернатора. Он уже знал о происшествии с «Глорией», и даже о суде над ее офицерами — в конце концов, индийский океан достаточно оживленная лужа, как он сам говорил,

потирая мягкие влажные ладошки, такие маленькие по сравнению с грузным телом и большой лопоухой головой, украшенной широкополой черной шляпой, которую заместитель губернатора никогда не снимал, из-за чего в Британской Ост-Индии ходило немало сплетен.

Мистер Пимпкин заперся с мистером Уиттли и полковником и просидел с ними около трех часов. Затем они вызвали коммодора Стоуна и продолжили совещание.

О результатах его Джулиан конечно же обязан был сообщить своей жене, а она, будучи в благодушном настроении, на следующий день, пока мистер Пимпкин осматривал пушки, а потом отправился на «Дредноут», чтобы посмотреть, готовы ли к боям морские канониры, рассказала обо всем Дороти.

Во-первых, на совете было решено начать военную компанию немедленно, пока от ливней не развезло все дороги. И в то же время завершить ее так, чтобы дороги все же развезло окончательно, что помешает бирманцам подтянуть подкрепление: в период дождей здесь воевать не принято. Помимо команды «Дредноута» и отряда сипаев, стороживших факторию, бриг, привезший мистера Пимпкина, доставил еще роту морских пехотинцев, и они временно поместились в страшной тесноте на линейном корабле, чтобы не вызывать у бирманцев подозрений.

Во-вторых, мистер Пимпкин, как и следовало ожидать, «после внимательной проверки» санкционировал решение суда и подписал его от имени губернатора. То есть преступники, сдавшие французам «Глорию», будут казнены перед началом похода. Это поможет поднять дух солдат, которые должны видеть, что предателям не будет пощады, кем бы они ни были.

— Нет! — вырвалось у Дороти. Она так надеялась, что ее дядя успеет появиться здесь и освободить Алекса. Теперь же Алекс погиб!

— Не кричи, — сказала Регина, — найдем мы тебе отличного мужа, а не этого дикого славянина.

Регина не скрывала своей радости по поводу близкой казни Фицпатрика и его офицеров. Видно, ей очень не хотелось, чтобы они говорили о ней... А потом она разделяется и со мной, понимала Дороти. Пока я ей нужна и, как она убедилась, неопасна. Она полагает, что

причина тому заключается в моем страхе остаться одной в чужой стране... О, как вы ошибаетесь, миссис Регина Уиттли!

Дороти кинулась в монастырь Священного зуба Будды. Но не добежала до него. Ее неожиданный побег в город вызвал подозрение у Блэкберри — Дороти не успела выйти на китайскую улицу, как почувствовала опасность. Метнувшись за повозку, высоко нагруженную мешками с рисом, она поглядела на колечко. Камень был темно-красным, как капля густеющей крови. Ах, как жаль, что у нее нет с собой зеркала — она узнала бы, кто ей угрожает.

Дороти присела за повозкой. Колеса у нее были высокими, так что Дороти без труда поместилась в убежище между стеной дома и улицей.

Ей были видны нижние половинки людей — мимо проплывали длинные бирманские юбки — шелковые у женщин, клетчатые, хлопчатые, у мужчин. Черные штаны шанов и лигонцев и синие широкие брюки китайцев... А вот показались серые чулки и синие панталоны англичанина. Дороти взглянула на камешек — он уже почернел. Англичанин держал ладонь на эфесе матросского палаша, и рука была напряжена — ясно, что он готов вытащить шпагу из ножен... Но кто это?

Дороти не смела выглянуть из-за повозки, она ждала, пока человек минует ее.

Посчитав до двадцати, Дороти осторожно поднялась и, прижимаясь спиной к стене, посмотрела вслед человеку. Конечно же это плотник, один из подручных Блэкберри! Значит, полковник заметил, как она поспешила в город во второй половине дня, когда ей вроде бы и нечего там делать! А может быть, полковнику донесла о ее бегстве сама госпожа?

Дороти решила подождать, пока соглядатай уйдет подалее, а затем вернуться к реке и пробраться к Шведягону за складами.

И в этот момент плотник оглянулся.

Он тоже умел чують взгляд спиной!

Холодные серые глаза ищейки встретились со взглядом Дороти.

Она тут же представила себе, как он кинется к ней, взмахнет палашом — Дороти, скрытая от улицы повоз-

кой, упадет не вскрикнув, а соглядатай спокойно уйдет обратно. И еще получит от полковника тридцать серебряных шиллингов.

Дороти все это понимала, но стояла как прикованная к месту, потому что повозка мешала ей убежать и воображение, рассказавшее ей о собственной смерти, устрасило ее настолько, что ноги отказывались ей подчиняться.

И тут плотник вытащил из ножен палаш, словно угадал мысли Дороти и понял, насколько она беспомощна. Судя по сноровке, он умел обращаться с оружием, что, поверьте, необычно для плотника, мастерство которого должно ограничиваться плотницким ножом или топором.

Блеск стали разбудил Дороти. Она пискнула, как испуганный заяц, и, согнувшись, нырнула под повозку.

Ноги в серых чулках на два шага приблизились к повозке, и затем она увидела руку в синем камзоле, в которой был зажат короткий морской палаш. Рука старалась достать Дороти концом палаша — Дороти ринулась назад и наткнулась спиной на ось повозки. Надо было согнуться еще ниже, чтобы проскользнуть под ней. Дороти пыталась это сделать и тут увидела, что ноги в серых чулках подогнулись, как бы от большой тяжести, и, дернувшись, поехали под повозку каблуками вперед. Вслед за ногами в поле зрения Дороти попал весь плотник. Он улегся на спину, выронив палаш.

Дороти испугалась этому чуду даже больше, чем падению. Как гусеница она выползла из-под повозки, прижимаясь к стене, и услышала, как на улице поднимается визг. Люди кидались — кто к лежащему англичанину, а кто — прочь. Произошла давка, и это помогло Дороти сделать два шага в сторону, а третий она сделала уже с помощью крепкой смуглой мужской руки, которая подхватила ее под локоть и так потянула в сторону, что Дороти даже не смогла закричать — она решила было, что это напарник соглядатая, но тут же услышала знакомое мычание: Господи, да это же глухонемой Нга Дин, сын Бо Пиньязотты! Добрый туповатый бугай, боготворящий принцессу Лигона!

Нга Дин был одет портовым кули, длинные волосы собраны в пук на затылке, серая холщовая куртка измазана краской...

— Нга Дин, миленький...

Лигонец прижал к губам палец. И сделал страшные глаза.

— Отпусти руку, — сказал Дороти. — На нас обращают внимание.

Дороти говорила, глядя в глаза Нга Дину. В таком случае он все понимал.

Нга Дин кивнул и отпустил руку Дороти. Странно было бы этому портовому кули и дальше тащить за руку бирманку из приличного дома. Ведь именно бирманкой, с согласия Регины, обожавшей всякого рода маскарады, одевалась Дороти во время выходов в город.

Шум сзади становился все глуше и неразборчивей.

Нга Дин дотронулся до плеча Дороти и показал ей знаком, что она должна повернуть за угол.

Путь пролегал мимо опиумокурильни старого китайского бандита. Но Дороти не решилась поднять голову — а вдруг он выглянет в окно?

За углом стоял старый грузовой рикша. Повозка его была пуста. Сильные мускулистые ноги рикши были обвиты венами от вечной натужной работы, широкая шляпа скрывала в тени лицо, руки тяжело лежали на перекладине, соединявшей оглобли повозки.

— Вас отвезти, Ма Доро? — спросил старый рикша.

— Нет, не надо, — ответила Дороти, не сразу сообщив, что ее окликнули по имени.

Нга Дин сзади засмеялся. Он-то обо всем догадался.

Дороти нагнула голову, заглядывая под шляпу. Бо Пиньязотта отодвинул шляпу на затылок, чтобы облегчить девушке задачу.

Он рассмеялся, показав тридцать здоровых, желтых от жевания табака зубов.

— Нга Дин его убил! — первое, что сообщила Дороти старому генералу.

Генерал сразу обратился к сыну. Нга Дин знаками подтвердил слова Дороти и добавил, что если бы он этого не сделал, то англичанин в синем костюме убил бы саблей принцессу. И ему, Нга Дину, ничего не оставалось, как унять таким образом убийцу.

— Мне теперь опасно возвращаться в факторию, — сказала Дороти.

— Осталось мало дней, — сказал Бо Пиньязотта. — Совсем мало дней. Нам лучше, если ты будешь внутри. Но если тебе страшно, то мы укроем тебя в монастыре У Дхаммапады.

— Они могут заподозрить меня в убийстве этого человека.

— А ты скажи правду, — ответил генерал. — Скажи, что ты никого не убивала.

Дороти подумала, что Бо Пиньязотта хоть и хороший человек, но очень уж дикий. И если Дороти погибнет, он конечно будет жалеть, но ничем не покажет своего небольшого расстройства, потому что умерла всего-навсего женщина. Ей стало грустно.

— Что же ты решила, принцесса? — спросил Бо Пиньязотта.

— Я поняла, — сказала Дороти. — Я поняла, что для вас есть очень важные вещи и не очень важные. Самое важное — спасти горы от бирманского вторжения. А не очень важное — спасти меня.

— Это неправда, принцесса, — ответил старик. — Только помни, что, когда придет бирманская армия, будут убиты сотни и тысячи мужчин, а тысячи женщин уйдут в неволю. Так бывает всегда.

— Я понимаю, — сказала Дороти. — Я возвращаюсь в факторию.

— И будешь нашими ушами и глазами.

Как Дороти и боялась, весть о смерти англичанина достигла фактории раньше, чем она возвратилась. Тут же из фактории была наряжена команда, чтобы принести тело соглядатая. Дороти встретила ее, подходя к воротам, но солдаты на нее не обратили внимания. Они же не знали, что плотник погиб, преследуя служанку.

Зато полковник Блэкберри отлично об этом знал.

Он встретил Дороти на широком дворе перед главным зданием. Он закричал при виде нее:

— Явилась! У тебя хватило наглости явиться?

— Что случилось? — Дороти была удивлена.

Она выглядела вполне обыкновенно, тем более, что в руке у нее была небольшая корзинка, купленная на

китайской улице, полная любимыми Региной спелыми мангустинами.

— Ты не знаешь, что случилось?

— Клянусь, что не знаю, сэр.

Стюарт со своим товарищем вышли на крик на веранду. Затем там же появилась Регина. Рабочие, ковавшие ободы для пушек в кузнице, бросили работу — уж очень уморительной показалась им сцена ссоры между высоким сутулым английским начальником и хорошенькой служанкой госпожи.

Вернее, это трудно было назвать ссорой: высокий господин наскакивал на девушку, намереваясь ее растерзать, а девушка растерянно оправдывалась, указывая на корзинку с мангустинами.

— Как я могла кого-нибудь убить? — удивилась она. — Чем? Мангустином?

— У тебя есть сообщники. В этом твоя главная опасность! И хватит! Этот номер у тебя не пройдет! Сейчас же иди в подвал! Я тебя сам повешу завтра вместе с предателями, потому что ты хуже их!

— Что произошло, что произошло? — спросил мистер Пимпкин, вынося на веранду свою необъятную тушу, прикрытую сверху шляпой.

— Эта мерзавка только что подстроила убийство моего лучшего агента, — закричал, не владея собой, Блэкберри. — Это заноза в нашем теле, ядовитая колючка! И если мы не избавимся от нее тут же — она нас всех погубит.

— Вас бы я была рада погубить, — дерзко ответила Дороти, надеясь на вмешательство Пимпкина, — потому что вам, мистер Блэкберри, мало врагов-мужчин, и вы преследуете меня, угрожая моей жизни с момента, как увидели меня в Лондоне. Ваши помощники неоднократно пытались меня убить! И теперь вы еще смеете свалить на меня смерть одного из них. Конечно, со мной воевать легче, чем с королем Авы.

— Я убью тебя! — Блэкберри постарался вытащить шпагу, но это ему не удалось, потому что за руку его схватил лейтенант Стюарт.

— Постыдитесь, полковник, — сказал он. — Иначе как офицер я буду вынужден вызвать вас на дуэль, защищая честь британской подданной.

— Она не британская подданная! Она наймитка бирманцев!

— Господи! — Закричала тогда Дороти. — Миссис Уиттли, вы всегда были так добры ко мне! Неужели вы оставите меня на растерзание этому злодею?

— Ты сама виновата в своей судьбе, — неожиданно для Дороти хозяйка решила отдать ее на растерзание. Почему? Впрочем, видно, в душе Регины любовь к лучшей вещи потерпела поражение в борьбе с осторожностью. Сейчас представился случай расправиться с собственным прошлым. И сохранить мир с опасным полковником.

Регина резко повернулась, и платье треснуло спереди по шву.

— Ах, простите, — воскликнула смущенная миссис Уиттли и спешно покинула веранду.

— Прочь с дороги, лейтенант! — заявил Блэкберри, — если вы не хотите попасть под полевой суд, в котором я же буду председательствовать. Я вам обещаю навсегда загубить карьеру, если вы сейчас же не отойдете от этой... этой...

— Подождите, полковник, не волнуйтесь так, — произнес грузный мистер Пимпкин. Его большие слюнявые губы кривились в сладострастной усмешке. Ему так понравилась эта девица! — Вы склонны к преувеличениям. Наверняка мисс...

— Мисс Дороти Форест! — доложил лейтенант Стюарт, уже отступивший было на шаг под напором полковника и теперь стремившийся вернуться на утраченные позиции.

— Наверняка мисс Дороти не виновата в серьезных преступлениях, в которых вы ее обвиняете. Я глубоко убежден, что вам нужен отдых...

Мистер Пимпкин перевел взгляд на стоявшие неподалеку на траве носилки с телом плотника. Тело было накрыто грубой холстиной, из-под которой торчали лишь ноги в серых чулках и пыльных башмаках.

— Это ваш агент? — спросил мистер Пимпкин.

— Вот именно! — с вызовом ответил Блэкберри.

— Как же вы так, в такой опасный и, я бы сказал, критический момент, — наставительно загудел человек-слон, — допускаете хождение по туземному городу сво-

их подчиненных поодиночке, в европейском платье, да еще, полагаю, вооруженных. У нас в Бенгалии я бы тотчас снял с должности любого офицера, который бы посмел так неразумно и легкомысленно распоряжаться жизнями своих подчиненных во враждебной стране. Когда остались считанные дни до выступления и любой конфликт с туземцами может вызвать срыв всего великого предприятия, некоторые много возомнившие о себе полковники ведут себя как неразумные сержанты. Я прошу вас, полковник, пройти со мной в кабинет к уважаемому фактору Уиттли и там мы продолжим разговор.

— Слушаюсь. — Блэкберри выглядел как побитая собака.

— Он как побитая собака, — проговорил негромко вслед ему лейтенант Стюарт. — Но как побитая собака он вдвойне опасен, потому что будет пробовать клыки не на слоне, а на зайчонке. Ты поняла, Дороти?

— А вы готовы были меня оставить на растерзание, — печально произнесла Дороти.

— А что поделаешь, — развел руками лейтенант, — у меня лишь одна жизнь и одна карьера. Ну кто мог подумать, что Пимпкин такой юбочник, что при виде тебя разрушит весь замок полковника Блэкберри.

...Когда Дороти вернулась в дом фактора, Регина встретила ее у своей двери неделикатным вопросом:

— А разве тебя не посадили в тюрьму?

— Меня оправдали, — ответила Дороти. — А теперь тюрьма угрожает вашему другу полковнику Блэкберри.

— Не мели чепуху! — Неуверенно произнесла Регина и, подобрав юбки, ринулась в главный дом узнать, что же произошло.

Дороти же поставила корзинку с мангустинами на столик в гостиной семьи Уиттли, прошла в свою комнату и сидела там до темноты.

Воображение рисовало ей картины сладостной встречи с Алексом, но тут же жестоко заставило вспомнить о скорой казни молодого штурмана, и слезы накатывались на глаза Дороти.

Когда же стемнело, она рискнула выйти во двор, чтобы посмотреть, нельзя ли уговорить или подкупить солдат, чтобы они позволили перекинуться словом с Алек-

сом. Для подкупа у нее было несколько рубинов, которые ей дал с собой дядя.

Но подойти к тюрьме оказалось невозможно. На плацу, рядом с тюрьмой, при свете фонарей и факелов кипела работа: возводили помост и к двум столбам сверху приколачивали могучий поперечный брус. Дороти поняла, что сооружают виселицу...

Она не смогла там оставаться и побежала к себе.

Она спряталась в комнате и, пока не заснула, строила планы — то мысленно мчалась по горам навстречу дяде, чтобы он прислал отважных воинов, которые в последний момент спасут приговоренных, то сама с пистолетом в руке всходила на помост, чтобы освободить возлюбленного. Но, конечно, ничего не придумала.

Дороти заснула лишь под утро и неожиданно для себя проспала все на свете — госпоже, поднявшейся раньше, пришлось идти к двери горничной, стучать и требовать, чтобы та встала наконец и помогла Регине совершить туалет — начинался большой день. День казни. День решений. День победы Регины над правдой.

— А когда... когда это будет? — спросила Дороти, причесывая госпожу.

— К закату полковник обещал со всем управиться, — радостно сказала птица. И Дороти поняла, что это такое: необратимое желание задушить человека.

Как? Что сделать, чтобы спасти Алекса? Ведь даже если дядя прибудет сюда через неделю или через три дня — все равно будет поздно. Не исключено, что после смерти офицеров с «Глории» полковник выполнит свою угрозу и Дороти последует за Алексом.

— Тебе его жалко? — спросила Регина. Теперь Дороти была убеждена, что госпожа нарочно дразнит ее, ибо ей доставляют радость страдания Дороти.

— Да, мне его очень жалко, — сказала Дороти. — Я отдала бы все мои драгоценности, чтобы спасти их...

— У тебя есть драгоценности? Откуда? Ты же нищенка! — Регина насторожилась. Зря ты, Дороти, так легкомысленно заговорила с хозяйкой. Она же насторожена, как птица.

— У меня их немного...

— Вранье! Ты была голой на корабле. А потом у тебя появилось серебряное зеркало — я видела его...

— Это не зеркало... оно не отражает.

— Знаю, — ответила Регина. — Иначе бы я его у тебя отобрала. Тебе не положено иметь такое зеркало. Но я тебе должна сказать, что когда полковник отрубил тебе голову, мне все равно достанется и твое зеркало и твои рубины, которые ты так неосторожно зашила в дно своей шанской сумки.

И Регина весело засмеялась.

— Кстати, — сказала она, насладившись растерянностью Дороти. — Там уже нет никаких рубинов, потому что тебе не положено иметь рубины!

Регина поднялась, отобрала гребень у обомлевшей Дороти и сказала, отступая в угол комнаты:

— А теперь уходи отсюда.

— Куда уходить?

— На улицу! Иди полюбуйся, как будут вешать твоих дружков.

Хозяйка была нарочито груба, она хотела вывести Дороти из себя.

Не поддавайся, она нарочно, уговаривала себя Дороти, она хочет, чтобы я сорвалась...

— Уходи, — визгливо повторила Регина.

Дороти покинула комнату и, не чуя под собой ног, выбежала на зеленый газон перед домом фактора.

Здесь стена близко подходила к строениям. Дальше начинался плац, где уже была сооружена виселица. Дороти показала страшную ее завершенность. Как накрытый стол, она была готова к приему гостей и сделана на совесть, видно, человек, отвечавший за ее изготовление, был аккуратистом и знатоком своего дела. Веревки с петлями на концах, которые свисали с перекладины, были одинаковы по длине и замерли, ожидая, кого бы стиснуть в своих объятиях на одной высоте. Под петлями, на равном расстоянии один от другого, стояли пять ящиков. Их вышибут из-под ног казенных. Ящики тоже были одинаковыми и стояли в ровную линию.

Дороти зачарованно смотрела на виселицу. В совершенстве этой виселицы ей виделся весь мир, окружаю-

ший ее с момента отплытия из Англии. Его жестокость была освящена аккуратностью и сегодня эта власть, эта аккуратность будет расправляться с теми людьми, которые допустили сбой машины, нарушили далеко идущие планы лондонских стратегов и рангунского исполнителя, мистера Джулиана Уиттли.

К виселице подходили зеваки, некоторые даже поднимались на помост и трогали ящики, один офицер забрался на ящик и хотел сунуть голову в петлю. Сержант, который стерег виселицу, уговаривал его уйти.

— Уходите, уходите! — проскрипел полковник Блэкберри, незаметно вышедший на плац. — Если не хотите повиснуть там за компанию.

Полковник Блэкберри с каждым днем забирал все большую власть на фактории. Дороти даже подумала, что зря Регина и мистер Джулиан сделали его своим доверенным союзником. Не сегодня-завтра полковник воспользуется своими познаниями, чтобы оттеснить и погубить сегодняшних друзей.

И тут полковник увидел Дороти.

Господи, опять начинается на меня охота...

— Та-ак, подсматриваешь! — Блэкберри при виде Дороти терял рассудок. — Нет твоего защитника! Уехал мистер Пимпкин на «Дредноут». А ну, иди со мной!

Полковник схватил Дороти за плечо. Она попыталась сбросить его руку. Вокруг были враги! Кто-то в толпе окруживших виселицу зевак громко засмеялся — то ли над усердием полковника, то ли над страхом Дороти, которого она не в силах была скрыть.

— Ты пойдешь в тюрьму! — кричал полковник. И я те я вздерну вместе с ними! Или ты хочешь, чтобы тебя сожгли как ведьму?

— Но нельзя же так! За что вы меня преследуете?

Если Дороти надеялась вызвать жалость у зрителей, она ошиблась — клерки и прочая мелкая сошка фактории встретили эти слова взрывом веселья. Видно, виселица как-то изменила настроение законопослушных британцев и превратила их в древних римлян, поворачивающих большой палец вниз в знаменитом жесте времен гладиаторских боев: «Добей поверженного!»

Дороти отбивалась, как могла, но победить этого жилистого озверевшего мужчину она была не в состоянии.

Полковник тянул свою жертву на газон, к дорожке, которая вела к подслеповатому зданию тюрьмы. Дороти рванулась из последних сил, и полковник отпустил ее — так неожиданно, что Дороти упала.

Но и полковник упал.

Он схватился за ту руку, которой он тащил Дороти, и между пальцев его текла кровь.

— Укусила! — крикнул кто-то из зевак. — Она укусила полковника!

Дороти и в голову не приходило кусаться... Но что же случилось?

— Там! — закричал Блэкберри, перекрывая шум голосов, — оттуда стреляли... — Пальцем здоровой руки он показал на могучее дерево «пламя леса», ветви которого, красные от цветов, нависали над бревенчатой стеной фактории.

И Дороти тоже показалось, что она видит человека, который спускается вниз... вот он исчез за стеной.

— Он стрелял! Это ее сообщник!

Дороти знала только одного охотника в мире, который мог попасть в комара на лету — Нга Дина. Неужели Бо Пиньязотта все же отрядил сына охранять Дороти?

Милый, милый простак! Он же только сделал хуже! Теперь все на фактории убедились в том, что Дороти связана с бирманцами или какими-то враждебными англичанам силами. И, хоть и раненный, полковник может торжествовать...

И когда Дороти потащили в тюрьму, полковник, радостный и даже веселый, прошел за ней несколько шагов и проговорил ей вслед, обращаясь к толпе.

— Я же предупреждал!

Но тут силы оставили его и полковник Блэкберри опустился на газон.

К нему, вызванный кем-то, уже бежал доктор Стренгл.

Дороти обернулась. На фоне виселицы под висящими толстыми петлями сидел на земле полковник Блэкберри, а доктор Стренгл раскрывал свою сумку, чтобы достать корпию и бинт для перевязки его раны.

Хоть Дороти было больно — ее дергали, толкали, словно хотели убить до того, как она попадет в тюрьму, она вдруг подумала — ведь ей повезло! Она же сейчас увидит Алекса! Конечно же — ей ведь хотелось попасть в тюрьму!

Дороти благополучно забыла, что ее сегодня собираются повесить, и беспокоилась, входя в тюрьму, хорошо ли она выглядит и понравится ли она Алексу.

Открылась дверь в тюрьму, вокруг были какие-то люди, что-то говорили, почему-то ее хотели обыскивать, и Дороти стала отбиваться от грязных рук, потом чьи-то опытные пальцы вытащили из ее головы булавки — не положено иметь в тюрьме булавки — волосы рассыпались по плечам — что подумает Алекс! — и Дороти оказалась в полутемном помещении с земляным полом, где было душно, жарко и дурно пахло...

Но Дороти сразу узнала Алекса — вон он поднимается с вороха соломы! Узнает ли он ее?

Со скрежетом закрылась дверь в каземат.

Капитан Фицпатрик тоже поднялся со скамьи. Скамья стояла у стола, на столе — кувшин и глиняная чашка.

В удивлении обернулись к Дороти второй штурман, помощник капитана и артиллерист — всех их Дороти отлично знала — несколько недель они встречались почти каждый день.

— Здравствуйте, — сказала Дороти бодрым голосом, и даже для нее самой голос прозвучал фальшиво. Ей пришлось откашляться и повторить приветствие.

— Дороти! — капитан Фицпатрик не скрывал удивления. — Вас-то за что сюда бросили! Неужели вы обожгли хозяйку утюгом, когда гладили ее туалеты?

Дороти не поняла, шутит ли худой, а в темнице исхудавший еще более капитан «Глории»?

Но смех его помощников развеял ее сомнения.

Алекс не смеялся. Он приблизился к Дороти.

— Что случилось? — произнес он, вглядываясь в ее лицо. — Почему ты наказана?

— Я не просто наказана, — сказала Дороти, — меня казнят вместе с вами.

— Полковник Блэкберри? — спросил капитан. — Это его интриги? А почему вас не защитит Регина Уиттли?

— Когда она меня защищала?

— Вы правы, — вздохнул Фицпатрик.

И Дороти поняла, что эти офицеры последние дни немало обсуждали события последних месяцев — судьба была к ним жестока и намеревалась нанести им последний удар.

— Расскажите, как он до вас добрался, Дороти, — попросил капитан.

Дороти принялась рассказывать. Прежде чем завершить рассказ, за несколько минут до конца, она прервалась и попросила напиться — к счастью, в кувшине осталось немного воды. Ей не хотелось открывать свою тайну — говорить о том, что в Рангуне скрываются лазутчики из Лигонского королевства. Ей не хотелось говорить, что она знает, кто стрелял в полковника.

Поэтому Дороти ограничилась тем, что поведала о выстреле «откуда-то».

— Да, это замечательный предлог расправиться с тобой, — сказал сокрушенно Алекс.

О, как он побледнел и исхудал за эти дни!

— Боюсь, что ваша судьба была предрешена раньше. И если бы не мистер Пимпкин, который вас вчера защитил, то вы разделили бы нашу судьбу еще раньше...

— Что об этом говорить! — вздохнула Дороти. — Он же не раз пытался меня убить... И даже посылал своих подручных...

Потом расскажу о смерти плотника, подумала она. Успею... и вдруг поняла, что не успеет. Что никогда уже ничего не расскажет милому капитану Фицпатрику или курносому рыжему шотландцу — артиллерийскому офицеру.

— А опасная ли у полковника рана? — с надеждой спросил артиллерийский офицер. — Выживет ли он?

— Боюсь, что рана неопасная, в руку.

— Как жаль, — произнес артиллерист.

— Откуда же стреляли? — спросил помощник капитана.

— Как я понимаю — снаружи, с большого дерева за стеной фактории.

— Жаль, что это был не я, — сказал Алекс. — Я бы не промахнулся.

— Молодые люди, — остановил своих товарищей по несчастью капитан Фицпатрик. — Вам представляется, что если со сцены уйдет один, самый очевидный злодей, то наступят славные времена и восторжествует справедливость. О, какое это заблуждение! Подумайте, главный ли человек в этой интриге полковник Блэкберри? Я сам отвечаю: отнюдь не главный. Его используют супруги Уиттли. Я в этом убежден. Джулиану Уиттли надо доказать компании, что в возможном провале похода он не виновен. Его жене требуется доказать, что ее поведение во время плавания было безупречным, а приключения ужасными! И конечно же полковнику Блэкберри важно доказать, что он вел себя безукоризненно, как настоящий лев, а не отсиделся во время боя где-то ниже лазарета.

Слушатели кивали, соглашаясь с Фицпатриком. И хоть его речь предназначалась скорее для Дороти, она поняла, что Фицпатрик повторял эту речь не единожды и что она выражает общее мнение всех узников.

— К сожалению, — продолжал Фицпатрик, — вы, Дороти, тоже плохой свидетель. И конечно же Регина вас боится. Она понимает, что ваш рассказ о жизни в бирманской семье — неправда. Потому что вы согласились с ее лживыми утверждениями о буре в море и гибели всех остальных пассажиров шлюпки. Она лжет, а вы соглашаетесь с ложью! Зачем? Вы для нее смертельно опасны. И я почти уверен, хотя, может быть, вам горько это сознавать, что именно миссис Уиттли стоит за вашим арестом и решением полковника вас казнить. Теперь даже Пимпкин вряд ли вас спасет: налицо таинственный выстрел вашего сообщника...

— Сколько времени? — спросила Дороти, сделав вид, что не расслышала последнего слова капитана.

— Одиннадцатый час.

— Они хотят казнить нас перед обедом, чтобы потом с чистым сердцем усесться за стол.

— Два часа? Осталось два часа? — вдруг испугался артиллерийский офицер. Конечно же его зовут — Генри. Генри-артиллерист.

Капитан Фицпатрик опустил за стол. Он склонил поседевшую за последние недели голову и глядел на крышку стола, словно ждал от нее ответа...

— Нет, — сказал артиллерист, — что-то должно произойти...

Дороти взяла Алекса за руку. Рука его была прохладной и сухой. Это хорошо. Это так приятно... Его пальцы сжались, обнимая пальцы девушки. Дороти легко потянула Алекса в сторону. К счастью, камера была низкой, но обширной. Видно, ее не всегда использовали как тюрьму, порой — как склад для ценных товаров.

Дороти отвела Алекса в угол, где было свалено слежавшееся сено.

— Вы здесь спите? — спросила она.

— Вы угадали.

Дороти села на сено.

Страх, недавно охвативший ее при виде смертельно испуганного артиллериста, куда-то исчез. Спрятался. Он конечно вылезет, когда за ними придут, но давайте сейчас вообразим, что нас всего-навсего посадили в тюрьму.

— Давай просто думать, — прошептала она Алексу, — что нас посадили в тюрьму и забыли о нас. И нам даже повезло, что мы оказались в одной камере. Так что, если все отвернется, ты можешь меня поцеловать.

— Что ты говоришь...

— Тебе не нравятся мои слова?

— Подумай, Дороти, зачем мы будем притворяться... Мне уже не так страшно умереть самому, но мысль о том, что и ты попала в эту ловушку, совершенно невыносима.

— Алекс, — сказала тогда Дороти, — я давно собиралась тебя спросить, как ты ко мне относишься?

— Я люблю тебя, — сразу ответил Алекс. — Я любил тебя все эти недели, пока не знал, что с тобой, где ты, жива ли ты! Я молил Господа, чтобы он забрал мою жизнь и оставил тебя на Земле. И знаешь, когда меня приговорили к смерти, я счел это ответом судьбы на мои молитвы. Да, значит, Небо согласилось оставить тебя в живых...

— Милый, — Дороти погладила его руку, — какой ты наивный. Неужели ты не знаешь, что Небо не вступает в договоры с людьми. Это — дело дьявола.

Алекс улыбнулся.

Дороти прижалась к нему, подняла голову и поцеловала его в щеку.

И поняла, что щека молодого штурмана горячая и соленая.

— Неужели все мужчины в Польше такие странные? Зачем же плакать, если мы вместе?

— Черт побери! — взревел Фицпатрик. — Я слышал ваши слова, дети мои! Я не могу этого выносить. Слушайте меня, офицеры! Нас пятеро. Пока среди нас не было этой невинной девушки, которая имела неосторожность полюбить нашего Алекса, я готов был пойти на смерть, потому что на самом деле чувствовал вину за то, что «Глория» попала в руки к врагу.

Но сейчас я изменил свое решение.

— Говорите, капитан. — Помощник Фицпатрика поднялся с кучи соломы у двери. — Я чувствую, что вы что-то придумали.

— Говорите, капитан! — воскликнул артиллерист, который был готов к любому решению, только чтобы не идти на казнь как баран.

— Я понял, что раз мы стали жертвой заговора, то наш долг как офицеров его величества сражаться до последней возможности против врагов трона.

— И что делать? Вы только прикажите, капитан! — потребовал артиллерист.

— Мы должны попытаться дорого отдать нашу жизнь, — сказал капитан. — Когда нас будут выводить, изображайте полное равнодушие и покорность. Я полагаю, что, если нам повезет, они не будут сразу связывать нам руки, как простым преступникам. Тогда у нас будет маленькая надежда разоружить солдат, которые придут за нами, и затем тех, кто стоит у входа. Может быть, если повелит Господь, мы сможем пробиться из фактории... Как только мы вырвемся наружу, у нас появятся шансы...

— Вы предлагаете поднять бунт против Ост-Индской компании и короля Британии? — спросил помощник капитана.

— Нет, мы поднимем восстание против мерзавцев, которые прикрывают свои грязные делишки именем короля. Среди нас есть мисс Дороти Форест, которая, я надеюсь, тоже сможет выступить королевским свидетелем...

— Я постараюсь...

— Нам нужно будет добраться до Калькутты, а еще лучше — до Лондона, чтобы мы могли дать показания на настоящем справедливом суде. Я думаю, что мы добьемся справедливости, друзья!

Как много может сделать слово, сказанное в самый безнадежный, черный момент жизни! Только что в каземате находилось несколько человек, главным занятием которых было сведение счетов с собственной жизнью, как у обитателей чумного барака.

И тут — перемена! Пятеро офицеров, готовых сражаться как спартанцы при Фермопилах стояли в темном каземате и рядом с ними была отважная юная амазонка, также не страшившаяся вражеских стрел и копий.

— Моряк, — произнес капитан Фицпатрик, уже помолодевший лет на двадцать, — должен всегда размышлять. Каждый бой для моряка — это задача со многими неизвестными. Сухопутный офицер может положиться на устав, нам же устав противопоказан. Мы потерпели с вами поражение, сражаясь с корсаром, как будто с французским регулярным кораблем. Мы должны победить сегодня, потому что от нас не ждут бунта и потому нас недооценивают, так же как мы недооценивали Сюркуфа. Поэтому внезапность на нашей стороне. А значит, нас не пятеро...

— Не шестеро! — воскликнула Дороти.

— Не шестеро, а шестьдесят. К тому же нам будет противостоять не воинская часть и не моряки, а толпа зевак, пришедшая полюбоваться, как мы наложим в штаны в последнюю минуту нашей жизни. А это значит, что вас не шестьдесят, а шестьсот.

— Слушайте, слушайте! — воскликнул артиллерист.

— И теперь за дело, господа офицеры!

— За какое дело? — спросила Дороти.

— Мы должны придумать, как мы вооружимся. Затем мы должны разработать всю операцию до секунды и дюйма: кто где стоит, когда за нами входят, кто что делает. Если они будут настолько глупы, что заявятся к нам во главе с фактором, то у нас появится шанс захватить заложников.

— Слушайте!

— Пока из оружия у нас только кувшин, — продолжал Фицпатрик. — Это немного. Думайте, думайте, что еще можно использовать как оружие...

— Там, в углу, валялась палка, под соломой, — сказал артиллерист.

— Так чего же вы молчите! Тащите ее сюда, Генри! И смерть отступила...

Глава 10 ВОЗВРАЩЕНИЕ СОКРОВИЩ

В приключенческом романе существует закон: спасение должно прийти к героям ровно за секунду до того, как палач опустит топор или выбьет ящик из-под ног жертвы.

Однако наш роман никак нельзя назвать приключенческим, ибо цель его — неспешное изучение быта и нравов наших далеких предков, а также будней некоторых организаций конца XXI века.

Именно поэтому стремление к жизненной и исторической правде оказывается куда более важным, чем внешняя завлекательность. И приходится констатировать, что, несмотря на соблазн отправиться по проторенным путям, в нашем романе события разворачивались вовсе не так драматично, как нам того хотелось.

Более того, приходится признать, что Дороти так и не пришлось подняться на эшафот и подставить под грубые садовые ножницы палача свои длинные черные волосы, чтобы они не помешали удушить невинную девушку.

До начала казни оставалось еще более часа и палач из числа сержантов местного гарнизона как бы переставлял посуду на праздничном столе, передвигая куверты из-за того, что ждали дополнительного гостя. А попросту говоря, он менял расположение петель, чтобы уместить на виселице шестую петлю для Дороти.

Несколько зевак еще остались на плацу, глядя на старания палача, но большинство разошлось, потому что к одиннадцати часам солнце поднимается так высоко, что оставаться на открытом месте становится пыткой. Под навесами еще слышны были удары молотков и лязг

пил — там изготавливали лафеты и колеса для пушек, а над кузницей чернел столб дыма — там выковывали железные части лафетов. Но работа шла далеко не так скоро, как с утра, потому что жара доняла рабочих.

День был тяжелым, солнце светило сквозь мглу — воздух был напоен влагой, и парило так, словно находишься под крышкой кипящего чайника.

Ворота фактории были приоткрыты, потому что недавно катер с «Дредноута» привез еще три пушки из числа шестидесяти, которые планировал использовать в походе мистер Джулиан Уиттли, а вернее, мистер Пимпкин, который намеревался возглавить поход и украсить себя лаврами завоевателя Пегу. О чем он и совещался сейчас с коммодором Стоуном на борту «Дредноута». Сам мистер Уиттли сидел у себя в кабинете и писал обстоятельный донос на мистера Пимпкина, а также подробное оправдание собственных действий в ходе суда и казни офицеров «Глории». Он намеревался отправить это письмо своей почтой — через обязанных ему многим армянских купцов, которым, как христианам, он обещал особые блага после присоединения Нижней Авы к Британской Ост-Индии.

Птица Регина маялась, мучилась от жары. Щеки ее стали малиновыми, тело было покрыто потом, следовало бы облиться прохладной водой, но эта подлая Дороти умудрилась подстрелить полковника и угодить в тюрьму, поэтому оставила хозяйку без хорошей горничной.

Полковник Блэкберри сильно страдал, лежа на своей койке.

Он просил доктора Стренгла дать ему опия, к которому давно уже имел пристрастие, но доктор все тянул и не выполнял просьбы раненого. Правда, он уже трижды предлагал полковнику достать сколько угодно опия, если тот выпустит из тюрьмы Дороти и отменит свое распоряжение о ее казни. Но полковник предпочитал страдать.

Именно в эти томительные минуты на широкой дороге, что тянулась вдоль реки, по направлению к фактории двигался громадный клуб пыли. Если бы вам удалось заглянуть внутрь этого клуба, вы увидели бы, что пыль поднята копытами нескольких десятков могучих

буйволов, которые брели к фактории. Все буйволы были в упряжи, но без повозок.

За буйволами, укрываясь в облаке пыли, двигалось несколько слонов, но никто не мог бы разобрать, рабочие это слоны или боевые — так плотна была пылевая завеса.

Несколько пастухов шли цепью вокруг буйволов, покрикивали на них, не давая кинуться к реке на водопой, чего буйволам хотелось более всего.

Шум от движения этого стада был значителен, но он не вызывал тревоги у солдат, что охраняли ворота, потому что это был мирный шум, подобный жужжанию мух, стрекоту рисорушки или мычанию стада коров.

Солдаты были убеждены, что стадо буйволов минует ворота фактории и пойдет дальше.

Но не тут-то было. Буйволы сгрудились у ворот и, подгоняемые пастухами, повернули внутрь фактории.

Солдаты отступали с криком, полагая, что это происходит по глупости пастухов.

Все больше и больше буйволов вторгалось внутрь фактории. К солдатам уже бежал начальник караула, возмущенный этим зрелищем.

— Да скажите кто-нибудь этим идиотам, — кричал он. Если они не уберут свое стадо, я буду стрелять! Это же территория британской короны!

Но буйволы уже заполнили всю площадь перед навесами и складами, и первые начали пробиваться в следующий двор, к плацу с виселицами.

На помощь караулу, рассеянному буйволами, из казарм: выскакивали сипай, ошарашенные от неожиданности, размягченные тупой влажной жарой, они еле волочили ружья и все еще не решались стрелять, не понимая, кто же их враг.

Лейтенант Стюарт, выбежавший из своей комнаты в панталонах и белой сорочке, сжимая в руке шпагу, попытался как-то собрать солдат, и тут прогремел первый выстрел.

Никто не догадался сначала, что стреляют с небольших площадок, укрепленных на спинах слонов.

Слоны оказались боевыми.

Славный, веселый лейтенант Стюарт упал бездыханным, потому что Нга Дин мог попасть на лету в комара.

Этот выстрел и шум буйволиного стада донеслись до заключенных в тюрьме и заставили их замереть, прислушиваясь.

Между тем все новые сипаи выбегали на плац, но стадо буйволов — настолько необычный враг, что солдаты, тем более не ожидавшие вообще нападения, потому что день должен был быть посвящен великому развлечению — публичной казни, при виде направленных на них рогов и сплоченности колонн противника растерянно отступали.

Закричала, призывая к бою, труба — с запозданием английская фактория принимала меры к обороне. Старалась организовать оборону. За складами, на газоне, майор Спрингфилд останавливал солдат, выбегающих из казармы, чтобы построить их и только затем отправиться в бой, над центральным зданием фактории на мачте поднялся флаг, призывающий на помощь «Дредноут», — флаг обозначал крайнюю опасность, в которой оказалась фактория. Впрочем, откуда пришла опасность и что она собой представляет, еще никто в фактории не знал.

Между тем пастухи, число которых все время увеличивалось и которые оказались вооружены пистолетами и кривыми мечами, носились по дворам, навесам, под навесами, по мастерским, складам и даже комнатам клерков, производя страшный шум, стреляя, круша мебель, убивая всех, кто посмел сопротивляться, и выполняя притом приказ их вождя — любой ценой отыскать и привести наследную принцессу Лигона ее светлость Ма Доро, безжалостно уничтожив любого, кто посмеет этому помешать.

Так как никто в фактории не знал лигонского языка, то крики, обращенные к принцессе, которыми был буквально наполнен воздух, как бывает он наполнен птичьим щебетом в утреннем ласковом лесу, никому ничего не сказали и были многими приняты за воинственный клич диких пастухов...

Дороти, стоявшая рядом с Алексом, держа его за руку и слушая крики, топот и выстрелы за дверью, вдруг различила в криках свое имя. Может ли так быть?

— Я здесь! — закричала Дороти по-лигонски. — Я здесь.

И тут же она осеклась.

Ее сотоварищи по несчастью с удивлением посмотрели на нее.

Дороти поняла, что наступил момент раскрыть свою тайну, ибо хуже всего потерять доверие близких людей в такой тяжелый момент.

— Так что же вы молчали! — воскликнул капитан Фицпатрик. — Говорите, что там происходит? Бирманцы ворвались в факторию?

— Этого еще не хватало! — расстроился его помощник. — Из огня да в полымя. Они же нас не пощадят.

— Наверное, они пронюхали, что Уиттли замыслил небольшой победоносный поход, — сказал артиллерист.

— Это не бирманцы, — сказала Дороти.

— Так кто же?

— Это лигонцы.

— А кто такие лигонцы?

За дверью в комнате охраны, где находился караул тюрьмы, раздавались взволнованные голоса. Начальник караула никак не мог решить, отсиживаться ли здесь и, рискуя попасть в лобушку, охранять осужденных или попытаться выбраться наружу и вступить в бой.

Шум, производимый караульными, заглушил крики снаружи.

Дороти ничего не могла объяснить офицерам.

— Лигонцы — враги бирманцев, — сказала Дороти.

— Зачем же им на нас нападать? — не понял Алекс.

— Им нужны пушки, — ответила Дороти.

— Им нужны наши пушки?

— Да, чтобы защищаться от бирманцев.

— У меня голова идет кругом! — сообщил Фицпатрик. — Кто на кого нападает, кто кому враг, кому нужны пушки...

— Да не в этом дело! — закричал Алекс. — Неужели вы не понимаете, что для нас важен только один вопрос — вздернут нас на виселице сегодня к обеду или кто-то может этому помешать!

— Молодец, Алекс, — поддержал его артиллерист. — Мне плевать, кто на кого напал, — сожгите виселицу и я поставлю за вас свечу в первой же церкви, до которой доберусь.

— Что они кричат? — спросил Фицпатрик.

— Я не слышу. Вы можете посадить меня к окошку?

Низкое маленькое окошко находилось под самым потолком. Оно было забрано решеткой. С земли до него было футов восемь.

В мгновение ока узники подвинули к стене стол, на стол вскочили Алекс и артиллерист. Они помогли взобраться на стол Дороты и, схватившись руками, образовали ступеньку, на которую взобралась Дороты. Еще через несколько секунд она уже могла выглянуть наружу.

— Там пыль, — сообщила она ожидавшим вестей пленникам. — Там бегают люди... почему-то там буйволы, много буйволов... Я вижу слона, ой, он топчет солдат! И падает... его застрелили! Идет другой слон...

Тут Дороты прервала свой рассказ, потому что из пыли и дыма выскочили несколько лигонцев в боевых доспехах.

Они бежали к тюрьме.

— Лигонцы остановились в нескольких шагах от тюрьмы и один из воинов закричал:

— Принцесса Ма Доро, отзовись! Принцесса Ма Доро, ты где?

Это же относится ко мне... — поняла Дороты.

— Я здесь! — закричала девушка. Она просунула руку сквозь решетку и помахала ею, привлекая внимание воинов. — Я заперта здесь с моими друзьями. Освободите нас!

Воины услышали ее крик.

Радостная улыбка появилась на лице их предводителя.

— Принцесса Ма Доро, ты жива!

Возможно, она видела этого воина раньше, зато он-то наверняка видел принцессу.

— Осторожнее! — крикнула принцесса воину. — Там, в дверях, есть охрана. У них ружья.

— Сколько их? — спросил воин.

— Я думаю, что человек пять или шесть...

Как бы в подтверждение слов Дороты из комнаты охраны раздалось несколько выстрелов. Один из воинов схватился за плечо, он был ранен.

— Ну что там? — спросил артиллерист. — Рассказывай же!

— Опустите меня, — сказала Дороти. — Меня видели и узнали.

— Как узнали? — спросил Фицпатрик с недоверием.

— Я потом расскажу, у нас нет времени! Сейчас начнется штурм нашей тюрьмы. И нас освободят.

— Почему вас узнали? — повторил капитан Фицпатрик.

— Да потому что я из того же племени! Неужели вы не поняли.

— Поэтому ты знаешь их язык?

— Я знаю их язык. Моя мама научила меня! — повторила Дороти. Никак не могли англичане это угадать.

— Зачем вам знать их язык?

— Господи! — взмолилась Дороти. — Ну как можно быть таким непонятливым!

Капитан обиделся и осекся. Артиллерист засмеялся.

— И в самом деле! Дайте им нас освободить. Хотите, мы снова вас поднимем? А то ваши друзья медлят.

— Нет, — возразил Алекс. — Сейчас там будут стрелять. Я не хочу, чтобы Дороти подвергала себя риску.

Дороти увидела, как усмехнулся помощник капитана, но была благодарна Алексу за то, что в такой момент он думает о ней.

Снаружи раздался тяжелый тупой удар.

— Что это? — спросила Дороти.

— Я думаю, что они решили вышибить наружную дверь, — сказал капитан. — Но лучше бы они выстрелили по ней из пушки. Тараном ее не возьмешь.

Дороти подумала, что капитан уже переживает за лигонцев, словно они пришли освободить именно его.

— Они не будут стрелять из пушки, они побоятся повредить нам, — сказал артиллерист.

Удар повторился. В ответ на него послышались выстрелы.

— Стража отстреливается сквозь бойницы.

Вдруг все здание содрогнулось...

Снаружи послышался громкий треск, удары, крики, серия выстрелов...

Затем, после короткой паузы, нечто могучее ударило во внутреннюю дверь тюрьмы и та послушно упала вовнутрь, в камеру.

Узники с удивлением увидели громадную голову боевого слона, на которую было надето защитное устройство, подобное шлему с толстым металлическим рогом, как у единорога. Именно лбом, оснащенным таким тараном, слон взломал дверь...

Слон не стал входить внутрь, а по команде погонщика отступил.

Тут же стало видно, что в комнате охраны лежат тела солдат. Солнце, сияющее снаружи, осветило поле битвы и ударило в спину невысокого стройного человека, облаченного в кольчугу и позолоченный шлем, украшенный шишаком и снабженный полями подобно шляпе. На груди этого человека сверкала золотая морда тигра, в руке он держал меч. За ним в каземат вбежали несколько воинов с пистолетами и ружьями.

— Ма Доро! — воскликнул от двери предводитель лигонцев. — Ты жива!

Воины, вбежавшие в каземат, пали ниц и, распростершись на полу, замерли. Это не значит, что в Лигоне столь развиты монархические чувства — просто иначе воины не могли выразить радость.

Английские офицеры были потрясены настолько, что потеряли дар речи.

Воин в золотом шлеме сделал несколько шагов вперед. Дороти добежала до него, обняла и заплакала, смеясь...

— О дядя, о мой дорогой дядя! Ты спас нас! Как ты успел?

— Мне донесли, что тебе угрожает смерть, — сказал Бо Нурия. — Мы поспешили... Но это было нелегко! Представляешь, мы гнали целое стадо буйволов, которых закупили вокруг Рангуна. — Король засмеялся, воины вторили ему, поднимаясь с пола и окружая принцессу.

— Зачем? — спросила Дороти.

— Во-первых, затем, чтобы вывезти отсюда пушки, а во-вторых, для того, чтобы англичане сдали нам фабрику. Они ведь ждали нападения от людей, но совсем не ждали нападения от племени буйволов.

И король Лигона заразительно засмеялся.

Смеялись воины, засмеялась принцесса Ма Доро, и, еще не понимая ничего толком, но уверенные в том, что виселица им более не грозит, засмеялись англичане.

— Пошли, — сказал король, кладя руку на плечо любимой племянницы.

— Пошли, — сказала Дороти англичанам. — Там теперь безопасно.

Все еще настроженные англичане медленно последовали за лигонцами. Обходя тела убитых солдат, они жмурились от бившего в глаза солнечного света, от которого давно отвыкли.

— Что они делали? — спросил артиллерист. — Дороти, почему они упали перед тобой. За кого они тебя приняли?

— И кто этот мужчина в позолоченной сковородке? — с ревностью в голосе спросил Алекс. — Почему ты его обнимала?

— Я вам все объясню, — сказала Дороти. — Сейчас я только могу сказать, чтобы вы не удивлялись... Ничего удивительного в этом нет...

— Не стесняйся, — мрачно произнес Алекс.

— Ну хорошо, только не смейтесь... Дело в том, что я принцесса королевства Лигон, а освободил нас мой дядя — король Лигона.

Потрясенные англичане молча смотрели на служанку миссис Уиттли.

На плацу, стоя на помосте под виселицей, что придавало всей сцене жуткий, зловеющий оттенок, король Лигона творил суд, ибо сопротивление фактории, вспыхнув, так и не разгорелось. Оказалось, что по-настоящему организовать сопротивление хитро задуманному нападению лигонцев было некому. Тем более что более половины солдат и матросов, составлявших тот отряд, который намерен был сокрушить бирманцев в Рангуне, оставался на «Дредноуте», лишенный, правда, артиллерии. Там же был и мистер Пимпкин, в критический момент оказавшийся отрезанным от фактории. Полчаса назад он с коммодором попытались организовать десант и вернуть факторию, но стрелки Бо Нурии находились в выгодном положении, будучи растянуты по высокому берегу. Так что ни одна из шлюпок до берега не добралась и все, кроме одной, перевернувшейся, возвратились на корабль.

Бо Нурия стоял на помосте, над ним покачивались петли, шесть петель — одна для его любимой племянницы Ма Доро. А на Востоке не прощают такого оскорбления царствующему дому. Кинув взгляд на петлю, король Лигона перевел его на толпу пленных. Даже в ней побежденные стояли по чинам, не смешиваясь. Впереди — офицеры, некоторые с женами, решившими разделить участь своих кормильцев, среди них и полковник Блэкберри, которого поддерживал доктор Стренгл, далее понуро стоял мистер Джулиан Уиттли, который лицезрел сегодня крушение всех своих жизненных планов и надежд, рядом с ним, настороженная, нахохленная, стояла Регина, вытирая локтем пот, катившийся по крутому лобику. К фактору жались служащие и клерки компании, англичане и англоиндийцы, которым англичане всегда доверяли больше, чем туземцам. Наконец, далее, сгрудившись, но не смешиваясь, стояли английские моряки и солдаты и индийские сипаи. В отличие от командиров ни те, ни другие, раз уж бой закончился, не испытывали страха за свою судьбу и ждали, чем кончится это стояние на жаре, после чего можно будет удалиться в казарму и ждать решения своей участи.

Король поднял руку, призывая всех замолчать. Низкий неразборчивый гул постепенно прервался. Король поманил к себе молодого индуса, который служил у него переводчиком. Индус покинул группу лигонцев, стоявшую у помоста лицом к англичанам. В той группе был Бо Пиньязотта и его глухонемой сын, несколько придворных в латах и боевой одежде с лицами, расписанными полосками — знаком войны. Раньше мужчины в Лигоне татуировали на щеках и на лбу знаки рода и знаки войны, но теперь их рисовали только во время похода, ведь татуируются лишь дикие люди гор!

Пока индус поднимался на помост, Бо Нурия отыскал глазами свою племянницу и улыбнулся ей.

Дороти и ее сотоварищи по тюрьме стояли отдельно от всех в стороне, под навесом замолчавшей кузницы. Этим они как бы отделились от англичан, которые хотели их убить, и от лигонцев, которые все же, что ни говори, были туземцами.

Бо Нурия заговорил, и индус начал переводить его речь на английский язык:

— Я, король Лигона и повелитель трех тысяч белых слонов, — произнес Бо Нурия, — пришел в Рангун взять у феринджи пушки, которые нужны мне, чтобы не пустить моего соседа короля Авы в мои земли. Я взял пушки.

Бо Нурия сделал рубящий жест правой рукой — с пушками было покончено. Хотя Дороти было ясно, что лигонцам предстоят нелегкие дни. На плац долетал шум и даже раскаты отдаленного грохота — лигонцы запрягали буйволов и слонов, чтобы тащить сорок готовых к пути пушек через равнину, далее в горы, за Пегу. В пути следовало отбиваться от рангунского и пегуанского гарнизонов, которые будут подняты бирманцами, чтобы остановить Бо Нурию, а также преодолевать размокшие от дождя дороги.

Но это — завтрашний день. Сегодня лигонский король — победитель. Его смелый план удался.

— Я хотел сказать, — продолжал король, — что в моем государстве — хорошая жизнь. Мы много платим мушкетерам и артиллеристам, которые нам служат. Если английские артиллеристы и офицеры согласятся поехать с нами, то я обещаю, что вы будете получать жалованье вдвое больше, чем платит вам английский король. Когда же вы захотите уехать, мы не будем чинить вам препятствий...

— А может, это выход? — прошептал стоявший рядом с Дороти артиллерист.

— Вы же британский офицер! — возразил Фицпатрик.

— Мне так не нравится висеть вон там...

Король, как будто услышав артиллериста, тоже поднял голову, глядя на петли.

— Мы не хотели никому зла. Мы взяли пушки и уйдем, — продолжал он. — Мы даже просим прощения у тех, кому мы нанесли вред или кого убили. Но вы — плохие солдаты, раз вы пустили в крепость стадо буйволов. Так воевать нельзя.

Из цепи лигонцев, оцепивших помост, донесся смех.

Но среди англичан он не нашел отклика. Они хранили мрачное молчание. Даже среди сипаев и солдат, до того вполголоса обсуждавших предложение короля о поступлении к нему на службу, наступила тишина.

— Нам надо уходить, — сказал король. — мы свое дело сделали. Нам предстоит большая дорога. Но все же мне придется еще задержаться...

Король ждал, пока индус переведет его слова, и глаза его непрерывно шарили по толпе, искали кого-то.

— Вы, оказывается, не очень дружно живете. Как скорпионы в банке вы жалите друг друга. Вы сегодня так хотели посмотреть на смерть собственных офицеров, что забыли закрыть ворота и пустили меня к себе в гости. Если в одном войске офицеры казнят офицеров, это значит, что в нем нет согласия и оно будет побеждено даже слабейшим. Но я не стал бы говорить об этом, если бы вы не решили казнить невинную девушку, почти девочку, потому что ее невлюбил главный палач англичан. Тот самый, который устроил казнь своих же офицеров. Я думаю, что человек, который устраивает суд над своими товарищами и получает удовольствие, стараясь убить девушку, — это зверь, ядовитая змея, которой нет места на этой земле. Где он, этот убийца?

— Туда ему и дорога, — прошептал помощник капитана.

— Я давно об этом мечтал, но не вслух, — поддержал его артиллерист.

— Вы забываете, господа, — возразил Фицпатрик, — дело идет о жизни высокопоставленного британского офицера. Мы должны вспомнить, что мы — патриоты.

— А он вдвое больший патриот, чем вы, капитан, — заметил Алекс.

Наконец король отыскал в толпе полковника.

— Пускай он придет сюда, — сказал король, — и сам выберет себе петлю. Он хотел погубить шестерых, нам достаточно его одного.

Полковник двигался с трудом. С одной стороны его поддерживал доктор Стренгл, с другой — один из клерков. Тонкие ноги в обтягивающих панталонах и белых измазанных чулках подкашивались и заплетались...

Король ждал, толпа на площади молчала — в каждом проснулся зевака, каждому было интересно, чем же кончится представление. Благо, теперь оно касалось только полковника Блэкберри и никого более. А тем временем взгляд короля встретился со взглядом Регины Уиттли.

Регина искала взгляда победителя. Самой природой она была предназначена для того, чтобы становиться добычей победителя, и, как уже известно, горе-победителю, она отдала самое дорогое, что у нее было — женскую честь.

Птичьи, прозрачные, словно наполненные голубой водой, глаза молодой женщины вцепились в зрачки короля и так потянули их к себе, что тот пошатнулся и чуть было не потерял равновесие... с громадным трудом Бо Нурия оторвал свой взгляд от Регины и обратил его к полковнику, взобравшемуся на помост.

— Я могу представить этому господину, — сказал король, — право выбора. Он может выбрать для себя любую из петель, которые он подготовил для других людей. Я думаю, что это справедливо. Справедливо?

Обращение короля к толпе вызвало утвердительный гул и Дороти показалось, что голоса доносились и от английской половины аудитории.

— Я не хочу, — прохрипел полковник. — Вы не имеете права... Вы будете жестоко наказаны!

— Переведи, что он сказал, что там бормочет эта гусеница? — потребовал Бо Нурия.

— Он грозит вам, — ответил индус.

— Чем грозит он мне? Именем Бога или силой людей?

— Ты будешь сам болтаться на виселице, ты никуда не уйдешь...

— Он грозит всеми именами, — не дослушав монолога полковника, сказал индус.

Индус очень плохо говорил по-английски, его трудно было понимать. Но слов он знал много.

— Я думаю, что ему лучше всего подойдет петля, которую он приготовил для принцессы, — сказал король.

И показал на крайнюю петлю.

Но, когда по знаку короля на помост вскочили три воина во главе с Нга Дином и, оттолкнув доктора и клерка, потащили полковника к петле, тот начал биться и визжать как перепуганный младенец. Рана на руке, перевязанная кое-как, открылась, и кровь полилась на помост.

— Нельзя! — закричала Дороти. — Не надо!

Никто не слушал ее.

— Нельзя! Пожалуйста, пожалейте его!

— Черт с ним, — сказал ей на ухо Алекс. — Он же столько сделал дурного. Он неисправим.

— Не надо!

— Я лучше знаю, Ма Доро, — услышал ее наконец король. — Но правосудие должно быть совершено. Этот человек не раз пытался убить тебя. Ему нельзя оставаться в живых.

Но что-то смущало короля. Он не был до конца уверен в том, что поступил правильно, хотя королей отличает от простых смертных именно умение не сомневаться.

Взгляд короля, и не в первый раз, скользнул к несчастной миссис Уиттли. Миссис Уиттли глубоко вздохнула, и ее платье треснуло под напором изумительных по полноте и высокому сорту яблок. Видя, какое впечатление это зрелище произвело на короля, она чуть заметно кивнула, показав на полковника. Она одобрила решение короля!

Королю было невдомек, что, повесив полковника, по общему мнению, верного союзника и сторонника Регины, король исполнил ее страстное желание избавиться от всех свидетелей — от всех и в первую очередь от самого опасного — мистера Блэкберри.

А после ее жеста всякие сомнения у короля пропали. Недаром эта могучая тугая птица одобрила его решение...

Дороти зарыдала и спрятала лицо на груди у Алекса.

Воины отошли от виселицы — полковник схватился за петлю, стараясь растянуть ее.

Нга Дин вышиб из-под его ног ящик, но полковник все еще держался за петлю и извивался, стараясь оттянуть свою смерть.

И тогда стоявший у помоста старый воин Бо Пиньязотта поднял пистолет и выстрелил полковнику в сердце — генерал не любил, когда люди или животные умирали перед смертью.

Упряжки буйволов бесконечной чередой выползали из ворот фабрики и тянулись вдоль берега на восток, мимо пакгаузов и навесов, мимо причалов, мимо китай-

ской улицы к дороге, которая ведет к Джогону и дальше к горам.

Впереди были слышны частые выстрелы — авангард лигонского отряда пробивал дорогу сквозь бирманские заслоны, к счастью недостаточно плотные и организованные — бирманцы до сих пор не смогли сообразить, с какой целью лигонцы совершили такой необдуманый набег — не намеревались же они удержать порт?

На территории фактории еще продолжалась суета — на подводы и в повозки грузили порох, ядра и иную военную добычу. Правда, народу во дворах фактории поубавилось, потому что те из солдат и служащих, кто не захотел присоединиться к отряду лигонцев, были заперты — кто в тюрьме, кто в главном пороховом складе — там было тесно и душно, но король не хотел рисковать — благо, что сидеть-то им оставалось часа два, не больше.

Дороти в сопровождении Алекса пошла к себе в комнату.

Разговоры закончились. Результаты их можно было предугадать, хотя недавних узников они не радовали — их разводили жизненные дороги, и настолько резко, что вернее всего больше им не удастся увидаться.

Разлука навечно подобна смерти, и, как ни странно, победил полковник, чье тело мерно покачивалось на виселице под ударами налетевшего с океана ветра, а сюртук блестел, разбухши от ливня.

Когда Дороти бежала через плац к своему дому, она увидела тело полковника и у нее сжалось сердце от чувства вины перед этим пожилым и неласковым человеком. Она подумала, что он так и не вылечил руку — и эту рану он тоже получил из-за Дороти.

Из всех узников трое уходили с отрядом Бо Нурии, а трое избрали иную долю: Фицпатрик, его помощник и старший штурман предпочли разделить участь остальных обитателей фактории. Фицпатрик был убежден, что теперь, после смерти Блэкберри, их приговор будет пересмотрен, благо, что Джулиана Уиттли вряд ли теперь можно рассматривать как достойного председателя суда и свидетеля обвинения — ведь копания никому и никогда не прощала трусости и очевидной бездарности. А ведь в эйфории от ожидавшейся казни Уиттли и

другие офицеры проморгали небольшой отряд дикарей, которые смогли обезоружить и ограбить фабрику. Вся Ост-Индия теперь будет смеяться над рангунскими стратегами... В любом случае Фицпатрик предпочел риск повторного суда измене империи и компании, а именно так он рассматривал поступок артиллерийского офицера. Правда, как джентльмен, который не смог в свое время спасти своих подчиненных от плена и из-за которого они оказались в тюрьме и на краю гибели, он не считал себя вправе навязывать свою волю молодым офицерам. Он лишь опечалился, узнав, что артиллерист уходит в армию Бо Нурии, вступая на неверный путь белого наемника в туземной армии. Он был огорчен и тем, что Алекс согласился остаться здесь с Дороти.

— Но простите, капитан, — отвечал на его уговоры Алекс, — я допускаю, что вас, возможно, и оправдают, хотя вряд ли вам снова доверят командование компанией судном. Но вы англичанин, из хорошей семьи, у вас есть в Англии свой дом и друзья. Я же — везде изгой. Меня из милости приняли на флот его величества, но раз я эмигрант, ко мне всегда относились с недоверием. Что же будет дальше? Карьера моя погублена, мне не найти даже места сержанта... при первой же возможности меня, как иностранца, уже приговоренного к смерти, будут считать преступником.

— Но Дороти...

— Ведь не Дороти остается со мной, — улыбнулся штурман, который даже в такой момент оставался разумным и рассудительным молодым человеком, начисто лишенным польской, вспылчивости и заносчивости. — А я остаюсь с Дороти. Вы забыли, что теперь для меня честь — считаться поклонником самой настоящей принцессы.

— Для меня важнее то, — откликнулась Дороти, — что ты обратил на меня внимание, когда я была всего-навсего горничной.

Алекс пожал плечами. Он не настолько знал английский язык, чтобы быть уверенным, шутит ли его возлюбленная.

— Вы останетесь... в горах? — спросил Фицпатрик, стараясь избегать выражений, которые могли бы обидеть принцессу. Капитан понимал, что никогда не смо-

жет считать Дороти принцессой, и жалел гордого поляка, который вряд ли уживется в горном королевстве на роли принца-консорта.

— Вряд ли, — осторожно ответил штурман. И Фицпатрик понял, что ход мыслей штурмана схож с рассуждениями его капитана.

На этом разговор закончился. Но в любом случае Дороти и Алекс решили уйти из Рангуна вместе с отрядом Бо Нурии. Неизвестно, где будет искать виноватых мистер Джулиан Уиттли и его коварная супруга. Но казнь полковника Блэкберри, без сомнения, припишут вредному влиянию Дороти и возвратят их с Алексом в тюрьму. Два чужестранца — чем не компания для заговора?

...Дороти первой поднялась на веранду дома фактора. Его самого Дороти встретить не боялась — она видела, как фактора провели в тюрьму и он ничем не показал своего недовольства. Похоже было, что он даже испытывает удовлетворение от такого исхода его стояния перед эшафотом. Ему было достаточно уже того, что не пришлось составить компанию полковнику.

Уборщик, который стоял на веранде, при виде Дороти спрятался, потому что сама горничная и офицер, сопровождавший ее, шли так быстро и были так взволнованы, что бедному китайцу лучше было не мешать им.

Дороти пробежала по коридору в свою комнату.

— Здесь я жила, — сказала она. — Но недолго.

Дороти открыла свой потертый сундучок и принялась кидать в него платья, юбки и иной незамысловатый скarb, которым большей частью поделилась с ней госпожа Уиттли.

Зеркало должно было лежать в шанской сумке, как и мешочек с рубинами, которые ей дал дядя на дорогу до Рангуна. Конечно же Регина не солгала — ни рубинов, ни зеркала на месте не оказалось. И понятно почему: ведь Регина и не скрывала своего убеждения в том, что паршивой служанке не положено владеть такими богатствами.

Дороти объяснила все Алексу.

— Отлично, — сказал он. — Пойдем к ней, пока миссис Уиттли сидит в тюрьме, и возьмем то, что тебе принадлежит.

— Разумно, — согласилась девушка.

Дороти отдала Алексу свой сундучок, а сама первой вышла из комнаты, направляясь в спальню госпожи — она знала, где хранится шкатулка, в которую Регина складывала любимые штучки — ее любимый птичий тайничок.

Но, войдя в коридор, Дороти услышала в спальне Регины шум и замерла, призывая Алекса жестом к молчанию.

— Там кто-то есть, — прошептала она.

Отстранив Дороти, Алекс первым поспешил к двери в спальню и смело раскрыл ее, потому что не сомневался, что увидит либо горца, либо кого-то из слуг.

Но взвизгнула, оборачиваясь, сама госпожа Уиттли.

Это она кидала в сундук свои платья и прочие ценности.

А у стены, в ожидании, когда кончится эта процедура, возвышался скучный с виду Нга Дин.

— Ах! Я так испугалась, что это Джулиан! — вырвалось у Регины.

— Нет, это всего-навсего я, — ответила Дороти, входя в комнату вслед за Алексом.

— Ах, это ты!

Наступила неловкая пауза. Регина первой нарушила ее.

— Со мной случилась беда, — произнесла она плачущим голосом. — Я опять попала в плен...

Несмотря на удрученный тон, глазки птицы сверкали в предвкушении славного приключения. И у Дороти не было никаких сомнений в том, что ее милый наивный дядя, которому в жизни не приходилось видеть такого пышного бюста, как у Регины, покорно согласился на роль обольстителя и похитителя.

— Мне так будет не хватать твоих рук, я бы хотела, чтобы ты возвратилась ко мне... хотя, наверное, это невозможно?

— Невозможно, — ответил за Дороти Алекс.

— Ах, да, — рассеянно произнесла Регина. — Вы, наверное, ее кавалер?

— Миссис Уиттли, — официально заявила Дороти, — вы взяли у меня старое серебряное зеркало, которое ничего не отражает, и мешочек с рубинами. Возвратите их.

— У меня ничего нет! — быстро воскликнула Регина.

— Я даже знаю, где они у вас спрятаны, — сказала Дороти и сделала шаг к шкафу.

— Это грабеж! — завопила Регина, совершенно забыв, что Дороти более не ее служанка. — Немедленно уйди отсюда, а то я засажу тебя в тюрьму, паршивка! Солдат, — последнее относилось к обалдевшему от этой сцены Нга Дину, — немедленно схвати эту воровку!

Указующий перст миссис Уиттли уперся в грудь Дороти. От такого напора Алекс замер и даже отступил. Нга Дин, ничего не понимая, обернулся к Дороти. Губы глухонемого двигались в попытке произнести слова. Дороти заговорила медленно и отчетливо, чтобы Нга Дин мог разобрать слова по движениям губ:

— Не волнуйся, друг, — говорила Дороти по-лигонски. — Эта глупая женщина — моя должница. Я возьму у нее мои вещи и уйду.

Нга Дин радостно замычал — теперь ему все было понятно и он успокоился.

— Давайте, — обернулась Дороти к миссис Уиттли. — Быстро! Доставайте шкатулку! Нга Дин не будет долго терпеть.

— Еще чего не хватало!

— Миссис Уиттли, я говорю с вами как принцесса Лигона и повелительница этого солдата и других солдат. Если вы хотите остаться в живых, то подчиняйтесь мне.

— Да не надо звать солдат, я сам ее выпорю, — сказал Алекс.

Регина только поморщилась. Она напряженно шевелила птичьими мозгами.

— Господи! — радостно закричала она. — Как же я забыла! Дороти, милая, принцессочка моя, тут у меня остались твои вещицы, я взяла их на сохранение и думала: «Скорее бы вернулась моя милая подружка...»

Регина по пояс залезла в шкаф и с трудом вытащила шкатулку. Шкатулка была тяжелой, она была наполнена доверху. В ней лежали вещи ценные вперемешку с барахлом — алмазные серьги и золотые цепочки, сапфиры и рубины, стеклярусные бусы и бисер для обмена с туземцами. Регина никогда не могла отказаться от того, что блестит. Нга Дин с восхищением истинного

дикаря глазел на шкатулку, поражаясь богатствам этой белой госпожи.

Со вздохом Регина достала зеркало, но мешочек никак не могла отыскать.

— Скажи, пожалуйста, — спросила она, — а в государстве твоего дяди много рубинов?

— Найди мой мешочек, — сказала Дороти, — и я тебе отвечу.

— Честно?

— Между нами всегда и все было честно, правда?

Тут же Регина отыскала заветный мешочек и, перекинув себя, протянула его Дороти. Дороти передала мешочек Алексу.

— Никогда бы не доверялась мужчинам, которых только что выпустили из тюрьмы, — мстительно заметила миссис Уиттли.

— Я сама только что вышла из тюрьмы, — напомнила бывшей хозяйке Дороти.

— Ну в отношении тебя была допущена ошибка. Я так и сказала мистеру Блэкберри... — тут Регина осеклась и замолкла.

— А что касается драгоценных камней, — сказала Дороти, — то в Лигоне есть богатейшие копи, более богатые, чем копи царя Соломона.

Дороти взяла зеркало и посмотрела в него.

В зеркале клубился туман, сквозь который можно было угадать смутные черты миссис Уиттли. Как поняла Дороти подсказку зеркала, Регина рада была бы перегрызть глотку своей горничной, но никогда не посмеет этого сделать.

Пока арьергард отряда под командованием Бо Пиньязотты отбивал опоздавшие и бессильные атаки бирманцев, король Бо Нурия сделал привал у подножия первого из холмов горной гряды Пегу-Йома. Он стоял на постаменте старинной полуразрушенной статуи возлежащего в нирване Будды и с чувством землепашца, который славно вскопал свое поле, смотрел, как мимо тянутся буйволиные упряжки, везущие драгоценные пушки.

Прекрасная птица — его невольница и жертва, миссис Уиттли, сидела на невысокой скамеечке у его ног.

Когда король отрывал взгляд от артиллерии, он обращал его к невольнице. Невольница поглаживала короля по затянутому в кожаные латы колену.

— Мне так трудно, — сказала Регина, и индус устало перевел ее слова, — мне хочется, чтобы между мной и моим повелителем было полное понимание. Но не могу же я все время говорить через этого идиота! Пускай мистер Нурия сделает моей переводчицей милую Дороти. Тем более что она привыкла быть моей горничной и с радостью мне поможет.

Услышав перевод, король крайне удивился, но спросил у стоявшей на том же постаменте Дороти.

— Это так, моя девочка?

— Мой царственный дядя, — ответила Дороти. — Я не могу вмешиваться в твою жизнь и в твои всегда мудрые решения. Но умоляю тебя, как самый близкий к тебе человек...

Индус начал переводить, но Дороти остановила его взмахом руки и индус с облегчением подчинился ей.

— Я умоляю тебя быть осторожным с этой хищной женщиной. Насладись ею, сколько желаешь, но дай ей убежать, не обобрав и не предав тебя!

— Что ты говоришь? — обиделся король, гордый своей проницательностью. — Это же моя добыча, в любой момент, говоря поэтически, я волен кинуть ее за борт моей ладьи.

— К сожалению, я не смогу оставаться более с тобой. У меня тоже есть свои планы... рядом со мной, как ты знаешь, находится человек, которому я отдала свое сердце.

— Только не это! — воскликнул король. — Ты останешься со мной и не будет никаких больше авантюр! Если тебе нужен этот феринджи — пускай поживет у нас. Я найду ему место!

Регина крутила головой, стараясь понять, не о ней ли речь — она боялась мести Дороти и не могла поверить, что Дороти мстить не намерена.

Алекс, подъехавший к помосту верхом на сильной, но невысокой лошади, тоже прислушивался. Его польская гордость не позволяла ему оставаться при горном дворе в качестве принца-консорта. Тем более что он даже языка местного не знал... и знать его не собирался.

— Мы договаривались с тобой, дядя, — напомнила Дороти, — что когда все это кончится, ты отпустишь меня домой...

— Твой дом здесь!

— Ты отпустишь меня домой, к маме. И мы сделаем так, чтобы мама приехала к тебе. Она мечтает об этом. И ты мечтаешь увидеть свою сестру.

— Ты ревнуешь меня к этой белой женщине? — догадался король.

— А ты ревнуешь меня к этому белому мужчине, — в тон ему произнесла Дороти.

И тут обоим стало смешно. Они заливались хохотом и окружающие, кто заразившись их весельем, а кто желая угодить, тоже стали смеяться. Лишь Алекс и Регина оставались серьезными — вернее, натянуто улыбались.

Когда правящие особы отсмеялись, король произнес уже иным, спокойным, миролюбивым тоном:

— А я надеялся, что Алекс останется в моей армии. Он хороший парень и офицер. Спроси его, может, останется?

— В следующий раз, — ответила Дороти. — А пока мы тебе оставляем почти сорок человек. Разве мало?

— Мне всегда мало, — сказал король. — Я подумаю о походе на Аву.

— А потом на Сиам? А потом на Китай? Опомнись, дядя.

— Если ты поедешь к своей матери, — переменял тему король, — то я не могу тебя задерживать.

— Скоро вы перейдете на человеческий язык? — закапризничала Регина. — Нельзя так долго мучить несчастную женщину.

— Мы уезжаем, дядя, — сказала Дороти. — И береги свою казну.

— Я — жадный человек, — сухо усмехнулся Бо Нурия, и тут Дороти поняла, что, несмотря на все старания Регины, птица не получит ничего более сверх того, что подарит ей повелитель. — Женщина, помолчи, когда разговаривают благородные люди! — приказал он. — Индус, переведи

Индус перевел. Регина смолчала.

— Ты уверена, что хочешь уехать? — не сдавался король.

— Да.

— Ты вернешься?

— Не знаю.

— Мне будет горько.

— Я скажу моей матери и брату, чтобы они спешили к тебе.

— Это правильно, — сказал король. — Для тебя готовят письмо. Письмо к твоей матери. Ты хочешь вернуться в Рангун?

— Нет.

— Правильно, — сказал король. — Я вам дам отряд, который проводит вас в порт Моулмейн. Туда приходят корабли из Голландии и Португалии. Вы сможете купить себе место. Но потом вы... ты... вы приедете в Лигон?

— Я обещаю.

На следующее утро Дороти и Алекс попрощались с королем Лигона. Король чуть пошатывался после ночи любви, которой его одарила птица Регина. Сама птица еще спала — из шатра доносилось похрапывание.

Король выделил для охраны Дороти небольшой отряд под командованием Бо Пиньязотты. Король хотел всем показать, что в Моулмейн едет его племянница, знатная дама королевства. Последующие три дня Дороти и Алекс путешествовали на слоне, сидя на небольшой боевой платформе. Второй слон нес старого генерала. Затем следовали полсотни всадников.

В Моулмейне Бо Пиньязотта передал принцессе тяжелую шкатулку, полную рубинов и сапфиров.

— Если бы ты знала, внучка, — сказал Бо Пиньязотта, — какой скандал ему закатила белая женщина, похожая на белую корову, когда увидела эту шкатулку. Я боюсь, что она околдует его.

— Не бойся, дедушка, — ответила Дороти. — Еще три дня и он сам отправит ее обратно в Рангун к мужу.

Старик засмеялся. Он очень надеялся на такой исход увлечения короля.

Затем генерал передал Дороти свернутые в свиток грамоты. Одна из них признавала наследницей престола сестру короля Ма Эн и приглашал ее вернуться в Лиджи. Дороти была убеждена, что мать согласится. Во втором документе говорилось о том, что Дороти —

принцесса Лигона. Она имеет право на дань с трех горных трактов и шести деревень, а также является хозяйкой рубиновых копей в Ма-гваи. Доходы ей будут пересылаться.

Они сняли небольшой дом на окраине Моулмейна. За большую мзду мьоза Моулмейна сделал вид, что никаких подозрительных лигонцев в городе не водится.

Через десять дней в Моулмейне бросил якорь голландский корабль, который держал курс на Кейптаун. Алекс договорился с капитаном о каютах.

Когда он возвратился сказать, что все улажено, Бо Пиньязотта сказал, что только что прибыл гонец из Лиджи с сообщением, что после недели праздников король отослал обратно в Рангун с большими дарами ошибочно похищенную госпожу Уиттли.

— Мой дядя так никогда и не догадается, что он никого не похищал. Это была попытка его похитить, которая, к счастью, не удалась, — сказала Дороти.

Бо Пиньязотта согласился с принцессой.

Он покинул Моулмейн только тогда, когда паруса голландского корабля скрылись в море.

Профессор Гродно вызвал комиссара Милодара. Срочно. Ввиду завершения эксперимента.

— Какого завершения? По моим расчетам...

— Ваши расчеты никуда не годятся, комиссар, — ответил профессор, — мы имеем дело с живыми людьми.

— Но Лицо империи Эпидавр, которое прибыло для получения ритуальных сокровищ, отправилось в Монте-Карло. Я целые сутки его уламывал, чтобы чем-то занять.

— И отлично. Зачем Лицу присутствовать при наших земных тревогах.

— Что-нибудь случилось? — быстро спросил комиссар. Любой малый провал в конце операции запоминается начальством куда болезненнее, чем катастрофа в ее начале.

— Ничего особенного, если не считать, что необходимо сегодня вывести Кору из сна. Иначе будет поздно.

— Не впадайте в панику, профессор. Кора — наш сотрудник. Она понимает меру своей ответственности.

— Она сейчас ничего не понимает, — возразил профессор. — Она скоро полгода как спит.

— Значит, мне ехать без гостя? — уточнил Милодар.

— Вот именно!

Когда через час с небольшим Милодар прибыл в Институт Номер Шесть, профессор показал ему на пульт управления и контроля. Судя по его данным, мозг Кора отказывался спать. Он полагал, что дело сделано, он спешил проснуться.

Милодар остановился у саркофага, словно Наполеон перед открытой гробницей фараона. Он скрестил руки на груди и внимательно всматривался в спокойное лицо своей сотрудницы. Он не мог отделаться от ощущения, что его дурачат.

Он подумал, что, когда он уходит, Кора вылезает из саркофага, пьет чай с профессором Ахметом Гродно, может, не отказывается и от рюмочки, и они вместе посмеиваются над руководством Галактической полиции.

— Где она сейчас? — спросил Милодар.

— Вот это вам и предстоит узнать, — ответил профессор, — ведь вам разрешено совершить последнее погружение вашей голограммы в прошлое, чтобы узнать, раздобыла ли Дороти нужные вам предметы и если это так, то где вам их искать...

— Разрешение у меня есть... А разве кто-нибудь догадывается о разнице?

— Тогда готовьтесь!

— Догадываемся, будьте покойны, — сказала лаборантка Пегги, разочарованная в комиссаре, потому что когда ей, месяца два назад, удалось увлечь комиссара в комнату отдыха, обнаружилось, что она пытается лобзать голограмму. — Я различаю вас и вашу голограмму с первого взгляда.

— Говори, Пегги, говори! Ты будешь первой женщиной, которая смогла разгадать мой секрет. А это, милая, невозможно!

— Фу! — воскликнула Пегги. Разница настолько очевидна, что ее обнаруживаешь невооруженным глазом.

— Каким?

— Ваша голограмма никогда не просит кофе, а вы наяву первым делом просите меня сварить кофе покрепче.

Комиссар задумался.

— В этом что-то есть, — произнес он наконец. Ему хотелось кофе, но кофе он просить не стал — пускай обманываются!

— А что говорит наблюдение за Корой? — спросил Милодар у профессора.

— Пик беспокойства миновал, — ответил Гродно, — я думаю, что Дороти удалось вырваться из фактории.

— Откуда вы знаете?

— У нас свои каналы, — ответил Гродно, а Пегги коварно усмехнулась.

— Говорите! — потребовал комиссар.

— Нам дали сеанс визуальной связи по каналам Академии наук.

— Та-ак... — угрожающе пропел комиссар. — И вы забыли поставить меня в известность?

— Мы не могли этого сделать. Мы пытались, — ответил Гродно. — Но ваша секретарша сказала, что вы ликвидируете наркобанду на поясе астероидов и с вами нет связи.

— Предательница, — прошептал Милодар. — Я отказался жениться на ней и вот — результат!

Но тут же комиссар взял себя в руки и потребовал:

— Что вы узнали?

— Мы узнали, что Дороти находилась в фактории в то время, когда на нее напали буйволы.

— Без тайн и загадок, попрошу! Какие буйволы напали на Дороти?

— Дядя Дороти, король Лигона, решил взять себе пушки англичан, чтобы оборонять перевалы от авской армии. Для этого он пригнал в Рангун двести буйволов.

— Вы говорите словно на чужом языке. А ну, признавайтесь, сколько сеансов связи вы провели без меня, чтобы ни с кем не делиться славой от эксперимента?

— Всего три сеанса, — ответил Гродно. — По полчаса. К тому же мы поддерживаем эмоциональную связь с Корой, а Кора осознает свою связь с Дороти. Все в порядке, комиссар, все в порядке.

— Все в полном беспорядке, когда за спиной у органов некоторые безответственные лица совершают мелкие жульничества.

— Вы меня пытаетесь оскорбить, комиссар? — вежливо спросил профессор.

Комиссар Милодар пробыл столько лет на руководящих постах, потому что умел чувствовать опасность задолго до того, как она материализовалась. И тут он счел за лучшее отступить.

— Не обращайтесь внимания, профессор, — сказал он миролюбиво. — Вы занимаетесь наукой, а я выполняю директивы Галактического центра. И оба стремимся к одной цели — счастью человечества.

— Замечательно, — согласился профессор. — Тогда я могу добавить: Алекс с Дороти расстались с королем и три дня назад в Моулмейне взошли на борт голландского брига «Гарлем», следующего на ремонт в Кейптаун. Они, насколько нам известно, записались в судовую роль в качестве мистера Фредро и мисс Форест, подданных польского королевства.

— Все не так! — возмутился комиссар, недавно изучивший соответствующий том истории. — В 1799 году польского королевства не существовало! Его завоевали!

Капитан голландского брига этого не знал. Видно, Алекс решил, что так путешествовать безопаснее.

— Но почему же?

— Потому что Голландия завоевана французами.

— Это когда случилось?.. Впрочем, это не важно! Но что там делает Алекс?

— Алекс — наш жених, — сказала Пегги. — Вам сделать кофе?

— Чашечку, и покрепче, — ответил комиссар не задумываясь. Пегги подмигнула профессору, тот кивнул. Комиссар продолжал: — Мне не нравится этот поляк. Что он там делает? Ведь он в плену у Сюркуфа!

— Это информация вчерашнего дня, — ответил профессор, — что же касается Алекса Фредро, то он, возможно и станет основателем польской линии в предках вашей сотрудницы.

Черт побери! Комиссару показалось, что Кора по-джондовски ухмыляется. Но конечно же это от нервов...

— Может, вы мне скажете, что нашла, если нашла, эта самая Дороти? — спросило от двери Лицо империи Эпидавр, той самой, что лишилась коронных сокровищ во время мятежа триста лет назад. Правда, лица этого

вельможи никогда не видела даже его жена, так Лицо было засекречено. На Земле Лицо не снимало черного гермошлема, непрозрачного снаружи.

Инопланетный вельможа опустил в свободное кресло и явно вознамерился присутствовать на заключительном этапе эксперимента. Комиссар хотел было рассказать Лицу все, что он думает о нахалах и о лицах, приходящих без приглашения, но ему удалось взять себя в руки и он криво улыбнулся Лицу, выразив радость по поводу того, что Лицо сооблаговолито прервать развлечения и заняться делом.

— Когда вы начинаете? — спросило Лицо. — А то у меня заказан обед с некоторыми местными министрами. Мне не хотелось бы его срывать по вине полицейского офицера.

И Лицо показало длинным тонким голубоватым пальцем на Милодара.

Тот с трудом проглотил обращение к себе как к полицейскому офицеру.

Он мысленно посчитал до ста, а потом сказал профессору:

— А почему бы нам и на самом деле не заглянуть в восемнадцатый век?

Дороти возвратилась с прогулки в свою каюту. На море было свежо и бриг неся вперед так, что казалось, будто паруса могут в любой момент сорваться и улететь в небо.

Алекс постучал и вошел к ней.

Он был одет к обеду.

Дороти он понравился. Она подумала о том, как многое могут сделать деньги. За несколько дней, проведенных в море, она потратила всего три рубина, но на корабле нашлась одежда для Алекса, который наконец-то выглядел настоящим джентльменом. Деньги позволили ей еще в Моулмейне купить приличной материи, ниток, иголок и за первые дни путешествия Дороти смогла сшить себе два платья и иные детали туалета, так что она могла не стыдясь обедать за столом с капитаном «Гарлема».

— Ты чудесная портниха, — сообщил Алекс, разглядывая новое платье невесты.

— Я ничто по сравнению с мамой. Ты посмотришь, какие она шьет платья. А за ее шляпами охотятся лучшие мастерские в Лондоне.

Это было, конечно, некоторым преувеличением, но не таким уж и большим.

Алекс смотрел на Дороти, готовый поверить любой чепухе, которую та вздумала бы нести. Сам звук ее голоса лишал его способности здраво рассуждать.

Дороти достала свое зеркало. В последние дни оно перестало показывать угрожающие рожи врагов, а научилось вести себя подобно обыкновенному зеркалу. Очевидно, это происходило оттого, что врагов не водилось на расстоянии тысячи миль.

И вот когда Дороти протянула зеркало в серебряной оправе жениху, чтобы тот держал его, пока она будет перед ним вертеться, в углу материализовался комиссар Милодар в скромном сером костюме.

— Простите, — сказал он. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Господи! — удивилась Дороти. — Сейчас-то вам здесь что надо, уважаемый джинн?

— Узнала! — обрадовался комиссар. — А я боялся, что забудешь.

— Нет, что вы, — ответила англичанка мисс Форрест, — я вам очень благодарна. Без вас моя честь вернее всего была бы погублена.

— А это Алекс? — спросил Милодар.

Разумеется, таким тоном нельзя задавать вопросы о польском шляхтиче.

Алекс возненавидел это привидение горячей ненавистью.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила Дороти. — А то нам пора идти обедать. Здесь опаздывать не принято. Голландцы такие пунктуальные люди — вы не представляете!

— Мне надо только задать вам несколько вопросов.

— Только коротко, мистер джинн.

— Мы тебя посылали в Бирму для того, чтобы ты нашла некоторые вещи, — сказал комиссар.

— Вот уж не подозревала! — вдруг обиделась Дороти. — Меня вообще-то никто никуда не посылал. Все решения в моей жизни я принимаю сама.

— Когда близко нет хозяйки.

— Какой такой хозяйки?

— Миссис Уиттли, к которой я тебя устроил, — самоуверенно заявил комиссар.

— Слушайте, какой вы джинн, если даже не знаете, что я отдала хозяйку в любовницы моему дяде королю Лигона.

— Вот именно! — буркнул Алекс.

— Простите, не знал, мы давно не виделись, — спохватился джинн. — У меня столько дел, что я не могу следить за деталями вашей биографии!

— Тогда спрашивайте, спрашивайте, — поторопила комиссара Дороти, — нам пора уходить.

Комиссар не выносил, когда его не боялись. Но в этой ситуации следовало проявить терпение.

— Скажите мне, уважаемая мисс Форест, — сказал Милодар, — где находятся ценности, в которых мы заинтересованы: Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

— Повторите, пожалуйста.

— Три сокровища, которые нам не принадлежат и которые вы должны были отыскать в лесу, где сражались мятежники с Эпидавра.

— Все слишком сложно, — призналась Дороти.

— Чего уж там! Мне надо узнать, где вы прячете Зеркало Зла...

— А я не скажу! Я не собираюсь его прятать. Это мое зеркало. Мне оно тоже нужно.

— Это несерьезно! — воскликнул джинн Милодар. — Через каких-нибудь полсотни лет вы благополучно померете, а где мне тогда искать ваше зеркало?

— Ну как я могу заглянуть на пятьдесят лет вперед? — удивилась Дороти. — Как Господь решит, так и будет.

— Попрошу не отвлекаться, — настаивал Милодар. — В вашем распоряжении оказалась чужая вещь.

— Почему чужая? Разве не я ее нашла?

— Вы нашли ее, потому что я сказал вам, где искать.

— Вас там не было, мистер джинн.

По ходу этой перепалки Алекс Фредро обрел дар речи и начал сердиться.

— Послушайте, мистер, — сказал он. — Вы врываетесь, пся крев, в каюту моей невесты и начинаете тре-

бовать какие-то вещи. Так вот учтите, лучше вам иметь дело со мной. Где ваша шпага?

— Ах, оставьте, при чем тут шпага!

Комиссар был настолько рассержен, что забыл о том, в каком виде явился молодым людям. Он протянул руку и ринулся отнимать зеркало у Алекса, который все еще держал его.

Алекс опешил от броска комиссара Милодара и не успел принять мер — он лишь смотрел, как рука комиссара обхватила зеркало и рванула на себя, но ничего из этого не вышло, потому что пальцы Милодара пронзили рамку зеркала и сомкнулись, а зеркало осталось в руке штурмана.

Оба — и штурман, и комиссар смотрели в растерянности на зеркало, потом Алекс с сочувствием, но без всякого злорадства спросил:

— Не получилось?

— Не получилось, — согласился комиссар.

— Потому что вы злой дух и не можете дотронуться до людей, — объяснила ситуацию Дороти. — Я это еще в прошлый раз заметила, когда вы из кувшина вылезали.

— Когда он вылезал?

— Я же тебе рассказывала, мой дорогой, — ответила Дороти, — это случилось на арабском судне, когда меня отдали в гарем к горбатому Камару.

— Не отвлекайтесь, — сказал Милодар, — мне надо знать...

И тут комиссар ИнтерГПола начал растворяться в воздухе и его голос превратился в жалкий писк. Дороти подхватила со стола кувшин для воды, полагая, что джинну удобнее исчезать в кувшин, но Милодар не заметил этого жеста доброй воли. Он злобно ругался и махал полупрозрачными руками... так и исчез.

Вскоре Дороти и Алекс пришли в себя настолько, что смогли поцеловаться, потом еще раз поцеловаться, потом поцеловаться в третий раз... Затем Дороти сердито сказала:

— До свадьбы и не надейся. Джентльмен ты или нет?

— Джентльмен, но очень тебя люблю.

— Но посмотри на меня, — возразила Дороти. — Я тебя тоже люблю, но до свадьбы спокойно довольствуюсь невинными поцелуями.

— Мы теряем недели и месяцы счастья! — воскликнул штурман.

— А потом ты скажешь, что не намерен жениться на обещанной девице! Так уже было в нашем квартале. Джонни Раннер при всех клялся, что Ребекка — его нареченная. А чем это кончилось?

— Не знаю, принцесса, и знать не хочу.

— Ага! — воскликнула Дороти. — А не может так быть, что ты хочешь жениться на мне, потому что я знатная дама и богата, как фрейлина королевы! Я — принцесса!

— Тоже мне, принцесса из пещеры, — фыркнул Алекс. — Моему роду тысяча лет, из него вышло три епископа, воевода и два маршала.

— Не много за тысячу лет, — ответила Дороти... — За это время мы подарили миру больше ста королей.

Когда Милодар возвратился в лабораторию, там шло возвращение к жизни Кору Орват. Это была сложная процедура, опасная для здоровья молодой женщины.

Но Милодар был лишен возможности наблюдать за тем, как газ покидает саркофаг и манипуляторы с резиновыми накладками на пальцах вынимают Кору, чтобы отнести ее в кровать.

Вместо этого Милодару, и без того взбешенному провалом переговоров с Дороти и ее наглым женихом, пришлось беседовать с не менее взбешенным Лицом Эпидавра, которое было убеждено, что комиссар провалил такую сложную и длительную операцию по возвращению коронных ценностей империи именно в силу своей спеси, отсутствия гибкости и малого ума.

Комиссар оправдывался и клялся, что зеркало находится в безопасности и как только будет прослежена биография Дороти Форест, оно найдется.

Гродно и Пегги, к счастью, при разговоре не присутствовали — довольно было и того, что они наблюдали на экране неудачный визит комиссара в прошлое.

В конце концов Милодар дал слово, что в течение недели ценности будут переданы владельцам и сам увез Лицо в Монте-Карло, чтобы вельможа мог продолжить транжирить государственные деньги за столом рулетки,

которую и держат-то в Монте-Карло, занятом под океанографический институт, для инопланетных лиц подозрительного происхождения, представляющих потенциальную опасность для Земли.

Надо сказать, что последующие сутки комиссар провел как во сне.

Через каждые полчаса он звонил в лабораторию, где ему издевательски вежливо сообщали, что пациент Орват еще не пришла в себя и общение с ней невозможно. Затем комиссар отвечал на запросы из галактического центра и на звонки из Монте-Карло пьяного, но настырного Лица. Так что когда Лицо заявило, что продулось в пух и прах и возвращается к Милодару, тот в ужасе перевел ему факсом половину своей утром полученной зарплаты за июнь.

Наконец к вечеру следующего дня Гродно разбудил комиссара, прикорнувшего на стуле у стола.

— Ваш агент, — сообщил профессор, не скрывая усмешки — ведь он понимал, в каком душевном состоянии находится шеф ИнтерГпола, — пришла в себя. Она может и хочет все вам рассказать.

Милодар прилетел в лабораторию через двадцать минут, для чего ему пришлось нарушить правила движения в стратосфере — на штрафы пришлось отдать вторую половину зарплаты. Плохо, подумал он, снижаясь над строениями института, дома остались только консервы «Печень трески» и ванильные сухари.

Милодар ворвался в небольшую комнату, где Кора возлежала на массажном столе спиной кверху, а массажистка из Японии стремительными движениями разминала ее опавшие мышцы.

— Привет, — сказал комиссар, словно случайно проходил мимо и заглянул на огонек. — С возвращением тебя.

— Здравствуйте, комиссар, — обрадовалась Кора. — У меня и на самом деле такое ощущение, будто я провела эти месяцы не в ванночке, а в далеком путешествии.

— Значит, ты была в контакте со своей прапрапрабабушкой? — спросил Милодар. — Это самое важное.

— Да, я была в контакте и не всегда хотела быть в контакте. Но внутренним взором я все время видела, что происходит вокруг Дороти. А это немало.

— Это немало, — согласился Милодар. — Но операцию ты провалила.

— Вы так думаете? — равнодушно спросила девушка. — Тогда я ничем не могу вам помочь.

— Нет, ты скажи, где предметы? Лицо из Эпидавра инкогнито в Монте-Карло мою зарплату проигрывает, а я не могу сказать, где вещи. Полгода ухлопали зазря! Придется тебя гнать. Гнать в шею!

— За что? — спросила Кора, нежась под умелыми руками массивной массажистки. — За то, что я спала в гробу? За то, что я пожертвовала организации полгода моей драгоценной жизни. За что, комиссар?

— Хорошо! — сказал профессор Гродно, который контролировал состояние Кору по приборам. — Реакции адекватные, возбудимость отличная. Физическое состояние мы восстановим через несколько дней.

— А где вещи? — упорствовал комиссар.

— Если я не ошибаюсь, комиссар Милодар, — сказала по-английски Кора, — то вы — последний наш современник, который только вчера держал в руках Зеркало Зла. Где же оно?

— Но ты же знаешь, что это была моя голограмма! Не может же голограмма носить предметы за триста лет.

— С вами, комиссар, никогда нельзя быть уверенной, — возразила Кора. — Я не удивилась бы, если бы вы сейчас достали зеркало из-за пазухи.

Она сказала это так, что все присутствующие в комнате поглядели на комиссара в ожидании, что он вытащит и покажет всем зеркало.

— Простите, — мрачно произнес комиссар, — я не фокусник и голубей за пазухой не таскаю.

— А жаль, — сказала Пегги, давно уже разочарованная в комиссаре. Она назло ему напялила зеленый парик.

Массажистка быстро избилась ребрами ладони спине Кору, и ее руки спустились ниже талии девушки. Комиссар зачарованно следил за руками японки.

— Что же будем делать, комиссар? — спросила тогда Пегги, которой по сути дела не стоило бы вмешиваться в дела полицейские, но за полгода она настолько сжилась с приключениями в восемнадцатом веке, словно сама там жила.

— Да, что будем делать? — повторил вопрос комиссар, поворачиваясь к Коре.

— Будем искать, — ответила Кора. — Вы узнали дальнейшую судьбу моих предков?

— А ты? — спросил Милодар.

— Тогда вы начинайте, — сказала Кора, — а я буду вас поправлять. Ведь я могу лишь чувствовать, правы вы или нет, так как за эти полгода я как бы побывала внутри всех моих предков. Но зачастую я не понимала, с кем имею дело.

— Хорошо, — сказал Милодар. — Пегги, принеси мне кофе, только покрепче.

— Слава Богу, настоящий, — сказала Пегги и пошла в соседнюю комнату, где стояла кофеварка.

— По данным земных архивов, которые далеко не всегда полноценны, за исключением Англии, давшей нам наибольшую долю информации, — произнес Милодар, поглядывая на дисплей карманного справочника. — Некая Мэри Энн Форест зарегистрирована в книгах города Лондона как вдова лесника Фореста. У нее было двое детей.

— Какое великое открытие, — заметила Пегги, ставя перед комиссаром чашку кофе. — Этого мы не знали!

— Пегги, я тебя умоляю! — остановил ассистентку профессор Гродно. — Держи себя в руках.

— Молчу, милый, молчу, — ответила та. — Тебе тоже кофе налить?

Из чего можно заключить, что, разочаровавшись в Милодаре, Пегги возвратилась к профессору.

— Двое детей, Майкл и Дороти. Но после 1804 года следы этого семейства исчезают. Мы даже не узнали, вернулась ли Дороти домой.

— Все правильно, — согласилась Кора. — Моя Дороти и Алекс не решились вернуться в Англию под своими именами. И правильно сделали. Они посетили Лондон, они видели Мэри Энн и Майкла, они рассказали матери о переменах в их судьбе и о том, что теперь она — наследница лигонского престола. Конечно, это нелегко понять лондонской шляпнице, но старый мамин друг Фан подтвердил слова Дороти. Дороти поделилась с матерью своими богатствами, и та, взяв с собой Майкла,

уплыла в Бирму. Сама же Дороти, пожив некоторое время в Лондоне под чужим именем, все же поддалась настойчивым уговорам жениха и уехала с ним в Италию, где они и прожили до тех пор, пока Наполеон не завоевал Польшу. Тогда путь на север был открыт. Когда они приехали в Польшу, то были женаты уже семь лет и у Дороти было двое детей — Тадеуш и Зося. Но здесь в моих чувствах наступает темная полоса... я не все вижу, не все понимаю... Наступает полоса горя, тоски, я чувствую это, но не все понимаю. Мне нужно понять, куда делся Александр Фредро, польский дворянин, владелец имения под Люблином.

Кора замолчала, ей было трудно говорить... все же отвыкла в саркофаге от речей, где слушала более шепот мыслей и шарканье веков.

— Ты говоришь — Александр Фредро? Какой год?

— Примерно 1810 год.

Милодар включил главный информаторий Земли. Польский отдел. Конечно, далеко не все поляки за последние тысячу лет попали в память информатория, но все хоть чем-то выдающиеся персоны в него были занесены.

Ответ на запрос последовал через минуту после того, как Милодар выпил чашку кофе и рассказал Коре о новостях шахмат и тенниса за последние полгода.

— Александр Фредро, майор легиона Домбровского, погиб в Италии в сентябре 1813 года. И все...

— Тогда мне ясно, почему в моем... в ее сознании нет нескольких лет. Для Дороти гибель мужа была столь ужасна, что... не может быть, чтобы он погиб!

И вдруг Кора разрыдалась, прибежал Гродно, велел Пегги принести капли Кошица... появилась медсестра, они все закружились, замелькали вокруг Кору, которую никак не могли вывести из истерики. Затем Милодара выгнали. Испытание памятью оказалось слишком сильным для Кору, она не выдержала его. Гродно потом объяснял комиссару, что срыв случился из-за того, что полгода Кора была связана с Дороти такими тесными мысленными и эмоциональными узами, что разрыв их оказался опасным для психики агента. А известие о ранней гибели отважного штурмана доконало Кору.

В течение двух следующих дней Милодара не допускали до Кору. Лицо из Эпидавра продолжало проигрывать в Монте-Карло, а Милодар подключил большой компьютер, который производил поиски Дороти не только в Польше, но и в других странах. Ему удалось узнать, что через год после смерти Алекса Дороти оставила детей своей свекрови, оставила ей свое богатое имение, разоренное, правда, во время наступления русских войск, и исчезла. Дальнейшая линия наследственности, привела к появлению на свет Кору Орват от Тадеуша Фредро. Что же стало с Дороти, так никто и не узнал.

Но на третий день, когда Кора окончательно пришла в себя, она сама позвонила Милодару и сообщила, что улетает на родину предков. Она постарается отыскать следы Дороти далеко от Польши... И если Милодар хочет, он может сопровождать свою сотрудницу.

— Куда? — спросил Милодар.

— Мною движут сентиментальные соображения, — ответила Кора. — Я видела Лиджи глазами Дороти. Но теперь я хотела бы посмотреть на место сражения мятежников с Эпидавра сама....

— Ты никуда не полетишь без меня! — заявил комиссар. — А я как раз туда собирался.

— Зачем?

— Искать Дороти.

— Значит, вы тоже подумали, что она может оказаться в Лигоне?

— Не полагай себя умнее прочих, — рассердился комиссар. — Я тоже умею рассуждать. Мы знаем, что Дороти исчезла. Исчезнуть ей некуда, кроме одного места. Место, где находится ее мать, ее дядя и брат. Это Лигон. Представь себе — Дороти находится в жуткой депрессии. Она потеряла мужа. Она хочет вернуться на родину, потому что в Польше ей больше делать нечего. Она говорит своей свекрови, что уезжает к маме. А что ей отвечает свекровь? Правильно, свекровь говорит: «Но не вздумай взять детей! Я тебе их не отдам!» Что может сделать Дороти? Она говорит тогда своей нелюбимой свекрови или своим знатным польским родственникам, что съездит к маме и вернется... И уезжает.

— И почему она не вернулась? — спросила Кора.

— Это мы узнаем с тобой через час, — сказал комиссар. — Я назначаю тебе встречу через час в центре города Рангун у пагоды Суле.

— У пагоды Шведагон, — поправила его Кора.

— Шведагон не в центре, — не сдался комиссар, и на этот раз он оказался прав.

Из Рангуна, жаркого, душного, влажного, где комиссар и Кора съели мороженого в кафе у памятника маленькой бирманской женщине Аун Сан Су Чжи, отважно боровшейся сто лет назад за свободу и демократию в Бирме, они вылетели на такси в Лигонскую республику. Вскоре долина, разделенная на квадраты рисовых полей, начала подниматься, холмиться, дальше пошли леса и за несколькими перевалами они спустились в широкой горной долине у городка Лиджи, милого курорта с целебными источниками.

— Узнаешь? — спросил комиссар.

— Нет, — честно призналась Кора, — я слишком давно здесь была. Даже горы стали другими.

Конечно, горы другими не стали, но город был современным и похожим на подобные курорты в Южной Европе, на Гавайях и в Грузии.

Поднятый по тревоге еще из Москвы сотрудник краеведческого музея в Лиджи, Маун Нурия, далекий отпрыск правящей династии лигонских королей, встречал их на центральной площади, куда спустилось такси. Он был молод, робок, но преисполнен гордыни, как все лигонские княжата.

— Я заказал вам обед, сэр, — сообщил он комиссару.

— Некогда, некогда, некогда! — отвечал Милодар. — Нам нужна информация и чем скорее мы ее получим, тем скорее улетим.

— Я не спешу, сэр, — ответил молодой человек, сохраняя чувство собственного достоинства.

— Зато я спешу. Где у вас музей?

— Вы стоите у входа в него.

— Тогда пошли внутрь. Здесь дует.

Считать, что на центральной площади Лиджи дует, было несправедливо. Там не дуло, а пел постоянный

сильный ветер, который скатывался с гор и стремился к океану.

В надежной тишине музея, сооруженного в духе средневековых лигонских построек, правда, не из тикового дерева, а из современного строительного пластика, комиссар потребовал, чтобы его вели в архивы.

— Зачем? — настороженно спросил Маун Нурия из лигонских князей. Ему комиссар совсем не нравился — в тихих горных городах не любят людей, примчавшихся из равнины на диком коне и с громкой боевой песней. А именно таким человеком и был комиссар.

— Мне нужно узнать, нет ли чего-нибудь у вас о Дороти. Дороти Форест она же Дороти Фредро. Она же принцесса Лигона.

— В Лигоне не было принцессы с таким именем, — уверенно возразил молодой человек.

Они шли впереди с Милодаром. Милодар все время мысленно подгонял музейного сотрудника, а тот внутренне сопротивлялся и тормозил, из-за чего продвижение вперед получалось неровным, с толчками и пробегками.

Вдруг их остановил раздавшийся сзади крик Кора.

— Да стойте же! Вам не надо идти в архив.

— Что? — обернулся к ней Милодар. — Что еще?

— Подойдите сюда. Вы узнаете эту женщину? — спросила Кора.

— Оу! — произнес Милодар. — Это она.

Он попытался прочесть написанное под портретом имя средних лет женщины, в которой нетрудно угадать Дороти. Но имя было написано по-лигонски.

— Кто это? — спросил Милодар.

Молодой человек ответил:

— Это королева Лигона Ма Доро. Или как она более известна: До Доро. Это великая женщина и наша героиня.

— Доро... конечно же Доро! — сказала Кора. — Как же я забыла, что здесь ее знают под этим именем.

Дороти почти не изменилась и в то же время изменилась сильно. Она была все так же хороша и так же густы были ее волосы, схваченные серебряным обручем, но глаза смотрели холодно и скулы были туго обтянуты кожей. Это была несчастная и гордая женщина.

— Расскажите о ней! — взмолилась Кора. И она произнесла эту просьбу так искренне, что молодой человек многое ей простил.

— Это наша героиня, — сказал он. — Она родилась и воспитывалась в другой стране...

— В Англии, — вмешался Милодар.

— Допустим, в Англии, — скрепя сердце согласился Маун Нурия, — куда ее мать, королева Ма Эн, попала в молодости...

— Знаем, дальше! — торопил Милодар.

— В начале девятнадцатого века ее мать возвратилась сюда и после гибели на охоте ее брата короля Бо Нурии, великого Чакравартина, Завоевателя Вселенной, разгромившего бирманские армии и пошедшего походом на Сиам...

— Неудачным походом, конечно, — заметил Милодар.

— После его гибели, — молодой человек игнорировал нахального мужчину и обращался только к Коре, — она взяла бразды правления Лигоном и, пока не умерла от лихорадки, отражала набеги сиамцев и бирманцев. Но во время ее последней болезни бирманцы уже вторглись сюда, взяли Лиджи и остатки лигонских отрядов под командованием старого генерала Бо Пиньязотты укрылись в горах. И вот тогда к нам приехала До Доро! Великая дочь лигонского народа... — Молодой человек смахнул набежавшую слезу. — Она собрала лигонцев и племена, она напала на бирманский лагерь, и бирманцы бежали от нее... за десять лет она сделала так много... Так вы лучше прочитайте о ней в книге «Королева Доро — гордая дочь гордого народа», классическом труде о королеве...

— Обязательно прочтем, — согласилась Кора. — А что случилось потом?

— Потом в наши горы пришли англичане. Но они боялись нашу королеву. Они пригласили ее к себе на переговоры и там отравили.

— Неужели?

Молодой человек пожал плечами.

— Эта версия неофициальна. Официально считается, что на обратном пути королева попала в засаду, устроенную бирманцами, и была убита. Но вы ведь знаете, что королева обладала тайнами волшебства. Ни один враг не мог к ней приблизиться незамеченным.

— У нее было зеркало? — воскликнул Милодар.

— Я не знаю о зеркале, — ответил экскурсовод, — но у нее был перстень, который предупреждал об опасности, и у нее был Венец Власти... Когда королева надевала его, ни один враг не мог приблизиться к ней ближе, чем на два шага. Но в ту поездку она его с собой не взяла... Вы, конечно, мне не верите, мне никто из иностранцев не верит, но лигонцы верят в это. Ведь не зря художник нарисовал королеву в венце... Этот венец она принесла из леса, говорят, она знала там место, где сражались гиганты. Вы не верите?

— Верим, верим! — возопил комиссар. — Где этот венец? Что вы с ним сделали, куда вы его выкинули? Как вы его погубили?

— Зачем так говорить? Это сокровище нашего народа. Вон тот венец. Вон он лежит, под бронированным стеклом.

Милодар кинулся к витрине.

Венец Власти, сокровище империи Эпидавр, мирно покоился в витрине.

А Кора, глядя на него, вдруг вспомнила увиденную глазами Дороти сцену в горном лесу — блеск странного металлического кольца на стволе бамбука... Как же Дороти потом догадалась, что этот обруч обладает особенными свойствами? Наверное, первым о том узнал Бо Пиньязотта. Впрочем, Дороти была не глупее меня и, если у нее уже было зеркало, обладавшее особыми свойствами, почему бы ей не искать необычные качества и в других реликвиях битвы звездных людей?

— Мне нужен этот предмет! — заявил Милодар. — Немедленно вызовите директора музея!

— Если вы намереваетесь отобрать у лигонского народа его святыню, то берегитесь, — заявил Маун Нурия, который отлично помнил, что он принадлежит к королевскому роду своей страны. — И сначала вам придется перешагнуть через мой труп.

— Это пустяки, — сказала Милодар, окинув взглядом будущий труп.

— Затем вам, комиссар, — сказала Кора, — придется перешагнуть и через мой труп. Не забудьте, что я тоже наследница трона Лигона.

— Вот именно! — сразу согласился молодой человек. — В вас есть что-то благородное.

— Еще этого не хватало. — Милодар схватился за голову. И он понял, что ко всем прочим осложнениям добавились осложнения историко-патриотические.

Первое слушание дела «Империя Эпидавр против Краеведческого музея королевства Лигон» началось на следующий же день, потому что Лицо империи, узнав о находке в музее от Милодара, тут же разорвало дипломатические отношения с Землей, пригрозило войной на истребление и обещало взорвать к чертовой бабушке все Лигонское королевство.

Лигонские власти в ответ сообщили, что готовы начать мобилизацию ополчения и не боятся происков империи Эпидавр.

Так что судебные действия начались мгновенно, пока еще молчали пушки. А Кора, проснувшись пораньше, полетела в Россию, на Вологодщину, в деревню Пьяный Бор, к бабушке Насте, хранительнице преданий и легенд рода Орватов и породненных семейств.

Милодар сказал, что присоединится к Коре попозже, завершив дела в суде, так как на него теперь выпало и предотвращение галактической войны.

Так что Кора после долгого перерыва попала в родную бабушкину деревню совершенно одна и была этому рада.

Причудливо извивалась речка, расходясь прудом у плотины, некогда там стояла мельница. Дома единственной улицы были обращены к речке огородами, у некоторых возле реки стояли баньки. Кора посадила флаер между сливами, куры разбежались в стороны, гусь Мартин пошел на флаер в атаку, вытянув вперед длинную шею и шипя, как небольшой дракон. Бабушка Настя развешивала белье, она помахала внучке свободной рукой, не прерывая своего занятия, а потом сказала:

— Попьешь на кухне парного молочка, потом почистишь картошки.

— Бабушка! — Кора поцеловала старушку и хотела было объяснить ей, что ее привели в деревню сообра-

жения высокой галактической важности, но бабушка лишь нахмурила брови и Кора покорила, причем покоряться было приятно, потому что вокруг царил тишина, гудели пчелы, чирикали птички и никто не думал о заговорах, войнах и уничтожении иноплеменников.

Кот Колокольчик сладко спал в горнице под столом. При звуке шагов Кору он проснулся и, потрясенный, широко растворил глазищи, от избытка чувств упал на спину — лапы кверху и заурчал, как генератор.

Приласкав котика, Кора вынесла кастрюлю с картошкой на боковое крылечко и, пока бабушка Настя задавала корм домашней птице, спросила:

— Бабушка, у тебя осталось что-нибудь из семейных реликвий?

— Ты потоньше кожуру-то срежай, — ответила бабушка Настя. — И что вообще за дела! Полгода ни слова, ни звонка, ни строки, потом заявляется и с места в карьер — допрос! Где тебя такому учили?

— В полицейском училище, — честно ответила Кора. — Допрос надо начинать тогда, когда ваша жертва к нему не готова, брать надо сразу за рога и гнуть к земле.

— Поняла, моя внученька, — улыбнулась бабушка. — Так где ты пропадала?

— Я вечером расскажу, за традиционным чаем, — сказала Кора. — А сейчас скажи, пожалуйста, нет ли у тебя в сундучке каких-нибудь предметов семейной старины. На тебя вся надежда. Мы обнаружили одну мою прапрапрабабушку, которая умерла в Юго-Восточной Азии, но в музее ее имени ничего не нашли, а найти надо, иначе Эпидавр уничтожит Лигонское королевство.

— Ну, спасибо, объяснила. — Бабушка позволила иронии прозвучать в ее словах. — А что твоя прапрапра делала в этой Юго-Восточной Азии?

— Разумеется, боролась за национальную независимость.

— Ах да, разумеется! У нас в роду все такие. И что она чужого взяла?

— Где-то у нас в семействе должно сохраняться серебряное зеркало на ручке, ну точно такое, какие изображают в сказах о спящей царевне: «Свет мой, зеркальце, скажи!»

— А, — сказала бабушка равнодушно. — Ты, наверное, имеешь в виду Зеркало Зла? Оно лежит на самом дне сундука, чтобы дети не добрались. С ним надо осторожнее, а лучше и вообще не трогать.

— Почему? — спросила, вскакивая, Кора.

— Это зловещая вещь. В ней не отражается человек, который смотрит в зеркало, а отражается его враг. Порой для дипломатических и политических интриг это, может, и полезно, а для нашей тихой, деревенской жизни от такого зеркала один вред. Ну посмотрю я в него и увижу в нем Гаврилу, Гаврилу Тихоновича, который на меня скалится. А он потому на меня скалится, что мой теленок его мичуринские помидоры сжевал. Если я поверю зеркалу, то придется мне брать бластер и проделывать в Гавриле три пробоины. Но разве это по-соседски?

— Ой, бабушка, хитрая ты у нас! — воскликнула Кора и исчезла в доме. А бабушка Настя, покормив птиц, тоже пошла в дом, чтобы ставить обед в печку.

Кора стояла на коленях перед сундуком. На кровати и стульях лежали старинные юбки, буденовка, парасоль, мундир кавалергарда, гимнастерка с тремя шпалами и маленькими танками в петлицах, тельняшка, матроска и много различных одежд, которые накопились за сто, а то и больше лет... Не нужно, а выбрасывать жалко. Кора так засмотрелась на одежды, что забыла, зачем она залезла в сундук. Так что когда в избе возникла голограмма комиссара Милодара и спросила громко:

— Ну, нашла ты что-нибудь или опять пустой номер?

Кора испуганно вскочила, вспомнила, зачем она здесь, и начала рыться в сундуке, как собака в куче листьев в поисках убежавшей полевки. Зеркало Зла было обернуто в старые кружева и Кора чуть было не выкинула трофей в общую кучу. Но Милодар уловил блеск потемневшего серебра и коршуном ринулся к зеркалу.

Тогда и Кора увидела зеркало.

Она взяла его и заглянула внутрь. Там клубился белый дым и виднелось неясное лицо...

— Кто там? — спросил Милодар, заглядывая через плечо.

— Ах, так... один человек, — сообщила Кора. — Только я не думала, что он такой злопамятный.

— Говори, кто!

— Гавриков из Управления транспорта. Я ему еще семь месяцев назад твердо сказала, чтобы он ни на что не рассчитывал.

— Значит, плохо сказала, — ответил Милодар и попытался, опять же безрезультатно, отобрать зеркало.

— Я завтра вернусь домой, — сказала Кора. — И не спорьте, комиссар. Ничего с зеркалом не случится.

— Ни в коем случае!

— Могу же я получить один выходной за полгода!

— Ты полгода валялась и ничего не делала!

— Повалитесь с мое, комиссар! — твердо ответила Кора, положила зеркало на видном месте и пошла переодеваться. Она полгода мечтала погулять по лугам в белом сарафане.

Конечно же Милодар тем же вечером прислал фельдъегеря с охраной для изъятия Зеркала Зла. Бабушка взбунтовалась. И хотя была она человеком ангельского характера, встала на защиту рубежей подобно былинным богатырям, потому что считала, что зеркало — фамильная ценность семейства Орватов и не дело Коре разбазаривать то, что нажито предками.

Ночью Милодару пришлось явиться в истинном виде.

Он долго стучался в дом, перебудил всю деревню. Полкан, тот самый, который принадлежал Гавриле, чуть не разорвал его.

Уже забрезжил рассвет, когда комиссар покинул деревню с зеркалом в цепкой руке. Бабушка Настя плакала в курятнике, Кора ушла в поле.

Пели соловьи. Им тоже не спалось.

Кора уже не в первый раз в жизни разрывалась между долгом и чувством справедливости, между любовью к справедливости и любовью к родным пенатам.

— Обойдемся, — сказала Кора бабушке, возвратившись с полей.

Вставало мокрое от росы солнце. Соловьи пошли спать, уступив сцену малиновкам.

— Не зеркало важно, а принцип, — сказала бабушка. — Если можно у гражданина отобрать вещь, моти-

вируя изъятие интересами отечества, то куда мы завтра придем?

— Трудно ответить, — сказала Кора.

— Тогда я пойду Маруську доить, — сказала баба Настя, — а ты приберись, вымой пол, поставь самовар.

Когда утренние заботы были позади, бабушка и внучка сели за стол завтракать. Было тепло, котик Колокольчик улегся у ног Кору. За окном пастух вел стадо к лесу, Маруська сама открыла рогами калитку, чтобы присоединиться к товаркам.

— Меня беспокоит твоя беззащитность, — сказала баба Настя. Хоть я и забыла, честно говоря, об этом зеркале, но я бы о нем обязательно вспомнила. Не сегодня-завтра, как только прошел бы приступ малярии. Теперь поздно. Кто-то другой воспользуется сокровищами нашего семейства.

— Честно говоря, наши сокровища родом из Эпидавра. Только их мятежники украли лет триста назад, а потом передрались и все бросили на Земле.

— Вот я и говорю, — согласилась бабушка. — Не надо было бросать. Что с возу упало, то пропало...

Бабушка не допила чай и пошла в угол, к своей заветной шкатулке, где хранились любимые мелочи — незаменимый наперсток, бусы, купленные к совершеннолетию, запонки дяди Матфея, жемчужные пуговицы, украшения, некоторые из них поломанные.

— Должна быть еще одна штучка, — сказала баба Настя, вываливая барахло на стол.

Кора включила телевизор. Колокольчик подошел к телевизору и уселся возле него. Он любил смотреть новости.

Показывали забастовку шахтеров, аварию корабля у Паталипутры, речь президента по поводу повышения минимальных пенсий ветеранам...

— Вот! — воскликнула бабушка. — Лет двадцать как забыла! И не нужно нам с тобой зеркало, если есть колечко... Это колечко мне досталось от моей бабушки, и надеюсь, никакие пришельцы не будут на него претендовать. Кому нужно такое незаметное колечко...

Баба Настя протянула Коре скромное серебряное колечко с розовым камешком, почти сровнявшимся с кольцом от долгого ношения.

— Стой! — Кора вспомнила колечко. Оно же было на пальце Дороти! А попало к ней от загадочного человека, фокусника Фана, который привез его в Лондон из Лигона... Дороти глядела на камешек, не потемнел ли он... Почему? Потому что камень темнел, когда приближалась опасность. А что означает Перстень Угрозы? Впрочем, а не лучше ли забыть о том, где ты видела и что ты видела...

В новостях начался следующий сюжет:

Отлет с Земли Лица империи Эпидавр. Лицо, возможно опухшее после бурных ночей в Монте-Карло (физиономии все равно не разглядишь), выражает искреннюю признательность сотрудникам лаборатории Генетической памяти Института Номер Шесть (крупный план профессора Гродно и лукаво улыбающейся желтоглазой Пегги), а также руководству ИнтерГпола и в частности комиссару Милодару (улыбка Милодара, шевелюра Милодара, но глаза прикрыты черной планкой — чтобы кто-нибудь не узнал). Теперь исторические реликвии (крупным планом Зеркало Зла и Венец Власти) обретут своих законных хозяев. Подробности в вечернем выпуске новостей...

— О тебе ни слова, — сказала баба Настя. — И ты после того отдашь им колечко?

— Оставляю себе на память, — согласилась Кора. — Мало ли какие мне встретятся в жизни угрозы...

Колокольчик широко зевнул. Потом напрягся, вытянулся в воздухе, сиганул стрелой в открытое окно и умчался в лес — охотиться на лис и зайцев.

— Хоть недельку побудешь? — спросила баба Настя.

— К сожалению, — ответила Кора, — отпуск за этот год я уже отгуляла.

— Где?

— Я проспала его, в саркофаге.

— Понимаю, — сказала баба Настя. Она и не пыталась разгадать шуток внучки. — Тогда пойд и прополи клубнику. Перед соседями стыдно.

Булычев Кир
Б90 Зеркало зла: Роман. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1996. — 397 с.

ISBN 5-218-00063-9

Удивительные приключения героев романа Кира Булычева: схватки с пиратами, морские сражения и битвы на суше — происходят одновременно в будущем и в XVIII веке.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание

Кир Булычев

ЗЕРКАЛО ЗЛА

Роман

Редактор Л.И. Глебовская

Художественный редактор А.И. Моисеев

Технический редактор Л.И. Витушкина

Корректор Т.И. Медведева

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 18.12.96.

Формат 84 × 108^{1/2}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.

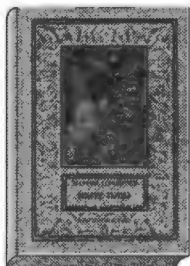
Уч.-изд. л. 21,34. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3200

Торгово-издательское объединение «Центрополиграф»
127018, Москва, Октябрьская ул., 18

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валовая ул., 28

СЕРИЯ

«КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» (РАМКА)

Приключения, фантастика, вестерн, детективы для юношества и взрослых.

Не одно поколение юных читателей «выросло» на широко известной серии — «библиотека приключений и научной фантастики» (рамка), выпускавшейся издательством «Детская литература». Продолжая лучшие традиции книгоиздания, «Центрполиграф» приступил к выпуску полюбившейся серии, сохраняя традиционную «рамку». Серия открывается выпуском полного собрания фантастических произведений Василия Головачева.

В.Головачев «Черный человек» (кн.1, кн. 2)

В.Головачев «Демон»

В.Головачев «Реликт» (том.1, том 2, том 3)

В.Головачев «Вирус тьмы»

В.Головачев «Утечка информации»

В.Головачев «Заповедник смерти»

В.Головачев «Смерш-2»

В.Головачев «Разборки третьего уровня»

В.Головачев «Перехватчик»

Ю.Тупицын «Дальняя дорога»

Ю.Тупицын «В дебрях Доль-Гей»

Ю.Тупицын «Инопланетянин»

А.Маклин «Пушки крепости Навароне»

А.Маклин «Золотое рандеву»

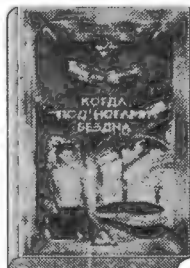
А.Маклин «Остров Медвежий»

А.Маклин «Страх отпирает двери»

- Л.Ламур** «Ситка»
Л.Ламур «Одинокие боги»
Л.Ламур «Походный барабан»
Л.Ламур «Чертова гора»
Л.Ламур «С попутным ветром»

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.
 Цена одной книги 16800-17900 руб.

СЕРИЯ «СТАЛЬНАЯ МЕЧТА»

«Стальная мечта» — это фантастика Нового Поколения. По страницам романов рука об руку разгуливают андронды и родовитые аристократы, надгигантскими мегаполисами встает кровавая заря Последних Имперских Войн, а по тесным улочкам экзотических городов разгуливают компьютеризованные зомби. «Стальная мечта» — это межзвездные войны и путешествия к неизведанным планетам, головокружительные приключения в далеком будущем и динамичный сюжет, развивающийся с быстротой скачущего табуна мустангов. В серию вошли лучшие романы блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких, как **Ян Бэнкс**, **Джордж Алек Эффинджер**, **Джон Броснан**, **Джо Холдман**, **Ян Макдональд**, **Черил Фрэнклин** и другие. В России ранее не издавались.

- Я.Бэнкс**
Дж.Эффинджер
Е.Ворон
Д.Холдман

- «По ту сторону тьмы»
 «Когда под ногами бездна»
 «Ангелы-хранители работают без выходных»
 «Миры обетованные»

- Д.Холдман** «Миры запретельные»
Д.Холдман «Миры неукротимые»
Дж.Эффинджер «Огонь на солнце»
Дж.Броснан «Небесные Властелины»
Дж.Броснан «Падение Небесных Властелинов»

- Е.Ведомская** «Звездные хранители»
В.Шатнер «Войны ТЭК»
В.Шатнер «Месть ТЭК»
В.Шатнер «Власть ТЭК»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.
 Цена одной книги 15300-15500 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

РУССКИЙ ТРИЛЛЕР

СЕРИЯ «РУССКИЙ ТРИЛЛЕР»

Частные детективы и воры в законе, спецслужбы и мафия, политики и «новые русские». Это темы острых криминальных сюжетов книг известных мастеров российской остро-сюжетной прозы и восходящих звезд, за которыми будущее: Эдуарда Хруцкого, Василия Головачева, Анатолия Степанова, Василия Веденева, Алексея Дроздецкого, Данила Корецкого, Андрея Молчанова, Петра Катериничева, Александра Ушакова и других авторов...

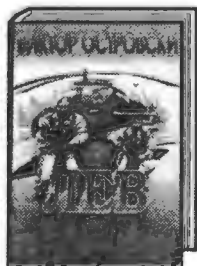
В. Веденев
В. Веденев
В. Веденев
Л. Гурский
Л. Гурский
П. Катериничев
А. Ушаков
А. Ушаков
А. Ушаков
Д. Корецкий
Д. Корецкий
В. Сухиев
А. Степанов
А. Молчанов
А. Молчанов
А. Турин
В. Головачев
Э. Хруцкий
А. Кивинев
А. Кивинев
А. Кивинев
Е. Месяцев
Е. и Л. Ивины
А. Первушин
С. Смирнов

«Лабиринт»
 «Дикое поле»
 «Бальзам Авicenны»
 «Убить президента»
 «Перемена мест»
 «Редкая птица»
 «Крестные братья»
 «Цветы лотоса в грязном пруду»
 «Криминальный экспресс»
 «Пешка в большой игре»
 «Антикиллер»
 «Убийство в общих интересах»
 «Любить и убивать»
 «Падение Вавилона»
 «Схождение во ад»
 «Фюрер Нижнего Мира»
 «Разборки третьего уровня»
 «Полицейский»
 «Танцы на льду»
 «Охота на крыс»
 «Кошмар на улице Стачек»
 «Последний козырь»
 «Откровения секретного агента»
 «Операция «Герострат»
 «Вспомнить все»

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400–500 стр.

Цена одной книги 15000–20000 руб.

Виктор Островски ЛЕВ ИУДЕИ

Тайная деятельность израильских спецслужб, связь сирийских террористов с восточногерманской разведкой, охота на политических противников, интриги, убийства... И на этом мрачном фоне любовь, связавшая на всю жизнь офицера израильской спецслужбы и дочь сирийского террориста. В этом романе все реально — обстоятельство действия и прототипы героев, их язык и чувства. Не меньше сюжета интригует биография автора. Канадец Виктор Островски стонвится секретным агентом Моссад — наиболее эффективной и таинственной из спецслужб мира. Спустя годы он уходит из нее, разочаровавшись в ее целях и методах.

На русском языке роман публикуется впервые.

Твердый переплет, суперобложка, формат 135 x 210 мм, объем 348 стр.

Цена книги 12500 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

СЕРИЯ «МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА»

Издательство продолжает выпуск традиционной серии «Мастера остросюжетного романа». В сборниках серии «МОР» выходят остросюжетные популярные романы всех жанров: детективы, полицейский боевик, ужасы, триллер. Самые популярные произведения всемирно известных авторов: Роберта Ладлэма, Дэвида Моррелла, Сары Парецки, Пола Вилсона, Шона Хатсона, Вильяма Каунитца, Томаса Перри и других.

Э.Ластбейдер
Д.Осборн
Д.Кайл
Р.Маккаммон
Р.Ричардсон
Д.Моррелл
Д.Моррелл
Р.Хилл
Р.Рид
А.Макнейл
Ш.Хатсон
Ш.Хатсон
Ш.Хатсон
Л.Гоуф
С.Соломита
Э.Бруно
Э.Бруно
Ф.Керр
Р.Миллер
Дж.Керис
П.Вилсон
С.Парецки
С.Парецки
С.Парецки
Т.Перри
Р.Ладлэм
Р.Ладлэм
Э.Шах
Э.Бруно
П.Вилсон
Р.Ладлэм
П.Вилсон
П.Вилсон

«Французский поцелуй»
 «Убийство в долине Нейпы»
 «Комиссар его величества»
 «Час волка»
 «Книга мертвого гения»
 «Испытание»
 «Пятая профессия»
 «Прах и безмолвие»
 «Одержимый»
 «Ночной дозор»
 «Наемный убийца»
 «Тени зла»
 «Жертвы»
 «Случайные смерти»
 «Взмах ножа»
 «Плохие парни»
 «Грязный бизнес»
 «Берлинская ночь»
 «Тень в камне»
 «Заколдуй меня»
 «Замок»
 «Смертельный удар»
 «Заказное убийство»
 «Приказано убить»
 «Ученик мясника»
 «Тайна личности Борна»
 «Превосходство Борна»
 «Оборотни»
 «Психопат»
 «Апостол зла»
 «Патрульные Апокалипсиса»
 «Ночной мир»
 «Могила»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 400–700 стр.
 Цена одной книги 2000–16800 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
 105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

СЕРИЯ**Книга-почтой****«МАСТЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»**

Хроники подлинных исторических событий, мемуары и легенды — все переплетено и сосуществует на страницах романов широко известных зарубежных и отечественных авторов: Алана Саваджа — «Повелительница львов», «Османец», «Могол», «Королева ночи»; Майкла Болдуина «Разорение Лангедока», Маргарет Джордж — «Мария королева Шотландии и Островов»; Эйдзи Ёсикавы — «Тайко», «Десять меченосцев». Открывается серия романами Алана Саваджа «Восемь знамен» и «Последний знаменый», которые проникнуты неповторимым колоритом традиций и нравов Китая времен правления могущественной династии Цинь.

А. Савадж	«Восемь знамен»
А. Савадж	«Последний знаменый»
А. Савадж	«Османец»
А. Савадж	«Королева ночи»
А. Савадж	«Могол»
А. Савадж	«Повелительница львов»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500–700 стр.
 Цена одной книги 17000–19000 руб.

СЕРИЯ «АДАМ И ЕВА»**ЛИНДА ГУДМЕН «Двенадцать Таинств Любви» в 2-х книгах**

Бог сотворил Адама и Еву, Мужчину и Женщину, каждый из них мечтает встретить «Женщину своей мечты» и «Героя своего романа». Как найти свою палавину? Как не потеряться в огромном мире, как не пройти мимо человека, дарованного судьбой?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в произведениях серии «Адам и Ева». Серия открывается двухтомником талантливой писательницы и астролога Линды Гудмен «Двенадцать Таинств Любви», известной российскому читателю по бестселлеру «Знаки Зодиака или астрология с улыбкой». «Двенадцать Таинств Любви» — результат многолетнего и всестороннего исследования Линдой Гудмен человеческой личности в связи с влиянием космических сил как на взаимоотношения представителей разных полов, так и всего общества в целом.

Объем первого тома — 585 стр., второго — 460 стр. Формат 135 x 210 мм. Твердый целлофанированный переплет.
 Цена двухтомника 40000 руб.

Бетти Иди**ОБЪЯТЫЕ СВЕТОМ**

Что влечет нас к рассказам о «загробной жизни»? Свидетельства людей, переживших свою смерть? Бетти Иди — американская индианка, мать восьми детей и бабушка восьми внуков, в возрасте 31 года дважды побывала там, «где начинается чудесная и неповторимая экскурсия по загробной жизни», и описала свое состояние в книге «Объяты светом». Книга, ставшая бестселлером, дает захватывающее, романтическое и детализированное описание событий, которые происходят с человеком после смерти.

Мягкая обложка, карманный формат, объем 300 стр.
 Цена 7700 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
 105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

СЕРИЯ «ОСИРИС»

Книга-почтой

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 500 стр.
Цена одной книги 19000—20000 руб.

По многочисленным просьбам любителей фантастики «Центрполиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной поклонникам фантастики. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких, как Р. Желязны, К. Саймак, Э. Гамильтон, Р. Хайнлайн. Продолжат лучшие традиции издания фантастики, «Центрполиграф» удивит читателя новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких, как Норман Спинрад, Деймон Найт, Томас Диш, Филип Дик и другие.

- М. Муркок** «Бегство из сумерек»
- Н. Спинрад** «Стальная мечта»
- Ф. Дик** «Мастер вся Галактики»
- Д. Найт** «Билет куда угодно»
- Ф. Дик** «Лучший друг Бога»
- Д. Найт** «Сумерки людей»
- Э. Маккефри** «Ровена»

СЕРИЯ «МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500—600 стр.
Цена одной книги 17000—20000 рублей.

Увлекательные мифологические сюжеты, сказочные персонажи, традиционная тема борьбы Добра со Злом, раскрываемая на материалах наиболее популярных древних народных саг, доставляет истинное удовольствие любителям сказочной фантастики. Серия открывается циклом Летописи Шаннары американского писателя Терри Брукса — широко известного мастера фэнтези. Вы попадете в сказочную страну Четырех Земель — мир, который вместе с людьми населяют гномы, тролли, эльфы, дварфы. Они сражаются со злобными тварями призрачного мира, грозящими уничтожить Мир. Здесь есть и верная дружба, и предательство, и любовь...

- Т. Брукс** «Меч Шаннары»
- Т. Брукс** «Эльфийские камни»
- Т. Брукс** «Песнь Шаннары»
- Т. Брукс** «Потомки Шаннары»
- Т. Брукс** «Друид Шаннары»
- Т. Брукс** «Королева эльфов Шаннары»
- Т. Брукс** «Талисманы Шаннары»
- Д. Дункан** «Розащий клинок»
- Д. Дункан** «Изгой»
- Д. Эддингс** «Часовые Запада»
- Д. Эддингс** «Влостелин мургов»
- Д. Эддингс** «Повелитель демонов из Коронды»
- Д. Эддингс** «Колдунья из Даршивы»
- Д. Эддингс** «Келльская пророчица»

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ в 3-х книгах

Фантастические повести для детей младшего и среднего возраста

Английский писатель Т. Пратчетт, лауреат почетной Британской литературной премии, входит в число лучших сказочных писателей мира. В его книгах «Угонщики», «Землекопы», «Крылья» описаны удивительные приключения номов — крошечных существ величиной не более 4 дюймов, когда-то, случайно, прилетевших на Землю с далекой Звезды. Тонкий юмор, своеобразный взгляд персонажей на человечество доставят истинное удовольствие и взрослому читателю.

Твердый целлофанированный переплет, формат 210 x 300 мм, объем 80—120 стр.
Цена трехтомника 72000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

СЕРИЯ «МАСКАРАД»

Завораживающие романтические истории, великосветские интриги, любовные страсти и трагические семейные драмы, увлекательна и ярко описанные на фоне реальных исторических или современных событий — в Англии, Шотландии, Америке и Франции, — несомненно вызовут живой интерес у читателя.

В серию войдут лучшие любовно-исторические романы зарубежных авторов, блистательных исторических романистов, таких, как Диана Гейблдон, Виктория Хольт, Сара Харрисон, и Полное собрание сочинений уже известной нашим читателям Джорджетт Хейер.

Э.Энтони	«Орлы летают высоко»
Э.Энтони	«Виктория и Альберт»
Д.Гейблдон	«Чужестранка» (кн. 1, 2)
Д.Гейблдон	«Стрекоза в янтаре» (кн. 1, 2)
Дж.Хейер	«Оковы страсти»
Дж.Хейер	«В омуте любви»
Дж.Хейер	«Порочная невинность»
Дж.Хейер	«Запретные желания»
Дж.Хейер	«Опасный маскарад»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 210 мм, объем 500 стр.
 Цена одной книги 15100—15700 руб.

СЕРИЯ «КОРОЛЕВА ЛЮБВИ»

«Королева любви» — серия лучших любовных романов, признанных во всем мире самыми утонченными книгами о любви. Главная особенность серии — авторы только женщины. Английские и американские писательницы: Р.Пильчер, М.Уэй, Л.Пик, С.Сил, Б.Нилс, К.Блэр и другие — элита мировой беллетристики, впервые издаваемой на русском языке. Раскрыв романы, читатель окунется в завораживающую Вселенную Любви. Они особенно завоюют сердца читателей, ибо женщины всегда мечтают о сказке и видят себя героинями романов, в которых настоящие Мужчины совершают безумные поступки во имя прекрасных Дам.

Р.Пильчер	Сладкие объятия
Э.Мэтер	В тени красных жасминов
Э.Мэтер	Колдовская страсть
Дж.Донелли	В плену грез
К.Блэр	Исполнение желаний
Дж.Арбор	Любовь на Рейне
Д.Смит	Только ты
Л.Пик	Любовь и грезы

Мягкая обложка, карманный формат, объем 300 стр.
 Цена одной книги 6500 — 6900 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
 105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

РЕКС СТАУТ

Первое полное собрание сочинений на русском языке в 22-х томах

Великий американский мастер детективной прозы Р. Стаут подарил любителям детективного жанра блестящую пору образов — классического сыщика Ниро Вулфа и его помощника Арчи Гудвина. Впервые, наряду с бессмертной согой о Ниро Вулфе, в полном объеме и в лучших переводах представлены авторские сборники повестей, прежде неизвестные в нашей стране. Рекс Стаут — это немеркнущая писательская слава!

том 1	Фер-де-ланс
том 2	Снова убивать
том 3	Через мой труп
том 4	Умолкнувший оратор
том 5	И быть подлецом
том 6	Три двери к смерти
том 7	Тройной риск
том 8	Золотые пауки
том 9	Черная гора
том 10	Умри как собака
том 11	Смертельный плагиат
том 12	Остров входит в меню
том 13	Роковые деньги
том 14	Прово умереть

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500 — 600 стр.
Цена одного тома 19500—20000 руб.

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ

Полное собрание сочинений в 23-х томах

Наиболее полное и верное собрание сочинений Джеймса Хедли Чейза на русском языке (89 романов и сборник рассказов). Издательство «Центрполиграф» обладает эксклюзивными правами на русское издание произведений этого выдающегося английского писателя, чьи произведения пользуются самой большой популярностью в России, как и во всем мире.

том 1	Мертвые молчат
том 3	Ловушка
том 5	Свидетелей не будет
том 6	Он свое получит
том 8	Клубок
том 9	Гроб из Ганкэнга
том 11	Итак, моя милая
том 12	Запах денег
том 13	Без денег — ты мертва!
том 14	Роковая женщина
том 15	Поверишь этому — поверишь всему
том 16	Я хотел получить миллион
том 20	Лиса в капкане
том 21	Осторожный убийца
том 23	Дело о наезде

Принимаются заявки на полное собрание сочинений

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм. Объем 480—650 стр.
Цена одного тома 19000—21000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ЯН ФЛЕМИНГ

Полное собрание сочинений в 5 томах

Кто не знает Джеймса Бонда — агента 007 британской секретной службы? В него играют мальчишки, многочисленные игрушки и головоломки изображают Бонда и его захватывающие приключения. Сегодня он всемирно известен благодаря миллионным тиражам книг его автора и кино- и видеофильмам. Приключения Бонда поставили их автора — Яна Флеминга, бывшего репортера агентства Рейтер, в ряд наиболее читаемых писателей современности.

Том 1	Казино Руаяль
Том 2	Из России с любовью
Том 3	Голдфингер
Том 4	На секретной службе ее величества
Том 5	Разглашению не подлежит

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.

Цена одного тома 16000 руб.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДNER

Полное собрание сочинений в 40 томах

Э.С. Гарднер (1889—1970) — великолепный мастер американского детектива, создатель блестящей серии из 100 романов об энергичном и ловком адвокате Перри Мейсоне, мастере лихо раскрывать в ходе судебного разбирательства самые головоломные преступления.

том 2	Прокурор бросает вызов
том 4	Дело о немом партнере
том 7	Дело сердитой девушки
том 8	Дело об игральных костях
том 9	Двойная страховка
том 10	Топор отмщения
том 11	Прокурор расследует убийство
том 12	Дело о незадачливом женихе
том 13	Счет девять
том 14	Дело о разведенной кокетке
том 15	Дело беглой медсестры
том 16	Дело о хитроумной ловушке
том 17	Дело о смертоносной игрушке
том 18	Рыба ушла с крючка
том 19	Дело супруга-двоеженца
том 20	Дело о сумасбродной красотке
том 21	Беспечный Амур
том 22	Дело магазинной воровки
том 23	Сумочка авантюристки
том 24	Одинокая наследница

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 600 стр.
Цена одной книги 16200 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО «Аплодисменты»

Проснувшись однажды знаменитой, сразу после выхода на экран фильма «Карнавальная ночь», Людмила Гурченко мгновенно завоевала сердца миллионов людей. Что было дальше? Как жилось? Что думалось? Как выжилося? Ответом на эти вопросы стала книга. Это легкий, летящий монолог актрисы. Иногда он веселый, иногда горький. Но за каждой строчкой огромная любовь к своему Отечеству, вера в него. Именно они помогли Гурченко пронести свою сущность сквозь все испытания славы и бессловием, помогли ей сохранить свое лицо. Узнаете вы его и в этой книге.

Твердый переплет, суперобложка, подарочное оформление, формат 145 x 220 мм, объем 400 стр.
Цена одной книги 22300 руб.

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ «Возвращаясь к самому себе»

Известный деятель отечественного театра, народный артист России Михаил Ульянов сыграл в своей жизни множество рлей. Главным образом — это выдающиеся исторические деятели: императоры, короли, главы государств, полководцы — Гай Юлий Цезарь, Ричард III, Наполеон I, Владимир Ленин (были Киров и Сталин), Георгий Жуков и многие, многие другие. Но коков этот человек, Михаил Ульянов, вне сцены, в своем будничном бытии, что он думает о театре и о его проблемах, своих друзьях — актерах, бесконечно преданных своему делу, о встречавшихся на его пути политических деятелях — очень известных и мало известных. Каковы, наконец, его мысли о нашей, такой непростой жизни, прошлой и настоящей. Обо всем этом читатель может прочитать в новой книге выдающегося актера «Возвращаясь к самому себе».

Твердый целлофановый переплет, формат 135 x 210 мм, объем 308 стр.
Цена одной книги 17850 руб.

Б.М. Поюровский, А.А. Ширвиндт «Былое без дум»

«Былое без дум» — это мемуары, написанные в форме диалога двух друзей, знаменитого актера Александра Ширвиндта и известного искусствоведо Борисо Поюровского, начивших свою сознательную жизнь в начале 50-х годов, в самом расцвете зстоя, как теперь принято называть это время. На страницах книги, которую можно назвать юмористическими заметками на полях собственной жизни, авторы увлекательно, с присущим им юмором показывают театральную жизнь страны, свое восхождение по ступеням театрального мастерства рядом с корифеями и молодыми мастерами театрального искусства, такими, как Р.Плят, Ю.Любимов, М.Захаров, И.Смоктунувский, В.Васильева, А.Миронов, М.Державин, Ю.Беляев, С.Мишулин. В одном из разделов книги, названом «Телефонная книжка», авторы с необычайной теплотой и искренностью рассказывают о прославленных деятелях российского театрального искусства — А.Арканове, А.Бурове, З.Гердте, Г.Горине, Л.Лосеве, Э.Рязанове, Н.Шпиллер и других.

Твердый целлофановый переплет, формат 135 x 210 мм, объем 308 стр.
Цена одной книги 22300 руб.

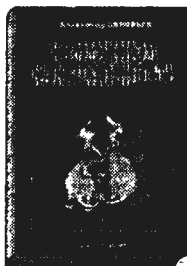
Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва; а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ

Имя русского писателя и ученого А.А. Зиновьева хорошо известно отечественному читателю. Бывший нош соотечественник, живущий в Германии, на основе многолетнего научного (а не идеологического) исследования общественного строя в СССР и на Западе изложил свое понимание сущности коммунизма и западнизма в книгах «Коммунизм как реальность», «Кризис коммунизма» и «Запад».

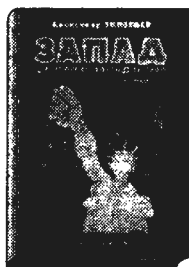
«Коммунизм как реальность» «Кризис коммунизма»

«Коммунизм как реальность» (1980) и «Кризис коммунизма» (1990), основные социологические работы автора, широко известны на Западе. Книге «Коммунизм как реальность» присуждена престижная премия Алексиса де Токвиля. Книгу оценили как выдающееся научное открытие в социологии, как труд, доющий истинное представление об общественном строе в СССР. Сам автор не разделяет коммунистических взглядов, не приемлет коммунизм как общественную систему, в своих рассуждениях о коммунизме категоричен и порой даже резок, многие его оценки покажутся читателям спорными и в чем-то даже неприемлемыми. Книги, несомненно, заинтересуют отечественного читателя.

Твердый переплет, суперобложка, формат 135 x 210 мм, объем 461 стр.
Цена книги 8000 руб.

«Запад»

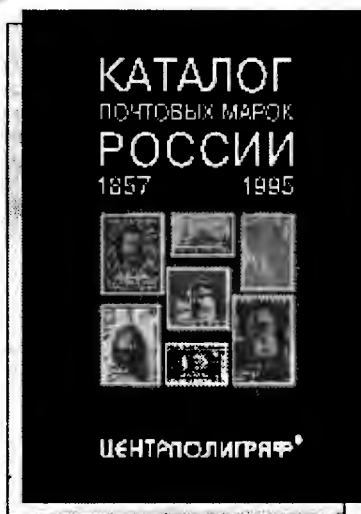

Автор мастерски воспроизводит точный и живой образ Запада. В книге дается широкая панорама разных сторон жизни современного западного общества, глубоко анализируется его экономика, политика, культура. Широко освещая сам «феномен западнизма» (понятие, введенное в научный оборот автором), А.А. Зиновьев помогает нам найти ответ на жгучий вопрос времени: что такое современный Запад? «Сверхчеловеческое общество», «лучший из миров»? Или «общество душевнобольных», «царство преступников»? Обнажая «язвы благопопучия» Запада, автор пытается увидеть его близкие и дальние перспективы и этим помогает предостеречь, что ждет нашу страну, пытающуюся вступить на трудный путь вхождения в западную цивилизацию.

Твердый переплет, суперобложка, формат 135 x 210 мм, объем 495 стр.
Цена книги 11800 руб.

В нашей стране книги издаются впервые.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

КАТАЛОГ ПОЧТОВЫХ МАРОК РОССИИ (1857—1995)

Впервые в русскоязычной филателистической литературе в рамках одной книги вместе с марками РСФСР и СССР дана информация о марках Российской Империи (1857—1917). Впервые после 1984 года в одной книге изложен материал о марках СССР за 1981—1991 годы и марках Российской Федерации с 1992 по 1995 год. В каталоге напечатаны высококачественные черно-белые изображения марок и блоков — около 7 000 иллюстраций, приведены цены марок, адекватные конъюнктуре филателистического рынка.

*Твердый переплет, формат 170 x 240 мм, объем 474 стр.
Цена 131284 руб.*

*Заказы принимаются по адресу:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, д. 15
телефон для справок: (095) 273-14-47*

*Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.*

В.В.ПОХЛЕБКИН,

Книга-почтой

международно признанный знаток кулинарного искусства

«Поваренное искусство и поварские приклады»

В книгу вошли работы, опубликованные ранее и написанные специально для этого издания.

Хорошо питаться — это не значит употреблять дорогие деликатесы и есть сытно и много.

Хорошо питаться — это значит регулярно есть горячую и разнообразную по составу пищу из самых обычных продуктов. О том, как наладить правильное питание, как сделать пищу вкуснее с помощью приностей, специй и приправ, поведает читателю эта книга.

«История важнейших пищевых продуктов»

Историческая кулинария — жанр не совсем обычный, но очень занимательный. Как из простой лепешки получился коровой хлеба?

Когда в Европе сварили первую чашечку кофе? Какие блюда подавали на Пасху в монастырях в XVI веке?

Книга приглашает совершить увлекательное путешествие в историю самых популярных в нашей стране напитков — чая и водки. Нередко приходится слышать словосочетания «русский чай» и «русская водка». Но что значит чай, заваренный по-русски? И почему только водка из России — настоящая русская водка?

«Национальные кухни наших народов»

Книга знакомит читателей с историей национальных кухонь народов нашей страны, с подробной характеристикой, особенностями, технологическими приемами каждой из них. Основное содержание книги составляют рецепты приготовления национальных блюд.

«Кулинарный словарь»

Словарь дает объяснения и толкования по всем категориям терминов, относящихся к области кулинарии: ее истории, теории, практике, продуктам, кухонной утвари, столовой посуде, инструментарию, видам очага, а также некоторые рецепты приготовления оригинальных блюд. Словарь дополнен автором новым материалом специально для «Центрполиграф».

«Из истории русской кулинарной культуры»

Что едят герои русской классической драматургии? Каковы кулинарные вкусы их создателей?

Ужин Митрофанушки и завтрак Хлестакова. Обед Крылова и пирושко Грибоедова. Великий гастроном Александр Пушкин. Кулинарные ошибки героев Чехова...

Захватывающий рассказ о театре, о тайнах русской кухни, о характере русского народа.

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат 135 x 210 мм, объем 500 стр. Цена каждой книги 22000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

Супербестселлер
Валерия Приемыхова
«КРЕСТОНОСЕЦ»

Валерий Приемыхов — талантливый сценарист, режиссер, актер — широко известен по фильмам «Холодное лето пятьдесят третьего...», «Милый, дорогой, любимый», «Пацаны» и др., лауреат государственных премий России, ряда зарубежных стран.

Роман **«КРЕСТОНОСЕЦ»** написан автором на основе сценария одноименного фильма.

Группа профессиональных каскадеров, участвующая в съемках фильма в Турции, сталкиваясь с мафией, попадает в лабиринт событий, связанных со смертельным риском.

Герой романа **Александр Конов** — **крестоносец** — карает зло, идет до конца в стремлении разоблачить подлость и предательство.

*Твердый целлофанированный переплет,
формат 134 x 210 мм, объем 480 стр.
Цена книги 18500 руб.*

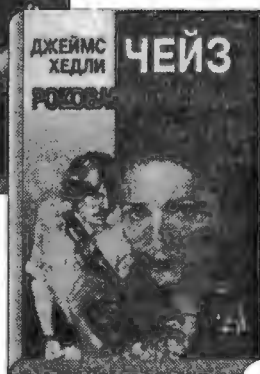
*Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.*

ДЖЕЙМС ХЕДЛИ ЧЕЙЗ

Заслуженная награда всем поклонникам творчества Джеймса Хедли Чейза!
Новая встреча с полюбившимися героями романов писателя.

**Удобный карманный формат
Низкие цены**

Вы платите меньше — и выигрываете!

Издательство «Центрполиграф» обладает эксклюзивными правами на русское издание произведений этого выдающегося английского писателя, чьи романы пользуются самой большой популярностью как в России, так и во всем мире.

**Теперь любимый
писатель всегда с Вами!**

**Мягкий переплет, формат 110 x 165 мм.
Цена 7500 — 8000 руб.**

*Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.*

ВПЕРВЫЕ!

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ИЗДАЕТСЯ

«БИБЛИОТЕКА АМЕРИКАНСКОГО КЛУБА СОБАКОВОДСТВА»

(AMERICAN KENNEL CLUB)

*Лучшие книги о собаках, написанные ведущими
специалистами США*

Сегодня, когда страну зохластнуло волна преступности и насилия, книга известных американских дрессировщиков, супругов К.Ф. и Д. Дьюет, будет полезна всякому, кто решит завести собаку служебной породы для защиты себя и своей семьи. Авторы подробно рассказывают о том, как нужно правильно выбрать, воспитывать и дрессировать собаку, если мы хотим доверить ей нашу безопасность, и дают множество ценных советов на все случаи жизни. Приводится ряд подлинных историй об охранных собаках.

Здесь есть все, что нужно знать любителям этой породы, — до и не только этой! — от истории немецкой овчарки до ее современных стандартов, от правильного кормления и воспитания щенка до дрессировки собаки. Отдельные главы посвящены выставкам, испытаниям, соревнованиям, судейству и мнгому другому. Специалисты-кинологи считают эту книгу наиболее полной и авторитетной.

Новый, самый полный справочник по ветеринарии, написанный простым и доступным языком. Вы не можете позволить себе роскошь остаться без этой книги. Пусть у Вас есть десять книг по ветеринарии — забудьте про них и купите эту.

Дает подробное описание 134 современных пород собак, а также советы, как правильно подобрать и вырастить щенка, воспитать собаку. Целый раздел, написанный специалистами Пенсильванского университета, посвящен здоровью Вашей собаки, включена глава по оказанию первой помощи.

Книги «Библиотеки американского клуба собаководства» продаются в специализированных и зоомагазинах г. Москвы, по адресам:

Зоо «Скворецы» Новинский б-р, 22	291-41-40	Зоо «Эль» Сретенский б-р, 5	924-45-57
Зоо «Эльга» ул. Ибрагимова	369-50-85	Зоосалон ул. Вековая, 21	278-23-89
ВВЦ, пав. «Ветеринария»	181-91-47	ВВЦ, пав. «Животноводство»	181-40-29
Зоо «На Кузнецком» Кузнецкий мост, 17	921-26-49	Клуб «Элита» ул. Вятская, 41	285-81-54
М-н «Урожай» ул. Садово-Черногрязская, 5/9	975-47-49	«У КиСа» Цветной б-р, 11	921-65-65

а также во всех крупных книжных магазинах г. Москвы и магазинах-складах издательства «Центрополиграф». Телефон издательства: 273-14-47

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрополиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, ВОРОНИНОЙ Е.С.

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, Ворониной Е.С.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда	г. Москва, а/я 55	
Кому	ВОРОНИНОЙ Е.С.	
		Индекс предприятия связи и адрес отправителя 680011 г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.
<small>Помните индекс предприятия связи места назначения</small>		<small>Мин. связи России. Издательств «Мир», 1992 З 105870. ИИФ Госзнак 11 56 и</small>

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа

Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТ МАГАЗИН-КЛУБ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирис», «Винчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: *Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака*, а также внесерийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентации книг «Центрполиграф» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие диспуты;
- обмен мнениями.

В магазине-клубе «Центрполиграф» книголюбы смогут не только ознакомиться с новинками издательства, но и приобрести понравившуюся книгу, оформить подписки на собрания сочинений, ознакомиться с перспективными планами «Центрполиграф».

В книжном клубе можно высказать свои замечания по уже вышедшим книгам и предложения по издательской политике.

Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — это книги из рук издательства, а значит, низкие цены.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресу:

Москва, ул. Октябрьская, дом 18; тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68

